♦

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

7

♦

Москва 2006

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

7

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Москва
2006

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК (выпуск седьмой)
М., 2006, 490 стр.

Ответственный редактор **А.О.Филоник**

ISBN 5-89394-164-0

Сборник включает работы российских и арабских авторов из различных научных центров России и содержит разнообразные исследования по странам Востока

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-164-0

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Н.А.Кожанов
МИНИСТЕРСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО) ДЖИХАДА. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ (1979–2005 гг.)..... 5
Н.С.Глебова
КОРОЛЕВСТВО САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ..... 21
П.А.Рассадин
МАРОНИТСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОМ ЛИВАНЕ..... 45
Н.С.Губанов
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРЕЦКО-ГЕРМАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ..... 60
В.В.Сергеев
ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА..... 73
В.В.Сергеев
О ПОЛИТИКЕ ПАКИСТАНА В АФГАНИСТАНЕ ДО И ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. ... 79
Т.В.Евсейчик
НОВЫЙ «ЕВРОПЕЙСКИЙ КВАРТЕТ» И «СТАРЫЕ» БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ..... 85
А.Н.Захарченко
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИЗРАИЛЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ..... 97
М.Б.Беленькая
ПАЛЕСТИНСКИЕ ВЫБОРЫ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 105
М.А.Михайлов
СТАМБУЛЬСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА..... 122
В.Н.Юрченко
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ..... 131
П.Н.Мамед-заде
СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АРЕ В НАЧАЛЕ XXI в. 148
Н.А.Филин
ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА..... 159
Ю.О.Прудникова
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКИХ БАНКОВ В НЕМУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ (на примере Великобритании)..... 178
И.С.Касимова
ТУРЦИЯ И ЕС: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ОТНОШЕНИЙ (2004–2005 гг.)..... 199
Н.Ю.Сурков
ПОЛИТИКА США ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 207

К.Р.Матюшин
НЕФТЕПРОВОД БАКУ-ТБИЛИСИ-ДЖЕЙХАН КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ..... 217
И.А.Свистунова
О РОЛИ НЕФТЯНОГО ФАКТОРА В ИРАКСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ..... 226
М.В.Алёхин
НОРМА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (НА РУБЕЖЕ XX – XXI вв.)..... 237
С.Н.Кузнецов
ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: «ВСЕПОГОДНАЯ ДРУЖБА»..... 243
О.А.Ишмухаметов
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ ИРИ В 90-е ГОДЫ: МНОЖЕСТВЕННЫЙ ВАЛЮТНЫЙ КУРС..... 268
Атмаджа Мердан
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И США В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА..... 276
С.Н.Саруханян
США И ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА..... 284
Д.И.Кобызев
ИЗРАИЛЬ И ИНДИЯ: ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА..... 297
И.М.Батыршин
МЕСТО СТРАН СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НА МЕНЯЮЩЕМСЯ РЫНКЕ НЕФТИ..... 321
Ю.С.Кудряшова
КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНАЯ САМОБЫТНОСТЬ ТУРЦИИ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ЕЕ ВСТУПЛЕНИЮ В ЕС..... 338
А.И.Гаджаев
МАШИНОСТРОЕНИЕ ТУРЦИИ: ВЫХОД НА МИРОВОЙ РЫНОК..... 352
А.С.Таланов
МИССИЯ ООН И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ..... 368
А.Шелест
ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ..... 379
П.Н.Мамед-заде
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЕГИПТА В АФРИКЕ И АЗИИ..... 398
О.А.Зыкова
ПОСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПЛАН РАЗМЕЖЕВАНИЯ С ПАЛЕСТИНЦАМИ..... 414
Н.В.Мохов
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АЛЖИРА: ПРИЧИНЫ СТАБИЛЬНОСТИ..... 425
А.Шелест, П.Синовец
ПОЗИЦИИ США И ЕС ОТНОСИТЕЛЬНО РЕШЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗНОГЛАСИЯ..... 445

Н.А.Кожанов

МИНИСТЕРСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО) ДЖИХАДА. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ (1979–2005 гг.)

В период с 1979 по 2005 гг. Иран пережил Исламскую революцию 1979 г., ирано-иракскую войну (1980–1988), экономический кризис, вызванный падением цен на нефть в 90-х годах. Эти события определяли жизнь общества и государства, формировали гибкую систему административных и экономических отношений, целиком направленную на удовлетворение нужд и потребностей, определенных текущей социальной, политической и экономической ситуацией в стране и вокруг нее. Немаловажное место в этой системе отводилось сельскому хозяйству. Значимым является тот факт, что институты[1], с помощью которых иранские власти регулировали развитие аграрного сектора страны, созданные или задуманные преимущественно в первые годы существования ИРИ, видоизменялись в ходе своего развития, адаптируясь сначала в условиях войны и революции 1979–1989 гг., потом в нестабильной экономической ситуации 90-х годов, в конечном итоге выйдя на современный уровень.

На примере Министерства созидательного джихада (МСД) мы постараемся показать, как вооруженный конфликт и социальные потрясения влияли на тот инструментарий, который государство использовало для регулирования и укрепления экономики страны, прежде всего аграрного сектора.

Западные исследователи, оценивая аграрную политику в Исламской Республике Иран в 1979–2005 гг. как «неадекватную», ссылаются на историю деятельности этого министерства и подчеркивают, что:

во-первых, МСД, не имея своих четко определенных задач, дублировало функции ряда министерств, таких как Министерство сельского хозяйства, Министерство образования и куль-

туры, Министерство путей сообщения, в результате чего значительно возрастали трансакционные издержки;

во-вторых, особенно в период с 1986 по 1988 гг. в МСД усилилась роль бюрократии, за счет чего этот институт оказался малоэффективным;

в-третьих, созданное на основе религиозной догматики МСД с самого начала своего существования являлось одним из идеологических центров, распространявших идеи исламской революции внутри страны и способствовавших росту фанатизма масс;

в-четвертых, несмотря на всю внешнюю идеологическую атрибутику, МСД было в сущности «псевдоисламским» министерством, поскольку его основой был европейский тип организации.

Эти заявления весьма спорны.

Первый этап развития (1979–1983). В 1979 г. перед новой исламской республикой и ее руководством во главе с имамом Хомейни первостепенной задачей стояла проблема развития аграрного сектора страны как залога ее независимого существования и выживания в условиях враждебного окружения. Для успешного решения задачи Иран обладал одним преимуществом, которого не имели его соседи, – высоким моральным подъемом народных масс. При умелой организации их энергетика могла быть направлена на выполнение самых важных задач, одной из которых являлся подъем сельского хозяйства. Объединить людские ресурсы в условиях исламской революции могла лишь организация построенная на религиозной догматике и риторике, свободная от бюрократии, характерной для свергнутого режима династии Пехлеви. Таким институтом стала Организация созидательного джихада (ОСД), основанная в 1979 г.[2]

ОСД являлась новой революционной структурой, которая могла появиться и развиваться лишь в условиях революции, войны и исламского правления. По иранской официальной версии, эта организация была создана по инициативе самого имама Хомейни[3]. В соответствии с ее первым уставом ОСД основывалась на трех принципах.

Во-первых, ***принцип джихада***. В этом случае он понимался в широком смысле, с точки зрения доктрины «великого» или «большого» джихада, основанной на некоторых высказываниях пророка Мухаммада (570–632), приводимых в хадисах («мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к джихаду великому»[4]). Под большим джихадом традиционно понимаются

усилия человека, направленные на внутреннее совершенствование или на достижение определенных целей ради самого муджахида или уммы. При этом значимость большого джихада не меньше значимости войны за веру и может даже превосходить ее. Хотя последнее утверждение по сей день вызывает споры среди мусульман. Сторонники превосходства войны за веру над внутренним самосовершенствованием цитируют следующие слова Мухаммада: «Один день войны более ценится Богом, чем целый месяц поста»[5]. В качестве контраргумента традиционно приводятся следующие высказывания пророка: «Муджахидом является лишь тот, кто сражается ради Аллаха с собственной душой»[6] и «Не тот силен, кто может победить многих, истинной силой обладает тот, кто способен сдерживать свой гнев»[7].

Во-вторых, ***принцип шура*** (участия, совещательности). Идея участия членов организации в ее управлении уходит своими корнями в исламскую восточную традицию. Она связана как с совещательными органами, создававшимися при дворах правителей, так и с кочевыми обычаями. Однако по своему содержанию, особенно на первом этапе существования организации, советы, из которых строилась ОСД, отличались от исламской традиции тем, что их участник не только свободно высказывал свое мнение, но и влиял на принимаемое решение. Из идеи совещательности вытекал следующий принцип ОСД.

В-третьих, ***принцип свободы***. Участие в управлении ОСД на всех ее уровнях большинства своих членов придавало организации гибкость и способность незамедлительно реагировать на насущные проблемы. Тем самым возводилась прочная преграда, препятствующая бюрократизации данного государственного института.

Первоначально структура организации выглядела следующим образом. Головной орган ОСД располагался в Тегеране и представлял собой совет из пяти человек (четырех экспертов и представителя имама Хомейни). Совету подчинялись отделы организации, находившиеся на уровне останов и городских округов. Каждый отдел имел управляющий совет, исполнительный комитет и оперативные группы, состоявшие из экспертов. Также существовали различные комиссии, выполнявшие наблюдательные, управленческие и плановые функции. Наиболее важные решения принимались головным офисом, но вопросы, связанные непосредственно с ситуацией на местах, решались на низовом уровне. Таким образом, представитель-

ства ОСД по всему Ирану имели относительно автономный статус. Сама ОСД обладала межведомственным статусом и была подотчетна ряду министерств, в том числе, Министерству сельского хозяйства. Духовный лидер Ирана также имел при этой организации своего представителя, что позволяет предположить наличие больших надежд, возлагаемых правительством страны на ОСД.

Исходя из насущной необходимости выживания страны в условиях враждебного окружения, была сформулирована цель ОСД – мобилизация потенциала масс для их внутреннего совершенствования и развития аграрного потенциала. Основным направлением воздействия выбирался аграрный сектор экономики Ирана. Работа велась в двух направлениях в соответствии с двуединым принципом большого джихада (напряжение на благо человека и общины): ОСД поручалось духовное развитие земледельца (прежде всего в идеологическом плане[8]), а также подъем самого сельского хозяйства. Иногда ОСД выступала и как инструмент борьбы с противниками исламского режима на селе или при решении внутренних разногласий по вопросам развития аграрного сектора экономики. Например, во время перераспределения земельной собственности в период аграрных преобразований 1979–1980 гг.[9]

Для того, чтобы ОСД не дублировала функции Министерства сельского хозяйства, их задачи, хоть и не весьма четко, были разделены. Министерство занималось развитием отраслей аграрного сектора экономики, в то время как ОСД работала над созданием необходимой для него инфраструктуры[10].

Поставленные задачи ОСД продолжала выполнять и в первые годы войны. Осуществление их шло успешно. В 1982–1983 гг. в меджлисе ИРИ обсуждался новый устав, в соответствии с которым ОСД не только приобрела новые функции, но и изменила свой статус.

Второй этап развития (1983–1986). В первые годы войны (1980–1983) важность аграрного сектора, некогда заявленного как наиболее значимый для нового иранского государства, отошла на второе место после начала военных действий. Во многом это объяснялось всеобщей эйфорией и ожиданием, что победа ИРИ над Ираком близка. В результате чего заявлялась вторичность любых целей за исключением успешного ведения боевых действий. Гражданские министерства финансировались по остаточному принципу и должны были в любой момент предо-

ставить часть своих средств на военные нужды. К 1982–1983 гг. иранское руководство, возможно, осознало, что война принимает затяжной характер и выиграть ее (а именно к этому стремился духовный лидер Ирана имам Хомейни) без долгосрочного планирования экономики будет невозможно.

К 1983 г. Бюджетно-плановой организацией Ирана был разработан первый пятилетний план республики на 1983–1988 гг. Значительную часть программы 1983 г. составляли меры по подъему сельского хозяйства, центральное место среди которых занимала доктрина продуктовой самодостаточности[11]. Сама идея самодостаточности не нова. Она была провозглашена еще до 1979 г. в период правления Мухаммада Реза-шаха Пехлеви. Эта доктрина также не является «изобретением» лидеров ИРИ. Например, до иранского духовенства такая задача была поставлена перед экономикой Японии, где, несмотря на все требования ВТО, политика продуктовой самодостаточности (особенно в отношении риса) осуществляется и по сей день. Однако в Иране в 80-х годах эта доктрина получила особое, отчасти сакральное, звучание.

Впервые продуктовая самодостаточность была заявлена не как вопрос престижа или свободы от империализма, а как вынужденная необходимость. Главной целью достижения самодостаточности было обеспечение независимости страны от импорта, а также попытка создать альтернативный нефти источник поступления инвалюты в страну. Для активизации народных масс этой доктрине придавался военно-религиозный смысл, которым ранее окрашивались только военные действия. Вскоре подобный идеологический окрас перешел и на сельское хозяйство. Самодостаточность представлялась не просто залогом победы, но и основой для успешного распространения идей исламской революции[12]. Уже в послевоенное время в несколько измененном виде мысль о необходимости развития аграрного сектора Ирана и достижения независимости от импорта пищевых продуктов была заложена в первый пятилетний план ИРИ (1990/91–1994/95 гг.)[13].

Реализация доктрины продуктовой безопасности придает ОСД новое значение. Важность ОСД возрастает по двум причинам:

во-первых, возникла необходимость новой, еще большей мобилизации масс, основанной на идеологии исламской революции;

во-вторых, к 1983 г. реструктуризация Министерства сельского хозяйства не принесла ожидаемых результатов. Как и в пе-

риод Мухаммада Реза Пехлеви, оно представляло из себя бюрократический аппарат, интересы которого были весьма далеки от нужд сельского населения. В этой ситуации наиболее легким решением оказалось создание нового министерства.

В результате в 1983 г. функции ОСД были значительно расширены, а она сама получила статус министерства. С этого момента МСД исполняло обязанности, которые ранее вменялись нескольким министерствам, таким как Министерство сельского хозяйства, Министерство транспорта и Министерство культуры. В его задачи входило развитие сельской инфраструктуры (строительство дорог, ирригационных систем, возведение объектов социального назначения – школ, мечетей, госпиталей), помощь крестьянам в развитии земледелия, животноводства, создание технической и материальной базы для удовлетворения нужд крестьян. Под контролем МСД оказались потоки финансовой помощи, т. к. оно участвовало в распределении среди крестьян финансовых кредитов и трансфертов. Так, еще ОСД к июню 1982 г. смогла собрать и направить на благотворительные нужды около 1622 млн. риалов[14].

Основная культурная деятельность министерства была направлена на ликвидацию неграмотности на селе, идеологическую работу с сельским населением. Активно проходила работа по подготовке инженеров для фронта. Ряд усилий был направлен на стимулирование выпуска необходимой для фронта продукции. Осуществлялась помощь Бюджетно-плановой организации в сборе сельхозстатистических данных и разработке программ дальнейшего развития иранской деревни.

В период с 1983 по 1986 гг. наметилась тенденция к бюрократизации аппарата. Этому способствовало изменение самого статуса организации и расширение его функции. Министерство как организационная форма подразумевало более централизованную структуру, чем та, что имелась в ОСД. Хотя определенные попытки сохранить принцип свободы и совещательности были. В частности, меджлис Ирана при поддержке Совета стражей исламской революции отверг инициативу, по которой возглавлять МСД должен был совет, а не министр[15]. Официальным аргументом для такого решения послужило то, что в соответствии с иранской конституцией министерство должно возглавляться министром. Совет стражей также настаивал на том, что система советов, принятая еще в ОСД, не совсем соответствует исламскому понятию «шура». По своему смыслу

они были ближе революционным анджоманам. На самом деле, возможно, парламент и правительство Ирана считали, что им будет легче призвать к ответственности и потребовать отчета от одного человека, чем от членов совета. После получения статуса министерства МСД потеряло свой прежний межведомственный статус и стало подчиняться непосредственно иранскому правительству.

В то же время МСД была оставлена внутренняя свобода, т.к. ее значимость для адекватного выполнения поставленных задач была велика. Инструкции для своих структурных отделений министерство разрабатывало само. Важен и тот факт, что на пост министра МСД был назначен Намдар Зангане (род. 1952)[16]. По своему образованию гражданский инженер, активный участник событий Исламской революции 1979 г., он принимал активное участие в создании и деятельности ОСД и хорошо знал эту организацию. Последнее предопределило его назначение на пост министра 24 февраля 1983 г. (он занимал этот пост вплоть до 21 июля 1989 г.).

Третий этап развития (1986–1988). Последние два года вооруженного конфликта с Ираком оказались для Ирана и его руководства наиболее тяжелыми. Война приняла бескомпромиссный, тотальный характер, когда обе стороны беспощадно уничтожали друг друга. Кроме того, к 1988 г. возникла потенциальная угроза вовлечения в конфликт США и Саудовской Аравии. Экономика страны была напряжена до предела, и еще большую важность (по сравнению с предыдущими годами) приобрел вопрос продуктовой независимости. В этой связи в 1986 г. был разработан десятилетний план продуктовой безопасности на 1987–1997 гг. Однако его выполнение оказалось под угрозой. Все ресурсы Ирана были направлены на достижение скорейшей победы.

В этих условиях в МСД происходят новые изменения. Его функции еще больше расширяются. Они охватывают не только развитие сельской инфраструктуры, но и развитие всей инфраструктуры внутри страны и вне ее. В управлении МСД находятся отдельные отрасли сельского хозяйства (животноводство, пчеловодство, рыбная отрасль). В области земледелия министерству была поставлена задача повысить урожайность стратегических культур (особенно пшеницы и ячменя), а также возродить земли, в том числе пострадавшие в ходе боевых действий.

Все эти хозяйственные задачи вытекали из нужд войны. В 1986–1988 гг. непосредственно военные функции были также поручены МСД. Оно занималось борьбой со шпионажем в сельских районах, обеспечивало нужды фронта в необходимой продукции. Так как министерство контролировало ряд финансовых потоков, направляемых в аграрный сектор, оно стало заниматься обеспечением нужд армии и в деньгах.

Принимая во внимание тот факт, что в начале ирано-иракской войны главной задачей ОСД были работы по развитию сельской инфраструктуры, руководство страны целиком возложило на плечи МСД создание военных инженерных подразделений. К 1986 г. возможности министерства были настолько велики, что в течение пяти дней оно смогло развернуть и отправить на фронт до 80 инженерных батальонов и обеспечить нужды 100 дивизий в инженерном обеспечении. Стандартной функцией МСД было также строительство полевых мечетей, госпиталей, центров по ремонту боевой техники. Не был забыт и тот факт, что предшественница МСД – ОСД – некогда создавалась, в том числе, и для идеологической работы с массами. В ее задачи входила подготовка боевых отрядов смертников, вербовка добровольцев и обучение офицерских кадров (вплоть до морских офицеров).

К 1988 г. МСД превращается в аппарат, целиком и полностью сосредоточенный на обеспечении военных нужд. Оно стало государством в государстве. О том, какая власть оказалась сконцентрирована в руках одного министерства, говорит тот факт, что в меджлисе перед окончанием войны всерьез обсуждались вопросы о поглощении этим министерством Министерства сельского хозяйства и разрешении МСД не отчитываться в своих финансах перед меджлисом. Однако, в том числе благодаря окончанию боевых действий против Ирака, такие решения приняты не были.

С завершением в 1988 г. ирано-иракской войны и со смертью в 1989 г. духовного лидера Ирана имама Хомейни начался новый период истории страны, а вместе с этим и всех ее институтов, в том числе и МСД. Подводя итог первого десятилетия существования МСД (1979–1989 гг.), можно сказать, что на развитие этого института оказали влияние три основных фактора.

Во-первых, ***ситуация,*** сложившаяся в аграрном секторе экономики страны, потребовавшая от руководства ИРИ во главе с имамом Хомейни незамедлительной реакции для вывода

из кризиса иранского сельского хозяйства. Одной из принятых мер (в частности, по инициативе духовного лидера Ирана[17]) было создание в 1979 г. ОСД как организации, лишенной недостатков бюрократизированного Министерства сельского хозяйства, направленной на развитие инфраструктуры села. Гибкость структуры ОСД, быстрая реакция организации на возникающие насущные потребности на фоне растущих нужд аграрного сектора и неспособности Министерства сельского хозяйства их удовлетворить способствовали расширению функций ОСД и повышению статуса структуры до министерской.

Во-вторых, ***приход к власти в Иране в 1979 г. духовенства,*** которое в первые годы существования ИРИ активно пыталось претворить в жизнь теоретическую модель идеального общества справедливости, построенного на исламских нормах поведения и мусульманской традиции, примененных к современным реалиям общества[18]. Это проявилось и на примере трех основных принципов организации ОСД, которые позже унаследовала и МСД. Надо отметить, что они сыграли свою положительную роль в работе организации, чего нельзя сказать о всех мерах иранского руководства в первые годы существования ИРИ (1979–1985), направленных на введение исламских принципов (в частности, ими оправдывалось возрождение института издольщины).

В-третьих, ***ирано-иракская война (1980–1988)*** и вызванный этим конфликтом и революцией 1979 г. мощный ***подъем социальной активности*** в Иране. Они потребовали мер, способных не только организовать этот подъем масс, но и направить его на удовлетворение военных нужд. Во многом именно этим объясняется та концентрация полномочий, которая оказалась в руках МСД к 1989 г.

За период с 1979 по 1989 гг. МСД прошло долгий путь развития от организации, необычной для иранского государственного аппарата, построенной на основе исламских норм поведения и совещательных принципов, до министерства со значительной концентрацией власти (Таблица).

Четвертый этап развития (1989–2000). Этот этап развития МСД совпал с началом новой экономической политики иранского руководства во главе с президентом ИРИ Хашеми Рафсанджани (род. 1934)[19] и его преемником на этом посту Мохаммадом Хатами (род. 1942)[20], направленной на постепенное видоизменение идей тоухидной экономики и приведение их

в соответствие с требованиями мировой экономики, построенной на основе рыночных принципов.

К 1989 году переход к рыночной экономике оказался необходим. Созданная в 1979–1989 гг. экономическая система с сильным государственным регулированием позволила укрепиться и просуществовать исламскому режиму в течение 10 лет, подавить внутреннюю оппозицию и выстоять в тяжелейшей ирано-иракской войне. В то же время этот период для иранской экономики можно характеризовать как время упадка. Характерным является тот факт, что положительные тенденции роста ВВП на душу населения стали проявляться лишь с конца 80-х годов и составили в период с 1988 по 1998 гг. 3% в год[21]. Рост социального напряжения в результате ухудшения экономической ситуации усугублялся практически двойным увеличением численности населения.

Рост народонаселения увеличил разрыв между ВВП и уровнем потребления, обозначив явные недостатки иранской доктрины самодостаточности[22] и определив новые тенденции, влияющие на развитие институтов государственного регулирования экономики в ИРИ.

Во-первых, ирано-иракская война 1980–1988 гг. с момента ее завершения перестала быть влияющим фактором. Это вместе с относительным потеплением отношений Ирана с внешним миром в начале 90-х годов привело к тому, что страна с 1989 г. стала открываться для внешнего мира. Это позволило руководству ИРИ постепенно отказаться от того, чтобы держать страну в постоянном напряжении.

Во-вторых, психологический подъем масс иранского населения, начавшийся в 1979 г., к 1989 г. пошел на спад. Трудовые ресурсы страны требовали уже не только умелой организации со стороны руководства, но и доступной мотивации, которая уже не могла основываться только на религиозных призывах.

В-третьих, с приходом в 1989 г. Х.Рафсанджани на пост президента ИРИ среди иранской правящей элиты окончательно укрепляется прагматичный подход к управлению страной, определяемый экономическими интересами, а не религиозными догматами.

В планах развития сельского хозяйства страны экономические интересы диктовали следующие направления: восстановление ущерба, нанесенного боевыми действиями[23]; сокращение издержек, как производственных, так и трансакционных (в том

числе и государственные расходы на регулирование аграрного сектора); дальнейшее развитие аграрного сектора экономики страны с целью достижения продуктовой самодостаточности и продвижения иранской сельхозпродукции на внешние рынки.

Перед руководством страны встала задача реструктуризации МСД, прежде всего для сокращения управленческих издержек. Обсуждалось два возможных варианта изменений: слияние МСД и Министерства сельского хозяйства, или ослабление концентрации власти, сосредоточенной в руках МСД. В итоге был выбран второй путь. Выбор был обусловлен опасением, что слияние приведет к еще большей бюрократизации МСД. Также для послевоенного Ирана важна была максимальная концентрация усилий на восстановлении инфраструктуры страны (прежде всего сельских регионов) и активизации участия масс сельского населения в экономической жизни страны. Объединение министерств, возможно, привело бы к расширению функций нового органа и, как следствие, распылению усилий. Не способствовал преобразованиям и экономический кризис, разразившийся в конце действия первого (1990/91–1994/95 гг.), начале второго пятилетнего плана ИРИ (1995/96–1999/2000 гг.).

В рамках первого пятилетнего плана ИРИ было проведено несколько реструктуризаций МСД (1990, 1993 гг.). В целом их можно охарактеризовать как попытку вернуться к модели организации МСД, существовавшей в период 1979–1986 гг., сократить задачи, стоящие перед министерством, до связанных непосредственно с сельским хозяйством. Преобразования были направлены на ослабление концентрации власти, предоставление большей инициативы низшему звену организации, более широкое привлечение масс населения к участию в деятельности организации, вывод из-под непосредственного управления министерства производственных организаций, разграничение функций МСД и Министерства сельского хозяйства.

Учитывая прежний опыт МСД и цели, сформулированные в первом пятилетнем плане ИРИ, задачи, которые пришлось решать министерству, можно разделить на следующие группы:

1. Развитие сельской инфраструктуры. Это основная задача МСД, для выполнения которой и создавалась организация. В этой области министерство к началу реализации первого пятилетнего плана ИРИ уже успело себя зарекомендовать. К 1990 г. оно уже сумело увеличить втрое (по сравнению с 1980 г.) количество обеспеченных питьевой водой и электричеством дере-

вень, проложить 52 тыс. км дорог[24]. Задача развития сельской инфраструктуры осталась за МСД и после его реструктуризации в 1990 и 1993 гг. Так, в бюджете МСД 1992/93 гг. 88 млн. долл. (132 млрд. риалов) отводилось на развитие инфраструктуры. Из них 55% направлялось на инвестирование в развитие системы водного обеспечения (35% всего бюджета), строительство сельских дорог (14%) и электрификацию (4%)[25].

2. Развитие трудовых ресурсов и привлечение сельского населения к активному участию в развитии экономики страны. Эта задача была второй по значимости после развития инфраструктуры. Отделы, занимавшиеся ее реализацией, находились на каждом уровне управления (штабквартира в Тегеране, представительства в останах, шахрестанах, дехестанах). На низшем уровне она была представлена организованными при МСД агентствами по сельскому развитию, сельскими исламскими советами, сельскими библиотеками. Основной задачей этих заведений было распространение знаний о современных методах ведения сельского хозяйства, введение обучающих программ и привлечение сельских жителей к участию в экономической жизни страны (в основном через систему кооперативов). Для выполнения этих целей в руках у МСД был весь арсенал СМИ: теле-, видео-, радио- и печатные средства. Показателен тот факт, что при этом министерстве для села выпускались три журнала, каждый для строго определенной аудитории (элиты, управленцев среднего звена и для основной массы сельских жителей). Главной движущей идеей программ, проводимых МСД, являлась необходимость пробудить частную инициативу в крестьянах.

3. Управление отдельными отраслями сельского хозяйства (животноводство, лесное хозяйство, рыбная отрасль, поддержка кочевого хозяйства), развитие сельхозпромышленности. Это направление деятельности разрабатывалось еще с 1984 г., когда при МСД стали проводиться исследования по развитию традиционного (ковроткачество) и малых форм кустарного производства. В соответствии с этими планами МСД должно было создать подконтрольные ей фирмы, которые предоставили бы сельскому населению рабочие места и стали бы дополнительным источником доходов для министерства. Реализация проекта официально началась в 1987 г. К 1993 г. МСД обеспечило рабочими местами около 74 тыс. человек[26]. В течение первого пятилетнего плана ИРИ МСД планировало

еще больше увеличить количество предприятий и число занятых на них людей[27].

4. Проведение исследований, планирование. При МСД в 90-е годы находилось 4 центральных исследовательских института, в которых было занято около 1,5 тыс. человек. Еще 3 тыс. работали в провинциальных исследовательских центрах[28].

Эффект от преобразований МСД был неоднозначен. МСД освободили от решения военных задач (хотя орган, ответственный за мобилизацию остался). За пределы организации были выведены второстепенные, в плане реализации основных целей, подразделения. Это привело к концентрации внимания на задачах, связанных непосредственно с сельским хозяйством (в первую очередь инфраструктура). В то же время возросла роль самого МСД (что было обусловлено важностью возложенных на него функций), увеличились проходящие через это министерство денежные потоки, имевшие целевое назначение, а следовательно возросла роль бюрократии. На 1993 г. в МСД работало 80 тыс. человек, ежегодный бюджет организации составлял не менее 300–400 млн. долл. Из них приблизительно три четверти направлялось на инвестиции[29]. Для сравнения: в Министерстве сельского хозяйства на тот момент работало около 68 тыс. служащих, а его бюджет составлял 140 млн. долл.[30]

Нерешенной осталась наиболее важная проблема: разграничение полномочий МСД и Министерства сельского хозяйства. Эта проблема существовала с первых дней образования МСД (1983 г.). Однако наиболее остро она встала после преобразований 1990–1993 гг., когда функции МСД свелись непосредственно к вопросам, связанным с сельским хозяйством. Задачи двух министерств пересекались в области исследований, планирования, развития аграрного сектора. Размежевание отраслей сельского хозяйства между ними также было не всегда оправданным. Однако оба министерства имели свои специфические черты, из-за чего роспуск одного из них не решал бы проблемы. В результате третий пятилетний план ИРИ (2000/01–2004/05 гг.) предполагал слияние МСД и Министерства сельского хозяйства, которые образовывали Министерство сельскохозяйственного джихада (МСХД)[31]. После продолжительных дискуссий это произошло в 2001 г. (1379 г.).

Пятый этап развития (2001–2005). Граница этого этапа обозначена условно. Развитие МСХД продолжается. Ряд полномочий этого министерства оказался сокращен. Другим мини-

стерствам были переданы функции, связанные с развитием дорожной системы, снабжением электричеством, водным обеспечением, сельским благоустройством[32]. В то же время основными задачами МСХД остаются развитие аграрного сектора экономики ИРИ, природных ресурсов страны и села[33].

В составе МСХД находятся управления по водным и земельным ресурсам, земледелию, скотоводству, садоводству, планированию и экономическим вопросам, развитию человеческих ресурсов, сельскому развитию, землепользованию. Ему подчинены организации: земельная; сельскохозяйственных исследований и образования; лесов и пастбищ; чая; защиты растений; ветеринарии; по делам кочевников. В ведении МСХД также находится центральная организация кооперативного движения на селе.

Ныне министерство не утратило своей важности. Помимо того, что оно подотчетно правительству и парламенту ИРИ, МСХД, как и некогда МСД (ОСД), имеет при себе постоянного представителя духовного лидера Ирана. Опыт предшественника – МСД также не забыт и активно используется. Показателен тот факт, что нынешним главой МСХД является Махмуд Ходжати (род. в 1955 г.), принимавший активное участие в работе МСД (а не Министерства сельского хозяйства), в том числе в министерских преобразованиях 1989–1994 гг.

Таблица

Структура Министерства Созидательного Джихада в середине 90-х годов

Министр

Управления	Отделы	Подчиненный организации
1. Областного координирования 2. Сельхозисследований 3. Экономической кооперации 4. Безопасности 5. По связям с общественностью 6. Международных отношений 7. Кабинета министра	1 Администрации и финансов 2. Планирования и бюджета 3. Обучения и исследований 4. Парламентских отношений и законодательства 5. Водных ресурсов 6. Сельского развития 7. Развития и общественного участия 8. Животноводства 9. Региональные отделы	1. Фуражная компания 2. инженерная компания 3. Организация лесов и пастбищ 4. Организация по делам кочевников 5. Рыболовные компании 6. Другие

Подводя итог, можно сказать следующее.

Во-первых, ОСД и МСД как ее преемник явились совершенно новой для Ирана формой организации, которая могла появиться и развиваться только в условиях исламского правления, войны и революции.

Во-вторых, этот институт сыграл свою положительную роль в годы ирано-иракской войны. Во многом благодаря его деятельности был достигнут устойчивый рост производства в аграрном секторе экономики ИРИ, который продолжился и в послевоенные годы[34]. Был приостановлен рост зависимости страны от импорта продуктов, обеспечены нужды фронта.

В-третьих, по мере увеличения функций МСД и его централизации все больше росла роль бюрократии, дублировались функции других министерств, что снижало эффективность этого института и увеличивало трансакционные издержки. По этой причине уже в первые послевоенные годы МСД подверглось серьезной реструктуризации и было ограничено в полномочиях. Однако тот факт, что МСД уцелело как организация и продолжает существовать в измененном виде и сегодня (в качестве Министерства сельскохозяйственного джихада), свидетельствует о его важной роли в системе государственного регулирования аграрного сектора экономики[35].

[1] Система экономического планирования, политика продуктовой самодостаточности, сервисные центры, Министерство созидательного джихада и т.д.

[2] Schirazi A. Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran. London, 1993, с. 147–148.

[3] Маджале-йе джихад-е сазандеги. Табестан, 1993, с. 8–45.

[4] Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 67.

[5] Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. М., 1991, с. 104.

[6] ал-Маджид А., ат-Тувайджари А.. Хадисы и термины. М., 1998, с. 36.

[7] Там же, с. 73.

[8] В задачи ОСД входило также выявление инакомыслящих.

[9] Schirazi A. The Problem of the Land Reform in the Islamic Republic of Iran. Complications and Consequences of an Islamic Reform Policy. Berlin, 1987, с. 12–13.

[10] Amuzegar J. Iran’s Economy Under The Islamic Republic. L. and New-York, 1993, с. 185.

[11] Amuzegar J. Iran’s Economy… С. 180–181.

[12] Арабаджян А.З. Исламская Республика Иран. Экономический потенциал. М., 2002, с. 41.

[13] См. Amirahmadi H. An Evaluation of Iran's First Development Plan and Challenges Facing the Second Plan – Iran and the Gulf. A Search for Stability. Ed. Al-Suwaidi J. S. Abu Dhabi, 1996, с. 287–325.

[14] Schirazi A. Islamic Development Policy, с. 159.

[15] Ibid, с. 151, 157.

[16] В 2004 г. он занимал пост министра нефтяной промышленности.

[17] Абри Х.Х. Мадхал бар джографийа-йе рустаи-йе иран. Эсфахан, 1380, с. 333.

[18] Банисадр А. Эктесад-е тоухиди. Б/м., б/г.

[19] Был президентом ИРИ с 1989 по 1996 гг.

[20] Был президентом ИРИ с 1997 по 2005 гг.

[21] Iran. Trade and Foreign Exchange Policies in Iran. Reform Agenda, Economic Implications and Impact on the Poor. Ed. Tarr D. Б/м., 2001, с. 1.

[22] Абд Ал-Латиф А.Х. Аш-шу’ун ал-иктисадия. – Ат-такрир ал-истратиджи ал-ирани ас-санави. 1997. Сухаг, 1998, с. 13–14.

[23] Замин ва маскан дар каванин-е будже-йе кешвар. Техран, 1384, с. 219–220.

[24] Islamic Republic of Iran. Services for Agriculture and Rural Development. Document of World Bank. Б/м, 1994. Vol. II. Annex 16, с. 4.

[25] Ibid. Vol. II. Annex 16, с. 2.

[26] Маджале-йе джихад-е сазандеги. Табестан, 1993, с. 8–45.

[27] Islamic Republic of Iran. Services for Agriculture… Vol. II. Annex 16. С. 6.

[28] Islamic Republic of Iran. Services for Agriculture and Rural Development. Document of World Bank. Б/м, 1994. Vol. I, с. 17.

[29] Ibid. Vol. I, с. 8, 10.

[30] Ibid. Vol. I, с. 11.

[31] Резвани М. Р.. Мокаддаме бар барнамеризи-йе тоусээ-йе рустаи дар иран. Техран, 1383, с. 226.

[32] Там же, с. 226.

[33] Там же, с. 227.

[34] Islamic Republic of Iran. An Agricultural Policy Note. Report № 29428-IR. Б/м., 2004, с. 9–10.

[35] Islamic Republic of Iran. Services for Agriculture… Vol. I, с. 8–9.

Н.С.Глебова

КОРОЛЕВСТВО САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

После террористических актов, произошедших в Саудовской Аравии в 2003 г., власти этого государства Персидского залива активизировали свои усилия по борьбе с терроризмом. Однако очевидно, что без всестороннего анализа причинно-следственных связей, позволивших распространиться терроризму в Саудовской Аравии, невозможна действительно эффективная борьба с этим явлением.

В начале XXI века в современном саудовском государстве обозначился ряд проблем, существующих как во внутренней, так и во внешней политике. Саудовскую Аравию в настоящее время можно образно сравнить с канатоходцем. Руководство этой страны пытается балансировать между Западом с его доминированием в современном мире и достижениями в области науки и техники и Востоком, в котором воплощены те устои и традиции, на которых базировалось саудовское общество в течение многих сотен лет.

Существуют различные точки зрения по наиболее острым и важным проблемам саудовского общества, требующим скорейшего принятия решения. К числу наиболее актуальных можно отнести следующие проблемы:

– определение перспектив и целей развития страны и региона в целом в ближайшие годы;

– проведение внутренних реформ в Саудовской Аравии;

– создание благоприятного образа страны в глазах мировой общественности после событий 11 сентября 2001 года;

– борьба с терроризмом на собственной территории и за ее пределами, а также ряд других проблем.

В последнее время руководство страны предпринимает активные меры по выработке основных концепций развития Саудовской Аравии. Наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз выдвинул ряд инициатив по реформированию государ-

ства. Идея политического реформирования страны обсуждается на регулярно проводимых встречах наследного принца Абдаллы с представителями саудовской интеллигенции. В ходе одной из них он выразил уверенность, что внутренние реформы в Саудовской Аравии – лишь дело времени. Говоря о проводимых и предстоящих реформах Халид ад-Дахиль, профессор социологии Университета короля Сауда в Эр-Рияде указывает на то, что «региональная политика наряду с развивающейся экономикой и молодым по своему составу населением (70% населения Саудовской Аравии составляют лица до 30 лет) являются движущими силами движения реформ»[1].

Необходимость скорейших реформ в области экономики признается как представителями правящих кругов, так и интеллектуальной элиты. Однако преобразования в политической сфере не вызывают столь единодушного одобрения. По мнению профессора ад-Дахиля, вопрос политического реформирования крайне сложен еще и потому, что он непосредственно затрагивает нынешнее правительство. «Они наслаждаются социальным и политическим престижем внутри страны и не хотят потерять его»[2]. Принц Абдалла бен Фейсал бен Турки аль-Абдалла ас-Саид поддерживает экономические реформы, но более сдержанно относится к реформам в политике. «Вообще я полагаю, что у нас нет серьезной проблемы в области политики», – заявил он, – «что мы обычно подвергаем сомнению, так это управление страной и те решения, которые повседневно влияют на нашу жизнь. Если правительства хорошо справляются со своими обязанностями, а люди надеются и доверяют, то это хорошо. Если дела обстоят иначе, люди начинают ставить вопрос о возможностях политических изменений. Что касается саудовцев, то я думаю, что они не задают эти политические вопросы. Но как долго это продлится?»[3]

Вопрос о том, как долго ситуация будет оставаться таковой, остается открытым. Один из арабских интеллектуалов, известный арабский ученый доктор Хамад подчеркивает, что изменения должны происходить постепенно и осуществляться осторожно. По его мнению, в процессе реформирования общественно-политической жизни страны очень важно научить саудовцев добиваться участия в политическом процессе мирными средствами: «Это может помочь научить саудовцев тому, что значит быть гражданином, поскольку эта идея еще не до конца осознана нашим обществом»[4]. Он не выступает за свержение

монархии или изменение религиозного характера саудовского общества. «Королевская семья и религиозные влиятельные круги – это два фактора безопасности для саудовского общества. Они гарантируют, что общество не ввергнется в хаос. Скорые реформы в сфере гражданского общества не рекомендуются. Мы должны идти по этому пути шаг за шагом для того, чтобы общество осознало и приняло необходимость двигаться по пути к гражданскому обществу», – отметил Хамад[5].

Наблюдатели отмечают, что хотя необходимость проведения реформ была очевидна задолго до событий 11 сентября, именно они стали своеобразным катализатором, который стимулировал широкие дискуссии о характере и масштабах этих реформ. По словам представителя существующей в Саудовской Аравии оппозиции Мохаммеда аль-Мохассейна, «события 11 сентября вызвали множество вопросов. Что стоит за ними? Кто несет за них ответственность? Правительство осознало, что должно прислушаться к голосам изнутри страны и дать свободу для их выражения и обсуждения. Красная линия была пересечена, позволяя выражать нашу обеспокоенность»[6].

Вышеупомянутый доктор Хамад также отмечает, что очень важно, чтобы саудовцы не восприняли реформы как ответ на американскую критику, звучавшую в последнее время. «Должно быть понимание того, что это не является последствием давления США, но определяется внутренней потребностью. Если реформа будет рассматриваться как направляемая из США, то это очень быстро будет иметь самые неприятные последствия»[7].

В последнее время в различных источниках появились многочисленные указания на взрывоопасный характер современной ситуации в Саудовской Аравии. Некоторые ближневосточные исследователи заявляют о неизбежности революции или успешного переворота в Саудовской Аравии в ближайшее время. Западные аналитики не разделяют мнения своих ближневосточных коллег. «В странах Персидского залива успешными переворотами являются те, которые происходят в рамках семьи, когда сын свергает отца или брат свергает брата», – указал Джеймс Оунли, представитель Института арабских и исламских исследований при Университете Экзетера. «Крушение режима началось бы с серьезных расколов в рамках одной семьи, с верхушки. Несмотря на то, что существуют различные мнения у западных и арабских аналитиков, в настоящее время нет никаких расколов. Также нет никакой организованной оппо-

зиции. Возможно, что проблемы могут начаться в третьем поколении, при правлении внуков Абдель Азиза. Однако невозможно точно сказать, по какому сценарию будут развиваться подобные события»[8].

Некоторые эксперты предсказывали падение дома Аль Саудов еще 25 лет назад, но их прогнозы не оправдались. В настоящее время многие из них придерживаются той точки зрения, что Аль Сауды смогут выстоять, используя все свои ресурсы, включая подкуп и устранение представителей оппозиции. Несмотря на то, что внутри семьи существуют противоречия, при возникновении угрозы они объединяют свои усилия. Один из аналитиков произнес примечательную фразу: «Кто бы ни правил Саудовской Аравией, в конце своего имени он будет иметь «Аль Сауд»[9].

Многие арабские аналитики высказывают предположение, что после событий 11 сентября, военной кампании в Афганистане и войны в Ираке Саудовская Аравия может оказаться следующей в «борьбе против терроризма». Доктор Мэй Ямани, участвовавшая в ближневосточной программе Лондонского королевского института международных исследований, указала: «Правители и народ верят в то, что Саудовская Аравия является следующей на американской повестке дня. Существуют опасения, состоящие в том, что, когда произойдут изменения в Ираке, они повлекут за собой изменения в самой Саудовской Аравии, когда США скажут Аль Саудам, что они больше не нужны. Перспективы дома Аль Саудов весьма мрачные»[10]. Некоторые аналитики также указывают, что с получением контроля над нефтяными месторождениями Ирака американцы все менее заинтересованы в саудовской нефти. Саймон Хендерсон, известный американский исследователь утверждает, что все меньшее число западных аналитиков рассматривает Саудовскую Аравию как «оплот стабильности и надежного союзника Соединенных Штатов. Конечно, нефть – это единственный фактор, который поддерживал династию Аль Саудов, обеспечивая им поддержку США». Хендерсон продолжает: «Заинтересованы ли мы в Йемене. Нет. Саудовская Аравия – это тот же Йемен, только с нефтью»[11]. Несмотря на категоричность подобного заявления, в целом оно отражает точку зрения, имеющуюся не только в США и западных странах, но и на Ближнем Востоке. По мнению видного марокканского мыслителя Мохаммеда Абид аль-Джабри, получившего в 1999 г. пре-

мию, присуждаемую странами Магриба за выдающийся вклад в арабское и общечеловеческое культурное наследие[12], война в Ираке является лишь предисловием войны с Саудовской Аравией, после которой может последовать война с Ираном. Американцы могут сказать: «Поскольку вы не управляете страной в соответствии с нашими инструкциями, вы будете свергнуты»[13].

Практически дословно повторил эту фразу шейх Мохаммад бен Рашид аль-Мактум, министр обороны ОАЭ, на открытии Форума арабской стратегии «Арабский мир в 2020 году», прошедшем с 13 по 15 декабря 2005 г. в Дубае (ОАЭ). Он заявил: «Я говорю моим товарищам, арабским правителям: если вы не изменитесь, то изменят вас»[14]. К числу основных проблем, угрожающих безопасности арабского мира, Мохаммад бен Рашид аль-Мактум также отнес неразрешенные конфликты в регионе, гражданские войны, факты нарушения прав человека, геноцид, бедность, эпидемии, тяжелую экологическую ситуацию, проблему распространения оружия массового поражения, терроризм и организованную преступность.

В форуме от саудовской стороны принял участие принц Турки аль-Фейсал, посол Саудовской Аравии в Лондоне. Он заявил, что те, кто выступает против реформ в его стране, рано или поздно будут побеждены: «Внутренние силы, которые сопротивляются изменениям и развитию и выступают против любых преобразований в области экономики и социальной сферы… будут вынуждены подчиниться требованиям реформирования страны, которые высказывает большая часть населения»[15]. Он также выразил надежду на то, что к 2020 г. страны арабского мира смогут значительно усилить свои позиции, развивая экономические отношения со своими географическими соседями. Он заявил, что в ближайшие годы в регионе появятся крупные экономические интеграционные объединения. Предполагается, что в один из экономических блоков войдут Саудовская Аравия, Египет, Ирак, Турция, Иран, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Кувейт, Йемен, Иордания и Сирия. Исходя из выступления Турки аль-Фейсала, можно ожидать появления объединения, состоящего из государств Северной Африки и тесно связанного с европейскими странами Средиземноморья.

Участие Саудовской Аравии в представительных региональных блоках отчасти будет способствовать улучшению внешнеполитического облика страны, который после событий 11 сентября стал связываться с пособничеством международным тер-

рористическим организациям. В осуществлении террористических актов 11 сентября 2001 г. в США приняли участие 19 человек, из которых 15 являлись гражданами Саудовской Аравии. Несмотря на то, что данный факт очень скоро подтвердился, некоторые представители высших кругов саудовского руководства в течение долгого времени предпочитали категорически отрицать его. Некоторые из них заявляли: «Утверждение, что эти лица являются саудовскими гражданами, – не более чем заговор против Саудовской Аравии»[16]. В последнее время в позиции руководства королевства произошли значительные изменения: от категорического отрицания причастности до осознания и признания того факта (несмотря на большое количество оговорок), что в обществе Саудовской Аравии давно и динамично развиваются идеологические течения, которые связаны с такими известными международными террористическими организациями, как «Аль-Каида» и ряд других. По сути, это признание – одно из главных достижений саудовского руководства в борьбе с международным терроризмом. Особенно остро проблема терроризма обозначилась после совершения террористических актов на территории самой Саудовской Аравии, в ходе которых с мая 2003 г. было убито 39 сотрудников саудовских служб безопасности и 92 военных. В общей сложности за последние два года от совершенных террористических актов пострадало более 160 мирных жителей королевства. Получив «войну с терроризмом» на собственной территории, власти королевства столкнулись не только с нею, но и с пристальным вниманием со стороны международного сообщества, наблюдающего за происходящим в этой стране. Руководству Саудовской Аравии все чаще ставили в вину, что оно лишь имитирует борьбу с терроризмом и радикальным исламизмом. Настойчивей всего эти обвинения повторялись Соединенными Штатами Америки.

В конце января 2005 г. перечень обвинений в адрес Саудовской Аравии пополнился докладом, подготовленным Центром религиозной свободы (США)[17]. В нем были опубликованы материалы, в которых руководство Саудовской Аравии обвинялось в содействии распространению религиозной ненависти к христианам и иудеям в среде мусульманской общины в США. Упоминалась рассылка властями Саудовской Аравии посланий мусульманам, проживающим на территории США, в которых говорилось, что они должны вести себя так, «словно они находятся в стане врагов»[18].

В 89-страничном докладе было представлено более 200 цитат из изданий, которые печатаются на деньги или иначе поддерживаются различными министерствами и организациями в составе правительства Саудовской Аравии. В докладе особо отмечается тот факт, что в посланиях отражена «тоталитарная идеология ненависти, которая подстрекает к насильственным действиям»[19].

Сотрудники Центра исследовали большое количество литературы на арабском языке, доступной в мечетях и исламских культурных центрах Вашингтона, Нью-Йорка, Чикаго, Далласа, Хьюстона, Лос-Анджелеса и других городов США.

Автор доклада и директор Центра Нина Шеа написала в предисловии: «Ни первая поправка, ни какие бы то ни было законодательные акты не дают саудовскому правительству право распространять «идеологию ненависти» на территории США»[20]. В докладе отмечалось, что исследование данного явления было предпринято в ответ на многочисленные заявления мусульман, живущих в США и просящих оградить их от «распространения саудовского экстремизма»[21].

Шеа является членом американской Международной комиссии по защите религиозной свободы. Комиссия была образована после принятия этим государством в 1998 г. Международного Акта по защите религиозной свободы. Главной функцией этой комиссии является выработка рекомендаций исполнительной власти и Конгрессу США в области защиты свободы вероисповедания.

За последние несколько лет эта комиссия в своих рекомендациях Госдепартаменту США многократно называла Саудовскую Аравию как вызывающую «определенное беспокойство из-за вопиющего нарушения религиозных прав и свобод»[22]. В конце 2004 г. эта комиссия причислила Саудовскую Аравию к числу стран, в которых существуют серьезные проблемы в области защиты прав человека. Следует отметить, что в этот список также были включены Китай, Судан и Северная Корея.

В уже упоминавшемся докладе подчеркивалось, что ряд высокопоставленных чиновников в правительстве Саудовской Аравии использует свое положение для распространения радикальных идей в среде мусульман на территории США. Среди прочих упоминалось имя министра исламских дел Салеха бен Абдель Азиза аш-Шейха.

Саудовское руководство немедленно отреагировало на выдвинутые в этом докладе обвинения. По словам советника наследного принца Абдаллы Адель ад-Джубейра, вскоре после опубликования доклада приблизительно 2 тысячи клерикалов были освобождены от своих обязанностей[23]. Несмотря на это и заверения в приверженности борьбе с терроризмом, администрация Дж.Буша и влиятельные американские исследовательские центры обвиняют саудовское руководство в недостаточно твердом и выверенном следовании антитеррористической линии во внутренней и внешней политике. Критики саудовского руководства продолжают приводить в качестве примеров стенограммы, аудио- и видеозаписи проповедей, которые были прочитаны радикальными имамами в саудовских мечетях, а также были опубликованы в различных национальных СМИ.

Для улучшения имиджа страны на международной арене и в рамках борьбы с терроризмом в самой Саудовской Аравии развернулась широкая пропагандистская кампания. Вице-премьер страны, министр обороны и авиации принц Султан ибн Абдель Азиз и министр внутренних дел Наиф ибн Абдель Азиз проинструктировали свои министерства и ведомства с тем, чтобы последние обеспечили условия наибольшего благоприятствования проведению данной кампании. Министр исламских дел Салех аш-Шейх призвал представителей нового образованного слоя: интеллектуалов, писателей и ученых – поддержать правительство в его борьбе с терроризмом. Необходимо отметить, что многие из них откликнулись на призыв. Это выразилось в многочисленных выступлениях и публикациях, которые появились в арабских и западных СМИ. Абд ар-Рахман ар-Рашид, бывший редактор арабоязычной газеты «Аш-Шарк аль-Аусат» и директор телеканала «Аль-Арабийя» отметил в одной из своих статей, что нельзя отрицать попытки руководства Саудовской Аравии бороться с проявлением и распространением экстремизма на территории своего государства. Вместе с тем, по его мнению, необходимо отметить, что если существуют явственные проявления экстремизма, то они не появляются на пустом месте[24].

В кампанию по пропаганде борьбы с терроризмом была включена и сфера образования. 5 сентября 2004 г. наследный принц Абдалла обратился к руководящему составу министерства образования со следующими словами: «Следите за своими преподавателями. Мы хотим, чтобы они прививали своим подопечным любовь к религии и Родине, а не к терроризму…»[25].

О том, что проблема воспитания молодежи является одной из наиболее животрепещущих для Саудовского Королевства, говорит и тот факт, что она (проблема) была отражена в популярном комедийном телевизионном сериале «Таш ма таш». В этом сериале затронуты многие проблемы государства, с которыми сталкиваются его граждане в настоящее время[26]. Одна из серий была целиком посвящена вопросу преподавания некоторыми учителями в государственных школах программ, в которых присутствуют элементы экстремизма. Она вызвала бурную реакцию не только в среде рядовых зрителей сериала, но и в руководстве министерства образования. В частности, был создан Центральный комитет по реализации программы безопасности в области идеологии.

Своеобразным эхом на вышедшую в эфир серию телевизионного сериала явилось введение в школах и колледжах по всей стране занятий по специальной программе работы с подрастающим поколением. На этих занятиях преподаватели разъясняют учащимся те опасности, которые заложены в идеологии и действиях экстремистских организаций и группировок. Во время открытия симпозиума, посвященного борьбе с терроризмом, в Университете нефти и полезных ископаемых имени Короля Фахда в Дахране губернатор Восточной провинции принц Мухаммед ибн Фахд заявил: «В настоящее время особенно важно участие различных учебных заведений в просветительской деятельности, которая поможет молодежи осознать опасности, которые несет с собой экстремизм и терроризм»[27].

В последние годы проблема терроризма оказывает негативное воздействие на все сферы жизни Саудовской Аравии. Особенно явно это сказалось на определенных областях. В течение уже долгого времени власти Саудовской Аравии много говорили о необходимости принятия скорейших мер по подготовке высокопрофессиональных национальных кадров в различных областях экономики. Однако, несмотря на все эти заявления, ситуация качественно не изменялась. Молодые специалисты по-прежнему получали образование и квалификацию преимущественно за границей. Повышение уровня квалификации осуществлялось в основном при помощи приглашаемых иностранных специалистов. После совершения ряда террористических актов на территории Саудовской Аравии и усиливающихся обвинений в пособничестве террористам в адрес этого государства поток иностранных специалистов значительно со-

кратился. Особенно заметно их нехватка ощущается в областях нефтехимии и информационных технологий. С одной стороны, это стало ударом для экономики королевства, с другой, – своеобразным стимулом для самостоятельного развития местных компаний. Эти компании, используя накопленный опыт специалистов, взращенных на Западе, начинают активно развивать свой собственный потенциал, привнося на рынок конкурентоспособные идеи и продукты. Прорыв на новый уровень развития невозможен без решения других актуальных задач, к примеру, проблемы безработицы. Многие аналитики напрямую связывают решение проблемы безработицы с борьбой против радикального экстремизма. Однако представители саудовских властей не согласны с подобной постановкой вопроса. Саудовский министр труда д-р Гази аль-Госаиби полагает, что истинной причиной существования терроризма на территории этого государства является образование, а не безработица, как полагают некоторые исследователи.

Аль-Госаиби возложил ответственность за распространение экстремизма на «идеологическую обработку, которой подвергают молодых людей, оправдывая возможное убийство, совершенное ими»[28]. Министр сравнил эту обработку с той, которая была принята в лагерях террористических организаций на территории Афганистана. «Я не думаю, что террористические группировки имеют какое-либо отношение к проблеме безработицы», – заявил аль-Госаиби в интервью журналистам[29].

Государственный чиновник также отметил, что большинство известных руководителей террористических организаций в мире являются очень состоятельными людьми, и вряд ли именно безработица вынудила их обратиться к террористической деятельности. В качестве примера он привел Усаму бен Ладена[30]. Подобный довод представляется справедливым, но только отчасти. Поскольку министр говорит в основном о руководителях террористических организаций, упуская из внимания среднее и низшее звенья в их составе. Именно в этих звеньях могут находиться люди, которых «вынудили» экономические трудности присоединиться к террористическому движению.

Министр заявил, что официальный уровень безработицы в королевстве – 5%, что составляет 150 тыс. чел. По другим данным, от 20 до 30% саудовцев, находящихся в трудоспособном возрасте, являются безработными[31]. Правительство уже предприняло ряд мер по борьбе с безработицей. В частности,

осуществляются попытки уменьшить число иностранных рабочих, которые были заняты преимущественно в частном секторе и работали в качестве разнорабочих, менеджеров среднего звена, нефтяников. Причинами столь активного привлечения иностранной рабочей силы многие исследователи называют «неблагоприятные социально-экономические факторы, а именно: малочисленность местного населения, усугубляемую отстраненностью женщины от участия в экономическом процессе; дефицит квалифицированных специалистов различных профилей и уровней, сохранение в обществе патриархальных взглядов, не вписывающихся в сознание, которое должно быть определяющим на этапе модернизации»[32].

В адрес властей Саудовской Аравии ранее звучали обвинения в ущемлении прав иностранных рабочих. В июле 2004 г. организация «Хьюман Райтс Уотч» опубликовала отчет, в котором крайне негативно оценивалось положение рабочих из стран Юго-Восточной Азии в Саудовской Аравии. Отношение со стороны властей к данной категории рабочих иначе как «систематическим превышением полномочий и дискриминацией» не называлось[33]. В начале лета 2004 г. представители госструктур Саудовской Аравии категорически отвергли обвинения, содержавшиеся в данном отчете, однако позже министр труда королевства аль-Госаиби признал, что ущемления прав имели место. Он отметил: «Имели место некоторые злоупотребления в отношении иностранных рабочих. К сожалению, многие из тех, кто привлекает в страну иностранную рабочую силу, не в состоянии обеспечить достойные условия работы и проживания. Более 1 тыс. физическим и юридическим лицам было запрещено принимать на работу иностранцев в связи с ущемлением прав последних»[34]. По словам министра, его ведомством уже осуществлены меры по противодействию дискриминации прав иностранных граждан. Был создан отдел по защите прав иностранных рабочих в составе министерства труда. В настоящее время законодательной властью Саудовской Аравии рассматривается закон, регулирующий отношения между работодателем и иностранным работником.

Доминирование иностранной рабочей силы в экономике Саудовской Аравии, по мнению арабских аналитиков, в обозримом времени неизбежно обострит и без того многие серьезные социальные проблемы, к числу которых следует отнести и проблему молодежи.

В течение долгого времени безработица рассматривалась многими в качестве главной причины, подталкивающей молодежь (при том, что доля молодежи в составе населения страны очень велика) к вступлению в террористические организации. В настоящее время молодежь в Саудовской Аравии представляет в большинстве своем агрессивную и люмпенизированную часть общества. Неудивительно, что именно на нее рассчитана агитация исламистов, находящих в молодежной среде поддержку и понимание. «Рост числа радикальной молодежи может способствовать формированию революционного ядра. Пример Бен Ладена демонстрирует, что они способны влиять на весь мир. Если они могут делать это, то они могут влиять и на положение дел в самой Саудовской Аравии», – отметил американский аналитик Саймон Хендерсон[35].

Говоря о проблемах молодежи, некоторые арабские интеллектуалы указывают на серьезные проблемы в системе образования Саудовской Аравии. Уже упомянутый Абдул Рахман ар-Рашид опубликовал статью, в которой основной причиной развития радикальных настроений в молодежной среде называется не экономическая проблема, а то, что «культура насилия пропитала религиозное образование, в котором ранее доминировали традиции консервативного и миролюбивого саудовского общества»[36]. Саудовский комментатор Абдулла Абу Сеймх в своей статье в ежедневном издании «Указ» утверждает, что саудовское общество должно «перевоспитать свою молодежь для того, чтобы восстановить свои мирные отношения и согласие с внешним миром»[37]. В последнее время в СМИ проходят оживленные дебаты по реформе образования. Например, недавно при непосредственном содействии и покровительстве министерства образования предприняты попытки объединить школы для девочек и мальчиков. Хотя эксперимент еще не завершен, его можно считать уникальным, поскольку это первая попытка реформировать образование в рамках патриархального саудовского общества. Вместе с тем существуют и иные прецеденты, говорящие о том, что шансы успешной реализации подобной реформы образования в настоящее время крайне невелики. Это было наглядно продемонстрировано в одном драматическом случае, произошедшем в Мекке в 2004 г. В одной из женских школ вспыхнул пожар. Несколько учащихся погибли в огне, потому что представители движения «За присоединение к правильному и предотвраще-

ние зла» запретили пожарным приближаться к зданию школы, т.к. те могли увидеть лица девушек. Несмотря на большой резонанс, который этот случай имел в арабском мире, никто не понес ответственность за гибель учениц. Единственным шагом со стороны саудовских властей стало перепоручение функций наблюдения за делами образовательных учреждений для женщин в ведение особого министерства.

В настоящее время работа с молодежью ставится правящими властями королевства в ранг приоритетных мер по борьбе с терроризмом. В рамках кампании по борьбе с терроризмом различные представители монархической фамилии и руководящих структур государства покровительствуют антитеррористическим организациям, образованным в последнее время в Саудовской Аравии. В качестве примера можно привести деятельность принца Мухаммеда ибн Фахда ибн Абдель Азиза, взявшего под свое покровительство Национальную Антитеррористическую Кампанию Солидарности. Можно было бы очень долго перечислять названия подобных организаций, заявляющих в качестве главной из задач своей деятельности борьбу с терроризмом. Насколько деятельно ведется подобная борьба, остается только догадываться, поскольку доступными являются только программные заявления этих общественных организаций и движений. Иная информация об их деятельности пока не опубликована.

Тем не менее в ходе общегосударственной кампании руководство Саудовской Аравии приняло решение о созыве международной конференции по противодействию терроризму. Приглашение принять участие в работе конференции получили представители многих стран мира, в том числе и США. Это произошло вскоре после того, как власти порта Нью-Йорка и Нью-Джерси, в чьем ведении находилась территория Центра международной торговли, объявили 10 сентября 2004 года о том, что предъявляют иск в 7 млн. долл. Королевству Саудовская Аравия. В этом иске его власти обвиняются в оказании финансовой помощи террористической организации «Аль-Каида». Иск был подан в американский окружной суд Манхэттена инвестиционной фирмой «С.Фицджеральд», 650 сотрудников которой погибли в результате терактов 11 сентября[38].

После подобных событий саудовская сторона всячески стремилась исправить на наиболее благоприятный имидж королевства. Это отчасти выразилось и в том, что на подконтрольном правительству телевидении был наложен запрет на

выпуск в эфир телепередач и шоу, в которых могли содержаться или содержались призывы к джихаду или религиозной ненависти к христианам и иудеям. Повсеместно встречались визуальные свидетельства этой кампании: в виде клипов на телевидении, рекламных щитов вдоль автомагистралей, цифровых сообщений, появляющихся в банкоматах, и т.п.

Накануне открытия конференции представители саудовского правительства заявили, что ими были приглашены принять участие в ее работе все страны, которые так или иначе пострадали от терроризма. Однако это не совсем соответствует действительности, т.к. израильтяне не получили приглашения. Официальные саудовские лица пояснили, что одной из главных причин этого является отсутствие между Израилем и Саудовской Аравией дипломатических отношений. Помимо этого, саудовские власти не признают в качестве террористических актов многие действия, которые они называют не иначе, как «сопротивлением оккупации». Вопрос об отсутствии Израиля на конференции, в частности, всплыл в ходе крайне оживленного спора, возникшего между представителями американской делегации и делегатами Ирана и Сирии. Эти государства, как известно, были причислены американской администрацией к странам-пособникам международного терроризма. По сути, американская делегация была единственной, которая поставила вопрос об отсутствии Израиля. Делегации Европейского Союза, ООН, Интерпола, Лиги арабских государств, Организации Исламской Конференции предпочли не акцентировать внимание на этой теме.

Необходимо отметить, что отношение саудовского руководства к Израилю можно назвать предельно настороженным и острочувствительным. В частности, после событий 11 сентября министр внутренних дел принц Наиф (который являлся председателем антитеррористической конференции) заявил в одном из своих интервью, что убежден: к совершению данных террористических актов причастна израильские спецслужбы. В 2004 г. наследный принц Абдалла неоднократно утверждал, что за деятельностью организации «Аль-Каида» стоят сионисты.

Конференция прошла с 5 по 8 февраля 2005 г. в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. В ней приняли участие представители 51 страны и 9 международных организаций. В качестве главных тем повестки дня конференции были заявлены следующие:

– происхождение, первопричины, культура и идеология терроризма;

– взаимоотношения между терроризмом, отмыванием денег, незаконной торговлей оружием и наркотиками;

– террористические организации и их структуры;

– уроки борьбы с терроризмом.

На открытии конференции наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз призвал делегатов и организации учредить международный центр по предупреждению и борьбе с терроризмом. По словам наследного принца, главной целью работы центра стали бы «обмен и передача информации в том ритме, который был бы соизмерим с текущими событиями и способствовал бы предотвращению террористических актов»[39].

Это предложение вызвало различные отклики со стороны участвующих в работе конференции делегаций. Диапазон эмоций варьировался от осторожного одобрения до полного безразличия и скепсиса. «Подобный центр не сможет удовлетворить потребность в двустороннем обмене информацией… Это ни к чему не приведет», – заявила глава американской делегации, советник по национальной безопасности Фрэнсис Таунсенд[40]. Вместе с тем Таунсенд отметила, что любые меры по координации усилий различных спецслужб являются «чистой прибылью» в борьбе с терроризмом.

Руководитель британской делегации поддержал идею создания центра. Тем временем другой британский делегат на условиях анонимности подчеркнул, что в настоящее время остаются последствия «холодной войны», которые сказываются на межгосударственных отношениях и от которых необходимо избавиться при решении особенно тех вопросов, которые касаются служб безопасности. Он также отметил, что возможная поимка Усамы бен Ладена должна стать лишь этапом, а не окончанием войны стран мира с терроризмом. Оставаясь анонимным, представитель Великобритании добавил, что «необходимо, чтобы работа проводилась с пониманием того процесса, в рамках которого молодежь вступает в организации радикального толка и симпатизирует террористам, притом, что лишь немногие из них становятся ими (террористами)»[41]. Он полагает, что центр мог бы стать орудием против терроризма. Но, по его мнению, борьба с терроризмом увенчается бóльшим успехом, если будет вестись службами безопасности в сотрудничестве друг с другом на двусторонней основе.

Глава германской делегации заметил, что «не прояснены многие вопросы относительно создания предлагаемого цен-

тра»[42]. Он выразил опасения, не войдут ли действия этого центра в противоречие с практикой различных уже существующих международных организаций и агентств (в частности, работающих под эгидой ООН). Посол Георг Витчел считает, что этот центр не должен быть единственным международным центром такого рода.

Глава российской делегации, специальный представитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью Анатолий Сафонов отметил, что победить терроризм в условиях возрастания опасности эскалации этого явления можно только при «усилении роли ООН в борьбе с терроризмом, перекрытии каналов финансирования террористов, преодолении двойных стандартов в оценке терроризма, а также повышении внимания к антитеррористическому воспитанию подрастающего поколения… т.е. только сообща, на основе общей стратегии, единых стандартов»[43].

В ходе работы конференции возникли ожесточенные споры относительно самого определения «терроризм». Представители Сирии и Ирана были в числе самых горячих спорщиков. Члены сирийской, иранской и ливанской делегаций несколько раз обращались к другим участникам конференции с требованием дать четкое определение «государственному терроризму». В качестве стороны, осуществляющей «государственный терроризм», они подразумевали Израиль. В ходе дебатов относительно определения явления «терроризм» сирийцы и иранцы разошлись во мнениях с главой американской делегации Ф.Таунсенд. Представители сирийской делегации настаивали на том, что акты сопротивления, совершенные с целью защиты оккупированных территорий (как это, к примеру, происходит в Ираке), нельзя рассматривать в качестве террористических.

Саудовская сторона и представители делегаций других мусульманских государств неоднократно подчеркивали в своих выступлениях опасность тенденции к объединению такого явления, как терроризм, с исламом, которая возникла в последнее время в мире. Признавая факт существования такой проблемы, заключительная декларация конференции особо подчеркивает, что «терроризм не имеет четкой религиозной, этнической, национальной или географической принадлежности»[44]. Члены делегаций мусульманских государств неоднократно от-

мечали, что терроризм находится в полном противоречии с истинными ценностями ислама.

Во время проведения конференции руководители Королевства Саудовская Аравия утверждали, что успешно борются с распространением экстремистских идей и в сети Интернет. Министр исламских дел шейх Салех аш-Шейх заявил, что саудовское правительство использует Интернет с тем, чтобы препятствовать присоединению молодежи к мусульманским экстремистским движениям. Шейх отметил, что сотрудники его ведомства ведут переписку с более чем 800 пользователями Интернета и уже успели оказать положительное влияние на 250 своих респондентов, указав на их ошибки в понимании таких понятий, как джихад и т.п. Однако шейх не сказал, как его сотрудники определяют эффективность своей деятельности и степень влияния на тех, с кем они общаются по Интернету. Такие исследователи, как Марк Сейджмен, старший научный сотрудник Исследовательского института внешней политики и бывший сотрудник ЦРУ, работавший на Ближнем Востоке, утверждает, что в сети по-прежнему существует около 4 тысяч исламистских сайтов и что день ото дня их число растет. Он также подвергает сомнению данные, приведенные министром исламских дел Саудовской Аравии[45].

Следует отметить особо, что многие издания, освещая работу конференции, предпочли лишь обозначить, а не акцентировать внимание на разногласиях, существовавших между различными участниками конференции. Особенно это касается печатных и электронных изданий, пользующихся поддержкой администрации США.

В ходе работы международной конференции по борьбе с терроризмом выступил с докладом представитель Саудовского Валютного Агентства (СВА)[46]. В докладе было отмечено, что руководством королевства предпринят ряд мер по предупреждению возможности использования финансовой системы этого государства с целью отмывания денег и финансирования террористической деятельности. Им (руководством) был подписан тот раздел устава ООН, который касается борьбы с отмыванием денег. В вышеуказанном документе особо подчеркивается тот факт, что Саудовская Аравия также приняла и реализует все резолюции Совета Безопасности ООН (№ 1267, 1267, 1269, 1333, 1373, 1390, 1455 и 1456), касающиеся борьбы с финансированием терроризма. «В соответствии с резолюци-

ями Совета Безопасности № 1267 и 1333 королевством были заморожены активы некоторых физических и юридических лиц. Саудовская Аравия стала первым государством, заморозившим счета Усамы бен Ладена еще в 1994 году», – отмечается в докладе[47].

Руководством Саудовской Аравии также было организовано несколько региональных и международных конференций, посвященных борьбе с отмыванием денег. Первая встреча рабочей группы была проведена в Институте банковской деятельности СВА в Эр-Рияде еще в 1994 г.

В августе 2003 г. в Саудовской Аравии был принят закон, в соответствии с которым отмывание денег и террористическая деятельность являются равнозначными преступными деяниями.

26 сентября 2001 г. Саудовская Аравия заморозила активы физических и юридических лиц, чьи имена упоминались в списке, подготовленном США после совершенных 11 сентября террористических актов. «Королевство заморозило 62 счета 12 физических и юридических лиц на общую сумму 6 млн. амер. долл.», – говорится в докладе СВА[48]. В этом документе упоминается, что Саудовской Аравией подписаны секретные соглашения с различными государствами мира, которые включают разделы, касающиеся борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

В стране также были выработаны новые правила и инструкции, которые обеспечили поддержку рабочим группам, контролирующим процесс оформления финансовых сделок. «Мы проинструктировали банки и другие финансовые организации с тем, чтобы они предоставляли информацию о своих клиентах. Также были выпущены новые инструкции с целью обеспечения большей открытости в отношении банковских счетов. На территории Саудовской Аравии невозможно перемещение денежных средств без установления и подтверждения подлинных имен отправителя и получателя. Мы также приостановили деятельность нелегальной системы международного перемещения денег[49]. Нарушителей принятых инструкций ожидает жестокое наказание», – заявил представитель Саудовского Валютного Агентства (СВА)[50]. Новые правила не позволяют банкам без разрешения СВА открывать счета для нерезидентных физических лиц или не имеющих лицензии компаний. Руководители всех банков страны были проинструктированы относительно того, что они должны со-

общать о финансовых средствах, которые, по их мнению, могут участвовать в операциях по отмыванию денег. Представители СВА регулярно инспектируют банки на предмет строгого выполнения установленных правил и требований.

В королевстве был учрежден специальный комитет, в состав которого вошли представители министерства внутренних дел, министерства иностранных дел, спецслужб и СВА. Главные цели создания этого комитета – определение источников финансирования террористических организаций и организация международного сотрудничества в борьбе с этим явлением.

В частности, комитетом были выработаны инструкции по контролю над деятельностью благотворительных организаций. Ранее аналитики не раз обращали внимание на то, что саудовскими властями не осуществляется планомерный контроль за деятельностью благотворительных организаций, особенно тех, которые выходят за границы королевства. У многих наблюдателей, в частности, вызывает обеспокоенность деятельность саудовских благотворительных организаций в Юго-Восточной Азии, в районах, подвергшихся затоплению во время цунами в 2004 г.

В докладе СВА обращается внимание на то, что в последнее время все благотворительные организации, работающие на территории Саудовской Аравии, должны получать лицензию на свою деятельность в министерстве по социальным вопросам. Благотворительные организации также обязаны получать разрешение СВА на открытие банковских счетов. Этим организациям не позволено участвовать в денежно-кредитной деятельности. 26 февраля 2004 г. в Саудовской Аравии был учрежден Высший комитет по контролю над деятельностью благотворительных организаций. В соответствии с новыми правилами, этим учреждениям запрещено переводить любые суммы денег со своих счетов на счета банков других стран мира. Благотворительным организациям разрешается иметь только один главный банковский счет. Однако с разрешения и при контроле СВА они могут открыть несколько дополнительных банковских счетов. Любые финансовые средства, полученные от дарителей, разрешено перечислить на счета этих организаций после установления точных данных о меценатах. Благотворительным организациям запрещается устанавливать банкоматы на территориях и в помещениях, на которых они размещаются. Банкам запрещено предоставлять кредитные карты сотрудникам благотворительных организаций.

Доклад СВА произвел благоприятное впечатление на все участвующие стороны. Работа конференции была крайне напряженной и нервной. Так, многих западных участников конференции, особенно представителей США, взволновала встреча саудовского руководства с иракским министром внутренних дел Фалахом Накибом, визит которого совпал по времени с работой конференции. В ответ на вопросы относительно характера этого визита принц Сауд аль-Фейсал сказал, что встреча не была посвящена вопросам безопасности, а являлась «частью посещения министром королевства в качестве гостя»[51]. Однако он отметил, что обратился с просьбой к иракской стороне предоставить список граждан Саудовской Аравии, находящихся на территории Ирака, т.к. «королевство хочет убедиться в том, что ни один из его граждан не выступает против интересов Ирака»[52]. По словам Сауда аль-Фейсала, иракский министр выразил готовность выполнить эту просьбу.

В заключение работы конференции было принято решение создать международный центр по борьбе с терроризмом. В заключительном обращении под названием «Риядская декларация» не уточняется месторасположение будущего центра. Различными сторонами предлагались варианты размещения его в Нью-Йорке, Вене, Каире, Эр-Рияде и других городах и странах мира. Однако один из глав делегаций, участвовавших в работе конференции, предположил, что, скорее всего, этот центр будет размещаться в Швейцарии, притом, что делегации от этого государства не было в числе участников конференции[53].

Пока не определен и характер деятельности будущего центра по борьбе с терроризмом: будет ли это исследовательский институт, тренировочный или экспертный центр. Представитель Госдепартамента США Вильям Поуп заявил, что его страна готова войти в состав рабочей группы по разработке концепции деятельности будущего центра.

В декларации особо подчеркивается, что «борьба с терроризмом будет обречена на провал до тех пор, пока не будут объединены усилия стран мира в рамках единого стратегического видения этой проблемы»[54].

Также было принято решение создать специальный фонд. Этот фонд будет образован на средства, конфискованные у террористов, их пособников и подконтрольных им организаций. Главной целью его работы будет оказание помощи жертвам, пострадавшим в результате действий террористических орга-

низаций и т.п. На пресс-конференции, которая прошла под председательством министра иностранных дел Сауда аль-Фейсала, глава бельгийской делегации подтвердил решимость всех делегатов создать подобный фонд. «Конфискованные деньги с замороженных банковских счетов террористических группировок фонд будет использовать для того, чтобы помогать жертвам терроризма», – заявил бельгийский делегат Конрад Дсен[55]. Он не уточнил, на какой основе эти деньги будут распределяться среди пострадавших и кто будет решать вопрос о распределении этих средств.

7 февраля 2005 г. во время заключительного брифинга для прессы принц Сауд отметил, что в ходе работы конференции было выработано 55 рекомендаций: 16 из них касались определения причин возникновения терроризма; 9 – проблем отмывания денег и незаконной торговли оружием и наркотиками; 9 – противодействия терроризму в различных странах мира, а 21 – национальных антитеррористических организаций и подразделений.

На заключительном заседании конференции глава американской делегации Ф.Таунсенд высоко оценила работу саудовских служб безопасности, сказав: «Мир не может победить терроризм без участия Саудовской Аравии, которая успешно борется с терроризмом на своей земле»[56]. Несмотря на такую оценку, многие исследователи, анализирующие итоги конференции, обращают особое внимание на тот факт, что Саудовская Аравия находится лишь в начале пути борьбы с терроризмом на своей территории. Особенно наглядно это продемонстрировала история с исламскими благотворительными фондами.

Необходимо отметить особо, что, видимо, саудовские власти не рассчитывали только на высокие оценки их деятельности, данные некоторыми участниками конференции. Они не полагались и на то впечатление, которое могло произвести в мире известие о проведении антитеррористической конференции в стране, которую уже много лет ассоциируют с явлением терроризма. Организаторами конференции были привлечены многочисленные специалисты по связям с общественностью, которые работали в основном с журналистами, освещавшими мероприятия конференции, настойчиво разъясняя им, что в королевстве активно и успешно борются с терроризмом и радикальным исламизмом во всех их проявлениях. Однако эти

усилия были практически торпедированы выступлениями некоторых саудовских религиозных деятелей в ток-шоу частных телеканалов, в которых они призывали к борьбе против США и Запада в целом, а также громким скандалом, разразившимся после завершения конференции. Этот скандал касался деятельности Абдаллы аль-Убейда. В начале 2005 г. он был назначен министром образования. С 1995 по 2002 год он был главой Мировой Мусульманской лиги. Деятельность этой организации находилась в сфере расследования, проведенного правительством США. Эта организация подозревалась в связях с «Аль-Каидой». По данным «Уолл Стрит Джорнал», аль-Убейд является «должностным лицом, замешанным в финансировании террористических организаций»[57]. Также этим изданием были приведены выдержки из речей аль-Убейда, в которых он обвинял «некоторые средства массовой информации в том, что они финансируются на деньги евреев Запада и отстаивают их интересы»[58]. Также он неоднократно заявлял, что действия палестинских террористов-смертников являются лишь «актами самозащиты, которые оправданы с религиозной стороны, а также международными соглашениями и нормами»[59].

Этот скандал лишний раз продемонстрировал, что, борясь с терроризмом, Саудовской Аравии приходится иметь дело не только с фанатичными представителями преступных организаций, но и с различными по своему характеру проявлениями, способными свести на «нет» меры по улучшению образа страны на международной арене на крайне сложном этапе ее развития.

Все ранее упомянутые проблемы и многие другие создают атмосферу в Саудовской Аравии, которая является благоприятной средой для развития различных общественно-политических течений. Для некоторых из них насильственный путь является шансом для решения собственных планов и задач. Используя проблемы, существующие в саудовском обществе, и разногласия между некоторыми представляющими властные круги государства структурами, перекладывающими бремя ответственности друг на друга, различные группировки и организации экстремистского толка получают возможность для распространения собственных идей и вербовки новых членов. Таким образом, борьба с терроризмом становится для Саудовской Аравии неотъемлемой частью борьбы за собственное

существование в качестве суверенного государства в современном мире.

[1] The Christian Science Monitor, 15.01.2003.

[2] http://www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/030201/200302112.html

[3] http://www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/030201/20020201.html

[4] International Herald Tribune, 13.03.2003.

[5] The Christian Science Monitor, 15.01.2003.

[6] Heidi Kingstone. Middle East: Trouble in the House of Saud // The Jerusalem Report Magazine, 13.01.2003.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] The Jerusalem Report, 17.01.2003.

[10] The Christian Science Monitor, 15.01.2003.

[11] Там же.

[12] Перу этого современного арабского философа принадлежат такие произведения, как «Арабская политическая история», «Наследие и новизна», «Мы и наследие», «Современная арабская философия», «Наследие и современность», «Формирование арабского образа мышления», опубликованные во многих странах арабского мира, Западной Европы и США.

[13] Fikr ya naqd, 17.05.2003.

[14] Al-Sharq Al-Awsat (London), 13.12.2004.

[15] Там же.

[16] The Daily Star, 02.07.2004.

[17] http://www.uscirf.org

[18] Там же.

[19] http://www.CNSN.com

[20] http://www.uscirf.org

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Khaleej Times, 16.02.2005.

[24] Al-Sharq Al-Awsat (London), 11.12.2004.

[25] 'Ukaz (Saudi Arabia), 06.09.2004.

[26] Там же.

[27] Ain-Al-Yaqeen. 11.02.2005.

[28] Arab news, 10.02.2005.

[29] Там же.

[30] По разным данным, личное состояние бен Ладена насчитывало 300–500 млн. долл.

[31] Arab news, 10.02.2005.

[32] Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Дело и сервис, 2000, с. 89.
[33] http://www.hrw.org/doc/?t=mideast
[34] Там же.
[35] The Christian Science Monitor, 15.01.2003.
[36] Heidi Kingstone. Middle East: Trouble in the House of Saud // The Jerusalem Report Magazine, 13.01.2003.
[37] http://www.memri.org/reform.html
[38] Agence France Presse (AFP), 29.09.2004.
[39] Там же.
[40] The Daily Star, 07.02.2005.
[41] www.asharqalawsat.com
[42] Там же.
[43] Коммерсант, № 21, 08.02.2005.
[44] http://www.ctic.org.sa
[45] International Herald Tribune, 08.04.2005.
[46] http://www.arabnews.com/20050209.html
[47] Там же.
[48] Daily Star, 07.02.2005.
[49] Речь идет о системе передачи денег под названием «хавала».
[50] The Daily Star, 07.02.2005.
[51] Arab news, 07.02.2005.
[52] Там же.
[53] Arab news, 09.02.2005.
[54] Там же.
[55] http://www.ctic.org.sa
[56] The New York Times, 08.02.2005.
[57] http://online.wsj.com/public/us
[58] Там же.
[59] Там же.

П.А.Рассадин

МАРОНИТСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОМ ЛИВАНЕ

Среди 17 религиозных конфессий, представители которых и сейчас населяют небольшой по территории Ливан, особое место занимают марониты. Притом, что их община насчитывает около 700 тыс. чел., они являются третьей по численности религиозной группой в Ливане вообще и первой среди христианских конфессий.

Корни трагических событий 1958 г., 1975–91 гг., а также многие аспекты современного социально-политического положения в Ливане уходят в далекое прошлое, когда на Ливанском хребте находили убежище тогдашние еретики – марониты. Позже взаимоотношения между представителями этой секты, их региональным окружением, а также европейскими державами стали определять образ жизни и пути развития тех территорий, которые сейчас мы называем Ливанской Республикой.

По крайней мере до середины XX в. именно марониты внесли основной вклад в формирование специфического облика ливанского общества. Пройдя путь от мелкой и изолированной религиозной группы до общины, представители которой занимают высшие государственные посты, марониты смогли сохранить свою самобытность в «мусульманском море», установить прочные политические, экономические и религиозные связи с Западом, а также добиться относительного единства в своих рядах.

На рубеже XIX-XX вв. в христианской среде начал зарождаться ливанский национализм. В 30-е годы XX в. с появлением сначала движения, а затем и партии «аль-Катаиб аль-Любнанийя» ливанский христианский национализм постепенно приобретает «маронитское лицо». Важным аспектом остается и численное превосходство маронитской общины над представителями других христианских и мусульманских конфессий. Лидирующее положение маронитов было зафиксировано в неписаном Национальном пакте 1943 г., когда за маронитами был закреплен президентский пост с весьма широкими полномочиями.

Тем временем угроза быть поглощенными «мусульманским морем» становилась все более реальной с возрастанием просирийских настроений у ливанских мусульман, с всплеском насеризма и, наконец, в связи с обострением в конце 60-х – начале 70 годов палестинской проблемы.

Во время гражданской войны 1975–1990 гг. т.н. «политический маронизм» находился на пике своего развития. Маронитская община обладала серьезным военным потенциалом, значительной поддержкой извне, ею руководили сильные лидеры, такие как К.Шамун, П.Жмайель, Б.Жмайель, Р.Эдде и др. Возникли и вполне могли быть реализованы амбициозные проекты «нового Ливана», управлявшегося бы из христианского анклава к северу от Бейрута. Однако со второй половины 80-х годов ситуация развивалась уже по другому сценарию. В начале произошел раскол в военно-политическом руководстве общины, а затем ливанская армия во главе с главнокомандующим-маронитом М.Ауном повернула оружие против главной военной силы общины – «Ливанских сил».

90-е годы обернулись полным крахом надежд ливанских маронитов. В соответствии с джентльменским соглашением 1943 г. марониты все еще сохраняли за собой посты президента и главнокомандующего ливанскими ВС. Тем не менее в целом установление режима «Pax Syriana» вызвало недовольство у духовных и политических лидеров общины. Таифские соглашения 1989 г. и Договор о братстве, сотрудничестве и координации 1991 г. сделали реальностью то, против чего в течение века боролись марониты. Кроме того, уже к 70-м годам ливанские христиане по численности стали уступать мусульманам, после войны они потеряли свое привилегированное положение в руководстве страны. За счет урезания полномочий президента были расширены права премьер-министра и спикера парламента, а роль главнокомандующего армией в условиях сирийского контроля за ливанскими силовыми ведомствами также становилась незначительной. Разумеется, с такой системой «разделения властей» не могло смириться руководство ослабленного во время войны правохристианского лагеря. Кроме того, фактически под контролем Сирии оказалась и ливанская внешняя политика. В конечном итоге маронитские идеологи заговорили о фактическом «аншлюсе Ливана Сирией».

Сирийское военное присутствие и значительное политическое влияние сирийцев в Ливане в результате способствовали

завершению боевых действий, разоружению негосударственных вооруженных формирований, а в конечном итоге – стабилизации ситуации в этой стране. Однако установление в Ливане «Pax Syriana» нанесло сильный удар по военно-политическому руководству маронитской общины. Так, в 1994 г. после обвинения во взрыве бомбы в церкви в городке Зук Микаэль был арестован лидер «Ливанских сил» С.Джаджа. Ему также было инкриминировано убийство бывшего премьер-министра Р.Караме в 1987 г. и одного из крупных маронитских лидеров Д.Шамуна в 1990 г.; в итоге С.Джаджа был приговорен к пожизненному заключению. Сама организация, трансформировавшаяся к тому времени в чисто политическую партию, была распущена.

К христианской оппозиции формально можно отнести маронита М.Ауна и возглавляемое им «Свободное патриотическое движение». В целом аунистское движение возникло в христианской среде и первое время даже сотрудничало с «Ливанскими силами». Однако в конце концов М.Аун встал на позиции светского ливанского национализма и по этой причине пользуется значительной поддержкой среди нехристиан[1]. Сам генерал пока находится во Франции, а деятельность созданного его сторонниками «Свободного патриотического движения» в Ливане в основном сводится к акциям протеста с участием студентов, в среде которых позиции аунистов оказались особенно сильны.

Происходившие процессы затронули и традиционного выразителя интересов маронитской общины – партию «Катаиб». В 90-е годы ее руководство пошло на сотрудничество с правящим режимом и de facto одобрило сирийскую политику в Ливане. Таким образом, маронитский политический истеблишмент в большинстве своем был вынужден следовать в фарватере нового просирийского руководства Ливана. Тем самым Дамаск смог на деле подтвердить значимость и необходимость своего военно-политического присутствия в стране, т.к. в результате удалось несколько снизить экстремистские и реваншистские настроения в рядах маронитов, которые могли угрожать и сохранению пока еще хрупкого мира в Ливане, и интересам безопасности САР, напрямую связанной, по мнению сирийцев, с безопасностью Ливана.

Единственной силой, «недосягаемой» для Дамаска и открыто выступающей с антисирийских позиций, оставалось маронитское духовенство и лично патриарх Н.Сфейр. В силу своего положения он не может оказывать непосредственного вли-

яния на политику в стране, однако уже с начала 90-х годов активно выступал как духовный лидер всех антисирийских выступлений в Ливане (притом, что в 1989 г. он заявил о своей поддержке Таифских соглашений – мирного урегулирования «по-сирийски»). Фактически после разгрома или подчинения маронитских политических структур официальному Бейруту маронитская церковь должна была заполнить образовавшийся вакуум и взяла на себя роль защитника маронитской общины, которая, по ее мнению, значительно пострадала во время войны[2].

Наиболее активной политической силой ливанской христианской оппозиции можно назвать действующий с 2001 г. блок «Корнет Шехван». К 2005 г. в это объединение входят 22 центристских и правоцентристских, в основном маронитских политика, действующих под покровительством маронитского патриарха Н.Сфейра. В целом в политической программе объединения говорится о необходимости защиты демократии и обеспечении полноценного разделения властей, уважения прав человека и разработки более справедливого избирательного закона. В современных условиях особенно важен пункт об ограничении вмешательства служб безопасности в различные сферы жизни. Что касается отношений с Сирией, то, по мнению членов объединения, связи между двумя странами в их современной форме губительны для обеих сторон. Только «полное восстановление суверенитета Ливана» и возвращение ему свободы принятия политических решений поможет сохранить исторически дружеские отношения между двумя странами.

Развитие событий с лета 2004 г. во многом создало питательную почву для активизации деятельности маронитских политических сил. В ноябре того же года в Ливане должны были пройти очередные президентские выборы, и ожидалось, что в соответствии с конституцией Ливанской Республики Э.Лахуд покинет президентский пост после завершения срока своих полномочий. Получив поддержку маронитской общины и церкви в момент прихода к власти в 1998 г., в 2000 г. генерал Э.Лахуд уже начал терять ее, когда развернул масштабную и достаточно жесткую кампанию против антисирийской оппозиции, основу которой составляли тогда маронитские политики и студенты. К 2004 г. он окончательно скомпрометировал себя в глазах маронитов как полностью зависимая от Дамаска фигура.

В преддверии президентских выборов оппозиция была намерена добиться ухода Э.Лахуда с высшего государственно-

го поста и избрания нового, независимого от Дамаска президента. Таким образом, можно было бы развить успех парламентских выборов 2000 г. и еще больше ослабить позиции просирийских сил в стране. Тем не менее 3 сентября полномочия Э.Лахуда были продлены на 3 года, а днем раньше СБ ООН принял резолюцию № 1559, которая вывела внутренний кризис на международный уровень. Вовлечение в проблему мирового сообщества подчеркнуло активность ливанской диаспоры (особенно в США), а также придало дополнительный импульс политической деятельности как умеренной демократической оппозиции, так и более радикальным националистическим организациям («Ливанские силы», «Свободное патриотическое движение»). В конце концов своего рода объединяющим фактором в деятельности всех оппозиционных сил стало требование скорейшего вывода из Ливана сирийских войск и освобождение страны от политической опеки Дамаска.

В декабре 2004 г. блок «Корнет Шехван» принял участие в формировании более широкого «Бристольского объединения», которое сейчас чаще всего обозначается как «объединенная оппозиция во главе с В.Джумблатом». У новой организации нет конкретной политической программы, однако декларация принципов призывает к проведению демократических выборов и полной реализации Таифских соглашений, прекращению сирийского вмешательства в ливанскую политику, к уважению демократических принципов и прав человека, а также к укреплению солидарности всех ливанцев, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. После ухода в отставку в октябре 2004 г. на сближение с будущими участниками «Бристольского объединения» пошел и бывший премьер-министр Ливана Р.Харири. Считалось, что такой альянс может изменить баланс политических сил в стране и значительно увеличить шансы оппозиции на победу в парламентских выборах в мае 2005 г.

Несмотря на то, что в состав блока входят представители различных религиозных групп, в т.ч. и мусульмане, важную роль в нем по-прежнему играют марониты. Устойчивость их позиций обеспечивается существованием оси (хотя и достаточно непрочной): маронитская эмиграция – маронитская оппозиция в Ливане – маронитская церковь. Что касается, например, суннитских политиков, то их духовные лидеры по основополагающим вопросам пока придерживаются позиций официального руководства и просирийского лагеря. Таким образом,

климат внутри оппозиционного объединения во многом и сейчас определяется межмаронитскими отношениями и их готовностью сотрудничать с другими политическими силами.

Однако не стоит забывать и о том, что далеко не вся община находится на антисирийских позициях. Уже было сказано о партии «Катаиб», однако ее просирийская ориентация объясняется не настроениями членов, а лояльностью Дамаску высшего партийного руководства, в первую очередь лидера партии К.Пакрадуни.

В этой связи стоит упомянуть и род Франжье с Севера Ливана, который занимает особое место среди маронитов Ливана. Франжье, являясь по сути дела представителями традиционных ливанских кланов (в частности С.Франжье, президент Ливана 1970–76 гг.), имеют неплохие отношения с Дамаском. В большинстве своем они поддерживают современное руководство, а самое главное – исторически испытывают неприязнь и даже прямую ненависть к Жмайелям и их сторонникам. Кроме того, «Марада» (бывшая вооруженная организация рода Франжье и г. Згорта) является фактически единственной маронитской организацией, входящей в состав просирийской политической коалиции «Айн ат-Тине»[3].

Все это показывает, что внешне кажущийся единым маронитский политический истеблишмент на самом деле разрывается изнутри от множества противоречий (некоторые, в частности конфликт между Жмайелями и Франжье, носят исключительно характер кровной вражды), которые тянутся со времен гражданской войны, и изжить их в ближайшей перспективе вряд ли возможно. И сегодня, спустя почти 15 лет после завершения гражданской войны, не удается достичь внутреннего консенсуса даже в рамках христианской общины, нельзя говорить и о примирении внутри ливанского общества вообще. В таких непростых условиях страна вступила в новый этап.

Наиболее острую форму кризис принял в феврале 2005 г. после гибели бывшего премьер-министра Р.Харири. Главным результатом сложившейся кризисной ситуации стал вывод из Ливана сирийских войск и сотрудников спецслужб. Такое развитие событий вероятнее всего повлечет за собой кардинальное изменение социально-политической обстановки в стране. Недавняя серия взрывов в христианских районах Бейрута позволяет ожидать и возможного всплеска насилия в стране, в том числе и на конфессиональной почве.

На сегодняшний день все легальные политические силы демонстрируют настрой на мирное разрешение политического кризиса. Противники режима воздерживаются от агрессивных действий как против «официального Бейрута», так и против сирийских интересов. Сейчас их основным «оружием» является энергия общественного недовольства политикой властей, а также всячески демонстрируемое единение ливанской нации.

В то же время на современном этапе опасность раскола существует не только на национальном уровне, но и внутри самой маронитской общины, чьи представители участвуют в деятельности практически всех общественно-политических сил. Это политики, лояльные «официальному Бейруту», умеренная и радикальная оппозиция, церковь.

Пока текущие события указывают на все возрастающую угрозу единству объединенного оппозиционного фронта, действующего под руководством В.Джумблата. Уже практически стало реальностью возвращение в Ливан генерала М.Ауна, намеченное на 7 мая[4]. И пока он еще не отказался от своих слов о возможности участия в парламентских выборах в конце мая и президентских в 2007 г. Помимо того, в одном из своих заявлений он сообщил о готовности идти на парламентские выборы в альянсе с «Хизбаллой». Ее представители официально также не отрицали такую возможность[5], тем более что «Партия Аллаха» и аунисты никогда не выступали в качестве прямых политических противников.

Как отмечают местные наблюдатели, единственным серьезным препятствием этому союзу может стать требование М.Ауна о разоружении шиитской организации. Готовность сторон найти взаимовыгодное решение этого вопроса действительно может привести к оформлению нового политического альянса.

При этом оппозиция во главе с В.Джумблатом также ожидает, что генерал и его сторонники пополнят ее ряды. Однако при своей оппозиционности просирийскому режиму аунисты, скорее всего, не смогут вписаться в течение, возглавляемое В.Джумблатом. Независимый и бескомпромиссный генерал вряд ли сможет долгое время действовать в рамках существующей оппозиционной организации. Поэтому попытки втянуть генерала в этот политический альянс могут привести только к расколу среди оппозиционеров. В частности, уже сообщается о разногласиях по поводу будущего кандидата на пост президента, возникших между В.Джумблатом и маронитами[6].

На сегодняшний день в рядах ливанской оппозиции нет персоналий, способных сравниться по популярности и авторитетности с убитым Р.Харири. Без его участия деятельность оппозиции будет лишена единого стержня, объединяющего ее членов, которые, являясь *ливанскими* политиками, все равно тяготеют к *своим* регионам, религиозным общинам и защите их интересов. При этом ее отдельные представители еще до событий 14 февраля начали утрачивать свои позиции. Так, судя по настроениям в Ливане, даже такой авторитетный деятель, как В.Джумблат, теряет поддержку друзской общины, традиционным лидером которой он является. По этой причине даже незначительные разногласия или провокации могут разрушить оппозиционный альянс.

В этой связи личность М.Ауна вызывает особый интерес. По данным Интернет-ресурса «Liban Vote», где непрерывно проходят социологические опросы по актуальным проблемам ливанского общества, наиболее популярными политическими деятелями в истории современного Ливана считаются М.Аун (за него проголосовали 23% из более чем 31 тыс. опрошенных ливанцев) и бывший лидер «Ливанских сил» маронит С.Джаджа (19%)[7]. При этом первый вплоть до настоящего времени официальными властями рассматривается как беглый преступник, а второй, более 10 лет находящийся в тюремном заключении, считается одним из наиболее последовательных противников сирийской политики в Ливане.

Конечно, только эти данные не могут полностью отразить настроение в стране, однако позволяют оценить некоторые тенденции, которые действительно указывают на высокую популярность этих политиков-маронитов.

При этом стоит учесть, что бывшего мятежного генерала нельзя назвать маронитским политиком в полном смысле этого слова. На завершающем этапе гражданской войны он показал себя как борец за независимость Ливана, за вывод с его территории иностранных войск и развернул «войну на уничтожение» против сил правохристианского лагеря, направленную на подчинение его своему контролю.

В глазах рядовых ливанцев, далеких от политических игр на высшем уровне, М.Аун остается символом секуляризованного ливанского национализма, явления достаточно редкого в условиях этой страны. Важно и то, что кроме христианской общины он весьма популярен и среди мусульман. В 1996 г. по результатам опроса, проведенного среди ливанских шиитов с

целью узнать, кого бы они хотели видеть руководителем страны, генерал занял третье место, уступив лишь двум крупным религиозным деятелям и обойдя Н.Берри – самого высокопоставленного шиитского политика в Ливане[8]. Все эти факты позволяют считать альянс М.Ауна с «Хизбаллой» и его успех на выборах вполне возможным.

Несмотря на участие почти всех ключевых маронитских организаций в умеренном «Бристольском объединении» (символически там представлены и «Ливанские силы», и два оппозиционных крыла партии «Катаиб»[9]), среди маронитов сохраняются и радикальные политические настроения, выразителем которых являются все те же «Ливанские силы», а также (пока на уровне риторики) небольшая, но в свое время достаточно активная маронитская организация «Стражи кедра».

Судя по развитию событий, «Ливанские силы» скоро вновь смогут обрести своего лидера: законопроект об амнистировании С.Джаджи уже передан в парламент[10]. Важность этой фигуры заключается в том, что он рассматривается как символ, с одной стороны, «произвола просирийского режима», а с другой, – борьбы против сирийского влияния. Поэтому по мере достижения каких-либо успехов в вопросе освобождения авторитетного военного лидера маронитов С.Джаджа будет расширяться деятельность наиболее радикальной маронитской организации «Ливанские силы».

Так, 21 апреля 2005 г. впервые за 5 лет сторонники и активисты этой организации провели крупный митинг в поддержку своего лидера в центре Бейрута[11]. Несколькими днями позже – 24 апреля, во время встречи представителей оппозиции в резиденции маронитского патриарха в Бкирки с «программной» речью выступила супруга С.Джаджи, которая фактически исполняла обязанность отбывающего тюремное заключение лидера партии. Она заявила, что «Ливанские силы» сохраняют свою приверженность Таифским соглашениям (тогда в 1989 г. С.Джаджа тоже поддержал их), не намерены предпринимать каких-либо действий, угрожающих единству оппозиции, а также «считают необходимым установление наилучших отношений с Сирией на основе уважения интересов друг друга»[12].

Очевидно, что такая позиция противоречит традиционным политическим установкам «Ливанских сил». Представляется, что подобные заявления отражают тенденцию на укрепление позиций партии как легальной умеренной политической силы, дей-

ствующей исключительно в интересах Ливана. Об этом же свидетельствовало и приуроченное к 30-летней годовщине начала гражданской войны официальное заявление Совета по политическим вопросам «Ливанских сил», в котором прозвучал призыв к правильному осмыслению итогов гражданской войны, национальному диалогу, а также учету особенностей ливанского общества при проведении политических преобразований[13]. При этом не исключено, что представленная программа «Ливанских сил» может быть скорректирована после майских парламентских выборов. Пока же она вписывается в ливанские политические реалии.

В целом же ситуация в политическом руководстве «Ливанских сил» не столь радужная. После ареста С.Джаджи в 1994 г. в организации существуют как минимум две фракции, причем одна из них во главе с генералом Ф.Малеком, по крайней мере, до событий 14 февраля занимала откровенно просирийские позиции и часто выступала с критикой действий ливанских националистов.

Амнистирование С.Джаджи, вероятнее всего, придаст новый импульс внутрипартийной борьбе, оживит старый конфликт между восстанавливающимися «Ливанскими силами» и аунистами. Сам генерал М.Аун, сохраняя имидж общенационального ливанского политика, уже развернул критику националистической символики, используемой «Ливанскими силами»[14]. Хотя, судя по настроениям сторонников С.Джаджи, они пока вряд ли пойдут на конфронтацию с кем-либо из своих противников.

Другие представители маронитского политического лагеря выступают сейчас с более радикальных позиций. Они уже критикуют политику объединенной оппозиции, обвиняя ее в ослаблении давления на сирийцев и их союзников, отсутствии реальной политической программы, осуждают отказ от полного выполнения резолюции СБ ООН № 1559[15]. Пока эти заявления высказываются не столь авторитетной организацией «Стражи кедра», однако они отражают опасную тенденцию к возможному разочарованию в деятельности «Бристольского объединения», а это окончательно очистит путь для маронитских экстремистов, которые также могут подвергнуть критике и новый курс «Ливанских сил».

Вероятность всплеска христианского экстремизма, который может быть направлен против потенциальных союзников Сирии в «новом» Ливане, пока еще полностью исключить нельзя. Возможно, его проявлением стали нападения на сирийских рабочих, последовавшие вскоре после начала массовых акций протеста в центре Бейрута.

Важно обратить внимание и на позицию С.Джаджи и М.Ауна относительно современных ливанских лидеров. Они серьезно настроены на коренное изменение состава ливанского политического руководства и считают сирийскими ставленниками не только президента Э.Лахуда и его сторонников, но даже покойного Р.Харири[16]. В этой ситуации включение в современный политический процесс таких политиков, как С.Джаджа и М.Аун, может привести к самым непредсказуемым последствиям.

По мнению ливанских наблюдателей, сирийское влияние в Ливане сохранится и после непосредственного вывода войск прежде всего благодаря деятельности системы созданных Дамаском политических союзов[17]. Сюда же следует добавить активную деятельность ливанского отделения партии «Баас», Сирийской национал-социальной партии (СНСП), программные установки которых базируются на идеях арабского и сирийского национализма, соответственно. Не стоит сбрасывать со счетов и ощутимое сирийское влияние в официальном крыле партии «Катаиб».

По мере радикализации настроений среди ливанских маронитов, которые составляют основу антисирийских движений, именно представительства СНСП и «Баас» могут стать объектами нападений со стороны активистов наиболее экстремистски настроенной части общины. Конфликты такого рода способны расшатать обстановку в стране и обострить межконфессиональные противоречия, тем более, что в СНСП и «Баас» входят члены различных конфессий, и их представительства есть практически по всей стране. Что касается «Катаиб», то вопрос «освобождения» этой партии «от сирийцев» был поднят в интервью информационной службе WSN лидера одной из оппозиционных фракций фалангистов А.Жмайеля[18].

Опасной тенденцией видится возникновение в некоторых христианских районах страны добровольных дружин, которые вместе с полицией ведут патрулирование улиц. «Дружинники» отрицают, что их действиями руководит кто-то из высокопоставленных представителей маронитской общины, однако не скрывают свою приверженность идеям официально запрещенной организации «Ливанские силы»[19].

Кроме того, по мере усугубления кризиса в Ливане возрос оборот огнестрельного оружия, а также фальшивых документов на право его хранения[20]. Не следует недооценивать и тот

факт, что со времен гражданской войны в Ливане существует значительное количество небольших, как правило, частных морских портов, через которые при необходимости можно достаточно быстро наладить и более крупные поставки в Ливан оружия и снаряжения[21].

Потенциальной угрозой безопасности христианского населения Ливана может стать усиление ливанских исламистских структур. Как и 30 лет назад, палестинцы являются важной опорой для деятельности радикальных суннитских организаций, многие из которых в качестве конечной цели провозглашают установление в Ливане исламского государства[22]. Ливанская пресса уже фиксирует рост политической активности исламистов с начала вывода сирийских войск. Пока на виду лишь реорганизация их политических структур[23]. Освобождение радикальных суннитских организаций, активно действующих и в палестинских лагерях, от сирийского контроля может также быть расценено маронитскими организациями как предлог для принятия дополнительных мер по обеспечению своей безопасности. Тем более, что традиционно маронитский Центр Ливана (официальное обозначение – Горный Ливан) непосредственно граничит с преимущественно суннитским Севером, где и находится крупный центр суннитского радикализма – г. Триполи.

Масла в огонь подливают и сообщения в американской печати, усиленно распространяющие слухи о том, что после официального свертывания деятельности спецслужб на территории Ливана сирийцы намерены активизировать здесь деятельность своей агентуры в обществе, в государственном руководстве и политических кругах страны «для срыва парламентских выборов»[24]. Этим целям служат и постоянные американские обвинения Дамаска и официального Бейрута в причастности к убийству Р.Харири, а также к повторяющимся взрывам в ливанских городах.

Все это позволяет говорить, что современный сирийско-ливанский кризис во многом инспирирован и раздут внешними силами, чьей непосредственной поддержкой пользуется прозападно настроенная ливанская оппозиция. Деятельность такого рода практически «обречена на успех», т.к. подобные нападки затрагивают традиционные межконфессиональные противоречия и еще долгое время позволят «корректировать» настроения ливанской улицы. Кроме того, именно после гражданской войны реальную роль в поддержке ливанской политики США и

европейских стран стала играть ливанская диаспора, основу которой составляют именно марониты. На международном уровне регулярно проводятся встречи с участием крупных маронитских политических деятелей, осевших в различных странах мира. Разумеется, реального влияния на обстановку в Ливане такие встречи оказать не могли, однако они служат трибуной для выражения и распространения антисирийских идей. Что же касается оппозиционеров в Ливане, то они получают оправдание своей деятельности и на уровне «маронитского интернационала». Нельзя сбрасывать со счетов и активность ливанского лобби в Вашингтоне, которое также активно взаимодействует с неливанскими маронитскими объединениями.

Считается что деятельность ливанского лобби в США способствовала принятию в сентябре 2004 г. резолюции СБ ООН 1559[25], которая, в частности, требовала «вывода из Ливана всех оставшихся на его территории иностранных сил», а также «разоружения всех ливанских и неливанских вооруженных формирований». Кроме того, США и их союзники стремятся играть ведущую роль в расследовании обстоятельств убийства Р.Харири. Именно упомянутая резолюция, как отмечал сирийский представитель при ООН Ф.Мекдад, и как показали дальнейшие события, «разделила ливанский народ»[26]. Появление этого документа в связи с продлением полномочий президента Э.Лахуда придало первый импульс еще не оформившейся оппозиции и помогло ей указать на тех, кто шел «против международной законности».

Заслуживающим внимания, однако пока не используемым инструментом в руках США и их союзников остается возможность «косвенного» участия в выборах, особенно в президентских, которые намечены на 2007 г. Учитывая все возрастающую активность американской дипломатии в Ливане, можно предположить, что США могут даже назвать и продвигать «своего» кандидата на высший государственный пост. Тогда возникает опасность того, что на смену «особым отношениям» между Ливаном и Сирией придут «особые отношения» между Ливаном и США, что отнюдь не будет способствовать внутреннему примирению в стране.

Все эти факторы в очередной раз высвечивают традиционную склонность ливанских маронитов, составляющих костяк оппозиционного движения, искать поддержку у стран Запада. При этом в контексте американских ближневосточных проек-

тов, политические амбиции отдельных маронитских лидеров могут поставить Ливан в зависимое положение уже не от Сирии, а от США.

Обоснованно предположить, что очередной ливанский кризис развивается по своему традиционному сценарию, когда раздуваемые извне внутренние противоречия открывают страну для иностранного влияния и превращают Ливан в арену для противоборства крупных региональных и мировых держав. Как показывает история, сам по себе Ливан не является непосредственным объектом устремлений западных государств. Он привлекает главное внимание лишь из-за конгломерата религиозных общин, которые сосуществуют на его небольшой территории. Разжигание традиционных межобщинных конфликтов сначала приводит к возникновению крупного очага нестабильности в Восточном Средиземноморье, а в итоге Ливан в результате игры на противоречиях между отдельными конфессиями используется Западом как ворота для проникновения в этот регион.

Что касается маронитов, то они традиционно играют важную роль в процессах, происходящих в Ливане, и в условиях возникшего кризиса их политический вес может несколько увеличиться. Тем не менее им уже не удастся в силу объективных причин, прежде всего роста численности мусульманского населения, вернуть свои позиции. Обеспокоенность вызывают лишь два момента. Первое – это возможная опора внешних сил, действующих на ливанской политической арене, на оппозиционные силы вообще и маронитов, в частности. При этом в качестве внешней силы может выступать не конкретное западное государство, а непосредственно маронитская диаспора, в свою очередь действующая в рамках внешнеполитических интересов принявшего их государства. Другой аспект – это рост экстремистских настроений среди ливанских маронитов и возможное обострение внутриобщинных противоречий. Одновременно в политическую борьбу включатся наиболее яркие представители маронитской общины, которые вряд ли смогут мирно сосуществовать.

Сейчас маронитская община переживает сложный период своего утверждения в послевоенном и теперь уже «постсирийском» Ливане. Идет формирование новых политических установок и союзов. На сегодняшний день от политики и настрое-

ний среди маронитов во многом будет зависеть исход современного кризиса или же его возможная эскалация.

[1] Lebanese Christians: A Unified Opposition Front? // Middle East Intelligence Bulletin. Vol. 4, № 10, October 2002.

[2] *Dossier:* Nasrallah Boutros Sfeir. 76th Patriarch of the Maronite Church // Middle East Intelligence Bulletin. Vol. 5, № 5, May 2003.

[3] Declaration and membership of the Ain El-Tineh Pro Syrian Gathering // Lebanon Wire.

[4] www.tayyar.org – Официальный сайт «Свободного патриотического движения», 17.04.2005.

[5] The Daily Star, 05.02.2005.

[6] The Economist, March 26th – April 1st.

[7] Most popular political personality in the history of Lebanon, по состоянию на 25.04.2005 // www.libanvote.com

[8] Dossier: Michel Aoun // Middle East Intelligence Bulletin. Vol. 3, № 1, January 2001.

[9] Qornet Shehwan Gathering // Lebanon Wire.

[10] Naharnet, 18.04.2005.

[11] www.lebaneseforces.com – информационный ресурс партии «Ливанские силы», 22.04.2005.

[12] www.lebaneseforces.com – информационный ресурс партии «Ливанские силы», 25.04.2005.

[13] www.lebanese-forces.org – официальный сайт партии «Ливанские силы», 12.04.2005.

[14] www.lebaneseforces.com – информационный ресурс партии «Ливанские силы», 18.04.2005.

[15] www.gotc.com – официальный сайт партии «Стражи кедра», 15.04.2005.

[16] The US and France Tip the Scale in Lebanon's Power Struggle // Middle East Intelligence Bulletin. Vol. 6, № 6–7, June-July 2004.

[17] Reuters, 29.03.2005.

[18] Former President Amine Gemayel: «The main challenge is Syrian hegemony» // Interview, World Security Network (WSN), 26.04.2005.

[19] Reuters, 05.04.2005.

[20] Lebanonwire, 31.02.2005.

[21] The Economist, March 26th – April 1st.

[22] Ain al-Hilweh: Lebanon's «Zone of Unlaw»// Middle East Intelligence Bulletin. Vol. 5, № 6, June 2003.

[23] аль-Мустакбаль, 28.03.2005.

[24] Washington Post, 31.03.2005.

[25] The road to UNSCR 1559 (Part One) // Lebanon wire, 29.11.2004.

[26] Monday Morning, 28.03.2005.

Н.С.Губанов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРЕЦКО-ГЕРМАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В контексте усилий турецкого руководства, направленных в последнее время на вступление Турции в Европейский Союз в качестве полноправного члена, особое значение приобретают двусторонние экономические и политические связи Турции с членами ЕС, прежде всего – с имеющими наибольший экономический и политический вес. Это, в частности, подтверждает саммит ЕС, прошедший 16–17 декабря 2004 г., на котором было принято решение о начале (предположительно в октябре 2005 г.) официальных переговоров о полноправном членстве Турции в ЕС.

Особого рассмотрения в этой связи заслуживают связи Турции и Германии – отношения европейского гиганта, традиционно поддерживающего разносторонние связи с Турцией, и самого влиятельного государства на евразийском геополитическом пространстве, являющегося одним из самых верных, но и самых спорных союзников Запада.

Федеративная Республика Германия, ставшая в последнее время одним из лидеров и едва ли не самой активной сторонницей интеграции в рамках Евросоюза, безусловно, играет ведущую роль и в налаживании отношений Турции со странами ЕС. Более того, уровень контактов между двумя странами позволяет говорить о совершенно особом месте Германии в системе внешних связей Турции.

Германо-турецкое сотрудничество имеет прочные исторические корни. Проникновение Германии в Османскую империю началось во второй половине 19 века, а уже к концу столетия ее влияние стало превалирующим; тогда же германский капитал вышел в Турции на лидирующие позиции, опередив Великобританию и Францию. Примером и во многом символом сотрудничества двух империй стало заключение в 1888 году соглашения о концессии Германии на строительство стратегиче-

ской Багдадской железной дороги. Германская и Османская империи были союзниками в первой мировой войне; партнерские отношения двух стран последовательно развивались и в дальнейшем, независимо от их внутреннего социально-экономического и политического положения.

Значительный спад в германо-турецких торгово-экономических связях произошел (по понятным причинам) лишь в конце второй мировой войны. Однако в послевоенный период их объем восстановился достаточно быстро. Так, если в 1946 г. турецкий импорт из Западной Германии составил лишь 41 тыс. долл., то уже в 1951 г. он увеличился до 94,9 млн. долл. – по этому показателю Германия обошла даже США (48,4 млн. долл.), чья роль в международных связях Турции в тот период была, безусловно, определяющей[1].

Одной из первых ФРГ начала оказывать Турции экономическую помощь в виде даров и кредитов на весьма льготных условиях: уже в 1958 г. Турции было предоставлено 210 млн. марок[2]. Кстати, оказание этой помощи (на сугубо двусторонней основе – в соответствии с ежегодно подписываемым Соглашением о финансовом и техническом сотрудничестве) продолжается и по сей день; так, по соглашению 2004 г. турецкой стороне было предоставлено 17,1 млн. евро в виде дара и 12 млн. евро целевых кредитов (на сооружение и модернизацию конкретных инфраструктурных объектов) сроком на 30 лет из расчета 2% годовых (типичные для подобных кредитов условия). Всего же с 1958, по 2004 г. Турция получила по этой линии сумму, эквивалентную свыше 4 млрд. евро[3]. С учетом же частных кредитов и инвестиций в Турцию после 1949 г. поступила из Германии сумма, эквивалентная около 10 млрд. евро.

Помимо этого, ФРГ участвует в оказании финансовой помощи Турции по линии международных организаций: МВФ, МБРР, ЕЭС и др.

В последнее время Турция все шире обращается и к использованию заемных средств из негосударственных источников, здесь Германия также входит в число основных доноров.

С 1964 г. ФРГ оказывает Турции и военную помощь, предоставляя как финансовые средства «в виде даров 18-месяч-ными пакетами» (до 1986 г. было передано всего 1450 млн. марок), так и вооружение и имущество, в основном из излишков бундесвера, образующихся в процессе модернизации[4]. В частности, в 1990–1991 гг. Турции была безвозмездно передана круп-

ная партия вооружения (включающая более 300 БТР, около 300 тыс. автоматов и пулеметов, артиллерийские системы, ракеты различного назначения) и снаряжения из запасов армии бывшей ГДР.

Правда, использование получаемых таким образом вооружений и военной техники против курдских повстанцев на юго-востоке Турции вызывает серьезные нарекания различных политических сил в ФРГ, прежде всего правозащитных организаций. Под их нажимом немецкое правительство в 90-е годы несколько раз приостанавливало военно-техническую помощь Турции, однако всякий раз возобновляло ее после получения соответствующих разъяснений турецкой стороны. Так, поставка Турции 350 танков «Леопард-2» фирмы Краус-Маффай-Вертехник, намеченная на 1999 г., вызывала споры в стане правящей коалиции СДПГ-Зеленые, и до сих пор неизвестно, сможет ли Турция получить даже 350 из запланированных 1000 новейших немецких танков[5].

Помимо этого, ФРГ оказывает Турции техническое содействие в производстве вооружений: в числе совместных проектов можно назвать прежде всего подводные лодки проекта 209, ракетные катера («Доган»), а также ракеты ПВО «Стингер» (в последнем проекте принимают участие также США, Италия и Греция). Участвует Германия и в модернизации находящихся на вооружении турецкой армии танков М-60 и «Леопард-1», а также самолетов Ф-4 и Ф-5[6].

Безусловно, лидирующие позиции сохраняет ФРГ и во внешнеторговых связях Турции. Так, на протяжении долгого времени Германия остается ее ведущим внешнеторговым партнером, значительно опережая по объему товарооборота все другие страны – 19,067 млрд. долларов (январь – ноябрь 2004 г.), что составило 13,3% совокупного внешнеторгового оборота Турции в этом году (тот же показатель для занимающей второе место Италии ниже почти в два раза – 10,259 млрд. долл. и 7,2% соответственно). Доля ФРГ в турецком экспорте в 2004 г. (январь-ноябрь) составила 14,1%, в импорте – 12,9%, в сравнении: доля идущей на втором месте Италии в турецком экспорте – 7,3%, в импорте – 7,1%. По этим показателям Германия опережала, например, все исламские страны, вместе взятые[7].

Общие тенденции в двусторонних торговых отношениях показаны на табл. 1.

Таблица 1

Турецко-германская внешняя торговля в 1982–2004 гг.

(млн. долл.)

Год	Экспорт (э)	Импорт (и)	Соотношение э/и	Баланс	Объем
1982	707	1009	0,70	-302	1716
1983	838	1053	0,80	-215	1891
1984	1280	1172	1,09	108	2452
1985	1391	1369	1,02	22	2760
1986	1444	1772	0,81	-328	3216
1987	2184	2109	1,04	75	4293
1988	2149	2054	1,05	95	4203
1989	2175	2204	0,99	-29	4379
1990	3064	3497	0,88	-433	6561
1991	3413	3232	1,06	181	6645
1992	3660	3754	0,97	-94	7414
1993	3654	4533	0,81	-879	8187
1994	3934	3646	1,08	288	7580
1995	5036	5548	0,91	-512	10584
1996	5187	7814	0,66	-2627	13001
1997	5253	8021	0,65	-2768	13274
1998	5460	7316	0,75	-1856	12776
1999	5475	5880	0,93	-405	11355
2000	5180	7198	0,72	-2018	12378
2001	5367	5335	1,01	32	10702
2002	5869	7042	0,83	-1173	12911
2003	7485	9453	0,79	-1968	16938
2004	8743	12513	0,70	-3770	21256

Источник: сайт Центрального Банка Турецкой Республики (www.tcmb.gov.tr)

Отчетливо виден общий рост объема товарооборота между двумя странами за последние 20 лет, падение наблюдалось лишь во время экономических кризисов в Турции в 1994, 1999 и 2001 гг. Особенно значительно темпы его роста увеличивались в последние 2 года: в 2003 г. рост составил 31%, а в 2004 г. – 25,5%; в абсолютных цифрах эти годы стали рекордными для двусторонней торговли. Причем если экспорт Турции в 1995–

2001 гг. стабильно оставался на уровне 5–5,5 млрд. долл. и значительно рос лишь последние 3 года, то ее импорт из ФРГ сильно колебался в этот же период с 5,5 до 8 млрд. долл.

Как видно из табл.1, торговый баланс между двумя странами был практически неизменно в пользу Германии, в частности, за последние 10 лет лишь в 2001 г. у Турции было положительное сальдо, оно составило 32 млн. долл. За тот же период общее положительное сальдо Германии составило 17,065 млрд. долл. Нами не случайно был взят именно период с 1995 по 2004 гг.: дело в том, что начиная с 1995 г. – года вступления Турции в таможенный союз с ЕС отрицательное сальдо внешнеторгового баланса Турции начало стремительно увеличиваться: так, за предыдущие 10 лет (с 1985 по 1994 гг.) отрицательное сальдо Турции в торговле с ФРГ составило лишь 6,5% (1,102 млрд. долл.) от соответствующего показателя за последние 10 лет.

В двусторонних торговых отношениях центральную роль играет германская федеральная земля Северный Рейн – Вестфалия (СРВ). Во многом это происходит из-за концентрации турецких предпринимателей, живущих в Германии именно на территории этой земли. Объем торговли этой земли с Турцией равнялся в 2001 г. 3,4 млрд. евро. Причем 1,35 млрд. евро из этой суммы пришлось на импорт в Турцию, а 2,06 млрд. евро – на экспорт в Германию[8].

Объемы экспорта трикотажа и текстиля, которые являются одной из важнейших статей турецкого экспорта в ФРГ (см. табл. 2), колебались в последние годы, но в целом имели устойчивую тенденцию к постепенному росту (рост в 2000–2003 гг. составил 28%). Значительный рост в последние годы наблюдается в экспорте электротехники, автомобилей и оборудования из Турции: в период 2000–2003 гг. он увеличился на 61%, 118% и 129% соответственно. Экспорт Турцией овощей и фруктов в середине 90-х годов имел тенденцию к росту, в конце 90-х годов снижался, а в период 2000–2003 гг. увеличился на 7,5%. Экспорт турецких товаров ручной работы имеет с 1996 г. стабильную тенденцию к постепенному росту, в 2000–2003 гг. он составил 51%.

В импорте из ФРГ первое место занимает различное оборудование, его ввоз в Турцию увеличился в период 2000–2003 гг. на 53%. Импорт электроприборов и техники, хотя и снизился в 1998–99 гг., в целом постоянно возрастал, но незначительно,

так, в 2000–2003 гг. его рост составил всего 1%. Импорт автомобилей также незначительно вырос в 2000–2003 гг. – на 10,5%. Одна из крупнейших сделок в сфере торговли автомобилями была заключена в начале 2005 г. В соответствии с ней немецкий автомобилестроительный концерн Daimler-Chrysler AG поставит в Турцию 450 городских автобусов на сумму в 100 млн. евро. Значительно вырос импорт из ФРГ стали и других металлов, а также продуктов фармацевтической промышленности, достаточно сказать, что в 2000 г. они не входили в список 10 самых импортируемых в Турцию товаров, а в 2003 г. они уже находились на 5-м и 6-м местах соответственно[9].

Таблица 2

Основные статьи двусторонней торговли в 2003 г.

(тыс. долл.)

ЭКСПОРТ			ИМПОРТ		
ТОВАР	СУММА	%	ТОВАР	СУММА	%
Трикотаж	1932709	25,9	Оборудование	2426718	25,8
Текстиль	1030327	13,8	Автомобили	1689382	18,0
Автомобили	680122	9,1	Электротехника	886769	9,4
Электротехника	629643	8,4	Изделия из пластика	648784	6,9
Оборудование	606353	8,1	Сталь и металл	317974	3,4
Товары ручной работы	436197	5,9	Продукция фармацевтической промышленности	316301	3,4
Фрукты	251962	3,4	Оптические приборы	276264	2,9
Устройства для обработки пищи	192172	2,6	Изделия из металла и стали	274355	2,9
Одежда из кожи	145560	2,0	Продукты органической химии	272352	2,9
Резина и изделия из нее	124486	1,7	Картон и изделия из него	222551	2,4
ДРУГИЕ	1432299	19,1	ДРУГИЕ	2068432	22,0
ВСЕГО	7452832	1000	ВСЕГО	7198209	1000

Источник: сайт Совета внешнеэкономических связей (www.deik.com)

Германия лидирует также по численности туристов, посетивших Турцию: в 2003 г. в Турции побывали 3,3 млн. немцев, а в 2004 – уже почти 4 млн. (на 21,2% больше)[10].

Таблица 3

Количество немецких и других иностранных туристов в Турции

Год	Количество немецких туристов, тыс. чел.	Общее количество туристов
1970	112	724784
1975	230	1148611
1985	321	2190217
1988	901	4265197
1989	959	4516077
1990	1116	5,389000
1991	812	5517897
1992	1165	7076096
1993	1120	6500638
1994	994	6670618
1995	1565	7726886
1996	2142	8614085
1997	2339	9689004
1998	2171	9752697
1999	1388	7483919
2000	2278	10428153
2001	2875	11569950
2002	3481	13246875
2003	3332	14029558
2004	3984	17517610

Источник: сайт Министерства туризма Турции (http://www.kulturturizm.gov.tr)

Немецкие туристы являются одной из наиболее привлекательных целевых групп для стран с развитой туристической инфраструктурой. По данным Дрезденер Банка, в 2001 г. немецкие туристы потратили за границей 53,3 млрд. евро. Это на 2,5% больше показателей 2000 года. Предполагалось, что к 2003 г. этот показатель увеличится еще на 9%. Этого не произошло во многом из-за терактов 11 сентября 2001 г. и падения темпов роста мировой экономики. Кроме того, по данным Всемирной туристической организации, на долю немецких туристов приходится 10% всех туристических услуг, по этому показателю они уступают только американцам. Немцы чаще всего ездят: внутри стра-

ны (31%), в Испанию (13%), в Италию (9%), Австрию (8%). Сразу после этих стран на 5-м месте стоит Турция с 6%. Эта тенденция начала, однако, меняться в 2001–2003 гг. в пользу таких стран, как Турция, Словения и Хорватия[11].

В 2004 г. Турцию посетили 3983939 немецких туристов, что составляет 23% от всех иностранных туристов в Турции[12].

По данным опроса, проведенного Немецким Обществом развития и изучения туризма в Германии в 2003 г., Турция представляется немцам прежде всего как место курортного отдыха, более половины опрошенных также упоминали о культурно-исторических достопримечательностях этой страны. Кроме того, немцы считают Турцию достаточно недорогим курортом с современной туристической инфраструктурой. Причем все, кто уже побывал в Турции, дают ей более позитивные оценки.

В табл. 3 показано, как изменялось в последние годы количество немецких туристов, посетивших Турцию. Как видно из таблицы, налицо общая тенденция к увеличению количества немецких туристов, предпочитающих Турцию. Эта тенденция практически совпадает с тенденцией увеличения общего количества иностранных туристов, приезжающих в Турцию.

Одну из ведущих ролей ФРГ играет и в сотрудничестве по линии взаимных инвестиций, в 2003 г. в Турции действовала 1061 фирма с участием немецкого капитала. По этому показателю ФРГ значительно превосходила все остальные страны – к занимавшим второе место Нидерландам относилось лишь 449 компаний. Правда, по доле в совокупном иностранном капитале, действующем в Турции, Германия оказалась второй (13,7%), пропустив вперед Нидерланды (27,5%)[13]. Деятельность немецких фирм в Турции показана в табл. 4.

Та же тенденция – большое количество фирм при относительно меньшем инвестируемом капитале – наглядно проявляется и при анализе данных о выданных разрешениях на иностранные инвестиции: в 2002 г. немецкие компании получили 205 разрешений – 13,2% от общего числа и 30,9% от приходящихся на страны ЕС. В то же время по объему капитала, разрешенного к инвестированию, ФРГ в 2002 г. оказалась на 3-м месте (12,13%), пропустив вперед Нидерланды (16,90%) и США (13,80%). По объему капитала, разрешенного к инвестированию, в период с 1980 по 2002 гг. Германия также заняла 3-е место (12,73% или 4329 млн. долл.) после Франции (16,59%) и Нидерландов (15,69%)[14]. Подобная тенденция, как представ-

ляется, объясняется, в том числе, и инвестированием в турецкую экономику средств многочисленной турецкой диаспоры в ФРГ через зарегистрированные в Германии фирмы.

Таблица 4

Немецкие фирмы в Турции

Годы	Кол-во фирм	Объем иностранного капитала (млрд. т.л.)	Доля немецких фирм в иностранном капитале (%)	Общий объем инвестиций (млрд. т.л.)	Доля иностранного капитала в общем объеме инвестиций (%)
1980	26	3,1	33,1	6,7	47,3
1985	59	21,7	10,4	45,1	48,2
1990	323	994,3	9,1	2680,8	37,1
1995	570	6212,8	11,1	15743,5	39,4
1996	644	14795,9	12,2	29195,9	50,6
1997	733	33905,7	13,7	55569,4	61,0
1998	798	72303,4	14,3	91173,8	79,3
1999	882	118051,3	14,3	181056,5	65,2
2000	951	188635,3	11,3	292988,8	64,3
2001	1013	420501,1	10,7	561405,7	74,9
2002	1061	820705,6	12,7	1038733,5	79,0
2003*	1084	1115561,4	13,69	1333657,5	83,7

* данные на июнь 2003 г.

Источник: сайт Совета внешнеэкономических связей (www.deik.com)

Тем не менее в настоящее время немецкий капитал активно действует в турецкой экономике, как в промышленной, так и в финансовой сферах: свои предприятия здесь имеют такие известные фирмы ФРГ, как «Даймлер-Крайслер», «Хехст», «Магирус-Дейц», «МАН», «Байер», «Маннесман», «Сименс» и другие; в числе других иностранных банков операции в Турции ведут «Дойче банк», «Дрезденер банк», «Вестдойче Ландесбанк».

Основные сферы инвестиций немецкого капитала в Турции – это автомобильная промышленность и смежные с ней отрасли, производство электроприборов, различных металлических конструкций, изделий из резины, химическая и пищевая промышленность; сфера услуг: коммуникация и связь, финансовый сектор, торговля, строительство, туризм.

Ярким примером интереса немецких инвесторов к Турции стало открытие тепловой электростанции в Искендеруне, состоявшееся в феврале 2004 года в присутствии премьер-министра Турции Реджепа Т.Эрдогана и канцлера ФРГ Герхарда Шредера. Электростанция, построенная немецкой компанией «STEAG», стала самым крупным инвестиционным проектом ФРГ в Турции, затраты на ее строительство составили, по разным оценкам, 1,2–1,5 млрд. евро[15].

Крупнейшими кредиторами Турции также являются немецкие банки, по состоянию на 2000 г. Турции было выдано немецких кредитов на 12,19 млрд. долларов, с большим отставанием на 2-м месте идут США с 5 млрд. долларов[16].

Необходимо отметить, что имеет место и обратный процесс, так, к концу 2004 г. сумма прямых инвестиций в Германию составила 474 млн. долл., а количество турецких фирм, действующих в ФРГ, достигло 139. Количество средних и мелких предприятий, открытых турецкими гражданами, постоянно живущими в ФРГ, составляет 38 тыс. Общий объем вложений этих фирм составил 8 млрд. евро. Сферы их деятельности распределяются следующим образом: промышленность – 1,5%; строительство – 4,6%; оптовая торговля – 12,7%; розничная торговля – 41,0%; гостинично-ресторанный бизнес – 26,5%; другие – 13,7%[17].

При этом заслуживает упоминания участие турецких фирм в процессе приватизации, прошедшей в бывшей ГДР, к которому в Турции проявлен большой интерес. Особую активность в данном случае проявили турецкие строительные и подрядные фирмы. Испытывая по причинам политического характера серьезные трудности в странах Ближнего Востока и Северной Африки и сталкиваясь с проблемами неплатежей в странах бывшего СССР, они, таким образом, осваивают новый и многообещающий рынок. Так, фирма «Эге Серамик», входящая в «Полат Холдинг», налаживает производство керамической плитки и сантехники на приобретенной ею фабрике в Дрездене; уже несколько лет действует в рамках «Пет Холдинга» купленная им восточногерманская фирма, получившая название «ПетПлан»; подрядные работы на общую сумму 100 млн. марок ведет созданная во Франкфурте основной строительной фирмой того же «Пет Холдинга» «Петконтур» фирма «Пет Бау». Пример очень интересного направления германо-турецкого сотрудничества демонстрирует «Текфен Холдинг»:

за счет купленной входящей в холдинг фирмой «Текфен Иншаат ве Тесисат» восточногерманской компании ХМБ «Текфен Холдинг» сумел получить доступ к кредитам и страхованию работ, предоставляемым немецким фирмам, а также подряд на сумму 225 млн. марок по строительству жилья для выводимых из Германии российских военных – все с помощью фирмы ХМБ, чей оборот составлял 650 млн. марок[18].

Большой интерес к восточногерманскому рынку проявили действовавшие ранее в ФРГ турецкие фирмы: по данным Центра исследований Турции, около 10% крупных турецких фирм в ФРГ в настоящее время ведут работы по осуществлению инвестиций в территории бывшего ГДР; еще 30% уже направили туда специалистов для проведения необходимых исследований; в целом же около 70% действующих в ФРГ крупных турецких фирм намерены в ближайшие годы инвестировать капитал в «новые восточные земли». Как отмечается, помимо повышения объема выполняемых работ и освоения нового перспективного рынка, по данным Союза турецких подрядчиков Германии, в бывшей ГДР реконструкции требуют 70% зданий; кроме того, имеется дефицит примерно 3 млн. квартир; в целом же турецкие подрядчики могут претендовать на объем работ примерной стоимостью в 1 млрд. евро. Подобные инвестиции позволяют турецким компаниям получить доступ к немецким источникам финансирования и страхования, а также открывают вход на рынки третьих стран[19].

Между двумя странами действуют несколько договоров, касающихся торгово-экономических отношений, это: договор о защите и поощрении инвестиций (20 июня 1962), договор о техническом сотрудничестве (16 июня 1970), договор о недопущении двойного налогообложения (31 декабря 1989), договор о сотрудничестве в сфере защиты окружающей среды (5 октября 1992). Есть также ряд договоров, касающихся социально-экономической политики, проводимой на межгосударственном уровне. В частности, это договор социального страхования от 1964 г., с дополнением, принятым в 1984 г., который придает немцам и туркам равный статус в странах пребывания в таких сферах, как здравоохранение, пенсионные выплаты и страхование. Так, турецкие рабочие в ФРГ по этому договору имеют возможность по возвращении в Турцию получать пенсионные выплаты. Ежегодные денежные переводы из ФРГ в соответствии с договором составляют в настоящее время около 173 млн. евро[20].

Обе страны направляют усилия на углубление экономических связей. Так, в апреле 2004 г. в Кельне была открыта Турецко-германская торгово-промышленная палата, ее основателями стали такие ведущие немецкие фирмы, как: «Метро АГ», «Даймлер-Крайслер», «Дойче Банк». В Стамбуле действует отделение Немецкой торгово-промышленной палаты. Кроме того, существует огромное количество различных организаций в Турции и Германии, действующих в целях улучшения двусторонних торгово-экономических отношений, и судя по значительному объему двусторонней торговли, роль этих организаций в турецко-германских торгово-экономических отношениях будет повышаться.

[1] Сайт Государственного института статистики Турции. Статистические показатели по внешней торговле 1923–1998 гг. (www.die.gov.tr)

[2] Киреев Н.Г. Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». – М.: Наука, 1982, с. 175.

[3] Пресс-релиз Казначейства Турции от 12.10.2004 № 2004/ 126

[4] Турецкая Республика (справочник). – М.: Наука, 1990, с. 60–61.

[5] Die Welt, 19.11.2004.

[6] Broken promises: Torture and killings continue in Turkey (Helsinki Watch). – New York, 1993, с. 60–61.

[7] Рассчитано по данным сайта Государственного института статистики Турции. Статистические показатели по экспорту и импорту Турции 1996–2004 гг. (www.die.gov.tr).

[8] Сайт Центра изучения Турции в Эссене (www.zft-online.de).

[9] Рассчитано по данным сайта Совета внешнеэкономических связей (www.deik.com). Исследования «Турецко-германские торгово-экономические отношения» за 2000 и 2003 гг.

[10] Сайт Министерства туризма Турции (http://www.kulturturizm.gov.tr). Статистические показатели по количеству иностранных туристов, посетивших Турцию в 2002–2004 гг.

[11] Сайт Центра изучения Турции в Эссене (www.zft-online.de). Исследование «Развитие и значение туризма в Турции и особая роль немецких туристов».

[12] Сайт Министерства туризма Турции (http://www.kulturturizm.gov.tr). Статистические показатели по количеству иностранных туристов, посетивших Турцию в 2002–2004 гг.

[13] Сайт Государственного института статистики Турции. Статистические показатели по инвестициям в Турцию в 2003 г. (www.die.gov.tr).

[14] Рассчитано по данным сайта Казначейства Турции. Статистические данные по инвестициям в Турцию в 1980–2002 гг. (www.hazine.gov.tr).

[15] Die Welt, 25.02.2004.

[16] Там же,12.02.2001.

[17] Сайт Государственного института статистики Турции. Исследование «Турецко-германские торгово-экономические отношения» за 2004 г. (www.die.gov.tr).

[18] Cumhuriyet, 20.01.1993, с. 5, 7, 13.

[19] Сайт Центра изучения Турции в Эссене (www.zft-online.de).

[20] Сайт посольства ФРГ в Турции (www.germanembassyank.com).

В.В.Сергеев

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

К настоящему времени Соединенные Штаты Америки являются ведущим внешнеполитическим партнёром Афганистана. Америка финансирует здесь значительное количество внутриэкономических программ, избранного в конце 2004 г. президента страны Хамида Карзая охраняют американские солдаты и сотрудники специальных служб. Большая часть членов нынешнего правительства либо училась в США, либо долгое время там проживала.

В стране находится как минимум 20-тысячный американский контингент; кроме того, примерно 6-тысячный контингент войск НАТО размещается в Кабуле.

Афганистан – проверенный «клиент» США в Центральной Азии. Наряду с пакистанским, афганское правительство является проводником американской политики, что особенно важно в этом регионе, так как здесь находятся сразу три потенциальных соперника США – Россия, Китай и, конечно, Иран.

Америка усвоила собственные уроки войны во Вьетнаме, а также опыт присутствия советских войск в Афганистане. Американские войска всячески избегают вмешательства в межплеменные и межродовые распри местного населения и не ставят цель контролировать каждый квадратный километр афганской территории. Для значительного числа мелких полевых командиров в стране практически ничего не изменилось со времен талибов; последние чувствуют себя достаточно свободно в примыкающих к Пакистану районах (Кандагар, Забуль, Пактия, Пактика, Нангархар, Кунар и др.). Для контроля ситуации американские власти предпочитают перекупать влиятельных региональных царьков – это помогает избежать различных крупных потерь.

Все выглядит так, будто до поры до времени США не намерены предпринимать в Афганистане активных действий; сейчас они предпочитают роль наблюдателя.

К концу 1998 г. позиция США по отношению к Афганистану трансформировалась от неофициального признания режима талибов до их осуждения из-за их массовых нарушений прав человека и укрывательства Усамы бен Ладена. К 1999 г. в общем виде можно отметить несколько ключевых моментов американской политики в Афганистане:

– отсутствие военного решения конфликта в Афганистане;

– необходимость обеспечения процесса формирования в Кабуле полномочного правительства на широкой основе[1];

– главенство посреднической роли ООН и её специальной миссии в деятельности по мирному урегулированию конфликта;

– необходимость использования всеми заинтересованными сторонами своих возможностей по оказанию влияния на отдельные группировки в целях прекращения боевых действий и перехода к переговорному процессу[2];

– необходимость в сотрудничестве всех заинтересованных сторон для блокирования поставок вооружений и боеприпасов талибам.

После провала предпринятых попыток посадить талибов и представителей Северного альянса за стол переговоров американцы заметно понизили свою активность в афганских делах, ограничиваясь поддержкой посреднических усилий спецпредставителя Генерального Секретаря ООН Лахдара Брахими[3].

Примерно с 2000 г. после неоднократных террористических нападений и угроз в адрес США Усамы бен Ладена американцы заняли жесткую линию в отношении талибов. Началось политическое давление на движение Талибан (ДТ) с требованием, чтобы оно выдало этого террориста.

После президентских выборов в США в 2000 г. новая администрация решила активизировать свою деятельность в Азии, и в частности, ужесточить политику в отношении всех радикальных элементов[4]. Новый американский президент собрал в свою команду немало специалистов по Афганистану. Помощником Госсекретаря по делам Южной Азии стала Кристина Рокка, которая с 1982 по 1997 гг. была кадровым сотрудником ЦРУ и в течение этого периода играла важную роль в формировании американской политики в Афганистане. Расчеты США на возможность политического решения проблемы себя не оправдали[5].

Первым контактом высокопоставленного чиновника администрации Буша с представителем режима талибов стала встреча К.Рокка с послом ДТ в Исламабаде А.Заифом в начале августа 2001 г.[6] Основной темой переговоров была проблема выдачи бен Ладена. Как известно, американцам не удалось убедить афганскую сторону выдать известного международного террориста. Однако эта встреча стала поворотным моментом в трансформации отношения США к Афганистану – он превратился в «страну – террориста», а не просто «убежище» бен Ладена[7].

Последним доказательством обусловленности такого определения стало назначение в августе 2001 г. бен Ладена «главнокомандующим военных формирований талибов» в Афганистане[8]. Реакция США на это назначение была безотлагательной: «Интегрирование лидеров международных террористов во властные структуры ДТ вновь показало настоятельную необходимость принятия решительных мер по противодействию исходящих с контролируемой талибами афганской территории глобальных вызовов»[9].

К концу лета 2001 г. прояснилось, что администрация Буша готова к решительным действиям, вплоть до широкомасштабной военной акции против талибов. Нужен был только предлог для обоснования вторжения. В этой связи было бы неправильным считать, что теракты 11 сентября 2001 г. явились единственной причиной военной операции в Афганистане: мотивация для начала войны с терроризмом в этой стране готовилась задолго до сентябрьских событий.

Лейтмотивом высказываний американского руководства в конце 2001 г. в отношении Афганистана стало намерение Вашингтона играть ведущую роль в афганских делах[10].

Обобщая заявления Госдепартамента с конца лета 2001 г., можно выделить несколько принципиальных положений:

– Афганистан должен иметь такое правительство, которое не имело бы связей с террористами, являлось коалиционным по своей природе, дружественно настроенным по отношению к США и соседним государствам, было бы способно предпринимать действенные шаги по восстановлению экономики. Будущее правительство должно быть утверждено Лойя Джиргой[11] при символическом руководстве бывшего короля Захир Шаха (король непопулярен среди нацменьшинств в Афганистане, поэтому США не рассматривали его в качестве возможного ли-

дера страны) и с участием Северного альянса, основных этнических и религиозных групп;

– Афганистану потребуется международное содействие в обеспечении его внутренней безопасности;

– афганцы нуждаются в помощи при формировании правительства, которое, помимо борьбы с терроризмом, будет привержено соблюдению прав человека и обеспечит безопасную доставку и распределение гуманитарной и экономической помощи[12];

– США также осознают тот факт, что соседние с Афганистаном государства имеют законные национальные интересы, связанные с этой страной, и полагают, что любому будущему правительству придётся учитывать эти интересы.

В Вашингтоне не были уверены в том, что Северный альянс установит в Афганистане режим, который отвечал бы его интересам[13]. По этой причине американцы занялись поиском неталибских пуштунских сил, чтобы привести их к власти.

7 октября 2001 г. американцы начали военную операцию против талибов. Военные объекты ДТ и «Аль-Каиды» подвергли ракетно-бомбовым ударам, при поддержке сил Объединенного Антиталибского фронта[14] был проведен ряд наземных операций.

После проведения этой военной операции ДТ, словно по команде, спешно оставило все афганские города и прекратило активное сопротивление. При этом исчезли все руководители ДТ. С 27 ноября по 5 декабря при посредничестве ООН проходила так называемая Боннская конференция по Афганистану, в результате которой временным главой Афганистана был назначен Хамид Карзай. Было подписано соглашение, устанавливающее рамочные условия для двухлетнего переходного периода в Афганистане[15].

Итак, американская политика в Афганистане, как уже указывалось, пережила трансформацию от неформальной поддержки режима талибов. Немаловажно и то обстоятельство, что в середине 90-х годов у США при посредничестве Пакистана были определенные рычаги, чтобы оказывать влияние на верхушку талибов, однако с течением времени и с развитием военных успехов ДТ таких возможностей более не осталось. Талибан становился все менее предсказуем и все более враждебен к Америке. С подобной проблемой в конце 90-х годов столкнулся и ближайший союзник США в регионе – Пакистан.

После провала инициатив по нормализации двухсторонних отношений военный способ разрешения данной проблемы оставался наиболее подходящим и, возможно, единственным.

После кратковременной и практически бескровной военной операции, в ходе которой талибы почти не оказывали сопротивления и словно самораспустились, Афганистан практически оказался оккупированным США, а его президент ориентирован явно проамерикански. Пожалуй, именно Соединенные Штаты получили наибольшую выгоду от того, что у власти в стране вместо талибов утвердился новый режим, лояльный США. Кроме того, американские войска выдвинулись в регион Центральной Азии, что было немыслимо еще несколько месяцев назад.

Хотя США стали жертвой террористических атак 11 сентября 2001 г., именно они смогли наилучшим образом воспользоваться сложившейся ситуацией и ввести войска в доселе закрытую для них Центральную Азию, откуда они могли сдерживать внешнеполитические амбиции сразу трех своих потенциальных соперников – Ирана, России и Китая. Как и во Второй мировой войне, американцы стали жертвой агрессии, однако и тогда, и теперь они в полной мере смогли использовать представившиеся им возможности.

[1] Афганистан и сопредельные страны: Сборник научных статей / Российская академия естественных наук. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2003, с. 79.

[2] Hikmatyar G. Secret Plans Open Faces. From the Withdrawal of Russians to the Fall of the Coalition Government / Hikmatyar G. – Peshawar: The Aays Software Consultants and Composers, с. 153.

[3] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 127.

[4] Активизация внешней политики в Азии была одним из пунктов предвыборной программы Джорджа Буша в 2000 г. – Прим. авт.

[5] Hikmatyar G. Secret Plans Open Faces. From the Withdrawal of Russians to the Fall of the Coalition Government / Hikmatyar G. – Peshawar: The Aays Software Consultants and Composers, с. 172.

[6] Там же, с.175.

[7] Справочная служба ИТАР-ТАСС. Основные террористические организации мира по списку Госдепартамента США. 18.09.2001.

[8] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 127.

[9] ИНТЕРФАКС – Лента международной информации. Брифинг К.Пауэлла. 30.08.2001.

[10] Офис международных информационных программ Государственного департамента США (Веб-сайт: http://usinfo.state.gov). Справка о предстоящем устройстве Афганистана после ухода Талибана.

[11] Общенациональное собрание ханов племен и особо авторитетных религиозных деятелей; наиболее авторитетный представительный орган страны. – Прим. авт.

[12] Peter Marsden. War and Religion in Afghanistan / Peter Marsden. – London – New York: Zed Books Ltd, 2001, с. 114.

[13] Наиболее тесные связи лидеры Северного альянса Б.Раббани и А.Масуд поддерживали с Россией и Ираном. – Прим. авт.

[14] Так официально именовался Северный альянс. – Прим. авт.

[15] AGREEMENT ON PROVISIONAL ARRANGEMENTS IN AFGHANISTAN PENDING THE RE-ESTABLISHMENT OF PERMANENT GOVERNMENT INSTITUTIONS // UN talks on Afghanistan, Bonn, 27 November – 5 December 2001.

В.В.Сергеев

О ПОЛИТИКЕ ПАКИСТАНА В АФГАНИСТАНЕ ДО И ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.

Если Соединенные Штаты значительно упрочили свое геостратегическое положение в Центральной и Южной Азии после 11 сентября 2001 г., то Пакистан, наоборот, растерял практически все свои преимущества в двусторонних пакистано-афганских связях. Его место заняли Соединенные Штаты, а он сам превратился в простого проводника интересов политики Вашингтона в Южной Азии.

Не следует, однако, сбрасывать Пакистан со счетов. По отношению к Афганистану эта страна является тем же, что и Россия по отношению к Украине. Какие бы ни происходили события и какой бы ни была власть по обе стороны от «линии Дюранда»[1], две страны уже в силу своего географического положения и исторически сложившихся связей будут оказывать друг на друга существенное влияние.

Тем более, что в отличие от Украины с Россией афганское руководство настроено вполне благожелательно к Исламабаду. Просто после 11 сентября традиционная роль посредника в сотрудничестве Афганистана с иностранными государствами перешла к Вашингтону.

Кроме того, значительная, если не большая, часть пуштунов, которые составляют главный этнос Афганистана, проживает на территории Пакистана в так называемой Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). В свое время пакистанские пуштуны стали главным источником пополнения формирований талибов. Пуштуны в Пакистане живут обособленно от остальной части страны по своим неписаным племенным законам, однако Исламабад имеет возможность разыгрывать пуштунскую карту в случае необходимости, то есть использовать население СЗПП для реализации своих внешнеполитических интересов на афганской территории. Так было, например, когда на территории Пакистана зарождалось движение «Талибан».

К 2001 г. Пакистан оказался в сложном положении в результате испытаний ядерного оружия 28 мая 1998 г., Каргильского вооруженного конфликта с Индией в октябре 1999 г., прихода к власти военных во главе с П.Мушаррафом. Но главной причиной ослабления международных позиций Пакистана были его союзнические отношения с талибами.

С конца 90-х годов Исламабад, по сути, представлял интересы талибского режима на мировой арене. Эта функция стала особенно важной на фоне ослабления связей Кабула с Саудовской Аравией и ОАЭ[2] из-за все большей радикализации талибов, нежелания выдворить из Афганистана Усаму бен Ладена и их отказа от всяких связей с ООН[3]. На международной конференции улемов в апреле 2001 г. в пакистанском Пешаваре было распространено обращение М.Омара, в котором он назвал ООН «инструментом Вашингтона» и призвал все исламские страны покинуть эту международную организацию[4]. Еще раньше, в январе 2001 г., основные исламистские партии Пакистана, например «Харакат уль Муджахеддин» и «Лашкаре-Джангви», совместно с примерно 30 другими религиозно-политическими партиями сформировали Совет в защиту Афганистана. Среди первых решений Совета был призыв к бойкоту американских товаров.

Иными словами, Пакистан оставался единственным государством, которое не заморозило, как США, и не уменьшило, как Саудовская Аравия и ОАЭ, своего сотрудничества с талибами.

Между тем отношение талибов к своему покровителю никак нельзя было назвать «джентльменским». Исламабад неоднократно доводил до сведения Кабула серьезную озабоченность по поводу участия афганских боевиков в террористических актах в Пакистане и призывал ликвидировать центры подготовки террористов на подконтрольной ему территории. Талибан отказал Китаю в просьбе, поддержанной Пакистаном, не принимать в ряды боевиков уйгуров из Синьцзяна[5]. Из-за несговорчивости талибов остался нереализованным суливший большие выгоды контракт прокладки газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан[6]. Однако самое главное – талибы проявили себя не только как исламские экстремисты, но и как пуштунские националисты, не признав, как и все предыдущие афганские правительства, «линию Дюранда».

Талибы способствовали распространению наркотиков. Посол Пакистана в России Ифтихар Муршед отмечал, что «преж-

де в стране [Пакистане] практически не было наркоманов, а сегодня их не менее 4 млн.»[7].

Несмотря на всю помощь и «добрые услуги» Пакистана, Талибан вовсе не выглядел в двусторонних отношениях младшим партнером. Исламабад обвинялся им в недостаточной помощи своему союзнику, в излишне рьяном следовании «антиафганскому курсу США», в недружественном отношении к «гостю» Афганистана Усаме бен Ладену. В апреле 2001 г. руководство Исламского Эмирата Афганистан официально сделало представление Исламабаду по поводу плохого обращения с афганскими беженцами в этой стране. В послании указывалось, что в Карачи, Пешаваре и Кветте афганские беженцы подвергались всевозможным преследованиям со стороны местных жителей; в плохом обращении обвинялись и пакистанские пограничники[8].

Пакистан стремился сохранить облик умеренного мусульманского государства, в то время как движение Талибан, захватывая новые территории Афганистана, становилось все более радикальным и менее управляемым. В свое время Пакистан был вынужден выступить против таких варварских действий талибов, как разрушение статуй Будды в Бамиане, приказ проживающим в Афганистане индуистам носить на рукаве оранжевую повязку, запрет пользования интернетом, существенное ограничение прав женщин[9].

Нетрудно предположить, что Пакистану пришлось бы существенно видоизменить свои отношения с талибским Афганистаном даже без терактов 11 сентября 2001 г., кардинально изменивших ход событий в регионе. Была создана мощная антитеррористическая и антиталибская коалиция, в рядах которой оказался и Пакистан.

Пересмотр афганской политики, поворот на 180 градусов был для Пакистана далеко не простым делом и дался нелегко. Со вчерашним врагом – Северным альянсом, необходимо было налаживать отношения, так же как и со стоящими за ним недружественными странами – Индией и Ираном. Следовало позаботиться и о внутренней обстановке в стране, ибо столь быстрая смена ориентиров могла вызвать сильнейший взрыв недовольства населения. Пакистан максимально использовал представившуюся ему возможность для сближения с США, что вполне удалось. Как и во времена Зия уль Хака, Афганистан стал причиной существенного улучшения отношений между двумя государствами.

Поэтому переход на новые позиции Исламабад осуществил не сразу. Поначалу он пытался отделить талибов от Усамы бен Ладена и его «Аль-Каиды» и тем самым спасти первых. При этом в руководстве ISI, которая фактически руководила всей афганской политикой Пакистана, надеялись, что талибы станут более сговорчивыми.

Вскоре после 11 сентября в Афганистан были посланы две делегации – официальная государственная и духовных лиц. Они провели переговоры с политическими и религиозными деятелями (в случае с талибами это практически одно и то же) и предлагали как можно скорее избавиться от такого сильного раздражителя США, как Усама бен Ладен, и тем самым предотвратить «акцию возмездия». Пакистанские руководители убеждали муллу М.Омара, что требование о выдаче Усамы бен Ладена не направлено против ислама и афганского народа, как это представляли кандагарские деятели. Но все было напрасно. Талибы вновь и вновь отказывались выдворять бен Ладена[10].

После этого пакистанцы предприняли попытку принизить значение Северного альянса и уберечь талибов от полного разгрома. Была выдвинута идея о привлечении к власти так называемых «умеренных талибов» во главе с муллой Ахмедом Вакилем Мотавакилем[11]. В дальнейшем Пакистан совместно с США, опасаясь усиления Северного альянса, выступал против взятия им Кабула до создания новой власти, а затем за его демилитаризацию. Он также поддержал бывшего короля Захир Шаха и положительно отнесся к утверждению главой временной афганской администрации одного из пуштунских лидеров Хамида Карзая[12], который ранее был связан как с Северным альянсом, так и с талибами, но позже отошел и от тех, и от других[13].

Одновременно Пакистан спешно устанавливал отношения с Северным альянсом. На конференции в Бонне в ноябре – декабре 2001 г., посвященной строительству новой власти в Афганистане, президент П.Мушарраф заявил о поддержке формирования в Афганистане правительства на широкой основе и о признании Северного альянса и всех групп, входящих в него[14]. Несколько раньше появились сообщения, что контакты между двумя сторонами, инициированные при посредничестве Ирана и Турции и получившие одобрение США, проходят весьма успешно. Один из лидеров Северного альянса Б.Раббани заявлял по этому поводу, что готов развивать отношения со всеми сопредельными государствами и особенно с Пакистаном[15].

Итак, начиная со времени признания талибов в мае 1997 г. до событий 11 сентября политика Пакистана не претерпевала существенных изменений – планомерно и последовательно поддерживался талибский режим, несмотря ни на какие его зверства в отношении афганского населения и на то, что с течением времени однобокая политика в отношении Талибана встречала все меньше понимания сопредельных государств. Безоговорочная поддержка радикального теократического режима постепенно загоняла Исламабад в изоляцию.

Не оправдались надежды Пакистана создать на территории Афганистана подконтрольный режим, на который было бы возможно опереться и который признал бы пресловутую «линию Дюранда». Талибан создавал своему «родному гнезду» все больше проблем, таких как: поток наркотиков, участие афганских боевиков в терактах на территории Пакистана, а порою и нежелание следовать внешнеполитической линии южного соседа. Неподатливость талибов по поводу выдачи Усамы бен Ладена, к чему Исламабад долго и безуспешно побуждал Кабул, вновь убедительным образом доказывает, что к 2001 г. Пакистан практически полностью утерял контроль над Талибаном.

Однако после 11 сентября 2001 г. афганская политика Пакистана приобрела известную гибкость. Теперь он вынужден был считаться со всеми заинтересованными сторонами, в том числе и с врагами талибов – Северным альянсом, Ираном и Индией, и полностью подчиниться воле США в афганском вопросе.

Трудно сказать, чего для Пакистана после 11 сентября было больше – потерь или приобретений. Однако представляется совершенно очевидным, что эта страна сохранит свое значительное влияние на Афганистан и в дальнейшем.

Движение Талибан, основателем которого стал Пакистан, так и не стало его марионеткой. Наоборот, с течением времени Талибан становился все более самостоятельным, и поддержка Исламабадом этого радикального режима все более портила внешнеполитический имидж страны. После ввода американских войск в Афганистан Пакистан в этой стране превратился в простого проводника их политики.

[1] Линия границы с Британской Индией, соглашение о которой в 1893 г. афганский эмир Абдуррахман подписал с британским представителем лордом Дюрандом. Согласно ему, большая часть пуштунского населения Афганистана оставалась в Британской Индии,

т.е. на территории будущего Пакистана. Ни одно афганское правительство до настоящего времени не признало этой линии границы, проблема «Линии Дюранда» неоднократно становилась причиной обострения двусторонних отношений. – Прим. авт.

[2] Наряду с Пакистаном Саудовская Аравия и ОАЭ стали единственными государствами, которые признали режим талибов в мае 1997 г. после захвата последними г. Мазари-Шарифа на севере Афганистана. – Прим. авт.

[3] См. п. 2.1. – Прим. авт.

[4] Dawn, 13.04.2001.

[5] См.п. 3.4. – Прим. авт.

[6] См.п. 2.1. – Прим. авт.

[7] Московские новости, 3–15.01.2001.

[8] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 134.

[9] Афганистан и сопредельные страны: Сборник научных статей / Российская академия естественных наук. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2003, с. 34.

[10] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин – т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 138.

[11] Министр иностранных дел в правительстве талибов. – Прим. авт.

[12] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 138.

[13] Талибы даже предлагали Х.Карзаю стать их представителем при ООН. – Прим. авт.

[14] Dawn, 28.11.2001.

[15] Афганистан на переходном этапе: Сборник научных статей / Ин-т Востоковедения РАН; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. Коргун В.Г., Арунова М.Р. – М.: АСТИ – ИЗДАТ, 2002, с. 130–140.

Т.В.Евсейчик

НОВЫЙ «ЕВРОПЕЙСКИЙ КВАРТЕТ» И «СТАРЫЕ» БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние два года мировое сообщество стало свидетелем формирования нового блока на европейской политической арене. Россия, Франция, Германия и Испания нашли точки соприкосновения и объединили свои усилия в решении ряда острых проблем мировой политики.

Начало операции коалиционных сил в Ираке фактически стало точкой отсчета для оформления нового политического союза в Европе. Пожалуй, именно в процессе противостояния американскому видению решения иракского вопроса было обретено взаимопонимание между лидерами Франции, России и Германии. В результате оккупации Ирака коалиционными войсками интересам указанных стран был нанесен существенный ущерб. За счет усиления американского военного присутствия на Ближнем Востоке, а также американского влияния на процессы, происходящие в регионе, поле деятельности здесь для России, Германии и Франции сузилось. Между тем ближневосточный регион традиционно является весьма важной составляющей внешней политики этих европейских государств. Реакцией на изменения в геополитическом раскладе в регионе стало объединение в единый блок четырех стран, которые имеют вес как на европейском континенте, так и на Ближнем Востоке.

Что касается Испании, то ее участие в новом блоке стало возможно благодаря победе на парламентских выборах в 2004 г. испанских социалистов – противников участия Испании в возглавляемой США антииракской военной коалиции. После вывода испанских войск из Ирака Мадрид становится союзником Москвы, Берлина и Парижа, выступавших против иракской войны. Инициатива подключения Испании к «союзной тройке» принадлежит французскому президенту Жаку Шираку, который выдвинул ее в Мадриде в ходе испано-германо-французского

саммита в 2004 г.[1] Скорее всего, приглашение на саммит в Париж испанский премьер получил не без согласия Москвы.

Следует отметить, что формирование нового «европейского квартета» имеет под собой историческую основу. Европейские государства на протяжении истории неоднократно объединялись в блоки и коалиции, и именно подобные союзы выступали субъектами при разрешении политических проблем. В рамках Вестфальской системы сложилось понимание, что в одиночку государство, пусть даже самое сильное на данном этапе, не может разрешить всех существующих проблемных вопросов, но возможно соблюдение баланса интересов. Девятнадцатый век в европейской политике стал столетием политических блоков европейских государств. И если первоначально в сферу ответственности политических блоков входило разрешение европейских конфликтов, то с завершением формирования колониальных систем зона ответственности была распространена на весь мир.

В течение девятнадцатого века Россия побывала союзником Испании и Германии против Франции, партнером Франции против Германии и Австро-Венгрии, а в свою очередь Франция совместно с Англией и Германией выступала в союзе против России. Двадцатый век принес с собой примирение традиционных соперников: лидеры Франции и Германии Ш.де Голль и К.Аденауэр приложили немалые усилия для прекращения старой вражды между двумя европейскими народами, и это дало новый толчок развитию всего западноевропейского сообщества. Шарль де Голль считал, что для обретения подлинной мощи в решении мировых вопросов западноевропейский блок должен взаимодействовать с СССР. Поэтому в период своего президентства де Голль постарался восстановить партнерские отношения с Россией, обеспечивая тем самым и укрепление влияния Франции на континенте.

В целом установление союзнических отношений между Францией и Россией и Россией и Германией исторически обусловлено. Еще в девятнадцатом веке можно найти примеры взаимодействия этих государств в целях сдерживания влияния Великобритании на развитие ситуации в континентальной Европе. То, что Россия, Германия, Испания, Франция попеременно вступали в союз с бывшими соперниками, говорит о возможности сотрудничества в целях реализации национальных интересов. То есть прагматизм и рационализм в политике брали верх над исторической памятью.

Союз Германии и России традиционно выгоден в экономическом аспекте. Россия поставляла сырье в Германию и получала технологии и капитал из Европы. Беспристрастно оценивая современное состояние отношений «Россия – ЕС», очевидно, что ситуация с девятнадцатого века практически не изменилась. Европейские страны, в том числе Франция и Германия, нуждаются в российских энергоресурсах и природном сырье, а российскому государству необходимы инвестиции и новейшие технологии. И хотя у России имеется значительный потенциал к саморазвитию, но при отсутствии западноевропейских технологий и капиталов это потребует больших усилий и времени. Конечно, возможность развития государства без внешней помощи существует: Беларусь в течение десяти лет следует в подобном направлении, и ее экономика в последние годы демонстрирует тенденции к росту, однако реализация такого выбора пути развития возможна для среднеевропейского государства, каким является Беларусь. Для Российской Федерации как крупной европейской страны подобный опыт фактически неприменим, несмотря на существенные материальные ресурсы и человеческий потенциал страны. В сложившихся условиях у России нет возможности для самоустранения с европейской политической арены.

Германия и Российская Федерация являются важными экономическими партнерами, а последние десять лет и стратегическими партнерами. И если германо-российский союз всегда был экономически выгоден, то политическое сотрудничество между странами не может не вызывать некоторого беспокойства. Как показывает исторический опыт, союз России и Германии неоднократно приводил к участию обеих стран в военных конфликтах. Если углубиться в изучение взаимоотношений российской нации с европейскими народами, то выявится просто исторически заложенное противостояние русских и немцев.

В отличие от партнерства с Германией союз России и Франции всегда отличался политической целесообразностью. Если эти два государства вступали в военно-политический союз, то они неизменно оказывались в преимущественном положении.

Новый политический союз Франции, России, Германии и Испании отвечает национальным интересам всех участников. России необходимо укрепление отношений с ЕС. Негативное восприятие действий российских властей по разрешению чеченского вопроса в странах Евросоюза весьма осложняло взаимо-

отношения между Россией и Европейским Союзом. И Франция до настоящего времени являлась одним из самых активных критиков российской политики в отношении Чечни. Однако отсутствие упоминания Чечни во время встречи в Москве европейских лидеров по случаю празднования 60-летия Победы позволяет говорить, что Западная Европа решила «забыть» о существовании чеченской проблемы. В европейской политике опять возобладал прагматизм в подходах к решению политических проблем. Как было высказано в одной из публикаций «Die Welt» по поводу саммита в Париже, Москва необходима старой Европе, чтобы поддержать «сверхдержавные» амбиции ЕС, обеспечить Европу энергией и дать европейским концернам выгодные условия работы на своем огромном рынке сбыта[2]. Кроме того, влияние и возможности России весьма востребованы европейскими странами при решении ближневосточных вопросов. Поэтому чеченская проблема и права человека постепенно отходят на задний план в дискуссии в контексте отношений «Россия – ЕС». Очевидно, принцип «худой мир лучше доброй ссоры» на настоящем этапе более отвечает национальным интересам членов нового «европейского квартета».

Франция осознает необходимость взаимодействия с Россией при реализации своей арабской политики. И хотя еще в начале 90-х Париж пытался воспользоваться уходом СССР с ближневосточной арены и занять место Москвы, то сейчас вследствие усиления американского влияния в ближневосточном регионе прежнее соперничество с Москвой отходит на задний план. И для Германии, и для Испании сотрудничество с ближневосточными государствами также имеет большое значение. Поэтому, признавая угрозу, которую несет возможная военная операции против Сирии или Ирана, Россия, Германия, Франция и Испания объединили усилия для поиска политического урегулирования ближневосточных проблем.

Операции в Афганистане и Ираке показали, что решение региональных проблем по американскому плану не способствует установлению стабильности в регионе. Политическая нестабильность «расползается» по региону, что наносит ущерб интересам «квартета» в других ближневосточных странах.

Реализуя свою политику в ближневосточном регионе, европейские страны стараются избегать конфронтации с исламской цивилизацией. Поэтому радикализация исламских движений, противостоящих военному и культурологическому наступлению

с Запада, совсем не в интересах союза. Взрывы, прогремевшие в Париже, Москве и Мадриде, организованные различными террористическими группировками под лозунгами ислама, продемонстрировали европейскому сообществу важность обеспечения безопасности и стабильности на Ближнем Востоке.

Выступая в Лондоне на торжествах, посвященных столетию подписания договора между Францией и Британией, получившего название «Антанта», Жак Ширак заявил, что мир, основанный на «логике силы», неизбежно ведет к конфликтам и что война в Ираке не сделала мир безопаснее. По словам президента Франции, одним из истоков усиления мировой террористической угрозы является именно ситуация, сложившаяся в Ираке после вторжения туда войск коалиции в марте 2003 года.

Кроме того, Ширак высказал мнение, что Западу не следует навязывать свои ценности миру и смешивать демократизацию и вестернизацию[3]. По мнению французского лидера, новый мировой порядок может быть создан через признание многополярного и взаимозависимого мира[4].

Безусловно, арабские государства весьма позитивно относятся к подобным заявлениям, особенно если они озвучены лидерами крупных европейских государств. В «европейском квартете» арабское сообщество видит партнеров возможного ведения диалога с западным сообществом.

Для достижения своих стратегических целей «европейский квартет» прилагает усилия по решению старых ближневосточных проблем, основной из которых является арабо-израильский конфликт.

И хотя разрешение европейских проблем (например, ситуация с Калининградом, политические, территориальные и материальные претензии Прибалтийских государств, продвижение демократии на пространстве СНГ, поддержка вступления России в ВТО и т.д.) является важным полем взаимодействия нового европейского союза, но ближневосточная тематика заняла одну из ключевых позиций в координации внешнеполитических действий нового «европейского квартета».

В этом плане следует обратить внимание на состоявшийся в конце марта 2005 г. саммит «четверки» в Париже. Лидеры Франции, Испании, Германии и России обсудили целый ряд политических вопросов, по которым были выработаны единые подходы. Рассмотренные там проблемы включали: ситуацию на Украине, положение в Косове, события в Ираке и Ливане,

так называемое «иранское досье», а также ход развития процесса ближневосточного урегулирования. Обсуждавшиеся на встрече темы указывают на то, что хотя лейтмотивом встречи заявлялось «придание нового импульса отношениям Россия – ЕС в целях укоренения мира, демократии и гражданского общества на европейском континенте», целью саммита было выяснение позиций ведущих европейских государств и выработка совместных подходов по решению ближневосточных проблем[5]. Отсутствие на саммите Великобритании, страны, традиционно имеющей собственные интересы на Ближнем Востоке, также показательно. Великобритания не была приглашена для участия во встрече «четверки», так как на континенте Британию продолжают воспринимать в качестве «проводника» американских интересов. А решения и позиция «европейского квартета» по многим политическим вопросам отличаются от политики, проводимой США в ближневосточном регионе.

Кроме того, следует отметить, что на саммите не присутствовал внешнеполитический представитель ЕС Хавьер Солана. Это означает, что по рассматриваемым вопросам «четверка» не нуждается в координации действий с остальными членами ЕС и имеет по ним собственное видение.

Одним из важных событий саммита стала озвученная позиция «четверки» европейских лидеров в отношении ситуации в Ливане. На саммите в Париже было принято совместное коммюнике по вопросу сирийского военного присутствия в Ливане, где участники саммита потребовали «полного и немедленного вывода сирийских войск» и спецслужб из Ливанской Республики, а также проведения выборов в Ливане согласно намеченным срокам для избрания руководства, «способного действовать в интересах ливанского народа»[6]. Россия традиционно имеет весьма значительное влияние на Сирию, и Франция постаралась использовать его, чтобы, наконец, заставить сирийское руководство вывести воинский контингент из Ливана, который, в свою очередь, является зоной повышенного интереса Французской Республики. Политический кризис в Ливане и упорство Сирии, игнорирующей резолюцию ООН о выводе воинского контингента с ливанской территории, могли спровоцировать не только дальнейшую нестабильность в регионе, но и немедленную реакцию Вашингтона на складывающуюся ситуацию. И какими бы напряженными ни были франко-сирийские отношения, смена режима в Сирии и установление в

этой стране проамериканского правительства определенно не отвечает интересам ни одной из стран «четверки». Поэтому, используя влияние Москвы на Дамаск, Сирию попытались «уговорить» признать необходимость скорейшего вывода войск из Ливана.

Следует отметить, что сирийские войска слишком быстро покинули территорию ливанского государства, и это, скорее всего, спровоцирует Белый дом на оказание дальнейшего давления на сирийский режим. Быстрый уход из Ливана, а самое главное, согласие других арабских стран на подобное развитие событий – свидетельство отсутствия подлинного арабского единства и желания противостоять любому внешнему вмешательству в «арабские дела». Таким образом, угроза проведения операции против Сирии не устранена, а отложена на некоторое время.

Что касается Ирака, то «европейский квартет» занял выжидательную позицию. «Четверка» приветствовала формирование нового иракского правительства, но несмотря на призывы США и Великобритании, полномасштабное сотрудничество четырех стран с Ираком не будет восстановлено до тех пор, пока оккупационные войска находятся на иракской территории. Позиция эта вполне объяснима тем, что «четверка» не желает способствовать укреплению американского влияния в Ираке за счет собственных ресурсов и авторитета. Между тем полностью самоустраниться от участия в урегулировании в Ираке ни Франция, ни Германия, ни Испания, ни тем более Россия не могут, потому что с этой страной «четверку» объединяют не только исторические связи, но значительные экономические интересы. Поэтому эти государства оказывают помощь Ираку, но «точечную» и совсем не в тех объемах, на которые рассчитывает Вашингтон.

Помимо ситуации вокруг Сирии, обеспокоенность европейских лидеров вызывает повышенное внимание США к ядерной программе Ирана. Россия оказывает помощь Ирану в строительстве там атомной электростанции, товарооборот между странами в 2003 г. достиг 1,39 млрд. долларов США[7]. Более того, Москва, выступая союзником Тегерана и Пекина, укрепляет свое геополитическое положение. С одной стороны, Москва входит в состав «европейского квартета», а с другой, – имеется геополитический блок России, Китая и Ирана. Это позволяет и европейским партнерам через Россию усиливать свои позиции в мире.

Германия также принимала участие в разработке иранской ядерной программы. Что касается Франции, то для нее Иран с начала 90-х является стратегическим партнером в регионе Среднего Востока. Многомиллионные по стоимости проекты в области авиации и спутниковой связи, взаимовыгодные торгово-экономические отношения и сотрудничество в области безопасности, а также значительный вес иранской диаспоры во Франции заставляют французское руководство проявлять повышенное внимание к возможной операции США против Ирана или смене правящего режима. Страны «четверки», несомненно, учли последствия иракских событий, и будут всеми силами стремиться не допустить силового решения иранского вопроса. Установив контроль над Ираном, США приобретут колоссальное влияние в регионе: приостановят доступ Китая к иранским нефтяным месторождениям, устранят угрозу монархическим арабским режимам со стороны «исламских революционеров» и ликвидируют угрозу для Израиля, которую представляет возможность получения Тегераном оружейного плутония. Одной из целей американской политики на Ближнем Востоке является урегулирование арабо-израильского конфликта, а Иран, оказывающий поддержку исламским группировкам, воюющим с Израилем, и приобретающий ядерные технологии, является помехой в осуществлении американских планов в регионе. Возможно, именно поэтому в отношении «иранского вопроса» на саммите в Париже лидерами Франции, России и Германии было заявлено, что «какое-либо противоречие между позицией Парижа, Берлина, Лондона и помощью России Ирану отсутствует»[8]. Франция, Германия и Великобритания добились серьезного успеха в развязывании тугого узла проблем, связанных с иранским «ядерным досье». Это привело, как показало дальнейшее развитие событий, к снижению уровня воинственности американской политики по отношению к Ирану.

На саммите в Париже было подчеркнуто, что Россия взяла обязательства по поставке ядерного топлива иранцам и возвращению его продуктов из Ирана. Это должно стать гарантией того, что Иран не сможет использовать отработанное ядерное топливо для его последующего военного применения. Это обязательство со стороны России должно успокоить мировое сообщество относительно иранской ядерной программы и позволить иранскому руководству сохранить лицо в условиях жесткого прессинга со стороны США.

Если позиция по иракскому вопросу способствовала сближению европейской четверки, обсуждение ситуации вокруг Сирии еще более объединило союзников, то совместные усилия четырех стран по урегулированию иранского вопроса продемонстрировали не только единодушие в выборе путей решения данного вопроса, но и политический потенциал нового «европейского квартета».

Что касается путей разрешения арабо-израильского конфликта, то в Париже не было сделано никаких официальных заявлений по этому поводу, однако последовавшая за этим поездка В.Путина на Ближний Восток позволяет говорить о том, что ЕС и Россия договорились активизировать свои усилия на этом направлении. И Москва, и Брюссель являются коспонсорами ближневосточного мирного урегулирования, но в последние годы инициативы по разрешению арабо-израильского конфликта по большей части принадлежат Вашингтону. Между тем и ЕС, и Россия за счет своего авторитета в арабских странах имеют большой потенциал для активного участия в ближневосточном урегулировании. Для решения его сложнейших вопросов следует найти компромисс между интересами арабов и израильтян, а для этого необходимо использовать влияние на стороны, участвующие в конфликте. Не случайно, США решили подключить авторитет и усилия президента Египта Х.Мубарака, сторонника мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, для достижения соглашения с арабскими государствами. Белый Дом стремится наладить диалог с арабским сообществом. Вполне закономерно, что Египет объявлен надежным союзником США в регионе[9].

Весьма показательно, что маршрут первого за всю историю Российской Федерации визита Главы государства на Ближний Восток пролегал через Каир, с которым у России не только традиционные связи, но и с каждым годом возрастающий взаимный интерес в сфере военно-технического, научного и экономического сотрудничества, а также Иерусалим и Вифлеем.

Посещение Израиля Президентом России вызвало бурные обсуждения целей этого визита как в израильской, так и российской прессе. Одной из версий явилось, «вероятно, желание Владимира Путина обеспечить поддержку мирового еврейства – включая американское и российское – через посредство Израиля. По подобным причинам Израиль посещают многие мировые лидеры» (http://www.israelshamir.net/ru/ruart15.htm). Между тем

России вполне по силам вести прямой диалог с Вашингтоном, тем более что на высшем уровне звучат заявления о партнерстве между странами. Вторая версия представляет собой предположение, что российский президент выступает в роли «переговорщика» между Шароном и арабскими государствами, в частности Башаром Асадом (http://fsk.rustrana.ru/article.php?nid=9565). Тем не менее во время визита Путина в Израиль руководство этой страны сделало ряд заявлений, из которых следовало, что Путина внимательно выслушают, но единственным посредником останется Вашингтон. Третья версия заключается в том, что Россия всерьез решила вернуться в регион и попытаться восстановить ранее существовавший раздел сфер влияния с США, но с некоторыми коррективами с учетом складывающейся на сегодняшний день обстановки (http://www.novopol.ru/material2339.html).

А поездка на Ближний Восток, помимо вполне реальных целей углубления сотрудничества со странами региона, была ответным ходом на «продвижение» американских интересов на пространстве СНГ. Если принять во внимание антиамериканские настроения на Ближнем Востоке, что служит основой для сближения стран региона с Латинской Америкой, для которой также характерно неприятие американского варианта мирового развития, то у России при определенной доле прагматизма во внешней политике есть шанс объединить вокруг себя недовольные третьи страны и тем самым обеспечить реализацию собственных национальных интересов и одновременно стать существенным ограничителем, сдерживающим США от чрезмерной активности на Ближнем Востоке.

Между тем аналитики Франции, Германии и России, поразному оценивая итоги президентского турне, отмечают тот факт, что Россия решила вернуться на ближневосточную политическую арену.

Во время пребывания в Каире было сделано несколько важных заявлений по поводу развития ситуации на Ближнем Востоке. В.Путин и Х.Мубарак призвали США «установить сроки и условия», вывода воинского контингента из Ирака. Более того, Х.Мубарак «рекомендовал» США «отвести войска в зону пустыни» так как он «не верит в то, что ситуация в Ираке нормализуется»[10]. Это весьма близко ко мнению, которого придерживается европейская «четверка».

По поводу палестино-израильского противостояния египетским президентом было высказано мнение, что «неурегулированность палестинского вопроса является одним из факторов, оказывающих непосредственное влияние на распространение и расширение влияния экстремистских организаций в регионе»[11]. В свою очередь В.Путин заявил, что Россия готова провести осенью в Москве международную конференцию по палестино-израильскому урегулированию. И если палестинская сторона в лице своего лидера выразила свое согласие на участие, то Израиль напомнил, что согласно плану «Дорожная карта», до проведения конференции еще очень далеко. Вашингтон также не пропустил это заявление. Представитель Белого дома Скотт Маклилан заявил, что «будет более подходящее время для проведения конференции». «Но сейчас мы не находимся на этой стадии, и я не думаю, что мы достигнем этой стадии к осени», – подчеркнул Маклилан[12]. Это подтверждает, что за ходом визита российского президента на Ближний Восток в Вашингтоне внимательно наблюдали.

Сотрудничество России, Германии, Франции и Испании в решении ближневосточных вопросов стало свидетельством возвращения России в качестве одного из ключевых государств европейской и мировой политики и, что немаловажно, признания ее статуса и роли в мире. Несомненно, оформление «европейского квартета» явилось попыткой усиления европейского полюса влияния на международной и, в первую очередь, на ближневосточной политической арене. Повышение роли старой Европы отвечает уже ставшим традиционными амбициям Франции. Насколько долговечным окажется союз четырех европейских государств, покажет время и дальнейшее развитие ситуации. Безусловно, с достижением целей, поставленных в рамках настоящего политического альянса, существующие между всеми участниками «квартета» собственные проблемы будут выходить на первый план, а это – конкуренция России, Франции и Германии в продаже оружия Китаю в случае отмены эмбарго на поставки военной техники в эту страну, «белорусский вопрос», когда союзное России государство находится в изоляции со стороны стран ЕС, в то время как Москва стремится взаимодействовать с европейскими структурами, «продвижение демократии» на постсоветском пространстве и т.д. Но на нынешнем этапе «четверка» демонстрирует согласие, как никогда ранее. Это оказывает позитивное воздействие на ситуацию на междуна-

родной арене, предоставляя арабскому сообществу альтернативу американской политики в регионе и сдерживая США от нового силового вмешательства в целях изменения баланса сил в регионе в свою пользу. Арабское сообщество возвращается в привычные для него условия, которые существовали при биполярной системе, в рамках которой имелось пространство для политического маневра блока арабских стран. Так что сотрудничество в рамках союза России, Франции, Испании и Германии еще даст свои положительные результаты в будущем.

[1] Дубнов А. Окно в Париж и Киев: Москва встраивается в новую европейскую конфигурацию // http://www.vremya.ru/2005/45/5/120647.html

[2] Саммит в Париже и попытки расколоть Европу // http://www.inosmi.ru/print/218182.html

[3] http://www.bdg.by/news/news.htm?64870

[4] http://www.bdg.by/news/news.htm?64870

[5] http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-402147,0.html

[6] http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-402147,0.html

[7] http://www.strana.ru/stories/02/04/03/2670/229687.html

[8] http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-402147,0.html

[9] Турарбекова Р. Пустили Буша в Европу // Обозреватель, 25 февраля 2005, с. 5.

[10] http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3218,36-643675@51-643167,0.html

[11] http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3218,36-643675@51-643167,0.html

[12] http://www.pravda.ru/world/2005/5/15/39/19730_Izrail.html

А.Н.Захарченко

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИЗРАИЛЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ

В последние годы демографическая ситуация в Израиле, а именно более интенсивный рост арабского населения страны в сравнении с еврейским, все чаще становится предметом острой общественной дискуссии и расценивается как одна из основных проблем существования еврейского государства.

Накануне 57-й годовщины провозглашения государства Израиль его центральное статистическое управление опубликовало отчет о численности и составе населения страны. Согласно данным ЦСУ, в Израиле проживает 6,9 млн. человек, из них 76% или 5,26 млн. человек – евреи, 20% или 1,35 млн. человек – мусульмане и 4% или 0,29 млн. человек – лица с неустановленным вероисповеданием (преимущественно репатрианты из СНГ и их потомки)[1].

Несмотря на массовую волну иммиграции 90-х годов, удельный вес евреев в общем составе населения страны продолжает снижаться. В 1990 г. евреи составляли 81,6% населения Израиля, в 1999 г. – 78,9%, в 2005 г. – 76%. То есть доля евреев в израильском населении за последние 15 лет снизилась на 5,6%. В то же время ежегодный прирост населения в арабском секторе страны в 2005 г. составил 3,4%, что почти в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в еврейском секторе (1,4%). При этом учитывается и возрастной расклад населения: в арабском секторе дети до 15 лет составляют 43%, тогда как в еврейском – 26%[2].

Наиболее актуальна такая тенденция для Иерусалима, где арабская популяция растет со скоростью, втрое превышающей еврейскую. В настоящее время в Иерусалиме живет около 460 тыс. евреев и порядка 225 тыс. арабов[3]. В декабре прошлого года мэр Иерусалима Юрий Люполянский заявил, что арабское население Иерусалима в скором времени превысит

еврейское. По его словам, подобная ситуация может сложиться уже в ближайшие 12 лет.

По мнению руководителя Совета национальной безопасности Израиля генерала Узи Даяня, а также ряда израильских демографов, высокая деторождаемость в арабском секторе Израиля и малая – в еврейском могут привести к тому, что в течение 20–25 лет доля арабского населения достигнет в Израиле угрожающих 30%, а еврейского – всего 45%[4]. По некоторым расчетам, примерно к 2070 году большинство израильтян будут составлять арабы. Такая перспектива не может не тревожить израильское руководство, так как, учитывая сложившиеся демократические традиции израильского общества и стремление нормализовать отношения с арабским миром, она создает объективные условия для превращения Израиля в не слишком отдаленной исторической перспективе из национального еврейского государства в двунациональное политическое образование. Таким образом, Израилю угрожает опасность перестать быть государством евреев, а превратиться в еще одну арабскую страну с большим процентом еврейского населения, положение которого будет определяться законами, принятыми парламентом уже арабского большинства. Выражается тревога, что при этом еврейское меньшинство окажется под угрозой духовного и физического уничтожения.

Уже сегодня израильские арабы начинают все активнее выступать за превращение Израиля в обычное гражданское государство. Ими выдвигаются требования как об изменении государственной символики, являющейся на сегодня сугубо еврейской, так и об отмене Закона о возвращении, важного для сохранения еврейского характера Государства Израиль. Израильские арабы требуют предоставить право на возвращение в Израиль всем палестинцам-беженцам, покинувшим свои дома в ходе войны 1948 г. Этот вариант является абсолютно неприемлемым для национально ориентированной части израильского общества (электората правых и праворадикальных партий и религиозных ортодоксов). Кроме того, учитывая соседство Палестинской автономии, такое государство едва ли будет жизнеспособным.

В связи с вышеизложенным чрезвычайно важным для сохранения существующего демографического баланса в Израиле является увеличение доли еврейского населения страны. Периодически публикуемые Центральным статистическим бюро Из-

раиля демографические сведения показывают, что основной прирост еврейского сегмента обеспечивается за счет трех его групп: ультраортодоксов, поселенцев и новых репатриантов.

Ультраортодоксальный сектор, в котором уровень рождаемости – самый высокий и продолжает повышаться, является чрезвычайно важным источником прироста еврейского населения. Необходимо отметить, что абсолютный прирост в ортодоксальных семьях значительно выше, чем у мусульман: сейчас он составляет 17–18 тыс. человек или 5,3% (при 3,55% у мусульман). Высокая рождаемость в их семьях способствовала тому, что из 10 еврейских детей, рождающихся в мире, 6 появляются в еврейском государстве. Сегодня, по предварительным оценкам, в Израиле живет не менее 340 тыс. религиозных евреев – 7,1% еврейского населения. К 2010 г. в стране их станет 600 тыс., к 100-летию Израиля при сохранении нынешних тенденций – 4 млн.[5]

Второй существенный источник еврейского прироста – семьи поселенцев Иудеи, Самарии и сектора Газа. Несмотря на тяжелые условия жизни и относительную немногочисленность, поселенцы уже полтора десятка лет имеют прирост населения на 9–10% в год. Этому способствуют высокая рождаемость (в среднем 4,7 ребенка у одной женщины детородного возраста) и приток сионистски настроенных евреев из пределов «зеленой» черты. С каждым годом поселенцев становится на 13–14 тыс. человек больше. Они составляют 3,6% еврейского населения страны и более 17% населения Западного Берега реки Иордан, что придется учитывать обеим сторонам арабо-израильского конфликта при окончательном мирном урегулировании[6].

Однако на сегодняшний день высокая рождаемость еврейского населения наблюдается только у религиозной части населения и у жителей киббуцев. Большинство же населения имеет одного или двоих детей, редко трех или четырех.

Поскольку коэффициент естественного прироста еврейской общины значительно уступает такому же показателю у нееврейского населения, что не позволяет надеяться на изменение ситуации с рождаемостью в пользу евреев, основным средством противодействия «демографической угрозе» со стороны арабов-граждан остается массовая иммиграция.

Хотя иммиграция в Израиль в последние годы имеет тенденцию к сокращению, она все еще остается одним из главных источников роста еврейского населения страны. По некоторым

оценкам, всего в мире насчитывается 12,9 миллионов евреев. Большая их часть вслед за Израилем проживает в Соединенных Штатах (5,6 млн.), на третьем месте находится Франция – 600 тыс., на четвертом – Россия, на пятом – Великобритания, где, как и на Украине, проживает 280 тыс. евреев. Израиль пытается сделать все возможное, чтобы привлечь в страну новых репатриантов: разработана правительственная программа «Усиление алии», на что ассигновано несколько сот миллионов шекелей; в течение нескольких ближайших лет планируется создание самых разных комфортных форм репатриации постсоветских евреев и евреев Восточной Европы, а также евреев Южной и Северной Америки[7].

В то же время решение проблемы за счет массовой иммиграции евреев в Израиль вряд ли реально, т.к. в значительной степени этот ресурс уже исчерпан. Более того, наблюдается ещё одна любопытная, но весьма закономерная на фоне продолжающегося ближневосточного конфликта тенденция – эмиграция не в Израиль, а из Израиля. Последние несколько лет Израиль ежегодно покидают от 15 до 20 тыс. евреев. Официальные данные свидетельствуют о том, что на сегодняшний день около половины южноамериканцев и 72 тысячи советских евреев (около 7,5% обитателей «русской улицы») уже покинули Израиль. Так, в 2003 г. в Россию вернулось 50 тысяч человек, а эмигрировало 10 тысяч, т.е. вернулось в пять раз больше евреев, чем выехало. Таким образом, отток евреев из Израиля в недалеком будущем может стать одной из самых острых проблем государства, если уже не стал таковой[8].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что решение демографической проблемы Израиля заключается как в предупреждении нового исхода (где урегулирование арабо-израильского конфликта играет первоочередную роль), так и в развертывании программ по увеличению численности населения иудейского вероисповедания. Основными среди них являются: поощрение роста еврейского населения за счет рождаемости; ускорение ассимиляции нееврейского населения с евреями; увеличение количества граждан Израиля за счет еврейского населения других стран, а также за счет иммиграции способного ассимилироваться нееврейского населения, в основном из стран СНГ. Среди потенциальных средств борьбы с «демографической угрозой» также называют возможность предоставления большому количеству евреев двойного граж-

данства. Однако для этого необходимы определенные дипломатические усилия, поскольку в настоящее время многие страны не признают двойного гражданства.

Одним из действенных способов, направленных на сохранение еврейского большинства в Израиле современное руководство страны считает реализацию плана одностороннего размежевания с палестинцами, так называемого «плана Шарона». По мнению израильского премьер-министра, осуществление этого плана, который предусматривает эвакуацию всех еврейских поселений из сектора Газа, принципиально необходимо для того, чтобы в Израиле по-прежнему преобладало еврейское население, а «колыбель еврейского народа навсегда осталась частью Израиля»[9].

Главным аргументом всех сторонников одностороннего размежевания с палестинцами является тезис о том, что в случае непередачи палестинцам территорий, на которых сегодня проживает большое количество арабов – Иудеи, Самарии и Газы, – евреи окажутся в арабском государстве, ведь аннексируя эти территории, необходимо будет предоставить гражданство живущим там арабам[10].

В то же время противники территориальных уступок палестинцам придерживаются иной позиции. Так, министр финансов Израиля Беньямин Нетаньягу неоднократно заявлял, что политика размежевания не решает главной проблемы, коренящейся в демографии Израиля. Настоящую демографическую проблему для страны, по мнению Нетаньягу, представляют не жители Западного берега (которые не являются гражданами Израиля и никогда ими не будут), а стремительное увеличение численности арабов – граждан Израиля, которые видят себя больше палестинцами, чем израильтянами, и которые могут стать за ближайшие двадцать лет группой населения, определяющей судьбу Израиля[11].

Противники политики размежевания подчеркивают, что она ни в коей мере не решает демографической проблемы. По оценкам некоторых специалистов, демографическая борьба между еврейской и арабской составляющей внутри Израиля продлится не более чем 10–20 лет, после чего в силу неизбежно вступит сценарий, описанный Нетаньягу[12]. Таким образом, ценой отсечения Иудеи, Самарии и Газы Израиль купит себе демографическую передышку в несколько, возможно не более десяти, лет.

Вполне адекватным решением проблемы арабского демографического перевеса в Израиле, с точки зрения некоторых противников территориальных уступок, могло бы стать государственное поощрение переезда арабских жителей Израиля в арабские же страны. Такая политика должна включить комплекс мер, начиная от пропаганды целесообразности такого шага, до его финансирования. По мнению сторонников такого подхода, еврейский демократический характер государства может быть сохранен лишь в том случае, когда именно евреи будут обладать полными политическими правами и инструментами влияния на государственный курс. При этом, однако, такая подлинно еврейская демократия потеряет универсалистский общегуманистический европейский характер.

В последнее время в качестве решения демографической проблемы Израиля активно обсуждаются проекты обмена территориями, возникшие в центристских и левоцентристских слоях израильского общества. Такие проекты предусматривают обмен израильских городов практически со 100%-м арабским населением (таких, как Умм-эль-Фахм) на еврейские поселенческие анклавы (например, Ариэль). В Умм-эль-Фахме практически нет ни одного еврейского дома или еврейского жителя, а религиозные лидеры местной общины всегда симпатизировали своим братьям-палестинцам. Местные арабы из поколения в поколение живут за счет выплат израильского института социального страхования, что очень накладно для израильских налогоплательщиков. Передача городков, подобных Умм-эль-Фахму, под юрисдикцию ПНА, по мнению директора израильского Института социальных и политических исследований Элиэзера Фельдмана, является очень привлекательным для израильского правительства, т.к. это позволило бы избавится от «пятой колонны» в Израиле, а также лучше позаботиться о тех, кто останется под израильской юрисдикцией[13].

В мае 2004 г. председатель блока «Национальное единство» Авигдор Либерман огласил новый политический план под названием «обмен населением». В интервью одному из местных изданий «Решет бет» Либерман предложил осуществить трансфер 99% арабского населения Израиля, то есть переселить израильских арабов за «зеленую черту» в обмен на поселения. При этом Либерман отметил, что обмен территориями и обмен населением являются, по его мнению, единственным решением демографической и оборонной проблемы государства Израиль.

Однако с юридической точки зрения, правила такого обмена нуждаются в тщательной нормативной разработке, т.к. невозможно волевым порядком лишить тысячи человек израильского гражданства. Более того, арабские депутаты в Кнессете последовательно пресекают любую попытку придать обмену территориями законный характер, т.к. такое решение чревато для них потерей значительной части своего электората.

Необходимо отметить, что на официальном уровне израильское руководство последовательно отрицает наличие демографической проблемы в стране. Так, на одной из традиционных в начале года пресс-конференций для иностранных журналистов А.Шарон заявил: «Такой проблемы не существует. Я не вижу перспективы превращения евреев в национальное меньшинство в своей стране. Никогда в мои намерения не входило аннексировать Иудею и Самарию, и никогда мы не намеревались и не будем предоставлять израильское гражданство палестинцам, проживающим там. Учитывая этот факт, нет повода для волнений», – заявил премьер-министр[14].

Такую оптимистическую позицию подтверждает также одно из последних демографических исследований, проведенных совместно американскими и израильскими экспертами. Согласно полученным ими данным, истинная численность палестинского населения Иудеи, Самарии и сектора Газы – 2,4 млн. человек, а не 3,8 млн., как свидетельствуют официальные данные ПНА. Исследование также отмечает, что с 1967 г. демографический баланс не изменился, и среди людей, проживающих на территории между рекой Иордан и Средиземным морем, 60% составляют евреи.

Эксперты утверждают, что к 2004 г. резко снизилась рождаемость в арабских странах и в Палестинской автономии – в настоящее время этот показатель равняется 3,5 ребенка на семью (вместо 7,8 в 1975 г.).

Палестинские чиновники ежегодно завышают число новорожденных на 20 тыс. детей, одновременно занижая данные о смертности населения, подчеркивается в отчете. Исходя из этого, эксперты, проводившие исследование, убеждены, что никакой демографической проблемы в Израиле не существует[15].

В настоящее время, впрочем, сохранению еврейского характера израильской государственности угрожает не только традиционная напряженность в отношениях между еврейским и арабским сегментами общества, но и развитие этнических

противоречий внутри еврейской общины, а именно, острая борьба между светским и религиозным Израилем. В условиях некоторого ослабления «внешней» (арабской) угрозы – фактора, традиционно консолидирующего израильскую нацию, – это может привести к непредсказуемым последствиям для еврейского государства.

[1] Central Bureau of Statistics of Israel. Monthly Bulletin of Statistics. – 2005, № 5. Table B/1. – Population, by Population Group // www.cbs.gov.il/yarhon/b1_e.htm

[2] Central Bureau of Statistics of Israel. Monthly Bulletin of Statistics. – 2005, № 5. Table C/1. – Live Births, by Population Group and Religion of Mother // www.cbs.gov.il/yarhon/c1_e.htm

[3] Shuman, Ellis. Jerusalem's problems, 37 years after reunification, are demographic // Israel Insider, 19.05.2004.

[4] Haaretz, 12.06.2002.

[5] Гиль, Самуил. Демографические проблемы Израиля // Вестник № 11 (218), 25 мая 1999.

[6] Berkowitz, Peter. Demography and Security in Israel // The Weekly Standard, 14.06.2004.

[7] Еврейский мир, 28.02.2004.

[8] Там же.

[9] Haaretz, 23.05.2005.

[10] Spyer, Jonathan. Israel's demographic timebomb // The Guardian, 14.01.2004; Shavit, Ari. Dividing the Land . What comes next // Israel Insider, 24.06.2005.

[11] Hoffman, Gil. Netanyahu: Demographic problem lies within Israel // The Jerusalem Post, 17.12. 2003.

[12] Lerner, Aaron. The Demographic Problem: Excuse of Last Resort for a Palestinian State // Israeli Insider, 27.05.2005.

[13] Еврейский мир, 28.02.2004.

[14] Haaretz, 12.01.2004.

[15] Tal, Avraham. New statistics debunk demographic myth // Haaretz, 24.01.2005.

М.Б.Беленькая

ПАЛЕСТИНСКИЕ ВЫБОРЫ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Палестинская национальная администрация (ПНА) переживает период структурных преобразований, вызванных как внешними, так и внутренними факторами. Она должна провести политические, административные и экономические реформы, являющиеся обязательным условием продвижения палестино-израильского мирного урегулирования, зафиксированным в «Дорожной карте», разработанной «четверкой» посредников в составе США, России, ЕС и ООН в апреле 2003 года.

Согласно «Дорожной карте», под первым этапом урегулирования подразумевается «Окончание террора и насилия, нормализация условий жизни палестинцев, формирование палестинских институтов». В этот этап «палестинцы осуществляют всеобъемлющие политические реформы для подготовки к созданию государственности, включая разработку проекта палестинской конституции и проведение свободных, честных и открытых выборов на базе этих мер»[1].

Тем не менее, несмотря на «Дорожную карту», проведение выборов на палестинской территории постоянно откладывалось. Последние выборы в местные органы власти проводились в палестинских населенных пунктах в 1976 г., а выборы главы ПНА и членов Законодательного собрания (парламента) в январе 1996 г. На выборах главы палестинской администрации победу одержал председатель исполкома Организации Освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат, в переходный период исполнявший обязанности председателя Исполнительного совета ПНА. На выборах он получил почти 81,7% голосов избирателей. Его единственная соперница, одна из активисток женского движения 72-летняя Самиха Халиль получила 12,9% голосов[2].

«Дорожная карта» предусматривала проведение новых выборов до мая 2003 г., однако этого не произошло по различным причинам, в частности, из-за непрекращающегося пале-

стино-израильского противостояния. После смерти главы ПНА Я.Арафата в ноябре 2004 г. откладывать выборы больше не представлялось возможным, так как это привело бы либо к параличу власти на палестинской территории, либо к гражданской войне. В избрании легитимного руководства были заинтересованы не только сами палестинцы, но и международное сообщество, в том числе Израиль. Все это позволило создать необходимые условия для их проведения.

9 января 2005 г. на Западном берегу реки Иордан, в секторе Газа и в Восточном Иерусалиме состоялись выборы главы Палестинской национальной администрации ПНА. Сами палестинцы назвали эти выборы президентскими.

В избирательных бюллетенях было указано семь кандидатов.

Это:

1. Махмуд Аббас (Абу Мазен) – кандидат от ФАТХ (Движение освобождения Палестины);

2. Мустафа Баргути – на выборах выступал как независимый кандидат, в реальности же он является генсеком движения Палестинская Национальная инициатива («Мубадара») («Инициатива»);

3. Таисир Халид – кандидат от Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП);

4. Бассам аль-Салхи – кандидат от Палестинской партии народа (бывшей коммунистической партии);

5. Абдель Халим Ашкар – независимый кандидат;

6. Сейид Хусейн Барака – независимый кандидат;

7. Абдель Карим Шбайр – независимый кандидат.

Первоначально количество претендентов на пост главы ПНА было большим. Несколько заявок было отвергнуто, кто-то отказался от участия в предвыборной кампании на стадии сбора подписей. Бывший исполнительный секретарь движения ФАТХ на Западном берегу реки Иордан Марван Баргути и председатель Законодательного собрания Хасан Курейши отказались от участия в выборах уже после своей регистрации в качестве кандидатов. Причем Баргути сделал это в результате громкого скандала и под давлением соратников по ФАТХ. Дело в том, что он был единственным, кто мог составить серьезную конкуренцию официальному кандидату ФАТХ – Махмуду Аббасу, на которого сделало ставку и международное сообщество.

К началу избирательной кампании Баргути находился в израильской тюрьме и был приговорен к пяти годам заключе-

ния за участие в террористической деятельности. Тем не менее, согласно палестинскому законодательству, он мог реально претендовать на пост главы ПНА.

Судя по опросам общественного мнения, Аббас и Баргути получали примерно одинаковое количество голосов. Так, согласно опросу, проведенному университетом Бир-Зейт, Баргути мог бы получить 46,1% голосов избирателей, а Аббас 44%[3]. По данным Иерусалимского центра СМИ и коммуникаций, за Аббаса были готовы отдать свои голоса 31,9% палестинцев, а за Баргути 26,4%[4].

История с выдвижением Баргути в полной мере отражает кризис внутри ФАТХ. Формально Баргути не подчинился партийной дисциплине и начал самостоятельную предвыборную кампанию, за что и был осужден Центральным комитетом ФАТХ. Его решение было названо «агрессией против движения»[5]. Отметим, что это не первый случай, когда Баргути выступил против старшего поколения ФАТХ. Острая борьба между «старой гвардией Арафата», вернувшейся в 1994 г. из эмиграции, и молодым поколением палестинских лидеров, проявивших себя на гребне первой интифады в конце 80-х – начале 90-х годов, характерна для всего периода формирования палестинской государственности. Так, осенью 1994 г. молодое поколение ФАТХ пыталось сопротивляться практике назначения территориальных руководителей движения и выступило с требованием реформ. Марван Баргути стал инициатором предварительных рейтинговых выборов руководителя отделения ФАТХ в Рамалле, которые состоялись 4 ноября 1994 г. Результаты выборов были неутешительны для «старой гвардии Арафата». И 10 ноября руководство ФАТХ выступило с осуждением раскола внутри движения и приостановило проведение новых выборов в территориальных отделениях. Арафат назвал выборы в Рамалле «детскими играми»[6].

Спустя 10 лет выборы главы ПНА снова продемонстрировали раскол внутри ФАТХ. Раскол этот существует не только между разными поколениями в движении, но и внутри старой гвардии Арафата – теми, кто вернулся в Палестину и поддерживает Махмуда Аббаса, и теми, кто остался в эмиграции и сплотился вокруг нового главы ФАТХ Фарука Каддуми, проживающего в Тунисе. И если Ясир Арафат возглавлял одновременно и ФАТХ, и ООП, и вместе с тем соединял всех палестинцев – и диаспору, и «возвращенцев», и «муватынун», то

после его смерти роль тех, кто остался за пределами Палестины, резко понизилась. Отметим, что Каддуми первоначально вообще выступал против проведения выборов в условиях оккупации. Затем он признал кандидатуру Аббаса как кандидата от ФАТХ, но уже после выборов между ними шла постоянная информационная война.

Достичь компромисса с Марваном Баргути оказалось проще, чем договориться с Каддуми. После долгих переговоров Баргути отказался от участия в предвыборной кампании в пользу Аббаса, предварительно выдвинув перечень требований, которые должны были стать основой дальнейшей политики нового палестинского лидера. Среди них, к примеру, такие, как продолжение борьбы за прекращение израильской оккупации всех палестинских территорий, освобождение палестинских заключенных из израильских тюрем, отказ Израиля от строительства «разделительной стены». Отметим, что эти требования вошли в программы всех кандидатов на пост главы ПНА, и наряду с другими они определяют рамки, за пределы которых не может выйти палестинское руководство на переговорах с Израилем. «Провозглашение Восточного Иерусалима столицей независимого палестинского государства, реализация права палестинских беженцев на возвращение и эвакуация еврейских поселений с оккупируемых территорий – это три вопроса, которые являются принципиальными для палестинцев. Тот из палестинских лидеров, кто пообещает, что он может пойти на уступки в этих вопросах – соврет. Ни один из претендентов на пост председателя Палестинской национальной администрации (ПНА) не сможет это сделать», – заявил занимавший на момент избирательной кампании пост председателя палестинского Законодательного собрания Хасан Курейши[7].

Поэтому ситуация, складывающаяся в ходе прошедшей избирательной кампании, представляется во многом определяющей для анализа перспектив палестино-израильского урегулирования и в целом процессов, происходящих внутри ПНА.

После снятия кандидатуры Марвана Баргути результат выборов был практически предопределен, хотя до последнего дня многие члены руководства ФАТХ опасались, что явка избирателей будет недостаточно высокой и легитимность избрания Аббаса будет под вопросом. Однако опасения были напрасны. Как и предполагалось, Махмуд Аббас занял первое место, получив 62,52% голосов. Его основной соперник Муста-

фа Баргути набрал 19,48%, Таисир Халид – 3,35%, Абдель Халим Ашкар – 2,76%, Бассам аль-Салхи – 2,67%, Сейид Хусейн Барака – 1,30%, Абдель Карим Шбайр – 0,71%. Испорченных бюллетеней было – 3,82%, незаполненных – 3,39%[8]. При этом незаполненные бюллетени можно в известной степени воспринимать как голосование «против всех». Официально такой графы в палестинских бюллетенях не предусмотрено.

Определяя свой выбор, палестинцы отмечали, что голосуют за Аббаса потому, что «он – более опытный политик, он – лидер, он будет проводить реформы, он им нравится, он – кандидат от партии ФАТХ, с ним будет вести диалог международное сообщество»[9]. Последний аргумент важен, так как без согласия международного сообщества на кандидатуру нового главы ПНА палестинцы вряд ли могли бы надеяться на достижение успеха на переговорах с Израилем и на улучшение экономического климата.

Против Аббаса и за других кандидатов голосовали в основном те, кто не доверяет или разочарован в ФАТХ. Впрочем, поддержка Аббаса еще не означает поддержки ФАТХ и на парламентских выборах. Здесь многое зависит от того, насколько успешными будут действия новой администрации в решении внутренних проблем и достижении соглашений с Израилем.

Главный соперник Аббаса – Мустафа Баргути, по мнению палестинских социологов, забрал бóльшую часть протестного электората, голоса тех, кто не хотел голосовать за «партию власти».

Что касается программ основных кандидатов – Махмуда Аббаса, Мустафы Баргути, Таисира Халида, Бассама аль-Салхи, то, как отмечали палестинские аналитики, они очень похожи. Особенно в том, что касается условий соглашений с Израилем. Все они говорили об окончании израильской оккупации, провозглашении независимого Палестинского государства в границах, существовавших до войны 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, о справедливом решении проблемы палестинских беженцев. Такие же условия выдвигали и другие три кандидата. Их главное отличие от «фаворитов» заключалось в том, что за ними формально не стояло никаких политических сил, и в то же время они в той или иной степени были связаны с исламскими кругами. По крайней мере, у двоих об этом свидетельствуют их биографические данные, указанные в информации о кандидатах, предоставляемой в ЦИК ПНА.

Так, Абдель Халим Ашкар, будучи на учебе в США, трижды попадал под арест за отказ свидетельствовать против палестинских и исламских активистов. Его подозревают в связях с ХАМАС. Сейед Хусейн Барака был арестован во время первой интифады и депортирован в Ливан в 1989 г. по обвинению в том, что он руководил «Исламским джихадом».

В целом основные различия в программах кандидатов относились к расстановке приоритетов и к способам решения внутренних проблем Палестины. Особенно это было заметно на предвыборных плакатах, которые были развешаны на улицах палестинских городов.

Так, Махмуд Аббас концентрировал внимание на решении вопросов безопасности, реформе административного аппарата и аспектах политического урегулирования. Остальные делали акцент на борьбе с коррупцией, безработицей, развитии национальной экономики, т.е. вопросах, интересующих в первую очередь самих палестинцев, а не международное сообщество. Как отметил Мустафа Баргути, намекая на ФАТХ и Махмуда Аббаса, «нынешнее палестинское руководство далеко от народа и не понимает, что реально нужно людям»[10].

На протяжении всей избирательной кампании Аббас постоянно подчеркивал, что он – наследник Арафата. Предвыборные плакаты, где он был изображен вместе с покойным палестинским лидером, гласили: «По пути Арафата к независимости Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме». Или как вариант: «Окончание оккупации и провозглашение независимого палестинского государства»[11]. Безусловно, все это можно относить к методам привлечения электората, и мало кто всерьез относится к предвыборным лозунгам. Но в то же время бесспорно, что Аббас был и остается приверженцем принципов, заложенных Арафатом в основу палестино-израильского урегулирования, что он подтвердил и в своей инаугурационной речи. Аббас посвятил свою победу на выборах «духу покойного Ясира Арафата» и пообещал «продолжить курс Арафата на укрепление национального единства, углубление диалога со всеми палестинскими силами и достижение справедливого мира (с Израилем)»[12]. Отметим, что отсыл к Арафату в какой-то степени справедлив, и частью голосов Аббас во многом обязан именно своим отношением к памяти покойного палестинского лидера. Это можно назвать популярностью по инерции. «Арафат ушел от нас и забрал с собой все. Для того чтобы ФАТХ не

потеряла свою популярность, нам нужно реформировать движение и много работать. Впереди еще выборы в Законодательное собрание, муниципалитеты, съезд ФАТХ», – так охарактеризовал ситуацию после выборов один из активистов избирательной кампании от этого движения[13].

Уличная агитация других кандидатов практически не касалась вопросов отношений с Израилем и мирного процесса. Абдель Халим Ашкар обещал «вернуть людям самоуважение», Марван Баргути предлагал отдать «решение проблем в чистые руки», Таисир Халид отмечал важность «поддержки национального производства».

Такие же акценты расставлялись и в программных текстах кандидатов на пост главы ПНА.

Первые пункты программы Абу Мазена – продолжение борьбы палестинцев до окончания оккупации и провозглашения независимого палестинского государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, справедливое решение на основе резолюции 194 СБ ООН проблемы беженцев и реализации всех палестинских прав[14].

Второй пункт – укрепление палестинского единства под руководящей ролью ООП. Аббас также говорил о необходимости развития ООП. Третий пункт – остановка израильской агрессии во всех без исключения видах – прекращение убийств, разрушений домов, арестов, разорения сельскохозяйственных земель, прекращение практики закрытия территорий, а также ограничения свободы передвижения палестинцев. В частности, должна быть остановлена поселенческая деятельность и демонтирован разделительный забор на основе решения, вынесенного Гаагским судом[15].

В пункте четвертом, обозначенном как «стремление к стратегическому миру», Аббас ссылался на Декларацию независимости Палестины, принятую под руководством Арафата 15 ноября 1988 г. на Девятнадцатой (чрезвычайной) сессии Палестинского национального совета. Декларация провозглашала создание Государства Палестина со столицей в Восточном Иерусалиме на оккупированных в 1967 г. Западном берегу реки Иордан и секторе Газа[16]. Декларация, хоть и косвенно, впервые признавала возможность сосуществования двух государств. Это подтвердил и Аббас в своей предвыборной программе.

Он также обязался уважать существующие договоренности по «Дорожной карте», разработанной «четверкой» посредников

ближневосточного урегулирования, и все достигнутые ранее соглашения и резолюции. Однако он отмечал необходимость заручиться обязательством израильского правительства уважать те же соглашения. Со своей стороны Аббас обязуется подготовить властные структуры, способные управлять всей палестинской территорией, и, положив конец оккупации, обеспечить единство сектора Газа и Западного берега реки Иордан.

В пятом пункте программы Аббас декларировал расширение связей с арабскими странами, исламскими государствами, Движением неприсоединения, другими государствами и движениями, солидарными с палестинцами[17].

В шестом пункте Аббас подтверждал право палестинского народа на сопротивление израильской агрессии и заявлял о необходимости международной поддержки этого сопротивления[18].

В седьмом пункте его программы говорилось о продолжении борьбы за провозглашение Восточного Иерусалима («Аль-Кудс аш-Шариф) столицей независимого Палестинского государства. Аббас предлагал сконцентрировать внимание на планах в различных сферах жизнедеятельности города – социальных, образовательных, здравоохранения и жилищных. К этой работе он намеревался привлечь фонды и комитеты арабских и исламских государств, а также других дружественных палестинцам стран. Особо оговаривалась защита христианских и исламских святынь города[19].

Национальным приоритетом и условием для возобновления мирного процесса и достижения мира Аббас называл в восьмом пункте своей программы освобождение заключенных[20].

Последние шесть пунктов программы Аббаса были посвящены социально-экономическим вопросам. Речь шла о строительстве гражданского общества на основе равенства и терпимости, о проведении выборов различных уровней как «важном этапе на пути развития политической системы»[21]. Кроме того, Аббас призывал к борьбе с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями. В его программе отмечались также необходимость создания новых рабочих мест, укрепления роли частного сектора, забота о воспитании молодого поколения, защита прав женщин[22].

Перечень вопросов в программах остальных кандидатов фактически повторял то, о чем говорил Аббас.

По словам сторонников Мустафы Баргути, он в своей программе делал упор на развитие палестинской экономики, чтобы она стала более самостоятельной. Сам Баргути отметил, что его предвыборная программа нацелена на проведение в Палестине демократических реформ и преобразований. Первоочередной необходимостью назвал он создание новых рабочих мест[23]. Кроме того, Баргути и его движение «Мубадара» выступали за продолжение борьбы за независимость Палестины путем укрепления палестинского единства, выраженного в объединении ООП и исламистов.

Программа Таисира Халида также концентрировалась вокруг внутренних проблем, в первую очередь на борьбе с коррупцией и слабостью власти. Он подчеркивал необходимость развития национального производства и его защиты от израильской конкуренции. Особое внимание Т.Халид уделял социальным вопросам, правам женщин, борьбе с безработицей[24].

Первый пункт программы доктора Абдель Халима Аль-Ашкара – строительство государства на основе прозрачности и законности, уничтожении коррупции[25]. Второй пункт – укрепление национального палестинского единства через достижение соглашения между исламскими и национальными группами. И только на третьем месте – вопрос об окончании оккупации и поиск справедливого и окончательного решения палестинской проблемы, включающей сохранение арабской и исламской сущности Восточного Иерусалима в качестве столицы Государства Палестина и решение проблемы палестинских беженцев на основе резолюции СБ ООН. Аль-Ашкар призывал отказаться от политики «свершившегося факта», которую используют израильтяне, на землю и остановить строительство разделительного забора[26].

В его программе также выражалась приверженность принципу разделения властей – судебной, законодательной и исполнительной, содержались и обещания работать над построением гражданского общества, укреплением частного сектора, защитой прав женщин, решением проблемы бедности, освобождением палестинских заключенных из израильских тюрем. Аль-Ашкар обещал выплатить вернувшимся из тюрем борцам с оккупацией компенсации[27].

Интересно, что во многих пунктах своей программы он, как и Абу Мазен, ссылался на решения Ясира Арафата. Уделялось внимание в его программе и Организации освобождения Палестины (ООП). Аль-Ашкар считал необходимым реформировать

организацию и осуществить интеграцию ООП с национальной властью[28].

Основным предметом споров и дискуссий в ходе избирательной кампании стал призыв Махмуда Аббаса «положить конец вооруженному сопротивлению». В одном из предвыборных интервью он заявил, что «вооруженная интифада была ошибкой»[29]. Далее последовали пояснения: «Я не требую прекратить вооруженную борьбу, но заявляю, что на этом этапе мы (власти) против вооруженной интифады, мы хотим вести переговоры. Если мы хотим начать переговоры, то должна быть создана спокойная атмосфера», – заявил Аббас, выступая перед журналистами в Эр-Рияде[30]. Одной из приоритетных задач своего правительства в случае победы на выборах Аббас назвал разоружение незаконных боевых формирований и изъятие у населения незарегистрированного оружия.

Эти заявления вызвали бурю возмущения среди многих палестинских движений – ХАМАС, «Исламского джихада», военизированного крыла ФАТХ. Тем более что практически вплоть до дня выборов Израиль продолжал военные операции на палестинских территориях.

Так, представитель ХАМАС на Западном берегу реки Иордан шейх Хасан Юсеф отметил: «У палестинского народа очень ограниченные возможности для сопротивления израильским оккупантам, использующим самые современные виды оружия. И наше право защищаться от оккупантов не должно подвергаться сомнению. Если Махмуд Аббас хочет остановить вооруженную интифаду, пусть скажет – есть ли у него гарантии, что агрессия будет остановлена»[31]. Подразумевалось, что гарантии должен дать Израиль.

Примерно такой же точки зрения придерживался и Мустафа Баргути. Накануне выборов он подчеркнул, «что нетрудно достичь согласия различных палестинских групп о прекращении огня. Однако необходимо, чтобы и Израиль был частью этого соглашения. Оно должно быть двусторонним»[32].

ДФОП также заявлял, что никто не должен отрицать право палестинского народа на сопротивление оккупации. По мнению представителей фронта, сопротивление может оказываться любыми методами. Недопустимыми являются лишь нападения на мирных граждан. Еврейские поселенцы, живущие на оккупируемых территориях, таковыми не являются.

Представители ФАТХ разъясняли, что Аббас и не собирается отрицать право палестинцев на сопротивление оккупации. По мнению мэра г. Бейт-Сахур, главы ФАТХ и избирательного штаба Махмуда Аббаса в районе Вифлеема Фуада Кокале, отказ от вооруженной интифады не значит отказа от сопротивления агрессии. Он пояснил, что их кандидат в случае победы не собирается «арестовывать тех, у кого есть оружие, в то время как Израиль продолжает агрессию. Речь идет о том, что израильская сторона должна прекратить атаки на палестинцев и уйти с палестинской территории. И после этого можно будет говорить о том, что оружие останется только в руках палестинской армии и полиции»[33].

Еще один представитель ФАТХ – вице-спикер Законодательного собрания доктор Гази Ханания отметил, что Аббас сможет договориться с ХАМАС о прекращении огня при условии, что Израиль остановит политику покушений и разрушений. По его мнению, это главное. «Если этого не сделают, и Махмуд Аббас не достигнет успеха на переговорах, то он может потерять свой пост», – подчеркнул он[34].

Учитывая недоверие со стороны части палестинского общества, Аббасу пришлось ужесточить риторику. Так, буквально накануне его встречи с избирателями в секторе Газа в результате военной операции израильтян, последовавшей в ответ на обстрелы израильского города Сдерот, там погибло семь палестинцев. В ходе предвыборного митинга в Газе Аббас откликнулся на гибель палестинцев беспрецедентно жестким заявлением в адрес Израиля, впервые публично назвав еврейское государство «сионистским врагом»[35]. Он также пообещал защитить палестинских боевиков. Это вызвало возмущение у израильских властей, которые, впрочем, отметили, что подобная риторика Аббаса скорее всего связана с предвыборной кампанией. Все это действительно так, однако этот пример еще раз обозначил «красную черту» риторики, через которую палестинскому руководству не следует в будущем переступать в поисках компромисса с Израилем.

Естественное продолжение эта ситуация получила уже после выборов. Первоочередной задачей для Аббаса стало достижение согласия с палестинскими экстремистскими движениями по вопросу заключения перемирия с Израилем и в целом расширения внутрипалестинского диалога. Без этого невозмож-

но ни продвижение в мирном урегулировании, ни в целом проведение внутрипалестинских реформ.

8 февраля 2005 г. глава ПНА Махмуд Аббас и премьер-министр Израиля Ариэль Шарон объявили в египетском городе Шарм-эш-Шейх о прекращении огня и насилия и намерении возобновить процесс мирного урегулирования. Однако эти договоренности не были подкреплены согласием большинства палестинских группировок. И лишь в середине марта в ходе переговоров в Каире лидеры 13 палестинских фракций и группировок достигли окончательного соглашения о соблюдении неформального перемирия с Израилем. В заключительном коммюнике переговоров было зафиксировано положение о поддержании режима прекращения огня с израильтянами в обмен на выполнение Израилем взятых им обязательств. В частности, освобождение заключенных и разрешение вернуться домой изгнанным с палестинских территорий, возвращение израильтян на линии соприкосновения, существовавшие до 28 сентября 2000 г.[36]

Временные рамки действия соглашения обозначены не были, хотя Махмуд Аббас и пытался убедить присутствующих на встрече, в первую очередь лидеров «Исламского джихада» и ХАМАС, в необходимости поддерживать статус-кво в течение года. Они согласились придерживаться достигнутых соглашений лишь в течение нескольких месяцев при условии аналогичной политики со стороны Израиля. «Исламский джихад» оставил за собой право отвечать на любые израильские атаки[37]. С этого момента палестинская и израильская стороны неоднократно обвиняли друг друга в нарушении договоренностей и в невыполнении данных в Шарм-эш-Шейхе обещаний. В частности, израильские политики отмечали недостаточность усилий Аббаса по разоружению экстремистских группировок.

Однако отметим, что тотальное разоружение группировок силовым путем накануне парламентских выборов, когда перед Абу Мазеном стояла задача включить их все в политический процесс, не представлялось возможным. Сам Аббас в одном из интервью, пришедшемся на пик межпалестинских переговоров, отметил: «Я не сторонник каких-либо силовых действий и всегда настаиваю на поиске компромиссов через убеждение. Я уверен, что большинство палестинцев поддерживает мою политику так же, как и большинство политических и иных организаций Палестины. Об этом свидетельствуют прошедшие недавно выборы.

Источник моей силы – это выборы, а против такой силы никто не может пойти»[38].

В Каире помимо договоренностей о перемирии с Израилем было достигнуто еще одно важное решение – о начале переговоров по вхождению ХАМАС и других исламистских организаций в ООП. Как уже отмечалось, подобные идеи высказывали в ходе предвыборной кампании и многие кандидаты на пост главы ПНА. Тогда же большинство палестинских политиков указывало, что межпалестинский диалог должен стать приоритетной задачей для нового палестинского лидера. О своем намерении активно участвовать в палестинской политической жизни заявлял и ХАМАС.

Так, представитель ХАМАС на Западном берегу реки Иордан шейх Хасан Юсеф заявил накануне выборов: «Межпалестинский диалог, а не переговоры с Израилем должен стать приоритетом для нового председателя Палестинской национальной администрации»[39]. Он пояснил, что подразумевается диалог по таким актуальным проблемам, как коррупция, создание независимой судебной системы, защита палестинского национального единства.

ХАМАС бойкотировал выборы главы ПНА, однако при этом все больше и больше претендует на интеграцию в политические процессы, происходящие в Палестине. Отметим, что бойкот не подразумевал, что рядовые члены движения должны были отказаться от голосования.

Отказ от участия движения в выборах объяснялся ХАМАС сразу рядом причин. Так, один из его лидеров Исмаил Хания заявил, что «выборы рассчитаны исключительно на усиление позиций ПНА, созданной в соответствии с временными договоренностями, заключенными Арафатом с Израилем, которые Исламское движение отвергает»[40]. Он высказал мнение ХАМАС о том, что выборы главы ПНА, депутатов Законодательного совета Палестины и муниципальных советов должны проходить одновременно. Звучали также заявления о том, что невозможно проводить выборы в условиях оккупации. Еще одну версию, пожалуй, самую вероятную, выдвинул шейх Хасан Юсеф. Он отметил, что если бы движение ХАМАС участвовало в выборах и выиграло, оно было бы вынуждено вести переговоры с Израилем.

«Это дело власти – вести переговоры с Израилем, но ХАМАС не хочет подменять собой власть, – сказал Юсеф. –

Кроме того, необходимо учитывать, что ХАМАС неприемлем для Израиля, Европы, США и других государств. И поэтому было решено не ставить палестинский народ в затруднительное положение и предоставить ему шанс выбрать того кандидата, которого ему хочется». А вернее, того кандидата, который устраивал бы не только палестинцев, но и Израиль, и США, и все остальные заинтересованные в палестино-израильском урегулировании стороны.

Впрочем, и само руководство движения не хотело оказаться в затруднительном положении. Отметим, что для ХАМАС все острее и острее становится дилемма поиска «наиболее адекватных методов сочетания провозглашавшейся этим движением и выглядевшей бескомпромиссной программы противостояния Израилю как инструмента, призванного изменить основное направление политики ООП, с одной стороны, и реальностью положения его сторонников и в целом национального социума, с другой. Иными словами, вопрос касался того, как и в какой мере его жесткое и, вне сомнения, догматическое видение ближневосточной ситуации (включая и ее основной компонент – палестино-израильский конфликт), предполагавшее всемерное использование насилия в качестве основного метода ее изменения, могло быть принято жителями Западного берега и сектора Газа, едва ли не полностью зависевшими от израильского рынка рабочей силы и стремившимися в этой связи к сохранению статус-кво, даже если оно и возникало как прямой итог оккупации»[41]. Кроме того, предполагаемое вхождение в ООП и участие в законодательных и исполнительных органах власти, а такое намерение у ХАМАС есть, судя по их участию в муниципальных выборах и возможному участию в выборах в Законодательное собрание[42], подразумевает, что движение принимает все договоренности, которые были ранее подписаны палестинским руководством с Израилем, и соглашается на создание Палестинского государства в границах 1967 г.

Следует отметить, что в выдвинутой этим движением в августе 1988 г. Исламской хартии – альтернативе Палестинской национальной хартии, разработанной ООП, «Палестина в пределах ее «исторических» границ – «от реки до моря»[43] – провозглашалась «вакфом» – исламской собственностью, «врученной будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Эта постановка вопроса предполагала, что, с точки зрения мусульманского права, «какие-либо компромиссы в отношении пале-

стинской территории недопустимы и незаконны»[44]. На сегодняшний день лидеры ХАМАС весьма уклончиво говорят о перспективах палестино-израильского урегулирования, концентрируя внимание на выполнении требований палестинцев, звучавших от представителей других партий, о дальнейших планах же предпочитают не распространяться. Впрочем, ХАМАС, как и другие палестинские группировки, весьма неоднороден.

Так или иначе, для Махмуда Аббаса и других представителей ФАТХ жизненно важно включить ХАМАС и иные исламистские группировки в политический процесс.

Комментируя победу ХАМАС в январе 2005 г. на одном из этапов муниципальных выборов в секторе Газа[45] (там это движение победило в 7 из 10 муниципалитетов, где проводились выборы, и получило 75 из 118 мест[46]), Аббас подчеркнул: «Очень важный положительный момент заключается в том, что теперь ХАМАС будет нести всю ответственность за то, что происходит в секторе Газа. В первую очередь за социальные проблемы, за гражданскую сферу. Мы очень рады разделить эту ответственность»[47]. В другом интервью Аббас так же добавил: «Если они добились успеха на выборах, то мы их поздравляем. Возможно, это подтолкнет их к участию в дальнейшем в мирных переговорах»[48].

Идея руководства ФАТХ разделить ответственность за происходящее в Палестине с ХАМАС понятна. В случае неудачи руководства ПНА и в случае провала мирного процесса ФАТХ и Аббас лично теряют сторонников, тогда как ХАМАС, находясь в стороне от политических процессов, остается чист, и его популярность растет. Но с другой стороны, ХАМАС, находясь на обочине палестинской политической жизни, может потерять популярность, особенно если в отношениях между палестинцами и израильтянами наступает период относительного затишья. Так что вопрос об участии ХАМАС в парламентских выборах практически решен, если, конечно, не произойдут чрезвычайные события. И основной интригой предстоящих выборов в Законодательное собрание является вопрос – сколько процентов голосов наберет ХАМАС.

Согласно опросам общественного мнения, которые провел университет Бир-Зейт 21–23 апреля 2005 г., если бы выборы состоялись в ближайшее время, то за кандидатов от ФАТХ проголосовало бы 41,1% избирателей, от ХАМАС – 22,6%, пока не определилось 23,6% избирателей. Кандидаты от других

партий получают на порядок меньше (на уровне 1–2%) и, возможно, они пойдут на выборы блоками[49].

Избирательная кампания в Законодательное собрание в еще большей степени, чем выборы главы ПНА, высветит все противоречия, таящиеся внутри палестинского общества и внутри палестинских движений. И перед Махмудом Аббасом стоит нелегкая задача не только искать пути компромисса с Израилем, сколько выстраивать заново политическую жизнь Палестины. Речь идет о поисках компромиссов внутри разных поколений ФАТХ, а также с теми членами движения и ООП в целом, кто по-прежнему находится за пределами Палестины. Речь идет о реформах и внутри ФАТХ, и внутри ООП, о том, как будут складываться отношения между ООП и ХАМАС, и как впишутся исламские движения в политический процесс. При этом Аббасу не стоит забывать и о социально-экономических реформах. Безусловно, важную роль играет и позиция Израиля в отношении Палестины, и складывающаяся там политическая ситуация. Сразу после выборов главы ПНА палестинцы отмечали, что если после выборов они не увидят никакого прогресса ни на палестино-израильских переговорах, ни в социальной сфере, то ситуация в регионе может снова обостриться.

[1] Официальный сайт МИД РФ, http://www.ln.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/679FD5F2D7FBB4F343256D1800593CDE?OpenDocument

[2] Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестинское движение сопротивление и формирование палестинской государственности (80–90-е годы). М., 2001, с. 179.

[3] http://home.birzeit.edu/dsp/opinionpolls/poll20/poll20.pdf

[4] http:// www. jmcc. org/publicpoll/ results/2004/ no52. pdf

[5] www.rian.ru, 2 декабря.

[6] Поляков К.И., Хасянов А.Ж., Цит. произв., с. 167.

[7] www.rian.ru, 08.01.2005.

[8] Сайт ЦИК ПНА, http://www.pal-cec.org

[9] Известия, 10.01.2005.

[10] www.rian.ru, 09.01.2005.

[11] Предвыборная уличная агитация лично наблюдалась автором, принимающим участие в выборах в качестве зарубежного корреспондента.

[12] www.rian.ru, 15.01.2005.

[13] Известия, 11.01.2005.

[14] Здесь и далее цит. по: «Барнамидж аль-Амль Аль-Ватани лиль-ах Махмуд Аббас (Абу Мазен) – мурашших харакати фатх лиррияса». Программа национального действия Махмуда Аббаса (Абу Мазена) – кандидата от движения ФАТХ на президентский пост (главы ПНА). Б/м, б/г. С. 9.

[15] Там же, с. 9–10.

[16] Там же, с. 10.

[17] Там же, с. 11.

[18] Там же.

[19] Там же, с. 12.

[20] Там же.

[21] Там же, с. 13.

[22] Там же, с. 13–16.

[23] www.rian.ru, 09.01.2005.

[24] Аль-Кудс, 25.12.2004 г.

[25] Здесь и далее http://www.pnic.gov.ps/arabic/president/elections/ashkar.html

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] www.mignews.com, 14.12.2005.

[30] www.rian.ru, 15.12.2005.

[31] www.rian.ru, 09.01.2005.

[32] Там же.

[33] www.rian.ru, 06.01.2005.

[34] Известия, 10.01.2005.

[35] www.rian.ru, 04.01.2005.

[36] Аль-Ахрам, 17.03.2005.

[37] ИТАР-ТАСС, 17.03.2005.

[38] Независимая газета, 01.02.2005.

[39] www.rian.ru, 09.01.2005.

[40] www.rian.ru, 01.12.2004.

[41] Цит. по: Косач Г.Г. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. – М., 2001, с. 114–115.

[42] Выборы в Законодательное собрание должны были состояться 17 июля 2005 г., однако позже были перенесены.

[43] От реки Иордан до Средиземного моря.

[44] Косач Г.Г., Цит. произв., с. 115.

[45] Муниципальные выборы проводятся в несколько этапов, начиная с декабря 2004 года.

[46] http://www.palestine-pmc.com/details.asp?cat=1&id=783, 29.01.2005

[47] Коммерсантъ, 01.02.2005.

[48] Известия, 01.02.2005.

[49] http://home.birzeit.edu/dsp/opinionpolls/poll212/results.html

М.А.Михайлов

СТАМБУЛЬСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Состояние фондового рынка – важный показатель развитости экономики страны. Анализ ситуации на нем позволяет выявить соотношение прямых и портфельных инвестиций и их влияние на экономику в целом. Фондовые биржи являются одними из ключевых каналов, через которые происходит движение капитала. В данной статье сделана попытка изучить работу и деятельность Стамбульской фондовой биржи, которая с момента своего создания внесла большой вклад в проведение рыночных реформ в Турции.

Стамбульская фондовая биржа была официально образована в конце 1985 г., в период начала реформ в области приватизации и либерализации экономической системы турецкого государства. Биржа стала необходимым инструментом реформ и внесла важный вклад в их развитие. Именно поэтому Стамбульская фондовая биржа вызывает интерес исследователей.

1. История рынка ценных бумаг Турции

Говоря о появлении рынка ценных бумаг в Турции, следует начать с середины 19 века. Первый рынок ценных бумаг Османской империи был основан после Крымской войны в 1866 г. под названием «Dersaadet Securities Exchange». Используя этот рынок, европейские инвесторы получили возможность извлекать огромные прибыли от османских рынков. После провозглашения Турецкой Республики в 1929 г. был принят закон, в соответствии с которым была создана «Istanbul Securities and Foreign Exchange Bourse» (Стамбульская биржа ценных бумаг и иностранной валюты).

Фондовый рынок стал быстро развиваться и внес большой вклад в становление новых предприятий республики. Однако эти успехи были прерваны Великой депрессией 1929 г. и приближавшейся мировой войной, которые имели негативные

последствия для только набирающих силу предприятий. Во времена последующего промышленного роста многие акционерные компании начали разрастаться и выставлять свои акции на открытые торги. Развитие рынка было прежде всего связано с растущим инвестиционным спросом со стороны индивидуальных и коллективных инвесторов.

В начале 80-х годов XX века отмечаются значительные улучшения на рынке ценных бумаг благодаря как законотворческой деятельности государства, так и формированию необходимых условий для расширения инвестиционной деятельности. В 1981 г. был принят закон о рынке ценных бумаг. Год спустя была учреждена главная инстанция по наблюдению и регулированию турецкого рынка ценных бумаг – Комитет по ценным бумагам (Capital Markets Board), местом нахождения которого является Анкара.

В октябре 1984 г. в «Resmi Gazete» (Официальная газета) были опубликованы «Положения об основании и функциях биржи». Позже во время чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи были приняты положения, касающиеся операционных процедур. Стамбульская фондовая биржа официально начала свою работу в конце 1985 г.[1]

2. Структура Стамбульской фондовой биржи

Стамбульская фондовая биржа является единственной в Турции, где проходят торги акциями, облигациями, векселями, долговыми обязательствами (revenue-sharing certificates), муниципальными облигациями (private sector bonds), иностранными ценными бумагами и сертификатами недвижимости (real estate certificates). Главным исполнительным органом Стамбульской фондовой биржи является Исполнительный Совет, состоящий из 5 человек и избираемый Генеральной Ассамблеей. На сегодняшний день главой Исполнительного Совета является Осман Бирсен, избранный 25 октября 1997 г. Четыре остальных члена представляют 3 категории участников РЦБ: банки развития, коммерческие банки и брокерские фирмы.

Биржа является в высокой степени самоуправляющимся институтом. Ее доходы состоят главным образом из оплаты услуг по осуществлению сделок, услуг по размещению ценных бумаг на бирже и дополнительных услуг. Прибыль биржи используется для покрытия расходов и ведения инвестици-

онной деятельности и не распределяется между третьими лицами. Стамбульская фондовая биржа имеет свой собственный бюджет.

Председатель и глава Исполнительного Совета

Председатель и глава Исполнительного Совета назначается правительством республики на пятилетний срок и выполняет функции посредника между другими членами Исполнительного Совета и правительственными учреждениями, включая Комитет по ценным бумагам.

Генеральная Ассамблея

Генеральная Ассамблея является главным исполнительным органом биржи и состоит из зарегистрированных членов биржи. Ее решения должны быть утверждены Комитетом по ценным бумагам. Генеральная Ассамблея также решает вопросы управления и руководства биржей. Каждый член Генеральной Ассамблеи имеет один голос во время сессии. Возможен созыв чрезвычайных сессий.

Исполнительный совет

Исполнительный Совет собирается регулярно для решения вопросов об ежедневных операциях на бирже, а также пересмотра условий, необходимых для регистрации ценных бумаг на бирже. Совет состоит из пяти членов, четверо из которых избираются Генеральной Ассамблеей на четырехлетний срок.

Аудиторский комитет

Все счета и финансовая отчетность биржи проверяются двумя штатными аудиторами, которые избираются Генеральной Ассамблеей. Аудит биржи также проводится независимыми специалистами.

Инспекционная коллегия

Инспекционная коллегия – промежуточное звено между Председателем, Исполнительным Советом и другими департаментами биржи. Инспекционная коллегия тщательно наблюдает за ходом сделок на бирже для предотвращения манипуляций на фондовом рынке. Инспекционная коллегия обеспечивает осведомленность участников рынка и своего персонала о правилах и постановлениях биржи.

Контроль деятельности Стамбульской фондовой биржи

Комитет по ценным бумагам обеспечивает контроль деятельности всех фондовых рынков в стране[2].

3. Закон о рынке ценных бумаг 1999 г. Роль РЦБ и банков в инвестиционной деятельности

С изданием Закона о рынке ценных бумаг на Стамбульской фондовой бирже появились и начали развиваться новые финансовые инструменты. А именно – депозитные сертификаты, краткосрочные и долгосрочные облигации, бонды, гарантированные банками и др. Появление нового механизма заимствования средств снизило роль банков как главных кредиторов и дало толчок развитию конкуренции на финансовом рынке (см. табл. 1).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что банковская система занимает олигопольные позиции на рынке ссудных капиталов Турции. Это связано с постоянным ростом инфляции. Поэтому инвесторы предпочитают краткосрочные вклады с целью избежать рисков потерь дохода. Иными словами, полученный доход должен превышать темпы роста инфляции.

По сравнению с ведущими странами Запада масштабы использования ценных бумаг в Турции пока невелики. В связи с этим турецкая кредитно-финансовая система относится к типу «экономики задолженности». Для кредитно-финансовых систем индустриального Запада характерно быстрое развитие финансовых рынков (тип «экономики финансовых рынков»). Отличительные черты экономики данного типа – большой объем эмиссии и операции с ценными бумагами. Для сравнения, в среднем по 7 крупным развитым странам (США, ФРГ, Франция, Япония, Канада, Швеция, Австралия) доля активов рынка ценных бумаг во всем объеме рынка ссудных капиталов составила в 1993 г. 38%. Важную роль в регулировании надзора над деятельностью коммерческих банков и рынком ценных бумаг играет Казначейство Турецкой Республики, поскольку деятельность коммерческих банков и фондовой биржи зависит от общественного доверия и оказывает значительное влияние на экономическую жизнь страны. Закон о банках и ценных бумагах жестко требует предоставления лицензий на деятельность этих учреждений[3].

Казначейство осуществляет контроль за деятельностью кредитных учреждений, а Центральный банк занимается вопросами регламентации банковской деятельности. Непосредственный контроль над эмиссией и операциями с

ценными бумагами осуществляет Комитет по ценным бумагам (КЦБ).

Из 10 инвестиционных банков 3 – государственные, 7 – частные банки. Инвестиционные банки не ведут депозитных операций, но имеют доступ к ресурсам Центрального банка, зарубежным источникам кредитных ресурсов для модернизации турецкой промышленности. Средства инвестиционных банков вкладываются в проекты развития национальной экономики, а также играют существенную роль в развитии рынка ценных бумаг. Кредиты государственных банков направляются в приоритетные отрасли экономики, определенные в государственных программах как стратегически важные, обеспечивающие динамизм «турецкой модели промышленного развития». При этом следует подчеркнуть, что правительство иногда использует эти кредиты в своих политических целях (как правило, в период предвыборной кампании). В соответствии с банковским законодательством 1985 года турецкие банки стали готовить балансовые отчеты согласно международным принципам бухгалтерского учета. С 1988 г. банки обязаны проводить независимый аудит.

4. Место Стамбульской фондовой биржи среди других бирж мира

Особенностью Стамбульской фондовой биржи являются высокие темпы ее роста с момента образования в 1985 г. В течение десяти лет ее капитализация в долларовом эквиваленте увеличилась втрое. Стамбульская фондовая биржа входит в десятку наиболее успешных бирж развивающихся стран и занимает восьмое место в Европе. По объему ежедневных торгов данная биржа опережает фондовые биржи в Осло, Брюсселе, Копенгагене, Мадриде и находится практически на равных позициях с биржами в Амстердаме, Милане и Стокгольме. На сегодняшний день валютный режим в Турции является одним из наиболее либеральных. Иностранные инвестиции составляют около половины всех сделок на Стамбульской фондовой бирже (см. также таблицу 2).

«Общенациональный рынок» Стамбульской фондовой биржи в 2000 г. состоял из акций 260 предприятий, акции ста из которых использовались при расчете фондового индекса ISE National-100 Index. Средний объем торгов в начале ян-

варя 2000 г. составлял 1,5 млрд. долларов США, в то время как капитализация рынка оценивалась в 115 млрд.[4]

В октябре 1993 г. Стамбульская фондовая биржа была признана Комиссией по ценным бумагам и биржам США.

9 мая 1995 г. японская ассоциация биржевых дилеров официально признала Стамбульскую фондовую биржу в качестве «привлекательного иностранного рынка ценных бумаг для частных и коллективных японских инвестиций».

В 1992 г. Стамбульская фондовая биржа стала полноправным членом Международной ассоциации фондовых бирж.

5. Прямые и портфельные инвестиции. Влияние политических и других факторов на фондовый рынок Турции

Говоря о доле прямых и портфельных инвестиций, следует отметить, что, как и в большинстве развивающихся рынков, портфельные инвестиции составляют значительную долю инвестиций. В связи с этим изменения в экономической и политической конъюнктуре оказывают значительное воздействие на фондовый рынок. Так, 28 ноября 1999 г. индекс Стамбульской биржи упал на 9%. Причиной кризиса была снизившаяся активность правительства страны в проведении антиинфляционных мер, поддержании программы приватизации и привлечении иностранных инвестиций. Дополнительно ухудшил ситуацию рост импорта, который увеличивал прессинг на платежный баланс Турции. Совокупность этих факторов создала условия, которые оказали сильное давление на национальную банковскую систему.

Обвал на Стамбульской фондовой бирже спровоцировал падение европейских индексов: немецкий DAX потерял 1,07%, а английский FTSE 100–1,96%. В США, Южной Америке, а затем и Юго-Восточной Азии также произошло некоторое падение значения фондовых индексов[5].

Выводы и заключения

Стамбульская фондовая биржа с момента своего создания добилась значительных успехов. Вместе с тем большими препятствиями на пути формирования эффективно работающего рынка ценных бумаг Турции остаются значительная непрозрачность рынков и бюрократия. Однако, как показывают данные таблиц 3 и 4, турецкий РЦБ все больше и больше заинтересовывает иностранных инвесторов. Каждая отрасль эконо-

мики, которая открыта для иностранных инвестиций, процветает. Можно только представить себе, что будет с деловым сектором Турции при низком уровне инфляции и более доступном и дешевом капитале.

Таблица 1

Соотношение институциональных структур кредитно-финансовой системы Турции

Учреждения	1993	1994	1995	1996
Центральный Банк	21,08	26,51	25,30	27,77
Банки	74,62	68,69	69,20	68,89
в т.ч.: коммерческие	69,20	62,82	63,92	62,22
инвестиционные	5,42	5,87	5,29	4,67
Частные финансовые компании	1,23	1,49	1,49	1,60
Страховые компании	1,35	1,46	1,46	1,60
Лизинговые компании	1,46	1,63	1,85	1,26
Факторинговые компании	0,00	0,00	0,41	0,61
Посреднические компании	0,27	0,22	0,25	0,27
ВСЕГО	100	100	100	100

Источник: Undersecretariat of the Treasury.

Таблица 2

Распределение иностранного капитала по отраслям

Отрасль	Иностранные капиталовложения (млн. лир)	Общие капиталовложения (млн. лир)	Доля иностранны капиталовложени (%)
Сельское хозяйство	219106418	239248479	91,58
Добывающая промышленность	36879791	46395229	79,49
Промышленное производство	2697331961	4442408030	60,72
Сфера услуг	3468224090	5630025806	61,60
Всего	6421542260	10358077544	62,00

Источник: Undersecretariat of the Treasury.

Таблица 3

Иностранный капитал в Турции

Год	Количество компаний	Капиталовложения в данном году (млн. долларов США)	Общие капитало-вложения (млн. долларов США)
1988	1172	821	3050
1989	1525	1512	4562
1990	1856	1861	6423
1991	2123	1967	8390
1992	2330	1820	10210
1993	2554	2063	12273
1994	2830	1478	13751
1995	3161	2938	16689
1996	3582	3836	20525
1997	4068	1678	22203
1998	4533	1646	23849
1999	4950	1700	25549
2000	5328	3477	29026
2001	5841	2725	31752
2002	6311	2243	33995

Источник: Undersecretariat of the Treasury.

Таблица 4

Положение иностранных инвестиций: иностранные активы и пассивы к концу периода

Положение иностранных инвестиций	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Активы:	(млн. долларов США)							
Прямые инве-стиции					3668	4581	5847	6138
Портфельные инвестиции	5	5	5	4	4	550	810	1956
Пассивы:								
Прямые инве-стиции					19209	19677	18846	32334
Портфельные инвестиции	16166	19749	17743	38408	36168	25018	24132	33609

Источники: Undersecretariat of the Treasury, Istanbul Stock Exchange.

[1] Ozince H.E. *Tailoring Financial Services in Turkey to Changing Regional Demand.* 3rd Mediterranean Development Forum. March 2000.

[2] Официальный сайт Стамбульской фондовой биржи http://www.ise.org

[3] İstanbul Menkul Kıymetler Borsasında Zayıf ve Yarı-Güçlü Etkinlik Sınaması Sonuçları, TCMB Eğitim Bülteni, 2001.

[4] Ozince H.E. *Tailoring Financial Services in Turkey to Changing Regional Demand.* 3rd Mediterranean Development Forum. March 2000.

[5] Salman F. *Risk-return-volume Relationship in an Emerging Stock Market*. Istanbul, 2000.

В.Н.Юрченко

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ

Исламская Республика Иран (ИРИ) – одно из крупнейших государств Средней Азии и Ближнего Востока, обладающее существенными запасами энергоресурсов, лежащее на мировых торговых нефтяных путях, владеющее в масштабах региона значительным военным потенциалом. Государство, претендующее на роль лидера как в регионе, так и в мире. Несмотря на переживаемые сейчас трудности, Иран представляется весьма перспективным объектом для инвестиций и экономическим партнером, стратегически важным с точки зрения геополитического потенциала. Именно это и привлекает к Ирану внимание американского экспертного сообщества.

США относятся к числу тех стран, где степень участия экспертов в процессе принятия и выработки внешнеполитических решений достаточно высока. Известно, что так называемые «мозговые центры» США нередко занимаются подготовкой аналитических материалов, экспертных оценок, рекомендаций для правительства. Более того, многие видные ученые приглашаются на работу в аппараты правительства, президента, министерств и ведомств[1].

По мнению Рей Тейкей, эксперта из Совета по Международным отношениям (Council on Foreign Relations), наиболее значительной датой в современной истории Ирана является 3 июня 1989 г., день смерти имама Хомейни[2]. Иран времен Хомейни активно пытался экспортировать революцию путем причинения вреда своим соседям, плетением заговоров и убийств «персидских принцев» (Gulf princes) и поддержки различных террористических организаций. После смерти имама «тропинка» иранской политики стала более умеренной, страна пыталась отстаивать свои национальные интересы посредством дипломатии, установления торговых отношений и заключения

различного рода пактов по безопасности. Кульминацией развития этой тенденции стал приход к власти в 1997 г. президента Мохаммада Хатами. Он призвал провести реформы в стране и установить мирные отношения с другими государствами. К моменту прихода к власти Хатами ИРИ столкнулась с серьезным экономическим кризисом, который являлся результатом «внутриполитической конфронтации» (internal political confrotation)[3]. Он наступил тогда, когда режим не смог справиться с возрастающей потребностью занять огромное по меркам ИРИ число безработных – около 600–700 тысяч в год, или найти 25 млрд. долларов, чтобы восстановить «свою обветшалую нефтяную отрасль» (its dilapidated oil industry). Экономические вызовы, в конце концов, заставили важные элементы иранской политики двигаться «позади догматических установок прошлого» и искать практические решения «иранской дилеммы». Продолжая свою мысль, Рей Тейкей утверждает, что будущее Ирана не может принадлежать ни идеалистам, ни идеологам, но именно так называемым «муллам посередине», т.е. реалистично настроенным лидерам, чья первостепенная задача – восстановление иранской экономики, даже если это потребует революционного поворота в политике ИРИ, например, прагматического подхода к США.

Затрагивая тему прагматического поведения, нельзя не упомянуть, что на Западе иранских консерваторов принято считать массой «недифференцированных реакционеров» (undifferentiated reactionaries), объединенных одной целью и руководствующихся в своих действиях регрессивной идеологией[4]. Но стоит отметить, что даже среди тех, кто до сих пор высказывает свою приверженность Исламской Революции, есть и такие, кто осознает, что простыми лозунгами решить экономические проблемы и проблемы безопасности не удастся. Это четко свидетельствует, во-первых, о неоднородности консервативно настроенной части политической элиты Ирана и, во-вторых, об их прагматическом подходе в решении иранских проблем как внутри страны, так и на международной арене.

Прагматизм части консерваторов можно наблюдать в самых разных направлениях политики страны. Во-первых, произошла значительная переоценка отношений Ирана с США. По мнению Рей Тейкей, Иран должен установить нормальные отношения не только со своими соседями, но и с Соединенными Штатами, пусть даже первоначально в форме modus vivendi[5].

Исторически консерваторы враждебно относились к «Большому Сатане», однако изменение геополитической карты Ближнего Востока и военное присутствие сил США на территории государств, которые имеют общие границы с Ираном, заставило часть консервативной верхушки ИРИ переосмыслить ценность «рациональных отношений с Америкой».

Прагматизм можно также наблюдать и в иранских подходах к решению атомной проблемы, анализ которой находится в центре внимания американских экспертов. В то время как клерикалы стремятся вывести Иран из ДНЯО, прагматики признают, что такая стратегия разрушит и без того непрочные отношения со странами Персидского залива и толкнет их еще дальше в «объятия» США. Более того, продолжает Рей Тейкей, такая политика лишь приведет к установлению режима международных санкций, дальнейшей изоляции Ирана и потере европейских торгово-экономических партнеров.

Проявление прагматизма можно видеть и в решении иракского вопроса. Многие американские наблюдатели боятся, что Иран, имеющий большое влияние на иракское шиитское большинство, будет играть деструктивную, дестабилизирующую роль, поскольку Ирак – это прекрасное место, например, для экспорта Исламской революции – концепции, которая до сих пор находится на вооружении ряда клерикальных умов Ирана. Всех успокоило по этому поводу заявление советника президента Хатами Мухаммеда Лариджани о том, что «иранский опыт невозможно перенести на Ирак»[6].

Таким образом, политика Ирана времен правления имама Хомейни была отягощена догматическими установками, и политика, основанная на этих догматах, привела ИРИ по сути к международной изоляции, что крайне негативно отразилось на экономическом развитии страны. Необходимость модернизации экономики заставила ИРИ отказаться от «воинствующей» идеологии.

Более чем какой-либо другой, в самом Иране стоит так называемый «атомный вопрос», который порождает большие споры и, как следствие, разделение внутри клерикального истеблишмента по поводу дальнейших действий страны на международной арене[7]. Как отмечает эксперт Эйнгорн, вопрос о создании или приобретении атомного оружия в Иране очень политизирован, причем сторонники жесткой линии представляют американцев и европейцев как силы, которые пытаются

не допустить Иран к тем технологиям, от которых он смог бы получить большую пользу и выгоду[8]. В течение последних двух лет иранские руководители все больше высказываются за продолжение развития ядерных технологий и приобретение этих технологий для создания полного цикла обогащения.

Необходимо отметить, что практически все иранские группировки внутри клерикального истеблишмента едины в вопросе о том, что необходимо поддерживать развитие иранской ядерной программы, которая в дальнейшем создаст возможность «собрать свою бомбу»[9]. Однако опасность переступить установленный для Ирана ядерный порог вопреки международному сообществу и в нарушение договорных обязательств порождает в стране жаркие споры.

По мнению Рей Тейкей, ярые сторонники создания атомной бомбы – это клерикалы, сторонники жесткой линии поведения Ирана на международной арене, представленные прежде всего верховным религиозным руководителем аятоллой Али Хаменеи. Посредством управления ключевыми институтами иранской политической системы, такими как Корпус Стражей Исламской Революции, судебная власть и Охранительный Совет (Guardian Council), иранские клерикалы усиливают влияние на национальное оборонное планирование ИРИ. Основной стержень их идеологии – это представление о том, что ИРИ находится в постоянной опасности со стороны внешних сил и поэтому необходимо полагаться исключительно на свои силы. Это утверждение было порождением революции. Спустя вот уже более 15 лет в иранском политическом руководстве, по крайней мере, в консервативно настроенной его части, живы воспоминания о войне с Ираком. Использование Ираком против ИРИ химического оружия, а подобный шаг не имел для Ирака практически никаких последствий, не говоря уже о том, что западные страны в течение всего периода войны в целом сохраняли молчаливое согласие с действиями Ирака, способствовало лишь усилению иранских сомнений по поводу совершенства существующего международного порядка. Как отмечает бывший президент ИРИ, «война показала нам, что международные законы – это всего лишь клочки бумаги»[10]. Поэтому для многих иранских клерикалов единственный путь защитить интересы Ирана – способствовать развитию своих собственных сил ядерного сдерживания.

В оппозиции к клерикалам находятся прагматически настроенные элементы, настаивающие на том, что интеграция

ИРИ в международное сообщество и мировую экономику накладывает определенные ограничения на иранскую атомную программу. Ряд американских экспертов справедливо предостерегает от искушения рассматривать эту проблему как своеобразный раздел между консерваторами и реформаторами, поскольку так называемая «коалиция», призывающая к сдержанности в иранском атомном вопросе, включает как консерваторов, представленных прежде всего секретарем Совета по национальной безопасности Хасаном Роухани и официальными представителями министерства обороны, так и реформаторов, возглавлявшихся президентом Мохаммедом Хатами и его сторонниками в министерстве иностранных дел. Важно понять, что сторонники так называемого «сдержанного» подхода не призывают, как это может показаться, к полному демонтированию иранского «ядерного здания», но лишь к развитию иранской атомной программы в жестких рамках ДНЯО[11]. «Жесткая» политика может привести, по мнению реформаторов, лишь к экономическим санкциям, а важные в стратегическом плане иранские экономические партнеры, такие, например, как Европейский Союз, вынуждены будут «одобрить» американскую политику изоляции и давления на ИРИ. Более умеренная позиция по атомной проблеме позволит, с одной стороны, и дальше развивать эту программу, а с другой, не даст испортить отношения с важными международными партнерами.

Если отбросить все страхи по поводу санкций и изоляций, то некоторые сторонники «ядерного ограничения» (nuclear restraint) утверждают, что иранское ядерное оружие не обязательно будет служить иранским интересам. Если страна переступит указанный международным сообществом порог, страны Персидского залива и новый Ирак, вероятно, еще больше будут тяготеть к «американскому зонтику безопасности». Под покровительством США структура безопасности в регионе Персидского залива может эволюционировать в сторону сдерживания и изоляции ИРИ. Это очень хорошо осознает иранская политическая элита, в частности, министр обороны Али Шамхани признает этот важный для Тегерана момент, указывая, что «существование ядерного оружия может превратить нашу страну в угрозу, которой можно будет воспользоваться, чтобы навредить нашим отношениям со странами региона»[12]. С этим соглашается и бывший представитель ИРИ в МАГАТЭ Али Акбар Салехи, отметивший, что «мы не можем купить безопас-

ность, завладев ядерным оружием, которое только создаст больше угроз, направленных против нас»[13].

Особое внимание, по мнению Рей Тейкей, следует обратить на экономическую составляющую аргументов реформаторов, которые свидетельствуют о весьма «мрачной экономической ситуации» в стране. Стагнация иранской экономики, управляемой административно-командными методами, с ее увеличивающейся каждый год вдвое инфляцией и уровнем безработицы, прибавив к этому растущую бюрократию, промышленный спад и обременительные субсидии – все это выходит за пределы возможностей «царствующих мулл». Не стоит также забывать об иранской молодежи, которая может поставить Исламскую Республику «перед взрывоопасным политическим кризисом».

На сегодняшний день Иран создает в среднем 400 тысяч рабочих мест в год, причем реальное число безработных составляет около 1 миллиона в год. Клерикальное руководство, продолжает эксперт, не желает проводить структурные экономические реформы из-за страха возможного беспорядка и негативной реакции населения. Режим пытается улучшить ситуацию по привлечению иностранных инвестиций. По оценкам министерства экономики и финансов, ежегодная потребность иранской экономики в иностранных инвестициях для разрешения сложившихся проблем составляет порядка 7 млрд. долларов.

Стоит отметить, что иранские прагматики все чаще ссылаются на северокорейскую модель, суть которой состоит в том, что Северной Корее удалось использовать свое «ядерное неповиновение» (nuclear defiance) и получить от международного сообщества неплохие экономические и секуритальные концессии. Видимо, предполагает исследователь, пойдя таким путем – сопротивление, неповиновение, угрозы и льстивые речи, – Иран сможет использовать свой «ядерный козырь» (nuclear card), чтобы «выторговать более рациональные отношения» с Соединенными Штатами[14]. В связи с этим можно в качестве примера привести заявление официального представителя МИД Намида Реза Ассари, что «мы готовы к дискуссии и переговорам, но нам нужно знать, что Исламская Республика от всего этого получит»[15].

Как подчеркивает эксперт Совета по международным отношениям, «сегодня Иран находится на перепутье» (Iran today stands at a crossroads). В настоящем или будущем ему пред-

стоит сделать выбор в отношении направлений дальнейшего развития своей атомной программы.

Важно также, по мнению эксперта, не забывать и о том, что мотивация Ирана в данном вопросе не может быть рассмотрена в контексте государственных интересов и соображений национальной безопасности. Какие бы выгоды ни сулило обладание ядерным оружием, оно, без сомнения, является источником национального престижа и определенных выгод для самой бюрократии и политиков. Когда возникает подобная ситуация, государство готово перейти запретную линию, даже если первоначальные факторы, которые и являются причиной запуска программы по созданию ядерного оружия, уже отсутствуют.

Таким образом, можно констатировать следующее. В Иране четко обозначились два подхода к проблемам, связанным с атомной программой страны: ее развитие без каких-либо ограничений и реализация программы в жестких рамках заключенных соглашений и прежде всего – в рамках договора о нераспространении. Вероятно, в иранском политическом истеблишменте возобладал или возобладает в будущем первый подход, а следовательно, и более жесткий внешнеполитический курс Ирана на международной арене, что будет связано уже не с догматическими представлениями прошлых десятилетий, а с более жесткой позицией при отстаивании своих национальных интересов и прагматизмом.

Тем не менее представляется маловероятным, что иранское руководство уже точно решило перейти запретную линию. В данном случае стоит предположить, что угрозы санкций и международной изоляции все же служат сдерживающим фактором. Т.е. можно говорить лишь о четко наметившейся тенденции, но никак не о свершившемся факте.

Мнение экспертов по вопросам внешней политики Исламской Республики Иран носит своеобразный характер, проявляющийся прежде всего в том, что каждый эксперт выделяет один или несколько составляющих иранской внешней политики и рассматривает их как неразрывные части комплекса всей деятельности ИРИ на международной арене. Практически все американские эксперты рассматривают ту или иную внешнеполитическую составляющую сквозь призму «атомного» вопроса. Рассмотрим мнения некоторых экспертов.

Джордж Хулсман и Джеймс Филипс из Фонда «Наследие», который представляет консервативное направление американ-

ской политической мысли, в своей статье «Создавая общий атлантический подход к иранской атомной проблеме» (Forging a Common Transatlantic Approach to the Iranian Nuclear Program)[16] отмечают, что иранская приверженность дипломатическому решению сложившейся ситуации с ее атомной программой мотивирована больше страхом Исламской Республики перед возможной военной операцией США против Ирана, чем его желанием получить определенные экономические выгоды от переговоров со странами Европейского Союза, прежде всего Великобританией, Германией и Францией – так называемой «Группой-3» (G-3). Высокие цены на энергосырье поддерживают все время «спотыкающуюся» иранскую экономику (Iran`s falting economy), позволяют снизить государственный долг и сократить потребности в так необходимых иранской экономике иностранных инвестициях.

Общая американо-европейская позиция – это сделанное Ирану предложение, которое, как полагают эксперты, «предсказывает» в случае его принятия «хорошую судьбу» и которое недвусмысленно дополняется обещаниями Европейского Союза и дипломатически поддерживающей его ООН предпринять санкции, если Тегеран не согласится принять предложение или в дальнейшем откажется от взятых на себя обязательств. Все это может заставить европейцев, как отмечают авторы публикации, пойти на более жесткие меры против Ирана, если переговоры не смогут решить сложившуюся проблему.

Однако, вырабатывая единую американо-европейскую позицию с целью застопорить атомную программу Ирана, администрация США не должна позволить связывать себя какими-либо обязательствами в решении других вопросов. В частности, она должна отвергнуть любое предложение, которое, во-первых, не принимает в расчет возможностей военной операции в случае, если Иран будет препятствовать подписанию соглашения или нарушит его в дальнейшем; во-вторых, не позволит США оказывать политическую поддержку демократической оппозиции в самом Иране. Это, по мнению Д.Филипса и Д.Хулсмана, свидетельствует о том, что власти США твердо встали на сторону иранского народа против «репрессивного правительства» (repressive government), и это не должно измениться. В-третьих, США не следует подписываться под любым предложением, которое позволит Ирану в случае нарушения соглашения без особых трудностей создать атомное оружие.

Поясняя данное положение, авторы публикации пишут, что любое соглашение, заключенное с Ираном, должно всячески осложнить ИРИ использование своей мирной атомной программы для развития параллельно и военной, как это сделала, например, Северная Корея в 1994 г. в рамках соглашения, подписанного администрацией Клинтона.

Исследователи указывают на то, что, по их мнению, конкретно должен сделать Иран в данном вопросе. Во-первых, ратифицировать и строго соблюдать Дополнительный Протокол к соглашению Международного Агентства по атомной энергии в сфере охраны (Addutuional Protocol to the International Atomic Energy Agency safeguard agreement), который устанавливает более жесткий режим в отношении инспектирования ядерных объектов. Во-вторых, быть более транспарентным с МАГАТЭ и на основе тесного сотрудничества решить все имеющиеся проблемы. В-третьих, прекратить попытки создания полного цикла обогащения, в том числе все программы по обогащению плутония и создания реакторов, работающих на тяжелой воде. В-четвертых, согласиться на более тщательные проверки инспекторов, установление такого режима контроля с их стороны, который бы позволил ликвидировать все подозрительные ядерные сооружения в стране. В-пятых, Иран должен предоставить более убедительные экономические обоснования развития своей атомной программы.

Только в случае согласия Ирана на вышеуказанные условия, причем Иран должен первым «пойти навстречу», ИРИ может получить определенные выгоды. При этом исследователи конкретно их перечисляют. В частности, возможно начало переговоров между США и ИРИ по поводу возобновления дипломатических отношений, в том числе и переговоров по возобновлению американо-иранских торговых связей; США и ЕС поддержат усилия Исламской Республики по вступлению во Всемирную Торговую Организацию, утверждая, что Тегерану будут предоставлены «нормальные условия членства» (normal conditions of membership); возобновление переговоров между Европейским Союзом и Ираном о заключении соглашения о торговле и сотрудничестве; решение США и ЕС не препятствовать созданию Ираном единственного реактора в Бушере, который бы работал на легкой воде; свободный допуск к международным сырьевым рынкам, где Иран смог бы продавать свое энергетическое сырье по мировым ценам. Более того, все за-

интересованные стороны должны согласиться на предоставление стране гарантий безопасности, которые будут иметь силу после того, как Иран откажется от ядерного вооружения.

Таким образом, Д.Хулсман и Д.Филипс предлагают, по сути, своеобразный план действий как Ирану, так и США. При этом подчеркивается, что перечисленные действия США могут быть предприняты только в случае, если Иран сам сделает первые шаги. Лишь в этом случае, а также при отказе от атомной программы. Важно отметить также, что эксперты не только не исключают применения силы против Исламской Республики в случаях невыполнения или отказа от своих обязательств в рамках договора о нераспространении, отказа изменить сегодняшний курс, но и прямо предусматривают такой оборот в общей схеме своих рассуждений, подчеркивая, что США располагают свободой действия по тем или иным вопросам и не связаны никакими обещаниями и обязательствами.

Эксперт Роберт Эйнгорн, сотрудник Центра стратегических и международных исследований в статье «Трансатлантическая стратегия по иранской атомной программе»[17] утверждает, что такая программа поднимает два важных вопроса. Во-первых, смогут ли американцы и европейцы эффективно работать вместе по весьма важным вопросам как для них обоих, так и для всего мирового сообщества в целом. Во-вторых, возможно ли отговорить Иран, страну, богатую ресурсами, достаточно четко, по мнению эксперта, определяющую свою стратегию развития, от создания своего атомного оружия посредством действий, столь близких по своему характеру к применению военной силы. Эти два вопроса между собой взаимосвязаны. Сложность, по мнению автора публикации, состоит еще и в том, по какому пути пойти: по тому, по которому пошли США и них союзники в решении иракского вопроса, или же положиться на жесткий международный инспекционный режим.

Успех в выработке единого согласованного трансатлантического подхода в отношении Ирана зависит, по мнению эксперта, прежде всего от того, одинаково ли Соединенные Штаты и Европейский Союз понимают намерения Исламской Республики. Пока что их взгляды близки, но не идентичны[18]. При этом исследователь поднимает вопрос, ответ на который дает вполне конкретные представления о том, что, собственно говоря, ИРИ намеревается делать. Эта проблема касается того, собираются ли иранцы сегодня лишь заложить определенные

возможности, чтобы в дальнейшем изготовить ядерное оружие, или же они конкретно и прямо намереваются его создать. В частности, американцы, британцы и в какой-то степени французы убеждены, что Иран уже сделал свой выбор: он активно ищет сами способы создания атомного оружия, а не только определенные возможности для этого. С такой точкой зрения не согласна Германия, которая не уверена в том, что Иран на самом деле сделал свой выбор в пользу создания или приобретения на стороне атомного оружия. По мнению Германии, не исключено, что ИРИ стремится получить возможность приобретения необходимых материалов, отсрочивая в то же время принятие решения о создании атомной бомбы. Подобная возможность может быть представлена в Тегеране как достаточная на данный момент, поскольку таким образом Иран сможет продемонстрировать миру уровень технологических достижений и доказать, что, не нарушая взятых на себя обязательств, страна сможет создать свою атомную бомбу в течение достаточно короткого периода времени.

Однако, продолжает эксперт, практически все без исключения игроки на иранском поле сходятся во мнении как минимум по двум вопросам. Во-первых, приобретение или создание Ираном атомного оружия будет носить «катастрофические последствия для стабильности Ближнего Востока и будущего всего режима нераспространения»[19]. Во-вторых, необходимо заключение единого, трансатлантического соглашения, которое смогло бы лишить Иран возможности создания ядерных материалов, используемых в военных целях, независимо от истинных мотивов иранского руководства.

Кеннет Поллак, директор отдела по исследованиям, старший научный сотрудник программы «Внешнеполитические исследования», бывший аналитик ЦРУ, автор книги «Персидская головоломка» (The Persian Puzzle), утверждает, что смена режима в Иране не является приемлемым способом иметь дело с этой страной и что администрация Джорджа Буша собирается для начала пустить в ход свои «дипломатические мускулы» (diplomatic muscles)[20].

Исследователь подчеркивает, что крайне полезно обратить внимание на историю Ирана, из которой видно, что сегодняшний конфликт между ИРИ и США не является «геостратегическим соперничеством» или идеологическим конфликтом как таковым. Если отбросить все факторы – идеологический,

исторический или какие-либо еще – и посмотреть сквозь геостратегическую призму, трудно понять, почему США и Иран конфликтуют друг с другом, поскольку, доказывает эксперт, еще до 1979 г., т.е. до антишахской революции, в ирано-американских отношениях существовало множество проблем, однако и та, и другая сторона весьма успешно работали вместе над их разрешением. Проблема, по мнению Кеннета Поллака, заключается в том, что иранский режим с момента его возникновения позиционирует себя как антиамериканский и продолжает делать это в данный момент, думая, что любые действия США направлены против Ирана.

Говоря о так называемом иранском атомном вопросе, К.Поллак выделяет два уровня решения сложившейся ситуации. Первый – «сказать» иранцам, что они сами могут свернуть свою атомную программу; поставить ее под контроль инспекторов, т.е. создать такой инспекционный режим, который действует в Ираке; прекратить поддерживать террористов и мешать арабо-израильскому мирному урегулированию. В ответ «мы снимаем наши санкции, решаем все вопросы, берущие начало еще во времена правления шаха, приводим вас во Всемирную Торговую Организацию, даем определенные гарантии безопасности, создаем такую структуру безопасности в Персидском заливе, от которой вы будете получать выгоду»[21].

Однако проблема заключается также и в том, что подобные «заманчивые» предложения Иран получал неоднократно. ИРИ их не принимала, поэтому в таком случае появляется второй уровень взаимодействия с проблемой – метод «кнута и пряника» (carrot-and-srick approach). На этом уровне идет взаимодействие с ЕС. Соединенные Штаты и Европейский Союз пытаются убедить Иран в том, что ему придется сделать выбор, причем всячески намекают на то, что лучше его сделать, отказавшись от атомных исследований.

Говоря о позиции и роли ЕС в данном процессе, автор отмечает, что последнее время европейцев всерьез стала беспокоить иранская атомная программа, и что сейчас они более решительны применить именно кнут[22]. В этом отношении позиции США и ЕС сближаются, что, по мнению эксперта К.Поллака, позволяет этим двум игрокам на иранском поле сесть за стол переговоров и четко изложить иранцам свое видение решения.

Эксперт выражает определенную неуверенность в том, смогут ли европейские страны пойти с США до конца. На этот

случай, по мнению К.Поллака, будет полезен третий метод – «простое сдерживание», т.е. проведение некой красной черты («red lines»), зайдя за которую Иран уже не сможет повернуть назад.

Стоит обратить внимание на мнение эксперта по поводу того, как можно будет существовать с Ираном дальше в случае приобретения или создания им атомного оружия. Согласно утверждениям автора книги «Персидская головоломка», не стоит бояться подобного события. Не следует также волноваться по поводу того, что созданное или приобретенное Ираном оружие может попасть в руки террористов. Последние 15 лет ИРИ обладает химическим и биологическим оружием, которое относится к разряду оружия массового поражения (ОМП); и последние 25 лет Исламская Республика поддерживает террористические группировки. Эти две силы Иран никогда не смешивал, используя террористов как инструмент и элемент своей внешней политики. Иранцы, полагает Поллак, не помешаны на том, чтобы убить как можно больше невинных людей. В настоящее время нет никаких оснований полагать, что такая политика изменится.

Реальную же озабоченность вызывает то, что ИРИ после получения, официально или неофициально, статуса ядерной державы, может начать вести себя так, как в свое время повел Пакистан. Как и Иран сейчас, пакистанское государство хотело получить ядерное оружие исключительно в оборонительных целях. Однако как только это произошло, Пакистан стал вести себя более агрессивно, что находило свое отражение в часто возникавших кризисных ситуациях с участием Индии, грозящих перерасти в ядерный конфликт между двумя государствами. В этом и заключается проблема.

Таким образом, в случае получения Ираном атомного оружия с ним вполне возможно существовать. По мнению эксперта, режим в Иране «гадкий, агрессивный и безжалостный», но в то же время ведет себя прагматично[23].

Джордж Перкович из Фонда Карнеги «За Международный мир» полагает, чтобы решить проблему неприобретения Ираном ядерного оружия и ядерных технологий, должны учитываться иранские интересы, корни которых можно найти в истории этой страны[24]. Эта история свидетельствует, что Вашингтон не желает видеть страну по-настоящему независимой.

По мнению эксперта, как Ирану, так и США, следует пойти навстречу друг другу для установления нормальных отношений. Иранское государство должно создать благоприятные условия для этого, изменив при этом свою нынешнюю политику; США же со своей стороны предстоит способствовать развитию конструктивного мышления в Тегеране, активно поддерживая при этом европейскую дипломатию, и прежде всего объявить о том, что Соединенные Штаты не имеют намерений предпринимать какие-либо насильственные, агрессивные шаги по отношению к Ирану, если последний остановит свою атомную программу и прекратит поддерживать террористические группировки.

По мнению исследователя, одна из основных задач, стоящих перед Ираном, заключается в том, чтобы убедить своих арабских соседей, что иранское государство не является угрозой для них и что малым арабским странам нет надобности развивать более тесные отношения с Соединенными Штатами. Однако уже само создание Ираном атомного оружия пугает его соседей и заставляет обращать свои взоры в сторону США. При этом для них не столь важно, насколько иранское государство будет угрожать своим оружием Израилю.

Эксперт Фонда Карнеги уделяет особое внимание такому моменту в атомном вопросе Ирана, как мобилизация арабских государств. В ходе поездки в Египет и другие арабские страны Персидского залива исследователь часто обнаруживал двойные стандарты, которые являются одним из препятствий на пути решения иранской проблемы. По утверждению многих арабских официальных лиц, Иран с атомной бомбой никак не приемлем для арабского мира. Об этом, в частности, заявляет Египет, который считает обладающий атомом Иран угрозой своей стране. Однако при этом, как справедливо замечает Д.Перкович, соседний с Египтом Израиль уже давно обладает атомным оружием, находясь при этом гораздо ближе к Египту, чем Иран. Это не служит большим препятствием достаточно стабильным отношениям между двумя государствами, не помешало и подписанию мирного договора между Израилем и Египтом.

Перкович замечает, что многие страны арабского мира более динамичны, однако также пассивны. Они однозначно заявляют, что США должны устранить возможность для Ирана иметь ядерные технологии, при этом подчеркивают, что лучше сделать это невоенными методами. В случае же атаки эти страны не собираются одобрять США или оказывать какую-

либо им политическую поддержку. По сути, страны арабского мира, особенно малые, т.е. те, кто больше всего привязаны к США прежде всего в плане обороны, хотят обеспечить свою безопасность за счет американского государства и своего собственного бездействия.

Стоит, однако, отметить, что малые арабские страны поддерживают «лишение Ирана его ядерных возможностей»[25], но не выражают своей позиции открыто, поскольку это будет интерпретировано как поддержка Израилю.

Именно существование подобных двойных стандартов, а также американское отношение к ядерному оружию Израиля во многом, по мнению эксперта, будут осложнять попытки Соединенных Штатов вовлечь арабские государства в решение иранской проблемы.

Анализ взглядов и мнений американских экспертов и исследований внешней и внутренней политики Исламской Республики Иран вполне определенно дает представление о важнейших направлениях исследовательской работы в рассматриваемой области, вызывающих, как представляется, огромный интерес. И этот интерес вполне понятен: 11 сентября и последующие в мире события внесли существенные коррективы во внешнеполитическую стратегию многих стран и изменили внутриполитическую ситуацию в ряде из них. В большей степени это относится к Исламской Республике Иран, государству, которое оказалось в самом центре «поля борьбы» мирового сообщества против международного терроризма.

Решительное «наступление» США на врагов Ирана – афганских талибов и иракского диктатора Саддама Хусейна – привело, несмотря на полученные Ираном некоторые выгоды от такого поворота событий, к новому витку ирано-американской конфронтации, причиной и продолжением которой стало причисление Ирана президентом США Дж.Бушем в 2002 г. к так называемой «оси зла», что, собственно говоря, означало, что Иран поставлен на один уровень с Ираком и что, таким образом, столкновение между США и ИРИ неизбежно. Подобные события лишь усиливают интерес экспертов.

Согласно мнениям американских экспертов, понимание нынешнего поведения ИРИ невозможно без анализа современной истории Исламской Республики. Исследователи выделяют в связи с этим два периода современной истории Ирана, подчеркивая, что основной разделительной чертой является

день смерти имама Хомейни. Период правления имама был полон догматических представлений об иранском внешнеполитическом положении ИРИ. Уделяя огромное внимание экспорту Исламской Революции, борьбе с «Великим Сатаной», режим имама Хомейни, по мнению американских экспертных сообществ, упустил из поля зрения экономическое развитие страны и нужды простых иранцев. В результате к моменту прихода к власти Хатами, страна была уже в плачевном экономическом состоянии. При этом главный двигатель иранской экономики и общества – иранская молодежь – грозит стать основной силой антиисламской революции.

Говоря о раскладе политических сил, можно утверждать, что, согласно представлениям исследователей, неверно делить политический истеблишмент страны исключительно на консерваторов и реформаторов. Неверно также приклеивать ярлыки прагматиков только реформаторам, так как среди них можно встретить и консервативно настроенных политических лидеров, как правило, умеренного толка.

Иран и атом – пожалуй, самый обсуждаемый вопрос в работах американских экспертов. И это неудивительно: эта проблема носит ярко выраженный международный характер. От ее решения зависит развитие не только Ирана, но и всего международного сообщества. Американские исследователи рассматривают внешнюю политику ИРИ сквозь призму иранского атомного вопроса, подчас увязывая ее решение с решением других, «неядерных» проблем.

Эти решения должны быть очень продуманы. Американским экспертным сообществам надо содействовать разумному пониманию американскими официальными лицами этого важного для всего мира момента.

[1] Загорский А. Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et Contra. Т. 8, № 2.

[2] Takeyh, R. Re-emagining US-Iranian Relations, с. 24 // http://www.cfr.org/pdf/Takeyh_Iranian_Relations.pdf

[3] Там же, с. 25.

[4] Takeyh, R. Tehran`s pragmatists are ready to talk // http://www.cfr.org/pub7268/ray_takeyh/tehrans_pragmatists_are_ready_to_talk.php

[5] Takeyh, R. Tehran`s pragmatists are ready to talk // http://www.cfr.org/pub7268/ray_takeyh/tehrans_pragmatists_are_ready_to_talk.php

[6] Там же.

[7] Takeyh, R. Iran Builds the Bomb, с. 55 // http://www.cfr.org/pdf/Takeyh_IranBomb.pdf

[8] Einhorn, R. J. A Transatlantic Strategy on Iran`s Nuclear Programm. Autumn 2004 // http://www.twq.com/autumn/docs/autumn_einhorn.pdf

[9] Takeyh, R. Iran Builds the Bomb, с. 55 // http://www.cfr.org/pdf/Takeyh_IranBomb.pdf

[10] Takeyh, R. Iran Builds the Bomb, с. 56 // http://www.cfr.org/pdf/Takeyh_IranBomb.pdf

[11] Там же, с. 57.

[12] Takeyh, R. Iran Builds the Bomb, с. 57 // http://www.cfr.org/pdf/Takeyh_IranBomb.pdf

[13] Там же, с. 57.

[14] Там же, с. 58.

[15] Там же.

[16] Hulsman, J.C., Phillips, J. Forging a Common Approach to the Iranian Nuclear Program // http://www.heritage.org/Research/MiddleEast/bg1837.cfm

[17] Einhorn, R.J. A Transatlantic Strategy on Iran`s Nuclear Program // http://www.twq.com/autumn/docs/autumn_einhorn.pdf

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] The Persian Puzzle: An Interview with Kenneth Pollack // http://www.motherjones.com/news/qa/2005/01/kenneth_pollack.html

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Perkovich G. Iran Is Not an Island: A Strategy to Mobilize the Neighbors, с. 2 // http://www.carnegieendowment.org/files/PB34.perkovich.final.web1.pdf

[25] Perkovich G. Iran Is Not an Island: A Strategy to Mobilize the Neighbors, с. 3 // http://www.carnegieendowment.org/files/PB34.perkovich.final.web1.pdf

П.Н.Мамед-заде

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АРЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

На формирование политики АРЕ в межарабских отношениях, определение его роли и места в системе международных отношений в регионе Арабского Востока влияет целый ряд геополитических, экономических, социально-культурных, религиозных факторов. Активизация внешней политики АРЕ в 90-е годы XX века происходила в условиях, когда экономика страны продолжала оставаться слабой, а источники для ее развития – немногочисленными. Основные статьи дохода страны связаны с внешней конъюнктурой и во многом зависят от положения дел на международной арене. К системообразующим факторам экономического состояния АРЕ относятся бурный рост населения и высочайший уровень зависимости от внешних обстоятельств, особенно от продолжающегося конфликта на Ближнем Востоке и перманентной нестабильности в регионе. Основные социально-экономические показатели АРЕ говорят о серьезных проблемах, стоящих перед правительством страны. Египет занимает 120-е место в мире по так называемому индексу человеческого развития, имея высокие показатели безработицы и бедности. Безработица, согласно официальным данным, составляет 8–10%[1]. Около половины населения АРЕ – примерно 35 млн. египтян – живет за чертой бедности, из них 6 млн. – в полной нищете. При этом давление на Египет международных доноров с целью активизации процесса экономических реформ, либерализации экономики, включая снижение контроля над ценами, отмену субсидий и смягчение ограничений на внешнюю торговлю и инвестиции, постоянно нарастает. Усилия египетского правительства по модернизации экономики, созданию новых рабочих мест, повышению уровня жизни наталкиваются на слишком высокие темпы демографического роста. Если в начале 1996 г. население АРЕ составляло 60,2 млн. человек[2], то в 2004 г. его численность достигла 74 млн. Каждый

день в Египте рождается почти 4 тыс. младенцев. Если такая динамика сохранится, то, по прогнозам экспертов, к 2030 г. египтян станет вдвое больше[3].

Одной из самых развитых отраслей экономики АРЕ является зарубежный туризм, приносящий ежегодно около 10% ВВП[4]. В период с 1996 г. число зарубежных туристов, ежегодно посещающих АРЕ, возросло вдвое и достигло 8 млн. человек в 2004 году, что принесло казне 6 млрд. долларов. Египет – экспортер нефти и член Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК). Нефтяная индустрия обеспечивает до 40% экспортных поступлений Египта, а нефтедобыча формирует десятую часть ВВП. Однако с учетом растущего внутреннего спроса и истощения месторождений в Суэцком заливе Красного моря существуют опасения, что к 2010 г. АРЕ может превратиться в импортера важнейшего энергоносителя[5]. Египетское правительство пытается снизить эту опасность, стимулируя нефтеразведку, принимая меры к восстановлению скважин и стремясь изменить структуру потребления энергоносителей на внутреннем рынке в пользу газа. Разведанные запасы нефти в Египте составляют 3,5 млрд. баррелей, а нефтедобыча колеблется между 800–850 тыс. баррелей в день[6].

ВВП Египта, по данным МВФ, – около 100 млрд. долларов[7]. По конкурентоспособности своих товаров страна, согласно данным все того же МВФ, занимает 62-е место. По этому показателю Египет уступает таким арабским странам, как ОАЭ (16-е место), Бахрейн (28), Иордания (35), Тунис (42), Марокко (56)[8]. Не обладая богатыми, как в странах Персидского залива, природными ресурсами, Египет выделяется значительным людским потенциалом. Из постоянно находящихся за рубежом египтян большое число высококвалифицированных рабочих трудится в арабских странах. Это позволяет обеспечить приток в страну валютных средств в виде денежных переводов работающих за рубежом египтян в АРЕ, а также снизить уровень безработицы. Много египтян работает в Саудовской Аравии. Так, согласно данным, представленным на конференции министров труда арабских стран, в 2000 г. в королевстве находилось 5,9 млн. иностранцев. Из них 2,5 млн. (41%) – из арабских стран, из которых около 1 млн. – из Египта[9]. Граждане АРЕ заняты как в частном, так и государственном секторе.

АРЕ импортирует зерно, мясо, машины и оборудование. В структуре экспорта доминируют нефть, газ, хлопок и готовые

текстильные изделия, лекарства. Главными внешнеторговыми партнерами Египта традиционно остаются США, европейские и некоторые азиатские страны. Резервы для внутреннего развития весьма ограничены. Земли Египта – преимущественно пустыня – малопригодны для ведения масштабных сельскохозяйственных работ. Поэтому 97% населения проживает в плодородной долине реки Нил всего на 4% территории АРЕ[10]. Весьма остро перед Египтом стоит проблема водных ресурсов. Их нехватка, по мнению некоторых видных деятелей страны, может в будущем спровоцировать региональные конфликты. Египет прилагает усилия для повышения эффективности использования водных ресурсов крупнейшей африканской реки – Нила.

Несмотря на сложности, экономика Египта остается одной из наиболее развитых в Африке. Нефтеперерабатывающая промышленность АРЕ – одна из крупнейших на континенте. Согласно данным Региональной Экономической комиссии ООН, Египет входит в число пяти африканских государств (наряду с Алжиром, Марокко, Нигерией и ЮАР), обеспечивающих в начале XXI века почти 60% валового внутреннего продукта Африки[11]. Принимая во внимание все же относительно низкий уровень развитости экономики, зависимость государственной казны от внешней конъюнктуры, власти АРЕ, прежде всего министерство иностранных дел, в своей работе нацелены на привлечение в страну зарубежных инвестиций, экономической помощи по линии различных валютно-финансовых институтов, а также современных технологий. Важным условием для осуществления этих целей Египет считает окончательное урегулирование арабо-израильского конфликта и установление мира и стабильности в регионе Ближнего Востока. Активизация торгово-экономической деятельности с зарубежными странами, таким образом, ставится в качестве одной из главных задач. Основными целями Египта на данном направлении являются повышение доли товарного экспорта, сдерживание роста объема импорта и, в конечном счете, сокращение дефицита внешнеторгового баланса[12]. МИД АРЕ в соответствии с предоставленными ему полномочиями занимается поиском потенциальных инвесторов, информированием зарубежных партнеров о возможностях и привлекательных особенностях египетской экономики, направляет специалистов для участия в работе международных экономических форумов и конференций.

Одним из ключевых направлений политики АРЕ на Арабском Востоке определено поддержание мира и стабильности в регионе и внутри страны с целью привлечения зарубежных инвестиций в египетскую экономику. Учитывая желание египетских руководителей продолжать укреплять позиции своей страны в различных сферах межарабских отношений, весьма важным представляется участие Египта во главе всех серьезных начинаний, так или иначе касающихся судеб арабского мира. Среди них были и остаются попытки урегулирования конфликтов в регионе Арабского Востока, прежде всего арабо-израильского, осуществление интеграционных проектов, обеспечение региональной безопасности. Именно это формирует благоприятную атмосферу для капиталовложений в экономику стран региона и, в частности, Египта со стороны западных и арабских инвесторов и создаст условия для развития равноправного, взаимовыгодного сотрудничества, в том числе, и для решения насущных внутренних проблем, прежде всего экономического характера.

Руководство страны понимает, что стремление закрепить лидерство Египта в арабском мире и успех движения к такой цели находятся в прямой зависимости от того, насколько удастся поднять на уровень сопоставимости внутренние ресурсы АРЕ с объемом взятых на себя международных обязательств. Речь в данном случае идет о способности исполнительной власти реализовать весь спектр внешнеполитических задач. В 90-е годы государственные учреждения, отвечающие за выработку и осуществление внешнеполитического курса страны, претерпели ряд изменений, выраженных в реформировании, в частности, структуры МИД АРЕ и расширении его внешнеполитических приоритетов[13]. В результате реформ, проведенных министром иностранных дел Амром Мусой (1991–2001 гг.), было увеличено число специализированных комитетов в рамках МИД АРЕ, увеличилось число дипломатических представительств за рубежом. Египет обладает наиболее разветвленной дипломатической сетью в мире по сравнению с другими странами Арабского Востока. Кроме того, МИД Египта располагает значительным в количественном и высококвалифицированным в кадровом отношении персоналом[14]. Внутри Египта развернулась серьезная полемика, темой которой стал вопрос о необходимости расширения сети дипломатических представительств за рубежом. Противники данного расшире-

ния считали, что оно приведет к распылению финансовых, кадровых, технических ресурсов и предлагали сосредоточить их в странах, представляющих для Египта несомненный интерес[15]. Сторонники другого подхода, выступавшие за расширение сети дипломатических представительств за рубежом, объясняли необходимость таких мер особой ролью Египта, призванного поддерживать тесные взаимоотношения со всеми странами мира не только от своего лица, но и от имени арабской нации.

Перечень задач, стоящих перед египетской дипломатией на рубеже XX–XXI вв., весьма обширен. Он охватывает практически все вопросы, касающиеся роли Египта в межарабских отношениях, а также затрагивает проблемы развития связей между странами региона Арабского Востока и другими государствами и интеграционными объединениями. В качестве одного из приоритетов в деятельности министерства иностранных дел и его загранучреждений за рубежом выделяется задача укрепления постоянных контактов с представителями египетской общины в этих странах с целью поддержания их связей с исторической родиной – Египтом. Посольства уделяют большое внимание экономическим аспектам межгосударственных отношений и привлекают в Египет зарубежных инвесторов, а также способствуют открытию рынков для экспорта египетских товаров[16]. Важной представляется активизация экономических связей и торгового обмена, особенно в рамках сотрудничества с крупными интеграционными объединениями (например, ЕС) и ведущими региональными державами.

Еще одной целью египетской дипломатии на рубеже XX–XXI вв. было стремление АРЕ занять место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В докладе комитета по иностранным делам Народного собрания АРЕ, представленном в мае 1996 г., в качестве одного из приоритетов внешней политики была названа необходимость «использовать привилегированные отношения Египта с различными государствами мира и ключевую роль АРЕ в ближневосточном мирном процессе для того, чтобы добиться постоянного членства в Совете Безопасности ООН. Достижение этой цели отвечало бы совместным задачам Египта и всех стран, которые входят в сферу его важнейших внешнеполитических интересов»[17]. Официальный Каир считает, что страна отвечает многим критериям, необходимым, чтобы занять одно из двух новых мест в СБ ООН, которые

предполагается выделить Африке в рамках проекта реформирования ООН. В качестве доводов в пользу своей кандидатуры Египет выдвигает целый ряд аргументов. Как заявил глава МИД Египта Ахмед Абу аль-Гейт, «в Африке Египет располагает самой крупной экономикой и самым большим числом дипломатических миссий за рубежом, что позволяет ему строить широкие отношения с международным сообществом». Кроме того, у Египта крупные вооруженные силы, которые участвуют во многих международных миротворческих операциях, Каир участвует в поддержании отношений между ООН и Африканским союзом и, таким образом, мог бы стать постоянным африканским членом «с арабским, исламским и средиземноморским лицом».

Необходимую поддержку в данном вопросе Египет получил от арабских стран. На 15-м саммите глав государств и правительств стран-членов ЛАГ, прошедшем 22–23 марта 2005 г. в Алжире, члены этой межарабской организации «поддержали Египет в том, чтобы он занял новое место в СБ ООН в случае расширения его состава для защиты прав Африки, арабов, исламских и развивающихся государств»[18]. Данное решение было зафиксировано в итоговых документах саммита[19]. Тем самым арабские страны признали заслуги египетской дипломатии и доверили ему отстаивать свои интересы в главном органе ООН.

Исламский фактор играет не последнюю роль во внешней политике АРЕ. Не оспаривая с Саудовской Аравией титул главного мусульманского центра в арабском регионе, Египет вносит свой вклад в поддержание позитивного образа ислама в мире, способствует распространению исламских культурных ценностей. Египет является одной из крупнейших стран мира по численности мусульманского населения, одним из признанных центров мусульманского богословия. Важнейшим фактором, определяющим эту роль, является нахождение в Каире главного мусульманского теологического высшего учебного заведения в мире – университета Аль-Азхар. Его деятельность активно финансируют арабские страны, например Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, но в то же время власти этих же государств препятствуют появлению на своей территории учреждений, связанных с университетом Аль-Азхар, усматривая в нем сильного политического и идеологического конкурента[20]. После восстановления членства в ОИК в 1984 г. АРЕ остается

активным участником этой международной межправительственной организации. В 1997 г. Египет стал членом организации «Исламская восьмерка», в которую также вошли крупнейшие мусульманские страны – Турция, Малайзия, Пакистан, Индонезия, Бангладеш, Нигерия и Иран. По мнению ряда специалистов, данное объединение может стать примером успешной интеграции в рамках мусульманского мира[21].

Следующим фактором, играющим важную роль в определении места Египта в арабском мире, является его географическое положение на стыке континентов, которое делает «страну фараонов» связующим звеном не только двух частей Арабского Востока – Машрика и Магриба, но и важным центром соприкосновения различных культур. Это позволяет Египту быть активным участником международных отношений сразу в нескольких субрегионах – арабском, африканском, азиатском, средиземноморском. На рубеже XX–XXI вв. АРЕ стремится использовать данное преимущество в целях всестороннего расширения своих экономических связей с интеграционными объединениями, развивая отношения с такими из них, как ЕС, КОМЕСА и др. Суверенитет Египта над одной из главных морских транспортных магистралей мира – Суэцким каналом – обуславливает стратегическую значимость АРЕ на международной арене. Через канал осуществляется около 10% мировых морских перевозок. Для самого Египта Суэцкий канал служит важным источником поступлений в казну. При этом доходы АРЕ от использования Суэцкого канала растут из года в год. Так, если в 2002 г. Египет получил 1,9 млрд. долл., в 2003 г. – 2,6 млрд. долл.[22], то в 2004 г. объем превысил отметку в 3 млрд. долл.[23]

Сложная обстановка на Ближнем, Среднем Востоке и в Африке, стремление Каира отстаивать свое лидерство в арабском мире определяют основные направления политики Египта в области национальной безопасности и военного строительства. Непрекращающийся арабо-израильский конфликт стал причиной непрерывного роста военных расходов и Израиля, и некоторых арабских стран, в том числе и Египта. Большинство стран, на которые военные расходы ложатся наиболее тяжким бременем, учитывая их ВВП, находятся на Ближнем и Среднем Востоке. Начиная с 1996 г. военные расходы в государствах этого региона постоянно увеличивались.

В некоторых из них официально объявленные военные расходы составляют более 5% ВВП[24].

По мнению министра обороны АРЕ маршала Мухаммеда Хусейна Тантауи, «мирный процесс должен быть подкреплен силой», а потому вооруженные силы Египта обязаны «продолжать работу по повышению боевых возможностей с тем, чтобы защитить безопасность и стабильность в стране»[25]. Учитывая сложную обстановку в районе арабо-израильского конфликта, принявшего перманентный характер, Египет укрепляет свои вооруженные силы, стремясь максимально упрочить свою национальную безопасность. На рубеже веков армия Египта была самой многочисленной и наиболее оснащенной на Арабском Востоке. Численность регулярных вооруженных сил АРЕ в этот период равнялась примерно 443 тыс. человек[26]. Военный бюджет Египта в 2001 г. составил 2,1 млрд. долл. и имеет тенденцию к росту[27]. Для сравнения, военный бюджет Сирии в том же году равнялся 838 млн. долларов[28]. Военная доктрина АРЕ носит оборонительный характер, а в ее основе лежит «принцип сдерживания, то есть поддержания военного равновесия с окружающими государствами с целью вынудить их отказаться от применения силы против Египта. Ряд египетских авторов указывает на важную роль АРЕ как страны, способной благодаря своей военной мощи осуществлять и поддерживать стратегический баланс в отношениях арабских стран с региональными центрами силы – Израилем, Ираном, Турцией[29]. Таким образом, Египет является неотъемлемой частью сложной системы сдержек и противовесов в регионе, где нарушение баланса сил может привести к росту напряженности в межгосударственных отношениях.

В двадцать первый век Арабская Республика Египет вступила в качестве крупнейшего по численности населения арабского государства, открыто претендующего на региональное лидерство. Весомая роль Египта в арабском мире основывается на активности и разновекторности его внешней политики, старающейся охватить основные проблемы современных международных отношений. Египет зарекомендовал себя в качестве активного и искусного посредника в разрешении региональных споров, превратившись на рубеже столетий в центр арабской дипломатии.

Благодаря большой численности своей армии Египет является центром силы в арабском мире, способным отстоять

свой суверенитет, в то же время заявляет о себе как об одном из гарантов региональной безопасности. АРЕ стремится не обострять отношения с соседями, а тем более доводить их до вооруженных конфликтов, выступает за превращение Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения (ОМП). Египет участвует в решении вопросов обеспечения безопасности в зоне Персидского залива, выполняет функции посредника в конфликтных ситуациях на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Важное значение при определении роли и места Египта в системе международных отношений на Арабском Востоке имеет характер его взаимоотношений с ведущими мировыми и региональными державами. Особые отношения с США, ориентация на развитие торгово-экономических связей с Европой, мирный договор и дипломатические контакты с Израилем позволяют Египту быть проводником взаимных интересов между арабскими странами и Западом. Египет как страна, чей вес в системе международных отношений на Арабском Востоке продолжает оставаться внушительным, не снижает своей активности по разрешению ближневосточного конфликта. Каир стремится быть активным посредником в процессе ближневосточного урегулирования, включающем в себя не только решение палестино-израильского конфликта, но и снятие напряженности в отношениях между Израилем и большинством арабских стран. АРЕ участвует практически во всех мирных инициативах, направленных на его урегулирование. И Запад, и Израиль, и, разумеется, арабские страны заинтересованы в том, чтобы в Египте царили мир и спокойствие. Этого требует особое место Египта как посредника между арабским миром и Западом, особенно в том, что касается насущных политических вопросов арабского сообщества. Международный авторитет Египта укрепляют ведущие западные державы, поддерживающие роль АРЕ в ближневосточном урегулировании. Учитывая в целом благоприятные отношения Каира с Западом, а также большой интеллектуальный потенциал «страны пирамид», на Западе нередко звучат голоса, что Египет – это будущий «тигр Нила», которого ждет быстрый и блестящий подъем, подобно некоторым странам Юго-Восточной Азии. США, заинтересованные в том, чтобы лидером арабского сообщества был их «стратегический партнер», всячески укрепляют такое мнение.

Египет стремится к увеличению своего политического веса в арабском мире, к закреплению в нем своего лидерства, хотя и не обладает слишком развитой экономикой, и в частности, колоссальными запасами углеводородного сырья, как страны Персидского залива. Среди основных направлений политики АРЕ для достижения этих целей – посредничество в процессе ближневосточного урегулирования, создание системы безопасности, включающей не только арабские страны, но и соседние государства. Таким образом, на современном историческом этапе стратегической задачей внешней политики Египта остается последовательное утверждение лидерства страны в арабском мире, политическое и экономическое упрочнение позиций АРЕ в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также на африканском континенте.

[1] Economist Intelligence Unit. Country Profile. Egypt, 2004. London, UK, с. 64.

[2] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 18.02.1996.

[3] *Бикбаев Р.Р.* Экономические проблемы Египта // КОМПАС. 2004, № 1–2.

[4] Economist Intelligence Unit. Country Profile. Egypt, 2004. London, UK, с. 49.

[5] *Бикбаев Р.Р.* Экономические проблемы Египта // КОМПАС. 2004, № 1–2.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 25.10.2004.

[9] *Араслы Э.* Королевство Саудовская Аравия (скачок из Средневековья в XXI век). – Эр-Рияд, 2003, с. 191–192.

[10] UNDP: Country Cooperation Frameworks and Related Matters, First Country Cooperation Framework for Egypt, 1997–2001. New York, 15 May 1997. – Ministry of Foreign Affairs of Arab Republic of Egypt. – www.mfa.gov.eg.

[11] Economic Report on Africa 2003. Annual Report. United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). – www.uneca.org

[12] Страны Африки 2002. – М.: Институт Африки, 2002, с. 138.

[13] *Мухаммед Абдель Хади Алям.* Египетская дипломатия в 1990-е годы. Переход к новой системе международных отношений. – Каир, 2000, с. 9.

[14] Сапронова М.А. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики в арабских странах // Конституционно-правовой механизм внешней политики: Учебное пособие. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 289.

[15] *Ахмед Ибрахим Махмуд.* Министерство иностранных дел Египта. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2003, с. 85 (на арабском языке).

[16] Maher to the Egyptian Ambassadors: Priority is to the welfare of Egyptians abroad, and attracting investments. – Ministry of Foreign Affairs of Arab Republic of Egypt. Cairo, 1 July 2004. – www.mfa.gov.eg.

[17] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 05.05.1996.

[18] Аль-Ахрам, 26.03.2005.

[19] Al-Ahram Weekly, 24–30 March 2005, Issue № 735.

[20] *Бабкин С.Э.* Каирский университет Аль-Азхар: ислам на экспорт // КОМПАС. 29 июля 1997.

[21] *Султанов Э.Ш.* Исламская интеграция // Вестник аналитики. 2005. № 1 (19). – М.: Институт стратегических оценок и анализа, с. 175.

[22] РИА «Новости». 17.11.2004.

[23] РИА «Новости». 15.04.2005.

[24] Ежегодник СИПРИ – 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 2003, с. 12.

[25] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 15.08.1996.

[26] The Arab Strategic Report 2001–2002. Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. Cairo, 2002, с. 86.

[27] В 2002 г. военный бюджет АРЕ составил уже 3 млрд. долларов.

[28] Вооруженные силы и военная экономика стран Азии и Северной Африки. Информационно-аналитический справочник. – М.: ИВ РАН, 2002, с. 354.

[29] *Мустафа Кямиль Мухаммед.* Стратегический баланс на Ближнем Востоке и роль Египта. – Каир, 1995, с. 72 (на арабском языке).

Н.А.Филин

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

В последнее время Иран является центром внимания всего мирового сообщества. Это прежде всего связано с усилением исламского фактора в жизни мусульманских стран, иранской ядерной программой, повышением роли США в регионе Ближнего и Среднего Востока. Иранский фактор актуален и для России в связи с ее значительным мусульманским населением, а также теми политическими и экономическими контактами, которые осуществляет наша страна с Исламской Республикой Иран (ИРИ).

За последние 25 лет, несмотря на чувствительные санкции со стороны США, противоречивое отношение мусульманского мира и внутренние проблемы, Ирану удалось сохранить свой своеобразный режим, который заключается в том, что у власти находится шиитское духовенство, и главной составляющей которого являются концепция «велайате факих[1]». Возникает вопрос – почему на протяжении довольно длительного времени руководству Ирана удалось сохранить *относительную динамическую стабильность* политического развития?[2]

В данной статье предпринята попытка анализа политической системы современного Ирана после 1989 года. Основные параметры нынешнего правящего режима были заложены во времена жизни имама Хомейни, после исламской революции 1979 г., но именно за последние 15 лет режим претерпел некоторую трансформацию, что заставляет говорить о новом качестве иранской власти и общества.

Для решения этой проблемы нами была применена специальная методология анализа и прогноза открытых неравновесных политических систем с использованием элементов теории игр и ресурсно-акторного подхода. Данная методология предполагает, что в политической системе современного Ирана

действуют, сталкиваются и конфликтуют между собой несколько игроков, которые охарактеризовываются как коалиции действий[3]. Находясь во взаимодействии друг с другом, имея определенный комплекс ресурсов, позволяющий им действовать, они стремятся принять наиболее выгодное для себя политическое решение. Оптимальность этого действия будет зависеть в первую очередь от набора ресурсов, которыми они располагают. Такой подход предполагает деление всех ресурсов на стабильные, т.е. ту базу, на которую коалиции действий могут опираться постоянно (например, Конституция, исламские фонды и т.д.), и нестабильные, т.е. конъюнктурные (электоральная поддержка, внешнеполитическая ситуация и т.д.), которые можно охарактеризовать как «динамический потенциал» коалиций действий в сфере внешней и внутренней политики, в экономике и социальной области, позволяющий им получить бóльшую, чем другим игрокам политической системы, поддержку населения. Такое соотношение ресурсов можно назвать ресурсным полем политической системы ИРИ.

Примененная методология позволила выделить 4 основных коалиции действий в политической системе современного Ирана. Их можно охарактеризовать в таких терминах, как «Левая коалиция», «Правая коалиция», «Центр», «Лидер страны». В условиях исламского правления критерий левизны и правизны отличается от общепринятых в европейской традиции обозначений. «Левыми» иранские политологи называют группировку духовенства, которая выступает за относительные реформы иранской политической системы. «Правыми» – противников таких реформ. Подобное обозначение весьма условно, т.к. и те и другие на протяжении определенного отрезка времени могут кардинально менять свои взгляды в зависимости от политической конъюнктуры.

Основным звеном левой коалиции действий является «Ассамблея борющегося духовенства» (АБД) (Маджмайе руханийуне мобарез), член и один из лидеров – президент ИРИ Мохаммад Хатами (с 1997 г.). Эта коалиция заметно уступает своим политическим оппонентам с точки зрения влияния в ключевых государственных структурах и силовых ведомствах страны. Из стабильных ресурсов у нее в руках с 1997 г. находится пост президента. С 1999 по 2003 гг. коалиция имела большинство в Совете Тегерана, а с 1988 по 1992[4] и с 2000 по 2004 гг. в Меджлисе Исламского Совета. Также до начала 90-х годов левая ко-

алиция контролировала Наблюдательный Совет и Ассамблею по определению государственной целесообразности[5]. Главной социальной базой является новое поколение иранцев моложе 30 лет и женщины, большинство из которых на президентских выборах 1997 г. отдали свои голоса М.Хатами[6]. Стержневая стратегия левых сил заключается в постепенном реформировании ИРИ в политическом и экономическом планах без нарушения норм Конституции.

Основу правой коалиции действий составляет «Общество борющегося духовенства» (ОБД) (Джамейе руханийате мобарез), генеральный секретарь – Реза Махдави Кяни. Как отмечает иранский политолог Аббас Шадлу, после выборов в меджлис четвертого созыва, ОБД постепенно завоевало все важнейшие посты в государстве – как в сфере законодательной и судебной, так и в сфере исполнительной власти. Под его контролем оказались несколько стратегически важных министерских постов, Наблюдательный Совет, суды разного уровня[7]. Также ОБР имеет большинство в Ассамблее по определению государственной целесообразности. По данным американского исследователя Бучты Вилфрийда, на начало 2000 г. 18 из 31 члена Ассамблеи относились к «правой» коалиции[8]. Базовый общественный слой «правой коалиции» – «базари», т.е. мелкие лавочники. Именно их интересы отражает экономическая политика данной коалиции действий[9]. Главная стратегия ОБД заключается в политике сохранения существующего положения вещей во всех сферах жизни ИРИ.

«Центр» представлен партией «Каргозаран» (Прорабы созидания) (хезбе каргозаране сазандегийе иран), неформальный лидер – Али Акбар Хашеми-Рафсанджани. Из стабильных ресурсов, которыми располагает коалиция, прежде всего нужно выделить позиции ее лидера Хашеми-Рафсанджани или просто Рафсанджани. С 1989 по 1996 гг. он был президентом ИРИ. За несколько месяцев до окончания срока своего пребывания на посту главы исполнительной власти он возглавил Ассамблею по определению государственной целесообразности. Социальной основой «центра» исторически являлись широкие слои интеллигенции, деятели культуры и искусства, а также прогрессивное духовенство[10]. Для «коалиции центра» характерен наиболее взвешенный подход ко всем вопросам, и эта взвешенность может выступать в качестве основной ее характеристики[11].

Четвертым ведущим игроком на политической арене ИРИ можно считать Лидера (Рахбара[12]) исламской республики Али Хаменеи. Ведь именно в его руках сосредоточены основные ресурсы страны, а дальнейшее исследование покажет, что он играет вполне самостоятельную роль в иранском политическом процессе. Главную политическую стратегию Верховного Лидера можно охарактеризовать как арбитраж между различными группами внутри ИРИ при тяготении к «правым» взглядам.

Исследование проведено по 4-летним периодам полномочий меджлиса 3–7 созывов. Выборы именно в этот властный орган определяют основную расстановку сил в конкретный период времени функционирования иранской политической системы.

Как отмечает российский исследователь Л.Скляров, кончина Хомейни в 1989 г. означала уход с политической сцены деятеля, служившего своего рода сдерживающим фактором в ожесточенном соперничестве различных группировок в правящей верхушке, и не могла не отразиться на остроте этой борьбы[13].

На тот момент на политической арене Ирана уже существовали те игроки, что обозначены выше. Еще в 1988 г. раскололось «Общество борющегося духовенства» в результате того, что часть членов «Тегеранского общества борющегося духовенства», известных в то время как «радикалы» или «имамисты» (т.е. наиболее последовательные проводники линии имама Хомейни) и получивших название «левого крыла», вышли из «Общества» и образовали «Тегеранскую ассамблею борющегося духовенства».

После войны с Ираком перед Ираном встала та же проблема, что и накануне свержения шаха: преодоление кризисного состояния экономики путем оживления рыночных отношений, отказ от диктата государства в экономике и предоставление большей свободы частному предпринимательству.

Сторонниками рынка были «коалиция центра» во главе с Хашеми-Рафсанджани и «правые», отчасти эти взгляды разделял и президент, а после смерти аятоллы Хомейни новый Лидер страны, Али Хаменеи[14]. Противниками реформ были «левые».

Примерная структура ресурсного поля характеризовалась так: основные административные ресурсы, такие как Наблюдательный Совет[15], Меджлис[16], Ассамблея по определению госу-

дарственной целесообразности[17], находились в руках «левой коалиции». А «динамический реформаторский потенциал» составляла коалиция центра во главе с Хашеми-Рафсанджани, которого поддерживали «правые» и Лидер страны.

Такая поддержка помогла сторонникам Рафсанджани в течение трех лет после смерти аятоллы Хомейни по существу устранить с политической арены влиятельных деятелей «левой коалиции», лишив их практически всех властных позиций в политической системе ИРИ[18].

Накануне выборов в Меджлис 1992 г. в ходе консультаций А.Хаменеи с членами руководства «Общества борющегося духовенства», а также Хашеми-Рафсанджани было принято решение не допустить создания в меджлисе четвертого созыва левого большинства[19]. В результате такие видные деятели этого политического течения, как М.Хоениха и М.Карруби, не смогли получить депутатские мандаты[20]. «Правая» коалиция завоевала большинство мест в меджлисе четвертого созыва.

Этот период характерен ослаблением позиций «левого крыла», которое на протяжении трех лет постепенно лишалось всех важнейших государственных постов, усилением «правой коалиции», по основным вопросам действовавшей вместе с группировкой Рафсанджани, и усилением позиций самого Рафсанджани, который, получив пост президента, начал проводить новую экономическую политику, что дало его коалиции «динамический потенциал» развития иранского общества. Лидер страны Али Хаменеи склонился к поддержке «правых» и Рафсанджани.

От сокрушительного поражения в результате политической борьбы «левая» коалиция смогла оправиться только к новым выборам в меджлис 1996 г., уже поменяв свои политические и экономические взгляды. Как пишет Бучта Вилфрийд, «обнаружив себя за краями политической системы ИРИ, «левые» решили действовать как обычные политические деятели, хотя в их руках находилась солидная социальная база, такая как звенья в Корпусе стражей исламской революции[21] и часть исламских фондов[22] (Фонд Шахидов). В результате они частично пересмотрели свои позиции и стали поддерживать курс президента Рафсанджани на внутреннюю экономическую либерализацию и изменение внешней политики»[23].

«Правое крыло» получило большинство в меджлисе 4-го созыва, но вопреки ожиданиям Хашеми-Рафсанджани, ока-

залось не готово к сотрудничеству с правительством. Постепенно оно взяло курс на завоевание всех важнейших постов в государстве как в сфере законодательной, так и судебной властей.

В ходе президентских выборов 1993 г. в качестве наиболее серьезного соперника Хашеми-Рафсанджани рассматривался бывший министр труда, представитель «правой» коалиции А.Таваккoли, который, используя антиреформаторские лозунги, привлек на свою сторону значительную часть избирателей и получил 45% их голосов. Хотя Рафсанджани и добился переизбрания на пост президента[24], его преимущество было минимальным[25].

А.Хаменеи под давлением «правой коалиции» также неоднократно подвергал критике действия президента, в том числе по таким важным вопросам, как развитие сотрудничества с Саудовской Аравией, частичная нормализация отношений с США, создание «Партии прорабов созидания», экономическая политика[26].

Но экономический и внешнеполитический курс Рафсанджани, несмотря на противодействие сначала «левой», а потом сменившей ее «правой» группировки, позволил его коалиции действий добиться определенной поддержки населения, что стало очевидным на выборах в меджлис 5-го созыва 1996 г. и президентских выборах годом позже.

Событием, ознаменовавшим начало очередного этапа противостояния на политической сцене Ирана, стали парламентские выборы 1996 г. Хашеми-Рафсанджани, входивший тогда в состав «Общества борющегося духовенства» (ОБД), потребовал включения в список кандидатов по Тегеранскому избирательному округу от этой организации пяти своих сторонников. Однако большинство членов ОБД не согласилось с мнением президента. В ответ Рафсанджани инициировал создание партии «Каргозаран» («Прорабы созидания» – ПС) и перешел в «левый» лагерь. В декабре 1994 г. десять министров, пять вице-президентов, мэр города Тегеран и ряд других видных политических деятелей опубликовали заявление, в котором объявили о создании новой партии. В результате парламентских выборов более ста кандидатов, поддержанных ПС, в том числе и представители «левого крыла», вошли в состав меджлиса[27]. Но большинство в меджлисе опять получила «правая» коалиция.

Это определило расстановку политических сил в иранской политической системе и позволило коалициям действий овладеть той ресурсной базой, которая находится в их руках на сегодняшний день. «Правые» получили контроль над Наблюдательным Советом, судами различных инстанций, Корпусом стражей исламской революции, большинством исламских фондов. Лидер страны Али Хаменеи в основном поддерживал эту коалицию. «Левые», утратив свои позиции в органах власти, начали искать новых союзников и поменяли свои прежние идеологические ориентиры на модернистские лозунги. Коалиция Рафсанджани, не найдя поддержки у «правых», перешла в «левый» лагерь.

Разногласия между «правой коалицией» и Лидером страны Али Хаменеи, с одной стороны, и Хашеми-Рафсанджани, с другой, наиболее остро проявились в ходе подготовки к президентским выборам 1997 г. Руководитель ИРИ недвусмысленно выступил в поддержку кандидатуры Натега Нури, выдвинутого «Обществом борющегося духовенства». Рафсанджани предпринял все меры по ограничению возможностей ОБД и снижению влияния этого движения с целью обеспечения избрания М.Хатами[28], который выступал с лозунгами реформирования не только экономической, но и политической системы Ирана.

В результате голосования 23 мая 1997 г. М.Хатами получил более двадцати миллионов голосов, в то время как Н.Нури поддержали лишь семь миллионов избирателей.

За несколько месяцев до окончания срока пребывания Рафсанджани на посту главы исполнительной власти он возглавил Ассамблею по определению государственной целесообразности. Активно участвуя в разработке важнейших государственных решений, Рафсанджани стремился сохранить популярность среди населения. Однако на фоне программы реформ правительства М.Хатами высказывания бывшего президента на тот момент потеряли свою привлекательность для значительной части сторонников постепенных преобразований.

В правительство М.Хатами вошли видные деятели «левой» коалиции, такие как Абдулла Нури (министр внутренних дел), один из лидеров ПС Атаулла Мохаджерани (министр культуры и исламской ориентации), Саид Хаджарайан (советник президента), Мостафа Таджаде.

Абдула Нури осенью 1997 г. по инициативе президента назначил на посты губернаторов практически всех провинций сторонников курса правительства[29].

А менее чем за год А.Мохаджерани выдал несколько десятков лицензий на выпуск печатных изданий, большинство из которых выступало с проправительственных позиций[30].

Безоговорочная победа М.Хатами вынудила А.Хаменеи частично пересмотреть свои позиции. Он пришел к выводу, что основные положения программы нового президента объективно отвечают потребностям общества и должны учитываться при разработке стратегических направлений внутренней и внешней политики. В изменившихся условиях опора только на традиционные исламские ценности не могла служить надежным гарантом обеспечения легитимности правящего режима в глазах населения. Кроме того, позиция «левых», выступающих за проведение скоординированного курса на постепенные реформы, способствовала усилению их влияния на Лидера страны. Способность президента сдерживать проявления радикализма со стороны различных «левых» движений была наглядно продемонстрирована летом 1999 г., когда он, несмотря на оказываемое на него давление, воздержался от открытой поддержки участников самой большой со времен Исламской революции 1979 г. студенческой демонстрации, начавшейся в знак протеста против закрытия реформистской газеты «Салам», что во многом способствовало ее завершению. Подобные действия президента были с одобрением встречены А.Хаменеи, особенно с учетом того, что некоторые лозунги демонстрантов были направлены против принципа «велаяте факих»[31] и него лично.

Среди сторонников «правой» коалиции возникли серьезные разногласия, вызванные резким снижением уровня популярности пропагандируемых ими идей и различием в подходах к выработке путей по восстановлению доверия населения. Недовольство политикой «правых» выразили некоторые авторитетные религиозные деятели, отдельные группировки из числа учащихся семинарий и ряд представителей командования КСИР[32].

Но несмотря на это, позиции «правых» оставались достаточно сильными. Это подтвердили прошедшие 23 октября 1998 г. выборы в Совет экспертов[33]. Наблюдательный Совет заблокировал многих кандидатов от «левой» коалиции, что

позволило «правым» получить в избираемом Совете абсолютное большинство[34].

Радикализацию противостояния различных коалиций действий во второй половине 90-х годов прошлого века хорошо показывает серия убийств и покушений, направленных против представителей «левой» коалиции.

Во второй половине 1999 г. эти преступления были раскрыты. В число обвиняемых попали некоторые сотрудники Министерства информации. Среди них были люди, пользовавшиеся личным доверием А.Хаменеи, в том числе заместитель главы этой структуры С.Эмами (Эслами)[35].

Таким образом, к середине 1999 г. в Иране наметился целый ряд кризисных тенденций, грозящих привести к серьезной дестабилизации правящего режима в целом. В сложившихся условиях А.Хаменеи провел серию закрытых консультаций с М.Хатами и лидерами основных поддерживающих его группировок. В их ходе было принято решение о недопустимости проявлений радикализма как со стороны «левых», так и «правых» движений. Кроме того, Лидер страны выразил согласие с курсом правительства, направленным на обеспечение господства закона, а также закрепленных в Конституции страны личных и общественных прав и свобод[36].

За первые три года нахождения «левой коалиции» у власти в стране наметились очевидные тенденции к демократизации внутриполитической жизни. Смягчились нормы запретов в культурной жизни и в быту. Появилось множество политических партий[37]. В меньшей степени перемены касались экономического развития. Конечно, кризисное состояние, в котором оказалась иранская экономика, объяснялось в значительной мере падением цен на нефть в 1998 – первой половине 1999 г. и влиянием «азиатского» кризиса. Но и само правительство, в сущности, не смогло предложить обществу сколько-нибудь действенной программы выхода из кризиса. Не были приняты обещанные экономические законы, касающиеся налогообложения, защиты частных и иностранных инвестиций, гарантий инвестиций и их возврата и т.п.[38] Одной из причин отсутствия необходимых законов являлось противодействие «правого крыла». Оно сопротивлялось реформам во всех сферах экономики. Правительству удалось все же ввести однопроцентный налог на годовую прибыль исламских фондов (бониадов). На большее «правые» не пошли[39].

В чем «левое» крыло полностью перехватило инициативу у правых, так это в международной политике. По крайней мере, поездки по миру президента ИРИ М.Хатами и декларированная им концепция «диалога цивилизаций» повысили авторитет Ирана на международной арене и популярность «левой» коалиции внутри страны, особенно у молодых людей, которые составляют значительную часть электората страны.

Курс на реформы, а также позиция Али Хаменеи *(что определило пассивность Наблюдательного Совета при регистрации кандидатов на участие в выборах законодательных органов государственной власти)* позволили «левой» коалиции получить большинство в местных советах и в меджлисе шестого созыва. Выборы характеризовались широким участием населения и завершились убедительной победой сторонников правительства.

Несмотря на вхождение «Каргозаран» в «левую» коалицию и на то, что после победы М.Хатами на президентских выборах 1997 г. партия приняла участие в работе кабинета министров, получив несколько министерских постов[40] и поддержку «левой» коалиции на выборах в меджлис 2000 г., отношения между «центристами» и «левыми» начали портиться. Это в первую очередь вытекало из позиции Рафсанджани, которого не удовлетворяла та роль, которую он играл в политической жизни Ирана.

Данный временной отрезок свидетельствовал об усилении роли «левой» коалиции в политической системе Ирана и ослаблении позиций «правой» и «центристской» группировок. Относительно Лидера страны можно сказать, что он оказывал выборочную поддержку Хатами, руководствуясь принципами государственного прагматизма. Но несмотря на преобладание в руках «левой» коалиции практически всех ресурсов, важнейшие рычаги власти оставались в руках «правых» и Лидера страны.

Очень важными для расстановки сил в политической системе Ирана являлись президентские выборы 2001 г. На них опять победил Мохаммад Хатами. Он получил 77% голосов. Основной соперник Хатами, бывший министр труда и социальных дел Ахмад Таваккoли – 15% голосов избирателей.

Коалиции Хатами в начале 2000-х годов удалось добиться некоторых экономических успехов. Во-первых, меджлисом были рассмотрены и одобрены показатели нового, четвертого

плана социально-экономического и культурного развития. Во-вторых, в 2002 г. был принят закон о привлечении и защите иностранных инвестиций, разрешено создание первых частных банков, что учитывалось при разработке четвертого пятилетнего плана и составляет одно из основных направлений экономической либерализации. В-третьих, меджлис принял решение о расходовании значительной части средств (6,5 млрд. долл.) из Фонда накопления, образованного за счет разницы в цене на нефть, заложенной в бюджет, и ее ценой на мировом рынке, на завершение Третьего пятилетнего плана и погашение внешнего долга. Ассамблея по определению государственной целесообразности утвердила использование 5 млрд. долл.[41]

Но несмотря на большинство «левых» в меджлисе и правительстве в период деятельности меджлиса 6-го созыва, заметного изменения баланса сил в пользу «левой коалиции» не произошло. Любые попытки поставить под контроль, даже бюджетный, деятельность КСИР или исламских фондов были заблокированы Наблюдательным советом и Ассамблей по определению государственной целесообразности. Отклонены были также законопроекты о наделении президента дополнительными полномочиями и ограничении прав Наблюдательного совета в избирательной системе[42].

Сохранение «статус-кво» внутри политических сил и отсутствие заметных результатов либерализации внесли раскол в саму «левую» коалицию и значительно ее ослабили. Самым главным политическим итогом стала потеря наступательного потенциала «левого» движения. Представляется, что уровень компромиссности достиг своего пика. В обществе отчетливо нарастало недовольство не только «правыми», но и сторонниками Хатами, не способными переломить ситуацию в свою пользу.

Конечно, нельзя не учитывать и той сложности ситуации, в которой оказался Иран в результате ввода американских войск почти по всему периметру иранских границ, а также угроз со стороны США из-за его ядерной программы. Это напряжение консолидирует иранское общество вокруг «правой» коалиции.

Первым отражением недоверия общества к возможности реформирования системы конституционным путем стал фактический бойкот муниципальных выборов в феврале 2003 г., когда на выборы пришло только 15% населения (с правом голоса). Возникли первые организации «левых радикалов» или

«неореформаторов», одна из которых «Национальная Коалиция» или «Иранцы за свободу» во главе с Шоле Саади и Мохсеном Сазерганом своей целью ставит борьбу за полную секуляризацию и демократизацию власти[43].

После благоприятных для них выборов в местные органы власти в феврале 2003 г. «правые», оправившись от неудач, перешли в наступление. Они всеми средствами препятствовали любым более-менее значимым для реформ инициативам своих идейных противников. В свою очередь Хатами и его сторонники не решались на кардинальные меры, опасаясь выхода из конституционного поля и потери контроля над ситуацией в стране.

7 февраля 2004 г. всего лишь за 2 недели до выборов в Меджлис М.Хатами особо подчеркнул, что считать предстоящие выборы справедливыми и легитимными он отказывается вследствие исключения из списков кандидатов-реформистов[44]. В свою очередь крупнейшая иранская студенческая организация БУЕ подвергла критике самого президента Хатами за то, что он вообще дал согласие на проведение парламентских выборов. Студенты призвали бойкотировать голосование[45].

В отличие от «левых» «правая» коалиция, напротив, активизировала свои действия. Главным оружием в этой борьбе, как всегда, стал Наблюдательный совет, отстранивший от участия в предвыборной борьбе более двух тысяч претендентов. Более того, «правые» умело перехватили инициативу у «левого» крыла на его, можно сказать, идеологическом поле. Как уже было сказано выше, в Иране отмечаются радикальные послабления в нормах повседневной жизни иранцев. Безусловно, такая либерализация не могла бы осуществиться без непосредственного участия «правых» религиозных деятелей, которые держат под своим контролем морально-нравст-венную сферу жизни каждого иранца. Подобная либерализация ранее сложившихся шиитских норм поведения, вполне вероятно, была инициирована «левыми», но это не есть их победа. Налицо явно тактический шаг «правых», заинтересованных в том, чтобы переманить на свою сторону хотя бы часть электората «левых»[46].

«Правая» коалиция использует возможность улучшить свою репутацию, отказавшись от строгой нетерпимости. Амир Мохебиан назвал это «своеобразной минималистской идеей управления исламской системой»[47].

Но даже включенные в список кандидатов многие «левые» не получили преимущественного количества голосов. Если в своей предыдущей кампании они основной акцент сделали на формулировании своих целей, выраженных в удачных лозунгах, то в нынешней – на борьбе с Наблюдательным советом. А в это время «правая» коалиция удачно активизировала свою деятельность на внешнеполитическом направлении, фактически перехватив инициативу у правительства, которое до этого монопольно представляло страну на международной арене. Один из лидеров ОБД Хасан Рухани, являющийся секретарем Высшего совета национальной безопасности и представителем Рахбара в нем со времени создания, возглавлял государственную делегацию в 2004 г. в Москву и Брюссель и подписал Дополнительный протокол с МАГАТЕ. Учитывая настроение иранской молодежи в пользу налаживания отношений с США, как Рухани, так и Рафсанджани выступали с заявлениями, которые подтверждали возможность положительного решения этой проблемы.

В результате выборов в меджлис седьмого созыва большинство мест получил «правый» блок «Коалиция созидателей исламского Ирана» (лидеры – Г.Ходдад Адель, А.Таваколли)[48], который был создан после муниципальных выборов 2003 г. Такой итог свидетельствовал об утере «левыми» своих властных позиций и реванше «правой» коалиции действий, которая вернула под свой контроль меджлис. «Правые» же постарались перехватить инициативу у «левых» и в идеологии. Лидер страны Али Хаменеи практически по всем вопросам был на стороне «правой» коалиции. К ней же присоединился и Хашеми-Рафсанджани, намериваясь занять пост президента в этом году.

Выборы в меджлис 7-го созыва обнажили очередной критический накал противостояния между «левой» и «правой» коалициями действий правящего духовенства. Итоги парламентских выборов свидетельствуют об усилении консервативных тенденций внутри иранского общества, нарастании глубинных противоречий между демократическими и авторитарными элементами управления государственной системы ИРИ. Но по мере активизации внутриполитической жизни Ирана в преддверии президентских выборов 2005 г. расклад политических сил в стране приобрел определенную ясность. Как и прежде, главными противниками явились «правые» и «левые» коалиции действий.

Анализ политического процесса и оценка сил основных коалиций действий в политической системе современного Ирана позволил автору сделать выводы:

1) о невыходе основного политического процесса в ИРИ за рамки исламской нормативно-правовой базы и о действии основных игроков иранской политической системы легальными средствами для достижения своих политических целей;

2) о том, что при возникновении кризисных ситуаций основные соперники стремятся разрешить их между собой, не доводя до критической точки, когда подвергаются опасности основы режима;

3) о размытости идеологических констант, когда основные коалиции действий на протяжении исследуемого отрезка времени кардинально меняли свои идеологические предпочтения и взгляды на политику ИРИ;

4) о том, что политические группы в ИРИ в большей степени ориентированы на личности лидеров, нежели на идеологические платформы, что в практической жизни зачастую приводит к расколу структур, их частой трансформации, изменению идеологии;

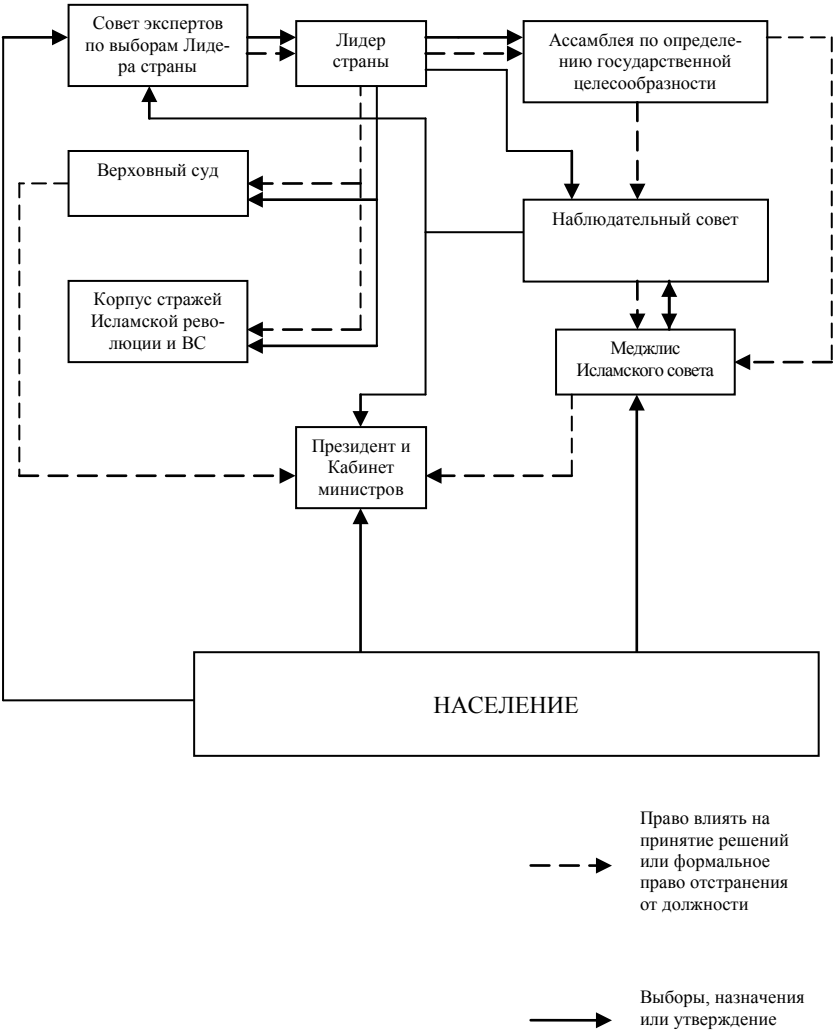
5) в настоящее время основные административные и экономические ресурсы находятся в руках «правой» коалиции действий и Рахбара. «Левой» коалиции за последние годы так и не удалось вернуть свое влияние во властных структурах, утерянное после выборов в меджлис 4-го созыва 1992 г.

6) несмотря на консерватизм функционирования иранской политической системы, высшее руководство ИРИ в рамках существующего строя продолжает дальнейшее реформирование страны. Поэтому независимо от того, какая коалиция действий будет преобладать в том или ином органе власти, дальнейшие реформы иранской политической системы будут продолжены.

Политическая система современного Ирана оказалась способной обеспечить относительную динамическую стабильность, несмотря на изменение внутренних и внешних факторов. И можно предположить, что даже при усилении значимости такого фактора, как внешнее военное воздействие, эта система окажется способной противостоять иностранной агрессии, не нарушив сложившийся баланс между основными коалициями действий, т.к. подобное развитие событий скорее приведет к их консолидации, чем к противоборству.

Приложение

Взаимоотношение различных органов власти ИРИ по действующей на данный момент Конституции



[1] Принцип «велайате факих» – правление наиболее уважаемого и авторитетного в шиитской общине исламского богослова.

[2] *Относительная динамическая стабильность* – это такое движение процессов в политической системе, при котором она сохраняет свои базовые установки, а изменения происходят в легальных для данной системы рамках.

[3] Коалиция действий должна обязательно в себя включать: лидеров (людей, с которыми ассоциируют ту или иную коалицию действий); определенные коалиции интересов (те круги во власти, которые постоянно поддерживают или принимают активное участие в политической борьбе на стороне одной из коалиций действий); собственную идеологию и стратегию; ресурсы, на которые опираются участники коалиции; а также играть такую роль в политическом процессе, чтобы другая коалиция действий достаточно серьезно ее воспринимала.

[4] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 17.

[5] Бади Ш. Противоречия в эшелонах власти Исламской Республики Иран // Народы Азии и Африки. М., 1990, № 4, с. 39.

[6] Мурадян И. М. Проблемы безопасности в ближне-восточной политике США. Ереван, 2003.[электронный ресурс] Часть III: Американо-иранские политические отношения, раздел 3.2. Внутриполитические процессы в Иране, подпункт 3.2.4. Парламентские выборы в парламент. Режим доступа:
http://www.artsakhworld.com/igor_muradian/Problems_of_security_in_the_USA/3.html

[7] Цит. по: Раванди-Фадаи С.М. Политические партии и группировки в Иране: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002, с. 115; Аббас Шадлу. Ахзаб ва джанахайе сийасийе Иране емруз (Политические партии и «крылья» в современном Иране). – Тегеран, 2000, с. 37–45.

[8] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 62.

[9] Раванди-Фадаи С.М. Фракционизм в Иране и роль иранского духовенства в послереволюционной политической жизни страны // Иран: ислам и власть. М., 2002, с. 72.

[10] Там же, с. 71.

[11] Там же.

[12] Лидер страны (Рахбар) – верховный правитель Ирана, являющийся «велайате факих». Избирается Советом экспертов.

[13] Скляров Л. Иран без Хомейни // Восток и современность. М., 1991, № 2 (60), с. 45.

[14] Там же, с. 47.

[15] Наблюдательный совет – высший законадательный орган. В его состав входят 6 человек из числа богословов (факихов), которые назначаются Лидером страны, и 6 мусульманских правоведов – специалистов в различных областях права, которых представляет меджлису глава судебной власти для их последующего избрания. Формально Наблюдательный совет является неотъемлемой частью меджлиса, однако он обладает правом вето на любое решение нижестоящего органа власти, если сочтет его противоречащим нормам конституции или ислама. Также он выступает в качестве контролирующего органа на всенародных выборах и вправе отказать в регистрации любому кандидату, если его взгляды также противоречат нормам ислама или конституции.

[16] Меджлис исламского совета – законодательный орган, состоящий из 290 членов, избираемых на четырехлетний срок из представителей народа прямым тайным голосованием.

[17] Ассамблея по определению государственной целесообразности – своеобразный «арбитр» между Наблюдательным Советом и меджлисом. Согласно конституции ИРИ, главная функция Ассамблеи состоит в том, чтобы принимать окончательное решение, когда Наблюдательный совет признает постановление Меджлиса противоречащим нормам шариата или Конституции, а Меджлис с учетом государственной целесообразности не согласится с этим решением. Члены Ассамблеи назначаются Лидером страны.

[18] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 17.

[19] Там же, с. 217.

[20] Задонский С.М. Политическая личность в Исламской Республике Иран (27 сентября 2002 г.) // Аналитические записки: Иран. М., 2004, с. 14.

[21] Корпус стражей исламской революции или КСИР является главной составляющей компонентой вооруженных сил Исламской Республики Иран.

[22] В руках исламских фондов (бониадов) находится 10–20% экономики Ирана. Бониады были созданы после исламской революции для управления конфискованным государством имуществом (у шаха и его семьи, крупных предпринимателей, не принявших новый режим, иностранных владельцев) с благотворительной целью. В руках фондов находится значительная часть ненефтяного сектора экономики, они имеют и в полной мере используют доступ к получению кредитов в национальной и иностранной валюте, а также лицензий и контрактов.

[23] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 17.

[24] Президент ИРИ избирается прямым голосованием на 4-летний срок и является «после Лидера страны высшим официальным лицом страны». Он отвечает за выполнение Конституции ИРИ и руководит исполнительной властью во всех сферах, кроме тех, что отнесены к непосредственному ведению Рахбара.

[25] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 218.

[26] Задонский С.М. Политическая личность в Исламской Республике Иран (27 сентября 2002 г.) // Аналитические записки: Иран. – М., 2004, с. 14.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же, с. 23.

[30] Там же, с. 26.

[31] Задонский С.М. Политическая личность в Исламской Республике Иран (27 сентября 2002 г.) // Аналитические записки: Иран. – М., 2004, с. 14.

[32] Там же.

[33] Совет экспертов – государственный орган, призванный обеспечить преемственность верховного руководства. Действуя независимо от остальных органов власти, он должен обеспечить сохранность позиций духовенства в кризисной ситуации (статьи конституции – 107 и 111). Выборы в Совет Экспертов проводятся с декабря 1982 г. один раз в восемь лет. Заседания – не менее пяти дней в году. Одна из главных функций – выбор нового Рахбара. После смерти имама Хомейни Рахбаром был провозглашен бывший Президент ИРИ Сейед Али Хаменеи.

[34] Buchta Wilfried. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. W., 2000, с. 170–171.

[35] Задонский С.М. Политическая личность в Исламской Республике Иран (27 сентября 2002 г.) // Аналитические записки: Иран. М., 2004, с. 14.

[36] Там же, с. 16.

[37] Мамедова Н.М. Тенденции демократизации во внутриполитической жизни ИРИ // Иран: ислам и власть. М., 2002, с. 52.

[38] Там же, с. 61.

[39] Обухова А.Н. Инвестиционная ситуация в Иране накануне 2000 г. // Востоковедный сборник. М., 1999, с. 147.

[40] Цит. по: Раванди-Фадаи С.М. Политические партии и группировки в Иране: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002, с. 138; Аббас Шадлу. Ахзаб ва джанахайе сийсийе Иране емруз (Политические партии и «крылья» в современном Иране). Тегеран, 2000, с. 103–109; Хамид Реза Зарифнийа. Калбод-е шекафийе джанахайе сийасийе Иран (Анализ политических фракций Ирана). Тегеран, 1999, с. 105–107; Ходжат Мортаджа. Джанахайе сийасий дар Иране эмруз (Политические «крылья» в современном Иране). Тегеран, 1999, с. 39–41.

[41] Мамедова Н.М. Возможные тенденции изменения экономической политики после парламентских выборов // Иран после парламентских выборов (круглый стол 27.04.2004 г.). М., 2004, с. 23–24.

[42] Мамедова Н.М. Политические центры силы в Иране // Иран и Россия. М., 2004, с. 10.

[43] Там же, с. 11.

[44] Цит. по: Сажин В.И. 25 лет исламской революции в Иране (промежуточные итоги и возможные перспективы) // Ближний Восток и современность. Вып. 22. М., 2004, с. 205. (MIGnews.com. 2004. 7 Февр.)

[45] Там же.

[46] Там же, с. 206.

[47] Там же, с. 216.

[48] Хмелинец С.М. К некоторым результатам выборов в меджлис Ирана в феврале 2004 г. // Иран после парламентских выборов (круглый стол 27.04.2004 г.). М., 2004, с. 68.

Ю.О.Прудникова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКИХ БАНКОВ В НЕМУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ (на примере Великобритании)

Ислам оказывает влияние на различные сферы общественной жизни, регламентируя не только вопросы культа и поведения в быту, но также экономические, политические, и иные отношения в обществе.

Посредством основополагающих источников ислама и мусульманского права (шариата) – Корана и сунны Пророка установлены нормы, которые должен соблюдать каждый правоверный мусульманин. Применительно к сфере экономических отношений это: запрет *рибы* (ростовщичества), т.е. участия в операциях, связанных с взиманием и выплатой процента; запрет *гарара* (букв. «опасность»), т.е. чрезмерной неопределенности в сделке; запрет *майсира* (букв. «азартная игра»), т.е. получения дохода, возникшего из случайного стечения обстоятельств; запрет бизнеса, связанного с торговлей вещами, которые ислам определяет как нечистые (свининой, алкоголем, наркотиками и т.п.).

На основе экономических положений Корана и сунны исламскими экономистами была разработана исламская экономическая модель.

Что же представляет собой сама исламская экономика, или правильнее сказать, исламская экономическая модель? По справедливому замечанию отечественного специалиста по исламскому банковскому делу А.Ю.Журавлева, было бы неверно ассоциировать исламскую экономику лишь с мусульманскими странами, иными словами, представлять ее как совокупность национальных экономик членов Организации Исламская конференция[1].

По мнению А.Ю.Журавлева, исламская экономика представляет собой «систему взглядов мусульман на принципы и механизмы организации хозяйственной жизни общества»[2].

Теоретические основы исламской экономики, или исламской экономической модели, были заложены в главных источниках шариата – Коране и сунне, а затем были развиты в трудах таких выдающихся мусульманских ученых, как ал-Газали, Ибн Таймийа, Ибн Каййим, Ибн Халдун, и др.

Своеобразие исламской экономической модели предопределяется тем, как в исламе воспринимается собственность. Несмотря на то, что ислам признает частную, государственную и общественную собственность, тем не менее воззрения на природу этих явлений с позиций ислама отличаются от взглядов западных экономистов. Исламская экономическая модель исходит из концепции «наместничества» при решении вопроса собственности. В частности, одним из определений исламской экономики является следующее: «исламская экономика – это методология того, как человек использует ресурсы и средства производства для удовлетворения своих мирских потребностей в соответствии с предписаниями Всевышнего, ради достижения высшей справедливости»[3]. Из данного определения вытекают следующие особенности отношения к собственности, что отражается в свою очередь на финансовых отношениях в соответствии с шариатом:

1. Человек, будучи всего лишь поверенным Аллаха, а не настоящим собственником принадлежащих ему благ, не вправе пользоваться этими благами, как ему вздумается; при управлении своими финансовыми делами он обязан руководствоваться теми правилами и запретами, которые установлены в главных источниках шариата.

2. Основополагающим принципом при осуществлении экономической деятельности является достижение всеобщего благосостояния.

3. Каждый человек должен получать справедливое вознаграждение соответственно вложенному труду и иметь достаточные средства к существованию.

Большинство специалистов называет исламскую экономическую модель нравственно-ориентированной, поскольку в ней большое значение уделяется именно оценке деятельности экономических агентов с точки зрения ее соответствия нравственно-этическим установкам ислама.

Одним из главнейших институтов исламской экономики являются исламские банки.

Первый исламский банк появился в 1963 г. в Египте в местечке ан-Наггар, однако, большей частью по политическим

мотивам, исламский характер данного учреждения в открытую не заявлялся. К 1967 г. в Египте действовало уже девять подобных банков.

В 1974 г. в рамках Организации Исламская конференция было принято решение об учреждении Исламского банка развития, который начал осуществлять свою деятельность уже в следующем году.

Постепенно банки, открыто провозглашавшие себя исламскими, стали появляться на Ближнем Востоке. Так, в середине и конце 70-х начали работу «Дубай Исламик Бэнк» (1975), «Фейсал Исламик Бэнк оф Судан» и «Фейсал Исламик Бэнк оф Иджипт» (1977), «Бахрейн Исламик Бэнк» (1979), и др.

Однако исламское банковское дело развилось не только на Ближнем Востоке. В 1963 г. в Малайзии была создана Сберегательная корпорация для мусульманских паломников. Ее целью было содействие накоплению сбережений желающим совершить хаджж. В 1969 г. эта организация трансформировалась в «Пилгримз Менеджмент энд Фанд Борд», или «Табунг Хаджи», которая в настоящее время действует не как банк, а как финансовая компания, инвестирующая сбережения будущих паломников в согласии с шариатом. В 1973 г. президентским указом на Филиппинах был создан специализированный институт, в уставе которого, впрочем, не было упоминаний о его исламском характере. Однако «Филиппин Амана Бэнк» был ориентирован именно на мусульманское население страны, которое не принимало услуги традиционных коммерческих банков, работавших на процентной основе. В работе этого банка, однако, уживаются как беспроцентные, так и процентные операции.

Начиная со второй половины 70-х годов, наблюдается рост исламского банковского дела, а последнее десятилетие стало для исламских банков временем быстрого развития и инноваций в области пассивных операций. Клиентская база по-прежнему растет. Согласно данным Международной ассоциации исламских банков, в настоящее время существует около 200 работающих на беспроцентной основе финансовых учреждений в 40 странах (не только мусульманских), включая Россию[4]. По данным ежегодного справочника «Араб Бэнкинг энд Файнэнс», страны Персидского залива, где оперируют 50 исламских финансовых институтов, лидируют по их числу как отдельный регион. На Бахрейне их 18, в ОАЭ – 14, Саудовской Аравии – 10, Кувейте – 4, Катаре – 3[5].

Первый исламский банк на Западе «Исламик Бэнкинг Систем» (ныне – «Исламик Файнэнс Хаус») появился в 1978 г. в Люксембурге. В Женеве базируется группа «Дар аль-Маль аль-Исламий». В Дании, США, Австралии и др. странах также имеются исламские финансовые учреждения. В августе 2004 г. в Лондоне начал работу первый полностью исламский банк в Европе. Однако предпосылки для появления подобного финансового учреждения в Великобритании возникли не на пустом месте.

В 80-е годы в Лондоне работал исламский банк «Ал-Барака», услугами которого пользовались не только мусульмане, но и представители других религий, а рынок клиентов географически не ограничивался Лондоном и другими крупными городами Великобритании, где были открыты филиалы данного банка. «Ал-Барака Бэнк» осуществлял свою деятельность в соответствии с банковским законодательством Англии на основе выданной ему Банком Англии лицензии. Однако в начале 90-х годов в связи с ужесточением требований и стандартов Банка Англии руководство банка было вынуждено отозвать банковскую лицензию. В 1993 г. банк «Ал-Барака» прекратил оказывать банковские услуги, но продолжил свою деятельность в качестве исламской инвестиционной компании.

Ряд ведущих западных банков («АБН Амро», «Сосьете Женераль», «Ай Эн Джи», «Джей. Пи. Морган» «Чейз Манхэттен») достаточно давно имеют в своей структуре подразделения («окна»), которые оказывают исламские банковские услуги. В июле 2003 г. в Великобритании два международных банка, HSBC и United National Bank, начали предлагать своим клиентам исламские банковские продукты по ипотечному кредитованию. А американский банк «Ситибэнк» довольно длительное время сотрудничает с исламскими банковскими структурами, вложив около 1 млрд. долл. в специализированные исламские фонды. В 1997 г. «Ситибэнк» учредил на Бахрейне свое полномочное отделение «Сити Исламик Инвестмент Бэнк» с капиталом в 20 млн. долларов. По оценке «Ситибэнк», темпы роста исламского банковского сектора составляют от 10 до 15% в год, что красноречиво свидетельствует о динамичности исламских банков[6]. Исламское банковское дело активно развивается, причем не только в мусульманском мире. Возможно, никогда ранее оно не было так популярно и востребовано, как в настоящее время. Даже в странах Запада, где доля мусульманского населе-

ния не так уж велика, законодатель пытается создать наиболее благоприятные условия для деятельности исламских банков.

Тем не менее опыт функционирования исламских банков за последние три десятилетия показал, что в своей деятельности указанные банки сталкиваются с рядом трудностей как операционного, административно-управленческого, так и правового и экономического характера.

На протяжении долгого времени одна из проблем юридического характера заключалась в отсутствии единых стандартов, что отчасти затрудняло ведение бизнеса и ставило под вопрос соответствие операций того или иного исламского банка шариату. Как в западном мире нет центрального финансового института, который бы осуществлял надзор за деятельностью финансовых, в том числе, и банковских институтов, так и в мусульманском мире нет единого Шариатского Совета, который бы определял, какие сделки дозволены, а какие – не дозволены с точки зрения мусульманского права.

В настоящее время существуют расхождения по ряду вопросов, касающихся операций и практики деятельности исламских банков, однако с учреждением в 2002 г. в Малайзии Совета по исламским финансовым услугам (Islamic Financial Services Board (IFSB), многое изменилось в лучшую сторону. Учреждение этой международной организации было инициировано председателями и высшими должностными лицами центральных банков ряда стран и состоялось при поддержке Исламского банка развития (ИБР), Международного валютного фонда (МВФ) и Организации по бухгалтерскому учету и аудиту в исламских финансовых институтах (ААОИФИ).

В Малайзии, стране, где находится штаб-квартира Совета по исламским финансовым услугам, в 2002 г. был принят специальный закон – Islamic Financial Services Board Act. Этот закон предоставляет IFSB те привилегии и иммунитеты, которые обычно имеют международные организации и дипломатические представительства. В рамках своей компетенции IFSB приспосабливает уже существующие или разрабатывает новые банковские инструменты и стандарты финансовой отчетности, соответствующие шариату, которыми руководствуются исламские финансовые институты, включающие в себя исламские банки, исламские страховые компании[7], и др.

В этом отношении работа, которую проводит IFSB, дополняет деятельность Базельского комитета по надзору за бан-

ковской деятельностью (Basel Committee on Banking Supervision), Международной организации комиссий по ценным бумагам (International Organization of Securities Commissions) и Международной ассоциации органов, осуществляющих надзор за страховой деятельностью (International Association of Insurance Supervisors).

В июле 2003 г. IFSB начал разработку двух стандартов финансовой отчетности в области деятельности исламских финансовых институтов, а именно: Управление рисками (Risk Management) и Достаточность собственного капитала (Capital Adequacy). В 2004 г. IFSB приступил к разработке стандартов в области корпоративного управления (Corporate Governance). Ожидается, что примерные варианты этих стандартов будут представлены в конце 2005-начале 2006 годов.

У исламских банков, действующих в немусульманских странах, имеются дополнительные проблемы. Во-первых, не во всех немусульманских странах власти признают применение норм шариата в деятельности банковских институтов как таковых. Сама природа исламского банка отлична от западного, традиционного представления о банке. Исламский банк можно определить как финансового посредника, а в ряде операций как комиссионного агента, инвестирующего средства своих вкладчиков в различные проекты и получающего вознаграждение в виде прибыли (если банк вкладывает и собственные средства в проект), размер и наличие которой заранее неизвестны (в отличие от фиксированного процента). Традиционный же банк получает прибыль главным образом путем взимания процента по кредитам.

Изначально традиционные банки не уполномочены участвовать в торговых операциях, связанных с куплей-продажей товаров и услуг. Например, в Великобритании и США власти неохотно признали разрешенным такой механизм активных банковских операций, как ***мудараба***. Они исходили из того, что банки не могут являться собственниками банковских активов.

Существует и еще одна проблема исламской банковской практики, которая также обусловлена самой природой исламского банка. Дело в том, что обязательным требованием к банкам на Западе является гарантия возврата депозитов. В исламском банке, как уже было описано выше, помимо текущих и сберегательных счетов, по которым обеспечивается возврат номинальной суммы вклада, выделяются также инвестицион-

ные счета, по которым невозможно гарантировать возврат вклада, поскольку их использование так или иначе сопряжено с финансовыми рисками. В этой связи порой возникают проблемы с контролирующими органами, и каждый банк по-своему находит разрешение этой коллизии. Например, уже упоминавшийся исламский банк «Ал-Барака» для решения этой проблемы использовал схему страхования вкладов; инвестировал средства вкладчиков по модели ***мурабаха*** в определенные отрасли, где возврат инвестируемой суммы максимально вероятен, а также использовал ряд других механизмов[8].

Серьезной проблемой для исламских банков является отсутствие правовой санкции за невозврат клиентом банка ссуды, используемой в форме участия в прибыли и убытках.

В настоящее время ни в одной немусульманской стране нет специального законодательства, регламентирующего деятельность исключительно исламских банков. Так, учрежденный в августе 2004 г. Исламский банк Великобритании действует на основании общей для всех организаций, осуществляющих бизнес по приему депозитов, лицензии, а его деятельность регулируется в рамках существующего банковского законодательства.

Как отмечает профессор Университета Малайзии Бала Шанмуган, существует три основных требования, выполнение которых необходимо для развития исламского банковского дела в экономике страны. Прежде всего это наличие шариатского наблюдательного совета, который бы оценивал все операции банка с точки зрения соответствия их шариату, иными словами, подтверждал бы, что банк действительно является исламским. Во-вторых, поскольку исламские банки осуществляют все свои операции на беспроцентной основе, не должно существовать законодательно установленного запрета на осуществление банковских операций без выплаты или взимания процента. Наконец, банкам должно быть разрешено участвовать в торговых операциях и делить прибыли и убытки со своими клиентами[9].

Таким образом, исламский банк – это не совсем банк в традиционном понимании функций этого института. В отличие от традиционных коммерческих банков исламские банки действуют скорее как инвестиционно-сберегательные компании, нежели как кредитные организации.

Отсюда специфика в регулировании статуса и деятельности исламских банков. В современном мире выделяется несколько подходов к такому регулированию. Первый подход (монистиче-

ский) был взят на вооружение в таких странах, как Иран, Пакистан и Судан, где руководство в разное время предпринимало попытки перевести весь банковский сектор на исламские рельсы. Второй подход (дуалистический) применяется в Малайзии, где деятельность традиционных банков регулируется в рамках традиционного банковского законодательства, а деятельность исламских банков подпадает под нормы специального Закона об исламском банковском деле 1983 г. Третий подход можно наблюдать в большинстве стран, где действуют исламские банки – их статус и деятельность регулируются нормами традиционного банковского законодательства, что не исключает некоторой специфики.

Безусловно, для учреждения исламского банка в немусульманской стране необходимо наличие законодательной базы, которая не создавала бы препятствий для его создания. В этом отношении правовая почва Великобритании оказалась наиболее благоприятной.

За последние несколько лет в сфере банковского права Англии произошли существенные изменения. Полномочия лицензирующего органа, которыми в соответствии с Законом о банковской деятельности 1987 г. (Banking Act 1987) и Законом о Банке Англии 1998 г. (Bank of England Act 1998) был наделен Банк Англии, перешли к Управлению финансовых услуг (Financial Services Authority). Данное управление в настоящее время осуществляет свою деятельность согласно Закону о финансовых услугах и финансовых рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000). Со вступлением этого нормативно-правового акта в силу с 1 декабря 2001 г. в закон о Банке Англии 1998 г. были внесены соответствующие поправки, а многие положения Закона о Банковской деятельности 1987 г. были заменены соответствующими нормами Закона о финансовых услугах и финансовых рынках.

Таким образом, в настоящее время банковская деятельность в Великобритании регулируется Законом о банковской деятельности 1987 г. с соответствующими изменениями, Законом о финансовых услугах и финансовых рынках 2000 г., другими законами (Закон о займодавцах 1900 г., Закон о переводных векселях 1882 г. и др.), а также директивами ЕС в сфере банковского права. Поскольку Великобритания является страной англо-саксонской правовой семьи, постольку огромное

значение в системе источников права имеют прецеденты. Банковское право в этом отношении не является исключением.

Подход общего права к определению банка явствует из судебных прецедентов по этому вопросу. Пожалуй, самым удачным прецедентом в этом отношении может послужить дело United Dominions Trust v. Kirkwood (1966).

Вопрос, таким образом, сводился к тому, на основании каких критериев компанию можно считать банком. В апелляционном суде в связи с данным делом судьей лордом Денингом была дана следующая трактовка понятия «банк»:

«Существует два основных качества, характеризующих банкиров в современных условиях: (1) они принимают деньги от и инкассируют чеки для своих клиентов, кредитуя их счета; (2) они оплачивают предъявленные им чеки или поручения, выставленные на них клиентами, и дебетуют счета своих клиентов соответственно. Эти две характеристики влекут за собой третью, а именно: (3) они ведут текущие счета, или что-то в этом роде в своих учетных книгах, в которых содержатся разделы дебета и кредита»[10].

В целом подход общего права к определению банка первоначально представлял особую важность постольку, поскольку существовал спор, в котором принципиальное значение имело признание судом конкретного учреждения в качестве банка. Иными словами, подход общего права к определению банка может быть использован в качестве средства доказывания при наличии спора о действительной природе учреждения, которое называет себя банком, или наоборот, отрицает это. И, естественно, выведенные судебной практикой критерии для определения организации в качестве банка позднее в определенной степени были восприняты статутным правом.

Статутное право Англии не дает точного и универсального определения «банка». Первоначально большинство законов, в которых речь шла о «банках» или «банковской деятельности», определяли значение этих понятий лишь для целей конкретного закона.

В Законе о банковской деятельности 1987 г. напрямую не давалось определение «банка». В нем лишь сказано, что контрольные полномочия Банка Англии (в то время он являлся учреждением, осуществлявшим полномочия по надзору в финансовом секторе экономики) распространяются на деятельность по приему депозитов от неопределенного круга лиц, осуществляе-

мую в виде промысла[11]. В соответствии с этим же законом никакое юридическое или физическое лицо не вправе осуществлять в виде промысла деятельность по приему депозитов от неопределенного круга лиц, кроме как на основе выданной в порядке, предусмотренном этим законом, лицензии Банка Англии[12].

Такой подход статутного права Англии к определению понятия «банк», как отмечает А.А.Вишневский, объясняется тем, что «английское право не интересуется исчерпывающим определением банка, подобно тому, которое содержится в законах стран континентальной системы. Хотя закон называется «банковским», он интересуется понятием «банк» лишь в той степени, в которой речь идет о подчиненности того или иного института контрольным полномочиям соответствующего государственного финансового учреждения»[13].

Кто же выдает банковскую лицензию и осуществляет надзор за деятельностью «банков» в Англии? Меморандум Согласия от 27 октября 1997 г.[14] и Закон о Банке Англии 1998 г. устанавливают разграничение полномочий между Банком Англии, Управлением финансовых услуг и Казначейством Ее Величества. На Банк Англии главным образом возлагается обязанность поддержания стабильности валютной системы страны и контроль за состоянием и финансовой устойчивостью всего финансового сектора в целом. Управление финансовых услуг, в свою очередь, является органом, осуществляющим лицензирование и надзор за деятельностью всех финансовых учреждений, а именно: банков, страховых компаний, строительных компаний, инвестиционных компаний, пр. На него также возложено выполнение иных задач, установленных этим меморандумом, а также иными нормативно-правовыми актами.

В 2000 г. был принят Закон о финансовых услугах и финансовых рынках. Этот закон подтвердил полномочия Управления финансовых услуг (FSA) как финансового учреждения, выполняющего функции по лицензированию и надзору в финансовом секторе. Вместе с тем со вступлением в силу этого закона были внесены изменения в целый ряд нормативно-правовых актов, среди которых Закон об управлении финансовых услуг 1986 г., Закон о Банке Англии 1998 г., Закон о компаниях 1989 г., Закон о банковской деятельности 1987 г., др. Некоторые положения этого закона, распространяющиеся на сферу действия Закона о банковской деятельности 1987 г., вытеснили соответствующие положения последнего.

В соответствии с Законом о финансовых услугах и финансовых рынках, организацией, осуществляющей прием депозитов, признается организация, получившая разрешение (лицензию) в порядке, предусмотренном частью 4 Закона о финансовых услугах и финансовых рынках, или обладающая так называемым Европейским паспортом (European passport), т.е. кредитная организация, получившая лицензию в одной из стран-членов ЕС, имеющая право открывать филиалы в других странах-членах ЕС[15].

Банковская лицензия является свидетельством того, что данная организация отвечает требованиям, предъявляемым английским правом к организации, уполномоченной осуществлять бизнес по приему депозитов. Определение депозита и бизнеса по приему депозитов в современном статутном праве содержится в Законе о банковской деятельности 1987 г. Данный закон определяет понятие «депозит» следующим образом:

«...Депозит означает денежную сумму, уплаченную на условиях:

а) в соответствии с которыми она должна быть возвращена, *с процентами или премией или без таковых*, по требованию или во время или при наступлении обстоятельств, согласованных между лицом или представителем лица, совершающего платеж; и

б) уплата которой не связана с передачей собственности или получением услуг или предоставлением обеспечения»[16].

Примечательно, что ни в данном Законе 1987 г., ни в Законе о финансовых услугах и финансовых рынках 2000 г. не говорится, что деятельность по приему депозитов должна быть сопряжена с взиманием процента.

Далее, в соответствии со ст. 5 (3) закона независимо от содержания правоотношения, послужившего основанием для уплаты денежной суммы, эта сумма не будет рассматриваться в качестве депозита, если ее уплата была произведена одним из следующих лиц:

– Банком Англии и лицензированными учреждениями;

– лицами, указанными в Приложении 2 к Закону 1987 г.;

– лицами, чей бизнес состоит в предоставлении денежных займов;

– субсидиарными компаниями;

– близкими родственниками.

Вместе с тем сама по себе депозитная сделка еще не означает нахождения соответствующей компании в сфере контроля Управления финансовых услуг. Если депозитная сделка не носит систематического характера, то для ее совершения не требуется получения специальной лицензии Управления финансовых услуг. Лицо, принимающее депозиты, должно получить лицензию в том случае, если оно принимает депозиты систематически, в виде промысла, т.е. занимается «бизнесом по приему депозитов (deposit-taking business)».

Сущность депозита в исламском банке в целом удовлетворяет требованиям, установленным к депозиту в Законе 1987 г. Однако в исламском банке в силу того, что использование средств на инвестиционных счетах (а в некоторых банках и на сберегательных счетах) связано с финансовыми рисками, изначально отсутствует гарантия возврата вкладов. Это обусловлено природой исламского банка. Вместе с тем обязательным требованием английского права является гарантия возврата депозитов.

В исламском банке, как уже было описано выше, помимо сберегательных счетов, по которым обеспечивается возврат номинальной суммы вклада, выделяются также инвестиционные счета, по которым невозможно гарантировать возврат вкладов, поскольку их использование так или иначе сопряжено с финансовыми рисками. Каждый исламский банк по-своему находит разрешение этой коллизии. Как уже говорилось ранее, исламский банк «Ал-Барака» для решения этой проблемы использовал схему страхования вкладов, инвестировал средства вкладчиков по модели ***мурабаха*** в определенные отрасли, где возврат инвестируемой суммы максимально вероятен[17].

Определение бизнеса по приему депозитов содержится в ст. 6 (1). Согласно положениям этой статьи, бизнес рассматривается как бизнес по приему депозитов, если он удовлетворяет двум характеристикам. Во-первых, для того, чтобы деятельность рассматривалась в качестве бизнеса по приему депозитов, необходимо, чтобы деньги, полученные лицом в качестве депозита, передавались другим лицам. Во-вторых, другие направления бизнеса лица, принявшего депозит, должны финансироваться полностью или частично из средств привлеченных депозитов *либо* из процентов, полученных за счет этих средств.

При этом данное лицо должно предлагать услуги (to hold himself out)[18] по приему депозитов на постоянной основе. Еще одним условием для признания лица осуществляющим бизнес по приему депозитов является то, что депозит должен быть принят не в разовом порядке и не в связи с конкретным случаем. Данные статутные положения получили толкование в ряде прецедентов, в частности в деле SCF Finance Co. Ltd. v. Masri (1986)[19].

Подводя итог рассмотрению понятия «банк» в английском праве, процитируем известного отечественного специалиста по банковскому праву Англии А.А.Вишневского: «В английском праве отсутствует универсальное исчерпывающее определение банка. Традиционно развитие понимания банка в общем праве шло по иному пути – по пути определения понятия «банк» для целей конкретных ситуаций, а не для выработки обобщенного понятия. Статутное право ограничивалось указанием на «сердцевину» банковского бизнеса, т.е. на принятие депозитов с последующим предоставлением привлеченных средств в качестве кредитов. В определенной степени такая ситуация поддерживается доктриной, в которой существует мнение о невозможности дать универсальное определение банка, подходящее для всего многообразия конкретных ситуаций»[20].

Получение банковской лицензии. Организация, желающая получить лицензию на осуществление банковской деятельности в Великобритании, должна подать заявку, которая будет рассмотрена Управлением финансовых услуг (FSA) в порядке, установленном частью 4 Закона о финансовых услугах и финансовых рынках 2000 г.

Каковы же требования, предъявляемые к организациям, претендующим на получение банковской лицензии? В соответствии с Законом о финансовых услугах организация, обращающаяся к Управлению финансовых услуг с заявлением о выдаче лицензии на осуществление банковской деятельности в Великобритании, должна отвечать как минимум следующим так называемым «пороговым» требованиям. Во-первых, эта организация должна обладать установленным минимумом капитала, достаточным для осуществления банковской деятельности. Во-вторых, она должна иметь соответствующую организационную структуру, с тем чтобы должным образом осуществлять управление бизнесом по принятию депозитов, что также включает в себя наличие механизмов, препятствующих отмыванию денег[21]. Управлению финансовых услуг должен быть пред-

ставлен подробный бизнес-план, обосновывающий прибыльность и финансовую устойчивость будущего банка.

Опыт Великобритании. Как уже говорилось, для финансового рынка Великобритании исламский бэнкинг – явление не новое. Впервые исламские банковские услуги в Великобритании стал предоставлять учрежденный в 1982 г. банк «Ал-Барака» (Al-Barakah), который входит в состав финансовой группы «Ал-Барака Групп». Этот банк действовал в рамках общего банковского законодательства (в соответствии с Banking Act 1979, а затем Banking Act 1987) на основании лицензии, выданной ему Банком Англии.

«Ал-Барака» предлагал своим клиентам несколько видов счетов. Во-первых, текущий счет, или вклад до востребования (разумеется, без выплаты процента по вкладу). Во-вторых, сберегательный счет, который приносил его держателям определенный доход от использования банком средств на этих счетах в торговых операциях. Однако в отличие от заранее обусловленной ставки процента доход не был фиксированным и гарантированным и зависел от прибыльности банка в соответствующий период времени. Номинальная сумма вклада гарантировалась. Клиенты банка «Ал-Барака» могли открыть в банке срочный вклад, минимальный размер которого равнялся 200,000 фунтам стерлингов или долл. США. Держатели этого счета имели право на получение прибыли, размер и наличие которой, однако, не гарантировались. Вместе с тем своего рода гарантией прибыльности являлось то, что денежные средства, находящиеся на этих счетах, использовались банком для финансирования малорисковых операций в форме ***мурабаха***. Кроме того, в некоторых случаях практиковалось предоставление клиентам информации об ожидаемой прибыльности по этим вкладам, что делалось на основе анализа банковской практики за последнее время.

По сравнению с другими (неисламскими) банками «Ал-Барака» устанавливал достаточно высокий размер минимального вклада. Минимальная сумма, которую клиент должен был внести при открытии текущего счета, равнялась 150 фунтам стерлингов. При этом клиенты, выписывавшие чеки на этот счет, были обязаны поддерживать на счете минимальный остаток в размере 500 фунтов стерлингов[22]. В традиционном коммерческом банке нарушение правила о минимальном остатке имеет следствием возникновение так называемого овердрафта, по ко-

торому клиент выплачивает процент, как по кредиту. В исламском банке такая ситуация в принципе невозможна, поскольку исламский банк работает на беспроцентной основе.

В своей деятельности банк «Ал-Барака» главным образом применял механизмы мудараба, мушарака и мурабаха. Широкое распространение в деятельности банка получило долгосрочное финансирование приобретения жилья (long term Islamic mortgages) по модели ***мурабаха*** или ***иджара ва-иктина'***. И все-таки главной статьей деятельности банка «Ал-Барака» были инвестиционные проекты, которые приносили компании основную прибыль.

На практике внутренняя сторона деятельности банка, соответствие всех операций и используемых механизмов шариату контролировались Шариатским наблюдательным советом.

В начале 90-х в связи с банкротством BCCI (Bank of Credit and Commerce International) Банк Англии ужесточил требования, предъявляемые к банковским организациям, что в определенной степени вынудило руководство банка принять решение об отзыве банковской лицензии. В июне 1993 г. «Ал-Барака» прекратил свою деятельность в качестве банка, однако остался на финансовом рынке Великобритании в качестве инвестиционной компании.

В дальнейшем отдельные виды услуг в сфере исламского банкинга предлагали другие, как английские (например, Lloyds), так и международные транснациональные банки («Ситибэнк», «Стэндард Чэтэрд», др.). При этом все банки, оказывавшие исламские услуги, действовали в рамках традиционного банковского законодательства. Вопрос о том, нуждаются ли исламские банки в особом правовом регулировании, поднимался давно и не только представителями деловых кругов, но и властями.

Новая эра в истории исламского бэнкинга на Западе. В августе 2004 г. произошло событие, которого долго ждали и мусульмане Запада, и бизнесмены Востока, событие, которое во многом стало поворотным моментом в истории развития исламского банковского движения, – в Лондоне был учрежден Исламский Банк Великобритании (IBB) – первый полностью исламский банк на Западе, получивший лицензию на осуществление банковской деятельности в стране. Все свои операции IBB осуществляет в соответствии с шариатом, в рамках действующего банковского законодательства Великобритании.

С тех пор, как в 1993 г. банк «Ал-Барака» прекратил свою деятельность, исламские финансовые услуги (главным образом ипотечное кредитование в соответствии с шариатом) в Великобритании оказывались исламскими «окнами» таких всемирно известных банков, как «Ситибэнк», HSBC, др., однако самостоятельного банка, который предоставлял исключительно исламские банковские услуги, в Великобритании не было. Вместе с тем банковские продукты, соответствующие шариату, имели потенциально большой спрос на рынке Великобритании. По разным подсчетам, в Великобритании проживает около 1,8 млн. мусульман, которые отличаются высокой степенью религиозности и стараются во всем следовать предписаниям ислама[23]. Кроме того, ежегодно в Великобританию по делам въезжает свыше полумиллиона мусульман из разных стран мира, в том числе бизнесмены из стран Персидского залива. Большинство из них хотели бы воспользоваться услугами исламского банка.

В последние годы отношение властей Великобритании к исламским банкам сильно изменилось в лучшую сторону. Еще десять лет назад в Великобритании работали несколько исламских финансовых домов (Islamic finance houses[24]), но ни один из них так и не получил статуса кредитной организации и лицензии на осуществление полномасштабной банковской деятельности[25]. После смены учреждения, осуществляющего контроль и надзор за всем финансовым сектором Великобритании, власти Великобритании в лице Управления финансовых услуг стали более конструктивно относиться к идее учреждения самостоятельного исламского банка в Великобритании, который бы действовал в рамках существующего банковского законодательства наряду с традиционными коммерческими банками.

Идея учреждения исламского банка в Великобритании стала обсуждаться рядом бизнесменов Ближнего Востока еще в 2002 г. В июле этого же года была создана компания Исламский финансовый дом Великобритании (Islamic House of Britain), назначены консультанты и юристы, которые исследовали потенциал британского рынка, а также возможность и необходимость учреждения исламского банка в Великобритании. Придя к выводу, что исламский банк действительно нужен стране, и его учреждение целесообразно не только, чтобы удовлетворить потребности мусульман Великобритании в исламских банковских услугах, но и с точки зрения прибыльности для инвесторов, учредители Islamic House of Britain приняли реше-

ние заняться поиском инвесторов. В качестве инвесторов выступил ряд исламских банков и компаний, а также крупные бизнесмены с Ближнего Востока, среди которых члены правлений исламских банков и других компаний из ОАЭ, Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии. Исламский банк Великобритании организован как публичная компания, участвовать в капитале которой могут не только мусульмане.

В апреле 2003 г. был назначен исполнительный директор, распределены другие руководящие должности.

В октябре 2003 г. составлен бизнес-план, после чего в Управление финансовых услуг Великобритании поступила официальная заявка Islamic House of Britain о предоставлении ему банковской лицензии. На протяжении всего процесса подготовки и получения лицензии Управление финансовых услуг активно помогало и всячески шло навстречу, поощряло деятельность Islamic House of Britain.

Наконец, в августе 2004 г. Управление финансовых услуг выдало банковскую лицензию, и, таким образом, Исламский банк Великобритании (IBB) начал свою работу.

Деятельность Исламского банка Великобритании осуществляется в строгом соответствии с шариатом, а все операции и банковские продукты контролируются Шариатским наблюдательным советом. Вместе с тем, поскольку IBB действует на основании общей банковской лицензии и на его деятельность распространяется действие общего банковского законодательства, банк также должен соблюдать требования и стандарты, которые в своих постановлениях и директивах устанавливает Управление финансовых услуг.

Исламский банк Великобритании обслуживает исключительно физических лиц и предоставляет своим клиентам весь спектр банковских продуктов и услуг в соответствии с *шариатом*. Банк стремится к тому, чтобы предоставляемые им услуги составили серьезную конкуренцию традиционным кредитным организациям, и потому уделяет большое внимание качеству и уровню сервиса, набору предлагаемых услуг, которые могут заинтересовать не только мусульман. В первое время, когда Банк только начинал свою работу, его клиенты могли открыть текущий счет, а держателям данных счетов предоставлялась возможность воспользоваться соответствующими услугами посредством телефонного и почтового банкинга. Постепенно количество предлагаемых услуг расширилось, и на

настоящий момент Исламский банк Великобритании готов предложить своим клиентам весь спектр банковских услуг, соответствующих шариату, в т.ч. банковские продукты, основанные на ипотечном кредитовании, потребительские кредиты, основанные на модели мурабаха, и др.[26]

Учреждение первого исламского банка в Великобритании имеет большое значение для рынка банковских услуг Запада. В планы IBB входит выход на общеевропейский рынок банковских услуг. Принимая во внимание, что Великобритания – член Евросоюза, эти амбициозные планы Исламского банка Великобритании вполне реализуемы. Если деятельность Исламского банка Великобритании окажется удачной, то, имея «европейский паспорт», он сможет открывать свои филиалы в других странах ЕС, а это значит, что его потенциальными клиентами могут стать около 13,8 млн. мусульман (без учета Великобритании и кандидата на вступление в ЕС Турции). Во Франции и Германии с мусульманским населением в 5,9 млн. и 3 млн. человек соответственно существует благоприятная среда для становления и развития исламского банковского дела[27].

Заключение

Получив широкое развитие в середине 70-х годов на волне нефтяного бума, исламское банковское движение за 30 лет своего развития достигло небывалых высот. Чем вызван столь стремительный рост популярности исламских банков?

В исламском банковском деле огромная роль отводится этическим положениям ислама, которые во многом определяют принципы деятельности и политику исламских банков. Согласно шариату, все деловые операции должны быть построены на принципах честности, справедливости, равенства, богатство не должно аккумулироваться, а должно быть использовано, в том числе на помощь нуждающимся. Хорошая репутация и высокий уровень этичности, которые снискали себе исламские банки, вкупе с достаточно высокой прибыльностью исламского банкинга влияют на их позицию не только в национальной экономике, но и на мировых финансовых рынках.

Как отмечает ряд авторитетных экономических изданий и консалтинговых групп, доля исламского банковского сектора в экономике мусульманских стран неуклонно увеличивается, а темпы роста достигают 15% в год. В ряде мусульманских стран (Иран, Пакистан, Судан) были предприняты попытки

перевода всего банковского сектора экономики на исламские принципы. В Малайзии, стране, которая по праву считается передовым центром исламского мира и исламской экономики, в частности, исламские банки действуют в соответствии со специальным Законом об исламском банковском деле 1983 г., а правительство поощряет развитие исламского банковского сектора экономики.

С другой стороны, в последнее время все больше традиционных банков (главным образом крупные финансовые группы, такие как «Ситибэнк», «Стэндард Чэтэрд», др) открывают т.н. исламские «окна» в странах со значительной долей мусульманского населения как в мусульманских странах, так и в немусульманских государствах Западной Европы. В августе 2004 г. в Лондоне был учрежден первый самостоятельный исламский банк в Европе.

Вместе с тем ни в одной немусульманской стране попрежнему не существует специальных законов об исламских банках, и регулирование их деятельности осуществляется в рамках общего банковского законодательства.

На наш взгляд, исламские банки не нуждаются в специфическом гражданско-правовом регулировании, однако их деятельность в области финансового права требует особого подхода со стороны законодателя. Так, например, Управление финансовых услуг (FSA) – главный финансовый контролирующий орган в Великобритании – заключил специальное соглашение с Исламским банком Великобритании, в котором учитываются особенности исламского банковского дела.

Исламские банки отличаются от традиционных коммерческих банков не только принципами деятельности, но и выполняемыми функциями. Деятельность и, как следствие, прибыльность последних связана с взиманием и выплатой процента. Традиционные банки сначала аккумулируют финансовые средства, а затем ссужают их под определенный процент, тем самым получая прибыль. Исламские банки в своей деятельности руководствуются запретом осуществления процентных трансакций и потому строят свою деятельность на беспроцентной основе, получая прибыль путем участия в прибылях и убытках финансируемых финансовых проектов и вовлечения в торговые операции.

В своей деятельности исламские банки используют оригинальные механизмы, в основе которых лежат разработанные

исламскими экономистами и правоведами контракты мудараба, мушарака, мурабаха и др.

Все вышеперечисленные особенности исламских банков, а именно: беспроцентные трансакции, использование аккумулированных на инвестиционных счетах средств по модели мудараба и мушарака, запрет использования банковских средств в запрещенных шариатом сферах бизнеса – все это говорит в пользу того, что деятельность исламских банков нуждается в специфическом подходе со стороны финансовых учреждений, осуществляющих надзор за их деятельностью.

[1] Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики// Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты/ Под ред. Р.И. Беккина. – М., 2004, с. 6.

[2] Там же, с. 5.

[3] Taylor F.M. Islamic Banking – the Feasibility of Establishing an Islamic Bank in the United States//American Business Law Journal. 2003, № 40, с. 387–388.

[4] Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики// Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты/ Под ред. Р.И. Беккина. – М., 2004, с. 72.

[5] Там же, с. 72.

[6] Расулов Я. Исламские банки// www.yaseen.ru

[7] Подробнее об исламском страховании см.: Беккин Р.И. Правовые основы исламского страхования// Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / Под ред. Р.И. Беккина. – М., 2004, с. 127–213.

[8] Siddiqi A.Y. Al-Barakah Experience of Islamic Banking Within the British Banking System// Islamic Financial Institutions. Seminar Proceedings held in Jakarta, Indonesia in September 1990. – 1990, № 27, с. 68.

[9] Edwardes W. Demystification of Islamic Banking// www.dc3.co.uk

[10] Подробнее об этом см.: Вишневский А.А. Банковское право Англии. – М., 2000, с. 6–7.

[11] Banking Act 1987 Sect. 5 (1) // www.gbld.org

[12] Banking Act 1987 Sect. 3 (1) // www.gbld.org

[13] Цит. по: Вишневский А.А. Банковское право Англии. – М., 2000, с. 11.

[14] См.: Memorandum of Understanding between HM Treasury, the Bank of England and the FSA // www.bankofengland.co.uk

[15] См.: Amendments to the Bank of England Act // www.bankofengland.co.uk (12.12.2001)

[16] Banking Act 1987. Sect. 5 (1) // www.gbld.org

[17] Siddiqi A.Y. Al-Barakah Experience of Islamic Banking within the British Banking System// Islamic Financial Institutions. Seminar Proceedings held in Jakarta, Indonesia in September 1990. – 1990, № 27, с. 68.

[18] У Вишневского: «проявлять себя как принимающее депозиты» (см.: Вишневский А.А. Банковское право Англии. – М., 2000, с. 13).

[19] Подробнее об этом см.: Вишневский А.А. Банковское право Англии. – М., 2000, с. 13.

[20] Там же, с. 15.

[21] Islamic Finance and the UK Financial Services Authority // www.fsa.gov.uk

[22] Wilson R. Challenges and Opportunities for Islamic Banking and Finance in the West: the United Kingdom Experience // Islamic Economic Studies, 2000, № 7, с. 40.

[23] Watkins J. Prophet to Profit // Financial World. – 2005. – January. – С. 24–29 // http://www.financialworld.co.uk

[24] Finance house – банк по финансированию продаж в рассрочку. (см. Большой англо-русский и русско-английский словарь по бизнесу/ Под ред. Петроченко П.Ф. – М., 1994).

[25] Islamic Finance and the UK Financial Services Authority. Conference on Islamic Banking and Finance Bahrain. March 2003. // www.fsa.gov

[26] Islamic Bank Opens for Business// www.fairinvestment.co.uk/news (22.09.2004).

[27] Islamic Bank of Britain Launch Imminent // www.thebanker.com/news (05.01.2004).

И.С.Касимова

ТУРЦИЯ И ЕС: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ОТНОШЕНИЙ (2004–2005 гг.)

Одной из приоритетных задач внешнеполитической программы правящей в Турции Партии справедливости и развития является вступление Турции в ЕС. Как показывает история, отношения Турции и ЕС развивались и развиваются с большими трудностями на протяжении уже более 40 лет.

В 1963 г. в Анкаре Сообщество заключило с Турцией Соглашение об ассоциации («Анкарское Соглашение», вступило в силу 1 декабря 1964 г.). Это Соглашение и подписанный в 1970 г. дополнительный протокол стали правовой основой торгово-экономических отношений ЕЭС и Турции. Соглашение предусматривало также трехэтапное создание таможенного союза между ними. Помимо этого, в документ была включена статья о свободном передвижении рабочей силы, однако этот пункт выполнен не был. Из-за острой нехватки рабочих рук в ряде стран ЕС в первые послевоенные десятилетия количество турецких трудящихся росло быстрыми темпами, что вынуждало национальные правительства временами регулировать их приток.

В 1987 г. Турция подала официальную заявку о полном членстве в ЕС, но в последующие годы этот вопрос ЕС не был решен. Тем не менее 31 декабря 1995 г. начал действовать таможенный союз между ЕС и Турцией, предусмотренный Соглашением об ассоциации. Для его успешного функционирования Турции пришлось провести большую работу по адаптации своего национального законодательства к единым внешним нормам (в частности, в области торговой политики, конкуренции, защиты прав интеллектуальной, промышленной и коммерческой собственности и др.)

В декабре 1999 г. на саммите в Хельсинки Турция была признана страной-кандидатом на вступление в ЕС. В ноябре 2002 г. после своей победы на парламентских выборах консервативно-религиозная Партия справедливости и развития во главе

с Реджепом Тайипом Эрдоганом провозглашает своей главной задачей вхождение Турции в Евросоюз. В 2002–2004 гг. в Турции было принято 8 пакетов законов для приведения законодательства страны в соответствие с требованиями Евросоюза[1].

История отношений Турции и ЕС до 2002 г. практически полностью освещена в современной тюркологии, в частности, в работах М.Ю.Ульченко, Е.И.Уразовой.

В декабре 2002 г. на саммите ЕС в Копенгагене было решено, что через два года Еврокомиссия подготовит доклад, на основании которого саммит ЕС в Брюсселе в декабре 2004 г. примет решение о том, начинать ли переговоры с Турцией о полном членстве в ЕС.

В данной статье автор попытался осветить основные положения этого доклада, проанализировать политические и экономические требования, предъявляемые к Турции ЕС, а также возможные экономические последствия вступления Турции в это интеграционное объединение.

По мнению автора, эта тема достаточно актуальна. Это подтверждает огромный объем публикаций, посвященных данному вопросу, вышедших за последнее время. В связи с тем, что информации очень много и что она преимущественно публикуется на иностранных языках, расстановка основных акцентов на данном этапе является очень важной.

6 октября 2004 г. Европейская комиссия, как и было предусмотрено, обнародовала доклад, в котором содержалась рекомендация начать переговоры с Турцией о ее вступлении в Евросоюз. Как пишет турецкая пресса, подготовленный Еврокомиссией документ о дальнейшем расширении ЕС весьма благоприятен для Анкары. В нем подчеркивается значительный прогресс в развитии Турции на пути ее приближения к нормам Евросоюза. По мнению европейского комиссара по расширению ЕС Гюнтера Ферхойгена, в стране действительно наблюдаются очень позитивные признаки, дающие основания для оптимизма. «Мы понимаем, что необходимые реформы в Турции произойдут не так скоро. Ведь важно, чтобы изменения принимались не только на бумаге, но и реально претворялись в жизнь. Хотелось бы также подчеркнуть, что готовность ЕС к переговорам не означает, что все политические противоречия, существовавшие между Турцией и Евросоюзом ранее, будут сняты с повестки дня. Мы станем и дальше внимательно наблюдать за тем прогрессом, который

ожидает Турцию на выбранном ею направлении», – отметил Гюнтер Ферхойген[2].

Однако лидер Народно-республиканской партии Турции Дениз Байкал в своем интервью, данном каналу ТРТ 20 октября 2004 г., охарактеризовал этот доклад как противоречащий идее полного членства Турции в ЕС.

По информации турецкого телеканала Эн-ти-ви, министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль направил послание руководству Евросоюза, в котором выразил обеспокоенность по поводу содержащихся в докладе Еврокомиссии пунктов, включая тот, в котором указывается, что «переговорный процесс не гарантирует для Турции конечного результата». Анкару тревожит, что переговоры могут завершиться отказом в ее приеме в ряды Евросоюза. В докладе Еврокомиссии содержится также пункт о том, что «ЕС в процессе переговоров будет осуществлять мониторинг Турции, а комиссия может предложить отменить эти переговоры, если будут выявлены серьезные факты нарушения прав человека в стране или демократических стандартов». Члены комиссии включили также в доклад положение о «возможном введении постоянного запрета на экспорт рабочей силы» с тем, чтобы предотвратить её массовый исход из Турции. В послании Гюль потребовал разъяснить «нечеткие», по его мнению, рекомендации Еврокомиссии о «процессе мониторинга» и «условиях прекращения переговорного процесса»[3].

Согласно докладу, Турция выполнила поставленный перед ней (а также перед другими ассоциированными членами – государствами Центральной и Восточной Европы) ряд условий, получивших название «копенгагенских критериев членства», что должно позволить ей стать членом ЕС.

В соответствии с комплексом политических требований, Турция должна была создать стабильные институты, гарантирующие демократию, правовой порядок, соблюдение прав человека и защиту национальных меньшинств. В этом направлении ею были сделаны следующие шаги. В августе 2002 г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) приняло пакет законов, призванных привести законодательство страны в соответствие с требованиями Евросоюза. Среди них – отмена смертной казни в мирное время, разрешение использования курдского языка в СМИ и его преподавания в школах. В июле 2003 г. турецкий парламент принял пакет законов, ограничива-

ющих политическое влияние силовых структур, в частности, армии. В мае 2004 г. с этой же целью в Конституцию был внесен ряд поправок, касающихся равенства прав мужчин и женщин, свободы прессы, статуса международных договоров, деятельности судов.

16 сентября 2004 г. ВНСТ отклонило законопроект о внесении в Уголовный кодекс Турции статьи об уголовном наказании за супружескую измену. Отказ от этого закона, как несоответствующего требованиям ЕС, – обязательное условие, поставленное Евросоюзом. 23 сентября 2004 г. премьер-министр Эрдоган заверил Евросоюз в лице комиссара по расширению ЕС Гюнтера Ферхойгена, что турецкий уголовный кодекс не будет содержать скандальную статью. Ферхойген в ответ заявил, что «не видит препятствий» для начала переговоров о вступлении Турции в Евросоюз. Затем комиссар ЕС лично приехал в Турцию, где провел четыре дня, половину этого времени – на заселенном преимущественно курдами юго-востоке. Европейский ревизор констатировал, что курдский язык выведен из-под запрета в СМИ и ряде учебных заведений, да и пытки в полицейских участках «более не практикуются систематически».

Отвечая экономическим критериям вступления в ЕС, Турция должна иметь функционирующую рыночную экономику, способную справляться с конкуренцией и действием рыночных сил в ЕС, а также обладать способностью принять на себя обязательства членства, включая приверженность задачам создания Экономического и валютного союза.

Согласно докладу, вклад Турции в экономику ЕС будет положительным, но относительно малым как из-за ограниченных масштабов турецкой экономики, так и уже существующей степени интеграции. Но многое будет зависеть от дальнейшего экономического развития Турции. Начало переговоров поможет укреплению макроэкономической стабильности, привлечению инвестиций, росту и социальному развитию. В этих условиях ожидается, что рост ВВП Турции превысит среднестатистический по ЕС.

Согласно заключению, обнародованному ОЭСР от 25 октября 2004 г., Турция превращается в страну с действительно работающей рыночной экономикой, что является одним из требований, поставленных перед ней ЕС. По докладу ОЭСР, рост экономики Турции может превысить 7%-ный барьер, что делает ее страной с самыми быстрыми темпами роста среди

стран-участниц ОЭСР. В ближайшей повестке дня Турции должно быть обуздание инфляции – сфера, в которой она уже достигла значительных результатов (54% в 2001 г., 25% в 2003 г., 12% в первой половине 2004 г. и, возможно, однозначные показатели в 2005 г.). Долгосрочной же ее задачей является сокращение внешнего долга, который на конец 2004 г. составлял 70% от ВВП, до 55% в 2008 г. Доклад констатировал тот факт, что Турция достигла серьезных успехов в макроэкономической сфере, но многое еще предстоит сделать в области услуг, приватизации и системы налогов.

Принятие Турции – страны со средним доходом – в ЕС усилит региональное экономическое неравенство в расширенном ЕС и послужит тормозом в политике сплочения (cohesion policy)[4].

Директор программы по изучению Турции в американском институте CSIS Бюлент Алириза согласен, что присоединение Турции создаст значительные трудности для ЕС. «Уровень доходов на душу населения составляет в Турции порядка 1/8 от среднего европейского уровня, – отметил Алириза. – Если бы вступление Турции в ЕС произошло сегодня, это нанесло бы ощутимый удар по экономике Евросоюза»[5]. Турецкий ВВП на душу населения в 2003 г. составлял $6700 по ППС.

Более того, Турция получит право на получение в течение длительного времени значительной помощи, выделяемой структурными фондами и фондами «сплочения» (cohesion fund). Только на охрану окружающей среды Европа планирует потратить от 30 до 50 миллиардов евро[6].

Что касается сельского хозяйства, то Франц Фишлер, член Европейской комиссии, отвечающий за эту отрасль, отметил, что внутренние цены на зерно в Турции на треть выше, чем в ЕС. Там существует огромная проблема развития сельских районов, которую нужно решать, указал он, обратив внимание также на несоответствие турецких фитосанитарных и ветеринарных норм европейским. Он оценил в 11,3 млрд. евро потенциальные издержки включения турецкого агрокомплекса в европейский. Это больше, чем потребуется для интеграции в ЕС сельского хозяйства десяти стран, вступивших в ЕС в мае, сказал Фишлер[7].

Кроме того, в Европе опасаются, что с присоединением Турции в европейские страны хлынет волна иммигрантов. Активнее всего против присоединения Турции к ЕС выступают во Франции, Австрии, Бельгии и Нидерландах – в странах, где

иммигранты уже составляют значительный процент населения. По мнению некоторых экспертов, эти опасения стали одной из причин неодобрения общеевропейской конституции на референдуме во Франции 29 мая 2005 г. Как сообщает канал Евроньюз, многие французы связывали принятие конституции ЕС с членством Турции[8].

Представитель Турции при ЕС Огуз Демиралп заявил, что в экономическом плане Европейский союз только выиграет, приняв в свои ряды его страну. «Турция будет не обузой, а ценным приобретением для Евросоюза», – сказал он в интервью немецкой газете «Berliner Zeitung». При этом Демиралп особенно подчеркнул, что вступление Турции в ЕС не вызовет многомиллионной волны переселенцев, которой так опасаются сегодня европейцы, поскольку Анкара введет ограничения на свободное перемещение рабочей силы, аналогичные тем, которые были введены в Польше после ее вступления в ЕС[9].

Более того, как сообщает эстонская газета «Postimees», заместитель председателя комиссии по иностранным делам Европарламента Тоомас Хендрик Ильвес заявил, что принятие Турции в ЕС поможет Европе решить проблему нехватки рабочей силы. «Европа нуждается в пополнении человеческих ресурсов, нам нужна новая энергия», – заявил Ильвес, добавив при этом, что принятие Турции в ЕС послужило бы достижению долгосрочных стратегических целей Евросоюза[10].

Согласно докладу Еврокомиссии о перспективах вступления Турции в ЕС, принятие Турции, страны с преимущественно молодым населением, будет способствовать омоложению общества ЕС. В этой связи Союз заинтересован в том, чтобы в Турции проводились реформы в области образования, чтобы вкладывались инвестиции в эту сферу.

Итак, 17 декабря 2004 г. стал решающим днем для Турции, так как на саммите в Брюсселе страны Евросоюза приняли решение о начале переговорного процесса с этой страной 3 октября 2005 г. Многие назвали это решение серьезным шагом вперед как для Турции, так и для Евросоюза, решившего начать переговоры с мусульманской страной. Премьер-министр Т.Р.Эрдоган оценил это решение следующим образом: «Мы получили достойную оценку своих трудов. Мы только в начале того пути, что нам предстоит пройти. Процесс, который начнется после этого, будет очень трудным и неровным. Однако Турция с ее интерактивным человеческим потенциалом

в состоянии его преодолеть»[11]. Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер заявил, что такое решение является очень важным с точки зрения продолжения процесса модернизации в Турции[12]. Многие западные издания указывали на то, что вступление Турции в ЕС изменит это интеграционное объединение, усилит его позиции на международной арене.

Тем не менее положительное решение этого саммита вовсе не означает, что Турцию примут в ЕС. По словам президента Франции Жака Ширака, процесс адаптации Турции к условиям, позволяющим ей войти в Союз, затянется «по меньшей мере на полтора десятка лет»[13].Согласно экспертному заключению Еврокомиссии, присоединение Турции к ЕС может произойти не ранее 2013–2018 года[14]. Более того, несмотря на принятое решение, существует вероятность приостановки переговорного процесса. Выступая на заседании Совета министров Франции 27 октября 2004 г., Жак Ширак заявил, что результаты переговоров о вступлении Турции «отнюдь не ясны заранее». Он не исключает, что переговоры дадут отрицательный результат и процесс вступления будет прерван[15].

По словам президента Франции, в этом вопросе существует и третий вариант. В случае отказа Турции принять ее в ЕС возможен путь «усиления связей с этой страной без официального включения ее в ЕС». В этой связи нельзя не упомянуть и о позиции министра иностранных дел и заместителя премьер-министра Абдуллы Гюля по этому вопросу. Он считает, что никаких специальных условий членства в ЕС для его страны быть не должно и, если Союз будет как-то дискриминировать Турцию, то она пойдет своим путем.

Более того, за отведенные на адаптацию 15 лет может произойти многое в непредсказуемой Турции. Ведь именно из-за военного переворота в сентябре 1980 г. действие Соглашения о ее ассоциированном членстве в ЕЭС было приостановлено.

[1] www.mfa.gov.tr

[2] Присоединение Турции к ЕС разрушит европейский дом: Турция за неделю // ИА REGNUM, 12.10.2004.

[3] Анкара потребовала от ЕС разъяснений по некоторым пунктам доклада Еврокомиссии, связанного с перспективами членства Турции в ЕС // ИТАР ТАСС, 26.10.2004.

[4] Recommendation of the European Commission on Turkey's progress towards accession. 6.10.2004 COM (2004) 656 final.

[5] Азия едет в Европу. Еврокомиссия рекомендовала начать переговоры о вступлении Турции в ЕС // Ведомости, 07.10.2004.

[6] Турция собралась в Евросоюз // Российская Газета (Россия), 09.10.2004.

[7] Турция не проходит в ЕС не только по критериям демократии, но и по сельскому хозяйству, считает европейский комиссар // ИТАР ТАСС, 21.09. 2004.

[8] Milliyet, 30.05.2005.

[9] Присоединение Турции к ЕС разрушит европейский дом: Турция за неделю // ИА REGNUM, 12.10.2004.

[10] Турция поможет ЕС пополнить нехватку рабочей силы // ИА REGNUM, 07.10.2004.

[11] Компас. Зима 2005.

[12] Milliyet, 17.12.2004.

[13] Прием Турции в ЕС не гарантирован автоматически – Ширак // Интерфакс, 27.10.2004.

[14] Присоединение Турции к ЕС разрушит европейский дом: Турция за неделю // ИА REGNUM, 12.10.2004.

[15] Французские руководители предупредили Турцию, что переговоры о ее вступлении в Евросоюз могут быть весьма трудными // ИТАР ТАСС, 27.10.2004.

Н.Ю.Сурков

ПОЛИТИКА США ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Значение палестино-израильского конфликта для США в последнее время заметно возросло, сегодня его неурегулированность мешает стабилизации региона и претворению в жизнь американской концепции Большого Ближнего Востока. Нерешенность палестинского вопроса также является одним из источников формирования негативного отношения к США, что несомненно сказывается на их позициях в этом регионе. В настоящее время США наращивают свои усилия для создания благоприятных условий, ведущих к результативности палестино-израильского диалога.

В ходе визита в Палестину в феврале 2005 г. государственный секретарь США К.Райс следующим образом охарактеризовала планы Белого дома: «Не во всем должны участвовать Соединенные Штаты, но США должны быть там, когда это необходимо. Мы будем очень активны. Мы намерены активно взаимодействовать со сторонами по вопросам безопасности. (*We are going to be active with the parties on security.*) Мы намерены деятельно сотрудничать со сторонами по вопросам восстановления и экономики. Мы намерены активно работать со сторонами по вопросам политического развития и демократизации. И конечно же, мы будем активно помогать сторонам вернуться к "Дорожной карте"...»[1].

Цели нынешней политики США в отношении палестино-израильского урегулирования также нашли отражение в речи, произнесенной президентом Дж.Бушем 9 мая 2003 г.: «Америка будет неустанно работать ради того, чтобы два государства, Израиль и Палестина, сосуществовали в безопасности, процветании и мире».

Американское руководство осознает, что условием успешного хода мирного процесса является создание на палестин-

ских территориях сильных и эффективных властных структур, способных обуздать радикальные группировки и восстановить порядок. Таким образом, возобладал подход, согласно которому необходимо в первую очередь добиться перемен на палестинских территориях, так как, по мнению американских аналитиков, руководство ПНА в том виде, в котором оно существовало при Арафате, не готово к взаимодействию с израильтянами и не способно на компромисс.

Примечательно, что если предыдущие американские администрации не пытались всерьез вмешиваться в вопросы государственного строительства на палестинских территориях, добиваясь главным образом прекращения насилия, то президент Буш после избрания на второй срок со всей очевидностью стремится превратить будущее палестинское государство в образец демократии и свободы в регионе. Оптимизм президента Буша и его помощников основан на положительном примере Японии, которая благодаря внедрению принципов демократии сумела после Второй мировой войны наладить отношения с соседними государствами и стать одним из важнейших союзников США. Глава Белого дома высказался по данному вопросу так: «Я глубоко убежден, что демократия способствует поддержанию мира. И поэтому я искренне верю, что залогом прогресса на Ближнем Востоке и на Большом Ближнем Востоке является развитие демократии. Я с готовностью признаю, что есть скептики, которые утверждают, что в определенных обществах демократия невозможна. Но вспомните, то же самое говорили про Японию сразу после Второй мировой войны. А сегодня один из тех, с кем я наиболее тесно сотрудничаю, – это мой друг премьер-министр Коидзуми. И это поразительно, что мы сидим за одним столом, обсуждая поддержание мира в таких местах, как Северная Корея, хотя еще не так давно, если смотреть в исторической перспективе, мы были врагами»[2].

В Вашингтоне уверены, что на данный момент в Палестине сложились все условия для развития демократии, которая станет ключом к примирению. Президент Буш полагает, что два демократических государства быстрее смогут научиться доверять друг другу и урегулировать имеющиеся разногласия: «И таким образом, исходное условие стратегии, которую мы изложим, основано на этой мечте о возникновении свободного и подлинно демократического общества. Вы увидите, что будет, когда это произойдет, установится глубокое доверие между Израилем и палестин-

ским народом. Свободные общества способны развить взаимное доверие, а сейчас, совершенно очевидно, имеет место недостаток доверия»[3]. Джордж Буш и его администрация жестко следуют неолиберальной концепции, провозглашая распространение демократии и мира миссией своей страны: «Я верю, что это наша обязанность и долг – трудиться во имя торжества демократии. Это долг перед нашей собственной страной»[4].

В высказываниях представителей нынешней американской администрации звучит уверенность в том, что простые палестинцы искренне желают мира и достаточно лишь позволить им контролировать власть, как мир будет достигнут, за короткий срок будут преодолены все разногласия и взаимные претензии, копившиеся годами. Подобное видение ситуации нашло отражение в одной из речей Джорджа Буша: «Я полагаю, будет справедливым сказать, что нам предоставляется великолепная возможность создать палестинское государство, и я намерен использовать следующие четыре года для того, чтобы капитал Соединенных Штатов был вложен в такое государство. Я верю в то, что строительство по-настоящему свободного государства отвечает интересам всего мира. Я точно знаю, что это в интересах палестинцев, если они будут жить в обществе, в котором они смогут открыто выражать свое мнение, где они получат возможность давать своим детям образование, не содержащее в себе зародыши ненависти, где они смогут осуществить свои мечты, если они предприимчивы. Я знаю, что это отвечает интересам Израиля, если у его границ будет развиваться свободное государство. По моему мнению, нет другого способа добиться прочного мира, если мы все не будем помогать в создании институтов, необходимых для возникновения такого государства: гражданского общества, основанного на справедливости, свободе слова, свободных выборах и праве людей на свободное самовыражение. Первым шагом в этом направлении должны стать выборы нового президента, и я искренне надеюсь, что президент станет придерживаться демократических ценностей»[5].

В этой связи для Белого дома очень важным сдвигом стало избрание новым главой ПНА Махмуда Аббаса, который ранее уже продемонстрировал готовность к конструктивному диалогу как с США, так и с Израилем.

Значимость данного события подчеркивается тем, что первый свой визит в качестве главы американского госдепартамента К.Райс совершила именно на Ближний Восток, где провела

встречи и переговоры с руководством Израиля и ПНА. Обращает на себя внимание и тот факт, что смена руководства в Палестине сопровождалась необычно бурной дипломатической активностью США и их ближайших союзников. Так, уже 12 ноября, на следующий день после смерти Я.Арафата, появилось совместное американо-британское заявление, в котором говорилось: «Сейчас нужно использовать возможность, которую предоставляют новые условия в регионе, чтобы удвоить наши усилия по достижению данной цели. Это потребует серьезных шагов, которые мы стремимся сделать совместно с нашими международными партнерами и со сторонами (конфликта)»[6]. В тот же день президент Буш открыто заявил, что уход Ясира Арафата открывает новые перспективы и создает благоприятные условия для реализации планов Вашингтона в отношении палестино-изра-ильского урегулирования. В выступлении американского лидера присутствует весьма примечательный фрагмент: «Мы выражаем наши соболезнования палестинскому народу в период его скорби. И все же предстоящие месяцы сулят новые возможности в деле достижения прогресса на пути к прочному миру. В скором времени палестинцы изберут нового президента. Это первый шаг к созданию устойчивых демократических политических институтов, посредством которых палестинский народ выберет местных и общенациональных руководителей»[7].

Позднее, 22 ноября, Колин Пауэлл, занимавший тогда пост госсекретаря, выступая на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Израиля Сильваном Шаломом, так высказался по поводу смерти Я.Арафата: «У меня состоялась плодотворная встреча с министром иностранных дел, равно как и с премьер-министром (А.Шароном) сегодня утром, … где я еще раз подтвердил им твердое намерение президента Буша использовать то преимущество и ту возможность, которая появилась после смерти председателя Арафата»[8]. Аналогичное заявление Колин Пауэлл сделал в тот же день на пресс-конференции в Иерихоне: «Что изменилось, так это ряд обстоятельств, возникших в связи с кончиной председателя (Арафата). С приходом новых лидеров с палестинской стороны или нового соотношения сил между палестинскими лидерами, учитывая предстоящие выборы, я полагаю, что это дает еще одну возможность стимулировать развитие процесса, идущего в рамках "Дорожной карты"»[9].

Здесь необходимо отметить, что в ходе второй интифады произошло резкое изменение отношения руководства США к личности Я.Арафата, который, по их мнению, систематически не выполнял взятые на себя обязательства. Об Арафате сложилось мнение как о человеке упрямом, себе на уме, легко нарушающем прежние договоренности, когда появлялась возможность выторговать что-то еще. В результате Вашингтон прекратил отношения с Арафатом, и мирный процесс застопорился, поскольку там считали, что с палестинской стороны нет других политиков, с которыми можно было бы наладить диалог. Попытка Махмуда Аббаса, занимавшего тогда пост премьер-министра в Палестинской национальной администрации, восстановить отношения с Вашингтоном и возобновить диалог с Израилем не увенчалась успехом, так как его контакты с США дали палестинским радикалам аргумент для мощной критики и способствовали его быстрому отстранению от власти.

В нынешних условиях американские политики стали осторожнее, они уже открыто не проявляют свои симпатии к новому палестинскому лидеру, опасаясь дать его противникам повод для очередных обвинений. При этом республиканская администрация США, уставшая от «восточных хитростей» Арафата, дает понять, что новое руководство ПНА сможет рассчитывать на поддержку (в восстановлении экономики и ведении переговоров с Израилем), только если наглядно продемонстрирует готовность выполнять взятые на себя обязательства в четком соответствии с достигнутыми договоренностями.

Еще в день выборов в Палестине президент Буш выступил с заявлением, где четко указал на те шаги и меры, которых США ожидают от нового главы ПНА и которые они готовы поддержать финансово: «Соединенные Штаты готовы помочь палестинскому народу реализовать его устремления. Новому палестинскому президенту и его кабинету предстоит решить очень сложные задачи, включая борьбу с терроризмом, пресечение коррупции, создание и реформирование демократических институтов, восстановление палестинской экономики»[10].

Американское руководство поставило главную, с их точки зрения, задачу – обеспечить более активное участие сторон конфликта в процессе мирного урегулирования. Обсуждая перспективы арабо-израильского саммита в Шарм-аш-Шейхе, К.Райс сделала следующее замечание по данному вопросу: «Итак, не должно быть сомнений в приверженности Соединенных Шта-

тов своим обязательствам, но это очень хорошо, когда стороны могут самостоятельно сделать так много, как израильтяне и палестинцы в последние недели. Это очень хорошо, когда региональные акторы способны созвать саммит и свести стороны вместе так, чтобы они могли продолжить добиваться прогресса. Я провела переговоры с моим египетским и иорданским коллегами. Сейчас я здесь встретилась с президентом (М.Аббасом) и премьер-министром Шароном. США активно участвуют в (мирном) процессе и будут делать это и в дальнейшем. И нам предстоит еще сделать много шагов: осуществляющиеся здесь реформы, которые проводят президент (М.Аббас) и его команда, израильский уход из Газы и четырех поселений на Западном берегу. Нам предстоит еще проделать большую работу, а также большая работа предстоит в рамках «Дорожной карты». Таким образом, пожалуйста, поймите: США будут очень, очень глубоко вовлечены, но мы действительно думаем, что это очень хорошо, когда стороны могут также добиваться прогресса самостоятельно»[11].

В дальнейшем такая позиция американской администрации получила новое подтверждение из уст Кондолизы Райс, которая, выступая на совместной пресс-конференции с Махмудом Аббасом в первую очередь подчеркнула готовность недавно избранного главы ПНА к немедленному выполнению взятых на себя обязательств: «Мы удовлетворены тем, что президент Аббас полностью выполняет свои обязательства предпринять конкретные шаги в сфере безопасности и для восстановления законности и порядка. Мы также удовлетворены тем, что начала развиваться прямая координация между израильтянами и палестинцами в сфере безопасности и что возобновились другие конструктивные контакты»[12]. К.Райс также не преминула отметить тот факт, что действия М.Аббаса выгодно отличают его от Я.Арафата: «Я считаю, что за время пребывания у власти президента Аббаса был достигнут куда более быстрый прогресс, чем мы видели достаточно продолжительное время: размещение сил безопасности, сотрудничество израильтян и палестинцев в сфере безопасности, обсуждение способов расширения свободы передвижения для палестинцев и того, какие функции израильтяне могут передоверить палестинским силам безопасности – все имело место в течение всего лишь нескольких недель»[13].

Американский госсекретарь дала понять, что готовность палестинцев к сотрудничеству будет немедленно вознаграждена, не забыв напомнить и об обязательствах: «Мы будем содействовать укреплению безопасности и восстановлению палестинских правоохранительных структур. Мы с нашими друзьями в международном сообществе и здесь в регионе будем работать, чтобы возродить палестинскую экономику и содействовать усилиям палестинцев по строительству и укреплению демократических институтов. И мы будем упорно работать, чтобы напомнить всем сторонам – израильтянам, палестинцам и государствам региона – что у них есть обязательства содействовать нам в реализации концепции двух государств, живущих бок о бок в мире»[14].

Американское руководство выразило готовность немедленно предпринять практические шаги для помощи новым властям ПНА после того, как с палестинской стороны была продемонстрирована готовность к сотрудничеству и появился лидер, которому США доверяют: «Как вам известно, недавно президент Буш заявил об увеличении американской помощи палестинцам до 350 миллионов долларов в год…. Я надеюсь, что в скором времени я смогу вместе с палестинским руководством и министрами выработать подобающую программу использования данных средств. Я с удовлетворением объявляю сегодня о том, что более сорока миллионов долларов будет предоставлено в рамках программы срочных мер, чтобы добиться немедленного эффекта – немедленного позитивного влияния на жизнь палестинцев путем, например, создания рабочих мест, развития частного сектора и инфраструктуры»[15].

Комментируя итоги выборов главы ПНА, К.Райс выразила уверенность в поддержке палестинцами планов Махмуда Аббаса и их готовности к миру и реформам: «Я бы только отметила, что в ходе выборов президент Аббас добился такой поддержки избирателей, которая бы осчастливила любого американского президента. Это было голосование за его программу мирного решения конфликта, за мир с соседним Израилем, за демократическую реформу и за реконструкцию и развитие для улучшения жизни палестинского народа. Мне хочется верить, что палестинский народ таким образом отреагировал на представившуюся возможность растить детей в мирном окружении и что именно благодаря этому президент (Аббас) выиграл выборы»[16].

Для США огромное значение имеет предсказуемость и последовательность действий сторон конфликта на пути к миру. При этом американская администрация старается добиться поступательных шагов не только от палестинцев, но и от израильтян, от которых постоянно требуют выполнения ранее достигнутых соглашений. В данном случае задача представляется особенно сложной, поскольку необходимо привести враждующие стороны к соглашению и добиться его выполнения в условиях, когда противники желают мира, но на совершенно разных, нередко взаимоисключающих условиях. Поэтому США в последнее время стремятся не просто помогать палестинцам и Израилю в установлении мирного диалога, но и считают необходимым оказать определенное давление, чтобы заставить стороны «играть по установленным правилам», справедливо полагая, что только так можно сделать какие бы то ни было переговоры эффективными.

Нет сомнений, что, занимаясь поисками мирного решения, США не откажутся от поддержки Израиля, потому что, с их точки зрения, это пока единственная демократическая страна в регионе и, соответственно, ключевой союзник, что неизменно подчеркивается в официальных речах и в частных беседах американских дипломатов. Тем не менее, говоря о задачах, стоящих перед палестинской стороной, американцы не забывают напоминать израильтянам об их собственных обязанностях. Так, госсекретарь Райс в ходе встречи с журналистами сделала заявление, которое не могли не услышать в Тель-Авиве: «У израильтян тоже есть обязательства, и я сказала им, что в дополнение к обязательству делать все возможное, чтобы содействовать возникновению демократического (палестинского) государства, особенно важно, чтобы не было односторонних шагов, односторонних попыток изменить существующее положение»[17].

США не ограничиваются напоминаниями, но ведут активную работу непосредственно с израильским руководством, которое до недавнего времени всеми силами пыталось обеспечить себе максимально выгодную позицию на будущих переговорах о мире, не считаясь с тем, что подобные действия с их стороны могут сделать призрачными последние надежды на мир. Америка имела в виду стремление властей Израиля установить свой контроль (если не суверенитет) над максимальным количеством палестинских земель, чтобы затем в ходе

переговоров вернуть их законным владельцам и представить это как тяжко выстраданную «уступку», как это делалось уже неоднократно. Понимая пагубность такой практики и ее негативное влияние на ход мирного процесса, американская дипломатия стала в последнее время пытаться удерживать Израиль от подобных шагов.

В частности, К.Райс обрисовала круг вопросов, по которым американская сторона старается повлиять на Израиль: «Я полагаю, хорошо известно, что мы озабочены маршрутом строительства разделительной стены; я думаю, хорошо известна наша озабоченность по поводу поселенческой активности и, конечно же, по поводу закона об отсутствующих владельцах земли. Мы обсудили это с израильтянами и, как я поняла, Верховный суд положил этому конец»[18].

Подводя итог всему сказанному выше, необходимо отметить, что после смерти Ясира Арафата значительно активизировались действия США, направленные на поощрение демократических реформ в ПНА, которые рассматриваются Вашингтоном как необходимое условие для возобновления прерванного второй интифадой мирного процесса. При этом американские официальные лица, включая президента, практически открыто говорят о том, что только смена руководства ПНА позволила возобновить мирные усилия, которым до недавних пор мешала личность непреклонного и непоследовательного, с американской точки зрения, Арафата. Важно также подчеркнуть качественное изменение подхода США к проблеме палестино-израильского урегулирования: Вашингтон сегодня не просто пытается убедить стороны прекратить насилие, но и прикладывает немалые усилия для того, чтобы ликвидировать социальную и экономическую базу конфликта.

Нельзя тем не менее не отметить тот факт, что нынешние шаги американского руководства имеют ярко выраженный мессианский характер, поскольку демократия преподносится как универсальное средство для преодоления любых внешне- и внутриполитических кризисов, а содействие ее распространению в регионе объявляется едва ли не священным долгом Соединенных Штатов и их союзников. Обосновывая подобный подход, американские официальные лица ссылаются на пример послевоенного переустройства Германии и Японии, хотя, возможно, они не до конца учитывают специфику палестино-израильского конфликта и

его чрезвычайно долгую историю, породившую устойчивую атмосферу зачастую иррациональной взаимной ненависти и страха.

Однако в случае палестино-израильского урегулирования США проявляют готовность подкрепить слова действиями, прежде всего в части оказания всесторонней финансовой поддержки усилиям нового палестинского руководства, что может стать серьезным положительным фактором. При этом устанавливается жесткая система отчетности за проделанную работу, что, несомненно, может несколько «дисциплинировать» нынешних лидеров ПНА и заставить их пойти на решительные меры. Не менее важно то, что США всеми силами удерживают Израиль от агрессивных действий в отношении палестинцев в ответ на провокации экстремистских организаций.

[1] Secretary Condoleezza Rice, Remarks With Palestinian President Mahmoud Abbas After Their Meeting, The Muqata, Ramallah, February 7, 2005, U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs.

[2] President Bush and Prime Minister Blair Discuss Iraq, Middle East, The East Room, Washington, DC, November 12, 2004.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] U.S.-U.K. Joint Statement on the Middle East Peace Process, White House Press Release, Office of the Press Secretary, Washington, DC, November 12, 2004.

[7] President Bush and Prime Minister Blair Discuss Iraq, Middle East, The East Room, Washington, DC, November 12, 2004.

[8] Secretary Colin L. Powell Remarks to the Press with Israeli Foreign Minister Silvan Shalom, Ministry of Foreign Affairs, Jerusalem, November 22, 2004.

[9] Secretary Colin L. Powell Remarks to the Press in Jericho Central Elections Commission District Office, Jericho, November 22, 2004.

[10] President George W. Bush, Palestinian Elections, Washington, DC, January 9, 2005.

[11] Secretary Condoleezza Rice, Remarks With Palestinian President Mahmoud Abbas After Their Meeting, The Muqata, Ramallah, February 7, 2005, U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Secretary Condoleezza Rice, Remarks With Palestinian President Mahmoud Abbas After Their Meeting, The Muqata, Ramallah, February 7, 2005, U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs.

К.Р.Матюшин

НЕФТЕПРОВОД БАКУ-ТБИЛИСИ-ДЖЕЙХАН КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В новых геополитических реалиях, сложившихся на рубеже тысячелетий, нефтегазовые ресурсы каспийского региона стали разменной картой в большой игре, в которой наряду со странами региона участвуют ведущие промышленно развитые державы, являющиеся главными потребителями энергетических ресурсов. Основные приоритеты этих стран во внешней политике и дипломатии, связанной с их энергетическими потребностями, определяются задачами обеспечения энергетической безопасности, которая часто понимается как необходимость поддержания непрерывных поставок нефтегазовых ресурсов из внешних источников по приемлемым ценам. При этом в 90-е годы наблюдалось усиление внимания к внешнеполитическому обеспечению энергетической безопасности в этих странах, что связано с ростом их зависимости от импорта энергоресурсов. В то же время новые прикаспийские республики, столкнувшиеся с необходимостью завоевывать свое место на международной арене и интегрироваться в мировую экономику, стремятся с максимальной отдачей использовать свои природные богатства, развивая амбициозные проекты, способные привлечь внимание ведущих держав. Турецкая Республика, не входящая в число мировых лидеров и не относящаяся к странам каспийского региона, с начала 90-х годов в силу ряда причин экономического и геополитического характера проявляет особый интерес к нефти и газу Каспия и стоит у истоков проекта нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, строительство которого недавно завершилось.

Турция практически полностью зависит от импорта энергоресурсов (порядка 90% углеводородов импортируется)[1]. В связи с тем, что доля энергоемких отраслей в структуре турецкой промышленности и общий объем потребления энергии в Тур-

ции постоянно растут, очень остро встает вопрос энергетической безопасности. Выход для Турции – в ее уникальном географическом положении – между богатым сырьем Востоком и основным потребителем – Западом, что дает ей возможность, взяв на себя роль энергетического коридора или моста, не только полностью насытить собственный рынок энергоресурсов, но и получить значительную выгоду (как экономическую, так и геополитическую), замкнув на себя основные евразийские энергетические артерии. Реализация подобного сценария обеспечила бы Турции значительные транзитные поступления в казну, умножила привлечение иностранных инвестиций, подняла ее политический вес в мире.

Прикаспийский регион в настоящий момент является ареной политической борьбы целого ряда государств. С одной стороны, США, объявившие регион стратегической для своей экономики зоной, активно наращивают присутствие на Каспии, открывая представительства американских энергетических гигантов, заключая двусторонние договоры с государствами региона, и в целом проводят агрессивную политику по обеспечению своих интересов в этом перспективном регионе. С другой, – Россия, имеющая налаженную систему реэкспорта каспийского сырья и эффективную систему двусторонних договоров с прикаспийскими государствами. Третий участник конфронтации – региональные поставщики нефти и газа, стремящиеся повысить экспортные цены. И в этой сложной ситуации Турция позиционирует себя как надежного союзника США на Каспии.

С начала 90-х годов турецкая дипломатия при поддержке США активно лоббировала альтернативные российским маршрутам проекты трубопроводов для транспортировки каспийской нефти. При этом использовались такие аргументы, как ограниченная пропускная способность перегруженных черноморских проливов, экологическая небезопасность прохода нефтяных танкеров через густонаселенный Стамбул, тем более, что был прецедент с аварией и утечкой нефти из российского танкера, врезавшегося в условиях плохой видимости в жилой дом на берегу Босфора. (Турция даже предприняла попытку в одностороннем порядке изменить режим прохода через проливы, что стало причиной конфликта в российско-турецких отношениях.)

Необходимо отметить, что в Турции отсутствуют собственные значительные источники энергоресурсов, поэтому она

сильно заинтересована в обеспечении доступа для своих компаний (это прежде всего «ТПАО») к богатой ресурсной базе Каспийского региона. Кроме того, она заинтересована в том, чтобы через ее территорию были проложены основные маршруты трубопроводов для транспортировки каспийских энергетических ресурсов на мировые рынки, что дает не только существенные экономические (до 1 млрд. долл. в год)[2], но и геополитические дивиденды, учитывая внешнеполитическую стратегию Турции, направленную на усиление своего влияния в Закавказье и Средней Азии. Поэтому при совпадении приоритетов энергетической политики Турция выступает активным проводником линии западных стран, прежде всего США, тесные стратегические отношения с которыми входят в число приоритетов внешней политики Турецкой Республики. Руководство Турции по многим международным вопросам склонно ориентироваться на позицию США, иногда даже поступаясь собственными интересами, но в каспийском регионе геополитические интересы двух стран совпадают, что существенно усиливает их взаимодействие в данном направлении.

Заслуживает упоминания тот факт, что каспийской проблематикой в США занимаются на уровне президента, а для межведомственной координации создан специальный орган под эгидой СНБ, в рамках которого действует специальный советник президента США и госсекретаря США по энергетической дипломатии в Каспийском регионе[3]. Геополитические цели Соединенных Штатов состоят в том, чтобы, поддерживая развитие нефтегазовой промышленности в странах Закавказья и Средней Азии, способствовать укреплению их политической и экономической независимости от России и сближению с Западом. Американская дипломатия активно помогает внедрению в экономику стран региона компаний из США. В свою очередь американские компании решают не только узко корпоративные задачи, но также и содействуют решению геополитических устремлений США. Как известно, с 1997 г. каспийский регион объявлен зоной американских национальных интересов[4]. В январе 2001 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе американские представители вновь подтвердили, что «Каспий является зоной их жизненных интересов и рассматривается как источник нефти, альтернативный Персидскому заливу»[5].

Проект строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан прошел через сложный период сомнений, особенно когда выяс-

нилось, что нефти в азербайджанском шельфе Каспия не так много, как предполагалось. Другими препятствиями на пути реализации проекта были низкие на тот период мировые цены на нефть, протесты экологических организаций. В общественном мнении Турции господствовало скептическое отношение к проекту, строительство нефтепровода называли авантюрой, экономически нерентабельной и практически неосуществимой затеей.

Несмотря ни на что, настойчивость руководства Турции, подпитывавшаяся стремлением Соединенных Штатов и Западной Европы уменьшить зависимость от энергоносителей с Ближнего Востока и из России, а также высоким качеством азербайджанской нефти, помогла сохранить интерес к проекту. Нефтепроводу с самого начала придавался статус стратегического.

Строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан началось в апреле 2003 г. и завершилось в третьем квартале 2005 года (первоначально планировался четвертый квартал 2004 года). Начало экспорта азербайджанской нефти из турецкого порта Джейхан на Средиземном море намечено на октябрь этого года.

Протяженность основного экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан составляет 1767 км (азербайджанский участок – 443 км, грузинский – 248 км, турецкий – 1076 км). Пропускная способность нефтепровода планируется в объеме более 50 млн. тонн нефти в год, около 1 млн. баррелей в день. Тариф прокачки нефти составит $2,58 за баррель. Помимо азербайджанской по нефтепроводу будет перекачиваться казахстанская нефть, которую станут перевозить через Каспийское море танкерами[6]. Эксплуатация нефтепровода рассчитана на 40 лет. Как ожидается, рентабельность в течение 20 лет будет не менее 12,5% в год.

Стоимость проекта составляет $2,95 млрд., а с учетом выплат по кредитам – $3,6 млрд. Около 30% средств на проект были выделены компаниями-участниками, остальные предоставлены Европейским банком реконструкции и развития и Всемирным банком. Для реализации проекта в 2002 г. была учреждена компания BTC Co. Ее акционерами являются британская BP – 30,1% акций (оператор проекта), азербайджанская ГНКАР – 25%, американская Unocal – 8,9%, норвежская Statoil – 8,71%, турецкая TPAO – 6,53%, итальянская ENI – 5%, французская TotalFinaElf – 5%, японская Itochu – 3,4%, японская Inpex –

2,5%, американские ConocoPhillips – 2,5% и Amerada Hess – 2,36%[7].

Выбор маршрута нового трубопровода во многом предопределили политические факторы. В свое время серьезным «подспорьем» для выбора именно такого маршрута послужила нестабильность в Чечне, осложнявшая транзит нефти в Новороссийск, а также действия Турции, затруднявшей проход российских танкеров через свои проливы.

Привлекательность проекта усилило наличие современной технологической оснащенности терминалов порта Джейхан и возможность его безостановочной работы в течение всего года. Джейхан, в порту которого уже имеется морской терминал для разгрузки иракской нефти, может обслуживать супертанкеры водоизмещением 300 тыс. т[8].

Отрицательными моментами являются: нереалистические стоимостные показатели, явно заниженные турецкой стороной, нестабильная ситуация в ряде мест прохождения трубопровода, в частности, в отдельных районах Грузии и курдских районах Турции. В случае увеличения экспорта иракской нефти значительная часть ее пойдет через Джейхан и потеснит каспийскую нефть на рынке[9]. Серьезные опасения экологов вызывает вариант прокладки трубопровода по дну Каспийского моря. Кроме того, вызывает вопросы реальность обеспечения ресурсной загрузки этого нефтепровода только за счет нефти с южной части Каспия, что потребует подключения к нему и нефти с месторождений в его северной части. Более того, в Азербайджане вряд ли смогут полностью гарантировать безопасность данного маршрута, так как обстановка в Нагорном Карабахе далека от стабильности. Кроме всего прочего, турецкий порт Джейхан находится в сейсмоопасной зоне, что повышает долю риска[10].

Несмотря на все это, 25 мая 2005 г. в Азербайджане состоялась торжественная церемония ввода в эксплуатацию нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Это событие должно поставить точку в десятилетней политической борьбе, ведущейся вокруг нефтепровода.

Торжественная церемония заполнения трубопровода нефтью прошла на территории Сангачальского терминала, в 40 км южнее Баку, откуда берет начало нефтепровод. В ней приняли участие президенты Азербайджана, Грузии – Михаил Саакашвили, Турции и Казахстана, а также представители бо-

лее 30 государств, чьи компании задействованы в азербайджанских энергетических проектах.

«Это Шелковый путь 21-го века», – заявил президент Турции Ахмет Недждет Сезер на церемонии открытия[11]. В Турции завершение строительства нефтепровода было встречено с большим энтузиазмом. Его называли проектом столетья, который превратит Турцию в стратегически важный перекресток мировых энергетических потоков. На страницах турецкой прессы появились высказывания о том, что строительство этого нефтепровода является поворотным моментом в истории мировой энергетики. «Реализация проекта Баку-Тбилиси-Джейхан обеспечит Турции стратегическую, политическую и экономическую выгоду, которая со временем еще более возрастет», – так прокомментировал ввод в эксплуатацию нефтепровода видный политический обозреватель Сами Кохен[12].

Другие заинтересованные страны также с большим удовлетворением приветствовали завершение проекта и положительно оценили его перспективы. 27 мая в турецкой газете «Миллийет» были опубликованы выдержки из заявления Госдепартамента США, сделанного по поводу официального открытия нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. В частности, там говорилось, что нефтепровод увеличит международное значение Турции в качестве транзитного пути прохождения энергетических потоков, а его строительство можно считать большим достижением в деле реализации стратегии США, направленной на диверсификацию источников энергоресурсов.

Ильхам Алиев назвал ввод в эксплуатацию нефтепровода историческим событием. Он подчеркнул, что магистраль полностью изменит политическую и экономическую панораму региона[13].

Президент Азербайджана подчеркнул, что нефтепровод сыграет важную роль в укреплении регионального сотрудничества и безопасности[14].

В свою очередь Михаил Саакашвили заявил о том, что нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан поможет повысить энергетическую независимость Грузии. «Грузия издавна играла связующую роль между Востоком и Западом, и сейчас наша страна превратилась в место, куда крупнейшие компании мира вкладывают большие инвестиции с целью обеспечения энергетической независимости страны», – сказал он[15].

В церемонии открытия принял участие министр энергетики США Сэмюэль Бодман, который с самого начала осуществления замысла выступал за данный проект по геополитическим соображениям, в том числе, стремясь снизить зависимость бывших советских республик от Москвы.

Извилистый маршрут трубопровода, проходящий по горным участкам Кавказа, идет в обход территории России, которая контролирует трубопроводные маршруты каспийской и среднеазиатской нефти на запад.

Россия не раз заявляла, что экономически маршрут Баку-Тбилиси-Джейхан не выгоден, и предлагала свои транспортные ресурсы для доставки каспийской нефти на мировой рынок. Однако Азербайджан подчеркивает, что с точки зрения транзитных расходов магистраль БТД гораздо дешевле нефтепровода Баку-Новороссийск.

Что примечательно, Россия в реализации проекта участия не принимала. Одна из крупнейших нефтяных компаний страны «Лукойл» поначалу инвестировала сюда средства, однако два года назад продала свою долю японской компании Itochu[16].

Открытие трубопровода состоялось более чем через 10 лет после объявления о начале его строительства. Если бы эта ветка не была проложена, каспийскую нефть пришлось бы перевозить в танкерах через загруженный Босфорский пролив, то есть через самый центр Стамбула.

Турция настаивает на том, чтобы вообще прекратить движение танкеров через пролив, по которому все еще перевозится большое количество российской нефти.

Оценивая значение джейханского проекта, необходимо отметить его чрезмерную политизацию и то, что его экономические параметры «отодвигаются» на второй план. Официальные представители США, Турции, Азербайджана и Грузии с самого начала переговоров подчеркивали геополитическое значение нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который должен укрепить независимость прикаспийских стран и уменьшить роль России в Каспийском регионе и в Закавказье. Политические аспекты преобладали и в подписанной президентами Азербайджана, Грузии, Казахстана, Турции и Узбекистана, а также министром энергетики США в октябре 1998 г. Анкарской декларации, направленной на развитие сотрудничества этих стран в сфере добычи и транспортировки каспийских углеводородов, а маршрут Баку-Джейхан назван стратегическим. В конце 1999 г. в рамках сам-

мита ОБСЕ в Стамбуле руководители Азербайджана, Грузии, Казахстана, Туркменистана и Турции в присутствии президента США Б.Клинтона подписали пакет политических документов в поддержку проекта Баку-Джейхан и транскаспийского газопровода. Проект БТД является иллюстрацией расхожего утверждения о том, что в современных международных отношениях экономику определяет политика и даже геополитика.

В настоящий момент уже не вызывает сомнений тот факт, что Турция претворяет в жизнь сложную комплексную и перспективную внешнеполитическую концепцию по вопросам энергетики, тесно переплетающуюся с геополитическими интересами страны, ее стремлением стать связующим звеном между источниками и потребителями энергоресурсов, увеличив таким образом свое значение в регионе и на международной арене в целом. Не обладающая сколько-нибудь значительными энергетическими ресурсами Турция, тем не менее благодаря своему уникальному географическому положению и гибкой внешней политике сумела эффективно сыграть на пересечении интересов различных стран-экспортеров и импортеров углеводородного сырья с целью полностью удовлетворить свою потребность в энергоресурсах и гарантировать дальнейшие перспективы интенсивного экономического развития, значительные транзитные поступления в казну. Проводя такую политику, Турецкая Республика отчасти способствует сохранению баланса сил на энергетическом рынке региона, в то же время обостряя конкуренцию и стимулируя развитие отрасли в целом. На данном этапе экономическая целесообразность нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан продолжает оставаться спорной, однако можно с уверенностью утверждать, что все заинтересованные стороны приложат максимальные усилия для его успешного функционирования, что дает все основания оценить этот проект как удачный геополитический шаг Турецкой Республики.

[1] Dr. Osman Nuri Aras. Azerbaycan'in Hszar Economisi ve Stratejisi. – Istanbul, 2001, с. 57.

[2] Арбатов А. Каспийский Клондайк // Мировая энергетика, 2004, № 11, с. 101.

[3] Гушер А. Стратегия США в Каспийском регионе // Азия и Африка сегодня, 2003, № 5, с. 19.

[4] О долговременной стратегии США в Каспийском регионе и практических шагах по ее реализации // Журнал теории и практики Евразийства. http://www.e-journal.ru/besop-st8-22.html

[5] Гушер А. Стратегия США в Каспийском регионе // Азия и Африка сегодня, 2003, № 5, с. 17.

[6] Дженк Пала. Транспортировка Каспийской нефти и природного газа на международные рынки и значение проекта нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан //, Турция вXX веке. – М. 2004, с. 303.

[7] Накашидзе Д. Нефть Каспия и международные отношения // Власть, 2002, № 6, с. 60.

[8] Петракова И. Россия решила использовать последний шанс, чтобы убедить Азербайджан отказаться от идеи перекачивать свою нефть по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан. 06.10.2002. Источник eurasia.org.ru.

[9] Война против Баку-Джейхан продолжается. 01.11.2002. http://www.presscenter.ru

[10] Orta Asya-Hazar-Ceyhan boru hatti ve milli gűce etkileri // Harp Akademileri Basimevi Yeni Levent-Istanbul, Nisan 1999, с. 105.

[11] Milliyet, 28.05.2005.

[12] Milliyet, 24.05.2005.

[13] The Financial Times, Vincent Boland, 26 may 2005.

[14] Milliyet, 24.05.2005.

[15] The Financial Times, Vincent Boland, 26 may 2005.

[16] Мятлева И. Каспий поделен наполовину // Мировая энергетическая политика, август 2003, № 8 (18), с. 27.

И.А.Свистунова

О РОЛИ НЕФТЯНОГО ФАКТОРА В ИРАКСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Роль нефтяного фактора в современных международных отношениях чрезвычайно велика. Нефть в качестве главного энергетического ресурса стала объектом и источником международных конфликтов и превратилась в дополнительную геополитическую составляющую не только мировой экономики, но и политики. Наличие или отсутствие у государства собственных запасов «черного золота» в той или иной форме отражается на его внешней политике. Нефтяной фактор – эффективный инструмент глобального влияния стран-экспортеров, в то время как страны, экономика которых, подобно экономике Турции, зависит от импорта нефти, неизбежно оказываются вынуждены корректировать свою внешнюю политику с учетом необходимости обеспечить энергетическую безопасность государства. По данным Управления внешней торговли Турецкой Республики, 90% используемой в стране нефти импортируется, то есть за счет собственной добычи Турция в состоянии удовлетворить лишь одну десятую потребности экономики в жидком топливе, что не может не находить выражения в ее внешнеполитических приоритетах. Существует ряд причин политического и экономического характера, обусловливающих особый интерес Турецкой Республики к событиям в соседнем Ираке и вокруг него, и одна из этих причин – мосульская нефть. Причем вопрос о Мосуле, актуализировавшийся в последние 15 лет в связи с известными военно-политическими событиями, имеет историческую подоплеку, усиливающую его значимость для Турецкой Республики. А на данном этапе роль нефтяного фактора в иракском направлении внешней политики Турции претерпела существенные изменения, заключающиеся в смещении центра тяжести с экономических аспектов проблемы на политические.

Нефть Мосула, входившего в состав Османской империи, обнаружили в 1901 г. немецкие геологи, занимавшиеся поис-

ками жидкого топлива с разрешения османского правительства. Вскоре к конкуренции за участие в добыче нефти подключились Англия и Голландия. Воспользовавшись слабостью османского правительства, европейские страны смогли добиться от него концессии на разработку мосульской нефти. В октябре 1912 г. была создана Турецкая нефтяная компания, акционерами которой стали Англия (50%), Германия (25%) и Голландия (25%). При этом 5% акций из английской доли досталось высокопоставленному османскому чиновнику по фамилии Гульбекян, оказавшему содействие Англии в переговорах с султанским правительством[1].

В последующие годы Англия продолжала настойчивые попытки полностью взять под свой контроль добычу мосульской нефти. В ноябре 1918 г. вслед за подписанием Мудросского перемирия, лишившего Османскую империю ее арабских владений, английские войска оккупировали Ирак и Мосул, невзирая на протесты Франции и Турции. Франция выражала недовольство нарушением тайного англо-французского соглашения Сайкс-Пико (1916 г.), согласно которому Мосульский вилайет входил в сферу влияния Франции. В итоге Франция согласилась уступить Англии Мосул в обмен на германскую долю акций Турецкой нефтяной компании. А с протестом разгромленной Османской империи, утверждавшей, что Мосульский вилайет никогда не считался частью Ирака и не является арабской территорией, подлежащей оккупации союзниками, англичане могли вовсе не считаться. Севрский мирный договор (1920 г.) подтвердил включение Мосула в состав Ирака и переход его под контроль Великобритании. Новое турецкое правительство, сформированное в 1920 г. под руководством лидера национально-освободительного движения Мустафы Кемаля, не признало Севрский договор и в результате успешных боевых действий против иностранных оккупантов сумело добиться его пересмотра на Лозанской мирной конференции в 1923 г. Однако Турции так и не удалось решить вопрос о нефтеносном Мосуле, хотя по «Национальному обету», принятому 28 февраля 1920 г., Эрбиль, Киркук, Мосул и Сулеймание считались турецкой территорией. Нефть Мосула послужила причиной, по которой эта территория была отторгнута от Турции после Первой мировой войны, и Турция долго пыталась этому сопротивляться. В 1926 г. правительству Турции все же пришлось подписать с Англией договор,

определявший турецко-иракскую границу и подтверждавший вхождение Мосула в состав Ирака. В виде компенсации Турция должна была получать 10% доходов иракского правительства от мосульской нефти[2]. Лишившись Мосульского вилайета, Турция оказалась вынуждена импортировать нефть из Ирана и арабских стран.

После Второй мировой войны Турция встала на путь ускоренного развития национального хозяйства и создания энергоемкого производства. Форсированное развитие отраслей, использовавших нефть и нефтепродукты в качестве сырья или топлива (металлургии, химической и фармацевтической промышленности, электроэнергетики, транспорта), привело к резкому увеличению спроса на энергоносители. Дешевизна импортной нефти и предполагаемое наличие больших запасов собственных энергоресурсов способствовали развитию энергоемких отраслей. В 50-е годы Турция начала добычу собственной нефти в Восточной Анатолии, но найденные там месторождения оказались довольно скромными и не могли покрыть растущие потребности экономики. Так, к началу разразившегося в 1973 г. мирового нефтяного кризиса Турция могла добыть 3,5 млн. т. нефти в год (при разведанных запасах нефти в 104 млн. т.), а потребление составило 11,5 млн. т[3].

Нефтяной кризис 1973 г. стал тяжелым ударом для экономики Турции, мировые цены на нефть, составлявшие еще год назад 2,5–3 долл. за баррель, в 1974 г. поднялись до 11–12 долл. Вынужденная искать возможности обеспечения бесперебойных поставок нефти, Турция начала переговоры с соседним Ираком о строительстве нефтепровода для транспортировки мосульской нефти (от месторождений в районе города Киркук до нефтяного терминала Джейхан в Турции и морского порта Юмурталык). Нефтепровод Киркук-Юмурталык, пропускной способностью в 35 млн. т. в год, начал функционировать в 1977 г. Протяженность нефтепровода составила 986 км (641 км по турецкой территории и 345 км по иракской). В 80-е годы после строительства нефтепровода Киркук-Юмурталык в экономике Турции произошел постепенный сдвиг от ориентации на импорт нефтепродуктов к преимущественному импорту сырой нефти с последующей переработкой ее внутри страны на построенных для этого нефтеперерабатывающих заводах, в большинстве принадлежащих государственной компании Тюпраш. В 1986 г. к основному нефте-

проводу было пристроено ответвление Джейхан-Кырыккале для обеспечения сырьем одного из нефтеперерабатывающих заводов, находящегося там. Пропускная способность этого нефтепровода 5 млн. т. в год соответствовала мощности завода, а его протяженность составила 448 км. В 1987 г. была построена вторая нитка нефтепровода из Ирака, практически параллельная первой. Ее протяженность составила 890 км, из которых 656 км проходит по территории Турции, а 234 км по территории Ирака. Таким образом, пропускная способность нефтепровода увеличилась вдвое.

Во время кризиса в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Турция оказала полную поддержку действиям США, присоединившись к санкциям ООН, отказалась от закупок иракской нефти и перекрыла нефтепровод Киркук-Юмурталык. С точки зрения турецкой экономики, это был беспрецедентный шаг, решение о котором правительство Озала приняло после долгих колебаний, руководствуясь политическими соображениями.

После окончания холодной войны изменилась глобальная обстановка, началось формирование новой системы международных отношений, и руководство Турции рассчитывало сохранить стратегическое значение страны в глазах Запада, что позволило бы получить привилегии в торгово-экономических отношениях с США и облегчить вступление Турции в ЕС. Кроме того, Турция стремилась стать активным игроком на ближневосточной арене и принять участие в послевоенном урегулировании. Выигрыш от перечисленных преимуществ должен был покрыть экономический ущерб, который понесет Турция, к тому же турецкое правительство ожидало получить денежную помощь от США и стран Персидского залива.

Однако политические и экономические чаяния Турции не оправдались, а ущерб экономике страны превзошел все ожидания. Представители различных экономических ведомств Турецкой Республики расходились в оценках общей суммы ущерба от санкций и войны, называя цифры от 40 до 100 млрд. долл. Подобные разногласия неудивительны, если принять во внимание тот факт, что Турция серьезно пострадала в результате санкций из-за соседства и тесных экономических связей с Ираком, а в точности подсчитать стоимость всех последствий едва ли возможно. Турция понесла колоссальные потери в различных сферах, но самый серьезный ущерб был связан с отказом от иракской нефти.

В декабре 1996 г. начала действовать гуманитарная программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие», учрежденная с целью облегчить положение иракского населения, страдавшего от последствий санкций. В соответствии с этой программой Ирак получил возможность продавать ограниченное количество нефти, используя основную часть вырученных средств для закупки продовольствия и медикаментов. Единственная гуманитарная программа ООН, источником финансирования которой стали собственные ресурсы страны, действовала около 7 лет, полностью обеспечивая существование почти 60% населения Ирака. При этом средства распределялись следующим образом: 72% поступлений от продажи нефти шло непосредственно на гуманитарные нужды; 25% – на выплату послевоенных репараций; 2,2% – на оплату административной деятельности ООН; 0,8% – на проведение инспекций программы вооружения Ирака[4]. (17 марта 2003 г. накануне начала военной операции США в Ираке Генеральный секретарь ООН вывел персонал организации из Ирака, таким образом, программа была приостановлена. Официально осуществление программы прекратилось 21 ноября 2003 г.)

В 1997 г. Турция в соответствии с программой ООН импортировала из Ирака нефть на сумму 76 млн. долл., что составило лишь 2% общей стоимости импорта нефти. Нефтепровод Киркук-Юмурталык, до войны в Персидском заливе ежедневно доставлявший в Турцию 700 тыс. баррелей нефти, начал работать в ограниченном объеме, несравнимом с довоенными показателями. Так, в 2000 г. по нему поступало 285 тыс. баррелей нефти в день[5]. Тем не менее экспорт в Ирак продуктов питания и промышленных товаров, имеющий большое значение для жителей юго-восточных районов Турции, возобновился.

В 2000 г. Совет Безопасности ООН резолюцией 1284 отменил ограничения на экспорт иракской нефти, что способствовало оживлению двусторонних торгово-экономических отношений и сотрудничества в топливно-энергетической сфере. Начиная с 1994 г. Турецкая нефтяная компания (ТПАО) вела переговоры с правительством Ирака по вопросам поиска и добычи иракской нефти. В конце 2001 г. началась реализация нового проекта, предусматривавшего бурение 20 скважин в районе Киркука, согласно договоренности между Североиракской нефтяной компанией и Турецкой нефтяной международной компанией (созданной ТПАО в 1988 г. для участия в

нефтяных проектах турецкого правительства за рубежом). Проект, получивший одобрение ООН, был завершен в начале 2003 г. Однако военная операция США в Ираке прервала его дальнейшее развитие.

Заслуживает упоминания и проект прокладки газопровода из Ирака в Турцию, рамочное соглашение о котором было подписано 26 декабря 1996 г. в Анкаре министрами природных ресурсов двух стран. Предполагалась ежегодная поставка в Турцию 10 млрд. $м^3$ природного газа с последующей транспортировкой его в Европу. Турецкую сторону в проекте представляли компании «Боташ» (занимающаяся транспортировкой энергоносителей), ТПАО и «Текфен»[6]. Проект так и не был реализован сначала из-за санкций ООН, а затем из–за войны в Ираке.

Накануне и в период последнего иракского кризиса вопрос о мосульской нефти приобрел для Турции ярко выраженный политический характер и сыграл определенную роль в выработке позиции, занятой руководством Турецкой Республики в отношениях с США. Осенью 2002 г. Турция и США вели интенсивные переговоры по проблемам, связанным с запланированной Соединенными Штатами военной операцией в Ираке. Понимая неизбежность войны, руководство Турции постоянно подчеркивало свою крайнюю обеспокоенность возможным развитием событий и пыталось получить гарантии по наиболее значимым вопросам, к числу которых относилась мосульская нефть. Турцию волновали претензии североиракских курдов на контроль над нефтяными месторождениями, для обоснования которого курды стремились завладеть Мосулом и Киркуком.

Представителям США, неоднократно заявлявшим о том, что позиция Турции будет принята во внимание, приходилось давать обещания и по поводу нефти. 7 октября 2002 г. посол США в Анкаре Р.Пирсон заверил МИД Турции в том, что нефтью Киркука будет распоряжаться центральное правительство Ирака, а не курды. А 24 октября президент США Д.Буш в телефонном разговоре с президентом Турции А.Сезером пообещал, что военная операция не приведет к созданию курдского государства, а город Киркук и нефтяные месторождения в его окрестностях не окажутся под контролем курдов[7].

Тем не менее США не предоставляли Турции документальных гарантий своих обещаний и развивали отношения с иракскими курдами, видя в них союзников в предстоящей борь-

бе с режимом С.Хусейна, поэтому вопросы, связанные с северным Ираком, не сходили с повестки дня турецко-американских переговоров и получили широкий общественный резонанс в Турции, став постоянной темой для обсуждения в турецкой прессе.

Когда в апреле 2003 г. курды все-таки попытались захватить Киркук, турецкое правительство потребовало от США немедленного вмешательства, угрожая вводом своих войск, и руководство США было вынуждено принять меры для нормализации обстановки на севере Ирака.

В июне 2003 г. после окончания военной операции в Ираке планировалось возобновление перекачки нефти по нефтепроводу Киркук-Юмурталык, однако в результате ряда диверсий этот план был сорван. Экспорт нефти возобновился лишь в августе, но продолжался всего три дня до нового взрыва на нефтепроводе. Глава временной администрации Ирака П.Бремер прокомментировал происходящее следующими словами: «Парадокс заключается в том, что Ирак – богатая страна, которая никак не может выбраться из нищеты. Взрыв на нефтепроводе будет стоить Ираку 7 млн. долл. в день»[8]. Действительно, экспорт нефти – единственная возможность восстановить экономику Ирака, национальные доходы которого на 95% состоят из экспортных поступлений. Несмотря на сформированное американским командованием специальное подразделение для охраны нефтепровода, непрекращающиеся диверсии регулярно выводят его из строя, после чего требуется продолжительное время для проведения ремонтных работ. Подобная ситуация вызывает беспокойство Турции, одним из приоритетов внешней политики которой является обеспечение бесперебойных поставок нефти. Турция предлагала США использовать турецких солдат для охраны нефтепровода, но получила отказ, так как американцы не желают обострять отношения с курдами, возражающими против присутствия турок на севере Ирака.

Хотя нестабильная обстановка в Ираке отпугивает многие иностранные фирмы, турецкие компании не теряют интереса к развитию сотрудничества с Ираком. Так, еще в апреле 2003 г. ТПАО и «Боташ» заявили о намерении после войны вести переговоры с новым иракским руководством о реализации четырех проектов, договоренность о которых была достигнута ранее. Три проекта предусматривали участие ТПАО в разведке и разработ-

ке новых месторождений, а четвертый – строительство газопровода из Мансурие в Турцию[9]. В июне 2003 г. генеральный директор Тюпраш Х.Даныш обратился к иракскому руководству с предложением оказать помощь в восстановлении объектов нефтеперерабатывающей промышленности Ирака и направить туда специалистов[10]. Вследствие двух войн, между которыми был более чем десятилетний период санкций ООН, нефтяная инфраструктура Ирака пришла в такое плачевное состояние, что американская армия была вынуждена покупать бензин в Турции. В декабре 2004 г. турецкая компания «Аврасья» выиграла тендер (стоимостью в 140 млн. долл.) на добычу нефти в Хурмале в объеме 100 тыс. баррелей в день и техническое обслуживание нефтяных объектов[11].

Стоит отметить, что колебания мировых цен на нефть, связанные с войной в Ираке, болезненно отражаются на экономике Турции в целом. В экономическом прогнозе МВФ на 2005 г. Турция названа среди стран, экономика которых наиболее страдает от роста цен на нефть. Увеличение стоимости барреля нефти на 1 долл. означает для Турции, что ее импорт подорожает на 178 млн. долл.[12]

Для экономики Турции строительство нефтепровода Киркук-Юмурталык способствовало интенсификации турецко-иракских отношений и придало дополнительный импульс экономическому развитию Турецкой Республики, что можно считать большим успехом. Благодаря этому проекту Турция обеспечила себе поставки нефти по льготной цене, а также валютные поступления за ее транзит. Нефтепровод превратил Ирак в крупнейшего поставщика нефти в Турцию, на долю которого приходилось в 80-е годы более 40% ее импорта. При этом в период ирано-иракской войны Турция оплачивала часть стоимости импортируемой нефти за счет поставок в Ирак продовольствия и промышленных товаров.

Для того чтобы представить масштабы ущерба, понесенного Турцией от закрытия иракского нефтепровода в 1990 г., необходимо еще раз отметить высокую степень зависимости экономики Турецкой Республики от импорта сырой нефти (90%). При этом импорт нефти составляет 9% от общего импорта страны, и его стоимость превышает 2% ВНП[13]. Собственные запасы нефти сконцентрированы в Восточной Анатолии, находятся на большой глубине, что осложняет их добычу и увеличивает ее себестоимость. В общем количестве энергоресурсов,

потребляемых в Турции, на долю нефти приходится 39%. По подсчетам турецких экономистов, ежегодные потери Турции от закрытия нефтепровода Киркук-Юмурталык составляли 400 млн. долл. в период с 1991 по 1996 гг., а с 1997 г., когда начала действовать программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие» и нефтепровод заработал вполовину своей мощности, потери составили 200 млн. долл. в год[14]. Нефтепровод из Ирака, пропускная способность которого перед войной в Персидском заливе достигла 70,9 млн. т. в год, обеспечивал бесперебойную поставку нефти по ценам ниже мировых (к тому же Турция оплачивала часть импорта нефти за счет экспорта своих товаров) и доходы за транзит нефти.

Надо отметить, что в 90-е годы потребность Турции в нефти увеличилась на 40%, и страна оказалась на 24 месте в мире по количеству потребляемой нефти[15]. Правительство страны, стремясь диверсифицировать источники энергоресурсов, импортировало нефть из Саудовской Аравии, Ирана, Ливии, Сирии, Алжира, Египта, Российской Федерации, Туниса и Казахстана, но иракская нефть оставалась самой выгодной.

На современном этапе экономическое значение иракской нефти для Турции несколько снизилось, учитывая сложности с организацией нормальной работы нефтепровода Киркук-Юмурталык и постоянно существующий риск новых диверсий, а также строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Хотя не вызывает сомнений, что зависимость Турции от импорта нефти и тот факт, что нефть Киркука отличается низкой себестоимостью и высоким качеством, будут определять стремление турецких нефтегазовых компаний продолжать разработку новых проектов в северном Ираке и государственную поддержку таких начинаний.

Политизация нефтяного фактора связана с болезненной для Турции курдской проблемой, обострившейся в последнее десятилетие, в том числе из-за образования на севере Ирака курдской автономии, стремящейся обрести полную независимость, что могло бы послужить примером для турецких курдов и способствовать всплеску терроризма. В ходе последнего кризиса, разразившегося вокруг Ирака, сотрудничество США с иракскими курдами создало реальную угрозу того, что курды возьмут под контроль Мосул и Киркук. Сама по себе неприемлемая для Турецкой Республики перспектива образования у ее границ независимого курдского государства усугублялась воз-

можностью того, что это государство получит рычаг экономического давления на Турцию, а боевики ПКК (Рабочей партии Курдистана) обретут мощный источник финансирования своей деятельности. Турция не могла допустить подобного даже в условиях сохранения территориальной и политической целостности Ирака, о чем недвусмысленно заявляла своим американским собеседникам. В число основных требований турецкого правительства, выдвигавшихся с ответ на предложение США принять участие в военной операции, входило недопущение захвата курдами Мосула и Киркука и разрешение Турции контролировать ситуацию на севере Ирака. А также гарантии того, что природные ресурсы (то есть нефть) Ирака будут принадлежать всему иракскому народу, а не какой-то отдельной группе. Планы руководства Турецкой Республики по вводу своих войск в северный Ирак для поддержания стабильности и предотвращения нежелательных для Турции событий предусматривали несколько ситуаций, при возникновении которых турецкие солдаты могли принять участие в боевых действиях. Одной из таких ситуаций считалась попытка курдов овладеть Мосулом и Киркуком.

Можно предположить, что политический аспект вопроса об иракской нефти надолго сохранит свою актуальность для Турецкой Республики, поскольку Ирак считается зоной конфликта длительного периода и сохраняется вероятность его раскола и образования государства курдов, которые, в свою очередь, приложат все усилия для включения нефтеносных районов в состав Курдистана. Таким образом, превратившись в важную составляющую внешней политики Турецкой Республики, нефтяной фактор создает дополнительный очаг напряженности в одном из самых нестабильных регионов современного мира. А с учетом активной политики США на Ближнем Востоке, направленной на реализацию своих региональных интересов, нефтяной фактор усиливает внешнеполитическую уязвимость Турецкой Республики, так как нефть Ирака может служить действенным рычагом давления на Турцию со стороны США, а также других стран.

[1] Özkan T. Bush ve Saddam'ın gölgesinde entrikalar savaşı. – İstanbul, 2003, c. 44.

[2] Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. – М., 1948, с. 152.

[3] Старченков Г.И. Нефть и газ в экономике и политике Турции (XIX – начало XXI вв.). – М., 2003, с. 60, 189.
[4] www.un.org
[5] www.nethaber.com.tr
[6] www.botas.gov.tr
[7] Yetkin M. Tezkere. – İstanbul, 2004, c. 86.
[8] http://news.bbc.co.uk, 17.08.2003.
[9] Milliyet, 12.04.2003.
[10] Milliyet, 02.06.2003.
[11] Milliyet, 30.12.2004.
[12] Milliyet, 24.08.2004.
[13] Yıldırım S. Dünya ve Türkiye'de petrol. – Ankara, 2003, c. 65.
[14] Özkan T., c. 618.
[15] Yıldırım S., c. 65.

М.В.Алёхин

НОРМА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (НА РУБЕЖЕ XX – XXI вв.)

Валовые внутренние вложения в основной капитал (ВВВОК) – одна из основных составляющих ВВП и важнейшая характеристика экономического роста. В ряде экономических работ постулируется, что существует весьма устойчивая связь между нормой накопления и темпами роста ВВП и чем больше доля капиталовложений в ВВП, тем более быстрыми темпами развивается экономика. Вместе с тем представляется, что на разных этапах экономического развития той или иной страны эта связь может иметь неодинаковую степень прочности, и мы постараемся показать это на примере Ирана.

Инвестиционный процесс принято характеризовать не только в количественном, но и качественном отношении, то есть с точки зрения эффективности осуществляемых капиталовложений. Как мы увидим, показатели эффективности будут тоже сильно варьироваться в зависимости от выбранного периода. Стоит заметить, что оценка эффективности капиталовложений необходима не только инвесторам, но и руководству страны для выявления причин, препятствующих росту инвестиций, и принятия необходимых мер в целях создания благоприятного инвестиционного климата.

Норма капиталовложений как фактор экономического роста

В центре нашего внимания оказался Иран – страна, в 1979 г. кардинальным образом изменившая путь своего политического и социально-экономического развития. Различные направления экономической политики до и после Исламской Революции условно разбивают вторую половину XX века на два периода. С учетом такой периодизации нами были выбраны два отрезка времени – период шахских реформ с 1963 г. по 1973 г. и время осуществления планов экономического развития 90-х годов.

1963 г. – начало т.н. «белой революции», когда в результате реформирования экономической системы страны шахскому правительству удалось создать достаточно диверсифицированную структуру национальной экономики и обеспечить относительно стабильный экономический рост. На протяжении целого десятилетия реформ наблюдалось постепенное увеличение нормы капиталовложений при среднем значении 26,2% (в национальных ценах 1991 г.)[1]. В 1974–1975 гг. в результате беспрецедентного роста цен на нефть ситуация коренным образом изменилась. Увеличился объем государственных расходов на развитие, расширилось кредитование частного сектора, резко возросла доля валовых внутренних инвестиций в ВВП страны – с 29% в 1973 г. до 43% в 1976 г. (в национальных ценах 1991 г.). Конец 70-х годов не включен в наш анализ для обеспечения большей однородности ряда, потому что среднее значение нормы капиталовложений, рассчитанное за весь период с 1963 г. по 1979 г., не отражало бы значительные колебания этого показателя в разные годы.

90-е годы – период восстановления Ирана после восьмилетней войны с Ираком, когда правительство направляло все силы и средства на борьбу с инфляцией, стабилизацию экономического роста, восполнение утраченного потенциала. Правительству не удалось обеспечить устойчивый рост экономики в эти годы, поэтому средневзвешенные темпы экономического роста за весь период оказались достаточно низкими. Доля инвестиций в ВВП также испытывала значительные колебания, составляя в среднем 33,7% (в национальных ценах 1991 г.).

Регрессионный анализ на основе имеющихся данных за период 90-х годов не выявил сколько-нибудь ощутимой связи между нормой капиталовложений и темпами экономического роста. Более того, значение коэффициента корреляции близко к 0, что объясняется резкими колебаниями темпов роста ВВП, в отдельные годы имеющих отрицательное значение. Зато в период шахских реформ с 1963 г. по 1974 г. наблюдается более сильная закономерность: коэффициент корреляции равен 0,7, что говорит о достаточно устойчивой связи между нормой капиталовложений и темпами роста ВВП.

Для более точной оценки связи между нормой капиталовложений и экономическим ростом мы попытались из всего объема ВВВОК выделить инвестиции в машины и оборудование, чтобы таким образом не учитывать капиталовложения в строительство, отдача от которых, как правило, требует больше вре-

мени. Впрочем, такая корректировка практически не повлияла на результаты регрессии. Как и в первом случае, в период с 1963 по 1973 г. выявлена достаточно прочная связь между капиталовложениями в машины и оборудование и ростом ВВП 0,7, а в 90-е годы значение коэффициента стремится к 0, что, как уже было сказано, объясняется сильным разбросом значений темпов экономического роста в эти годы.

Для уточнения цены экономического роста в Иране были получены коэффициенты предельной капиталоемкости, рассчитанные как соотношение нормы валовых внутренних капиталовложений и среднегодового темпа прироста ВВП за соответствующие периоды. Коэффициент предельной капиталоемкости показывает, сколько страна тратит своего ВВП для увеличения темпов экономического роста на 1 п.п. Обратное значение этого коэффициента и является показателем эффективности капиталовложений.

При расчете эффективности капиталовложений в Иране значения нормы капиталовложений и темпов роста ВВП были пересчитаны в ценах 1991 г., что позволило привести в соответствие данные за период шахских реформ с 1963 по 1973 г. и период 90-х годов для последующего их сопоставления.

Таблица 1

Динамика нормы капиталовложений, темпов экономического роста и коэффициента предельной капиталоемкости в 1963–1973 и 1991–2001 гг. (в национальных ценах 1991 г.)

1963–1973 гг.			**1991–2001 гг.**		
n	***y***	***k***	***n***	***y***	***k***
26,2	11,3	2,3	33,7	4,0	8,2

Примечание: n, y, k – норма капиталовложений, темпы экономического роста и коэффициент предельной капиталоемкости соответственно.
Рассчитано по: حسابهاي ملي ايران ١٣٧٠ - ١٣٨٠ مركز آمار ايران ١٣٨٢
مجموعة آماري سري زماني آمارهاي اقتصادي، اجتماعي تا سال١٣٧٥، سازمان برنامه و بودجه

Хотя в 90-е годы норма капиталовложения выросла почти в 1,5 раза, произошло значительное падение темпов экономического роста. В результате коэффициент предельной капиталоемкости увеличился в 3,5 раза (!). Получается, что в пе-

риод шахских реформ обеспечивалась бóльшая эффективность капиталовложений. В общем, это вполне объяснимо. Во-первых, экономика Ирана в шахский период была в большей степени диверсифицирована, обеспечивалось сбалансированное развитие всех отраслей народного хозяйства, а во-вторых, одним из важнейших источников финансирования был иностранный капитал. Приток его в Иран в 60-е годы сопровождался передачей технологий, знаний, западной культуры управления, что также сказалось на росте эффективности капиталовложений и качестве экономического роста. В 90-е годы Иран находился в условиях относительной замкнутости и был вынужден ориентироваться прежде всего на внутренние источники, главным из которых была нефть (более половины доходов бюджета иранского правительства в 90-е годы обеспечивалось за счет экспорта нефти). При этом приток иностранного капитала в Иран до принятия нового Закона о защите и привлечении иностранных инвестиций в 2002 г. оставался незначительным. Таким образом, падение эффективности капиталовложений в 90-е годы, на наш взгляд, было связано, во-первых, с сохранением зависимости страны от нефти, а во-вторых, с ограниченным притоком иностранных инвестиций и технологий.

Для проверки сделанных выводов нами был произведен пересчет нормы накопления и темпов роста ВВП в паритетах покупательной способности валют (ППС) за соответствующие периоды.

Таблица 2

Динамика нормы капиталовложений, темпов экономического роста и коэффициента предельной капиталоемкости в 1963–1973 и 1990–2000 гг. (по ППС в ценах 1991 г.)

1963–1973 гг.			**1990–2000 гг.**		
n	***y***	***k***	***n***	***y***	***k***
13,5	9,7	1,4	16,2	6,2	2,6

Примечание: n, y, k – норма капиталовложений, темпы экономического роста и коэффициент предельной капиталоемкости соответственно.

Рассчитано по: Alan Heston, Robert Summers and Bettina Aten, Penn World Table Version 6.1, Center for International Comparisons at the University of Pennsylvania (CICUP), October 2002.

Поразительная ситуация повторилась и при расчетах в ППС: несмотря на рост нормы капиталовложений в 90-е годы, происходит снижение, хотя и менее значительное, темпов экономического роста. В результате, как и при расчетах в национальных ценах, происходит увеличение коэффициента предельной капиталоемкости в 90-е годы, что еще раз подтверждает падение эффективности капиталовложений по сравнению с периодом шахских реформ.

Сегодня правительство страны, осознавая отставание Ирана от стран Запада, предпринимает активные меры, направленные на привлечение иностранного капитала. С принятием в 2002 г. нового Закона о защите и привлечении иностранных инвестиций приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Иран возрос в 5 раз: с 400 млн. долл. в 2000 г. до 2 млрд. долл. в 2002 г.[2] Новый закон защищает инвестора в случае национализации собственности, обязывая правительство компенсировать связанные с национализацией убытки, исходя из рыночной стоимости активов предприятия; предоставляет возможности репатриации капитала не только путем получения валютных доходов от экспорта продукции иностранного предприятия, но и путем приобретения валюты через банковскую систему страны; при возникновении споров дело иностранной компании может быть направлено на рассмотрение в арбитражный суд. Последнее, впрочем, действует только в отношении стран, имеющих с Ираном двустороннее инвестиционное соглашение. Статус капитала определяется не национальной принадлежностью инвестора, а страной происхождения капитала, что создает реальную возможность для иранцев, живущих за границей, вкладывать средства в экономику Ирана.

Вместе с тем существует целый ряд факторов, снижающих эффективность инвестиционных проектов и препятствующих увеличению притока ПИИ. Во-первых, остается долгим процесс регистрации и рассмотрения заявлений потенциальных инвесторов. Если в развитых странах такого рода заявка рассматривается в течение 3–7 дней, то в Иране соответствующим органам отведено на это 45 дней. Во-вторых, по закону доля иностранного капитала в отрасли не должна превышать 25%. При этом, что интересно, расчет должен проводиться в день выдачи лицензии, а это практически невозможно в силу отсутствия текущих данных об объеме производства в конкретной отрасли и в целом по экономике. Договоры buy-back, в соответствии с которыми реализуются практически все международные проек-

ты в нефтегазовой отрасли, не отвечают интересам инвесторов. Остается сложной и процедура получения контракта. Как правило, помимо участия в тендере каждая из компаний должна пройти собеседование, только по результатам которого единоличным решением министра нефти Ирана и определяется победитель. Очень часто вызывают сомнения официальные оценки производственных мощностей того или иного месторождения. Так было в случае с месторождением Йадаваран. Официальные лица оценили производственные мощности этого месторождения в 300 тыс. баррелей в день, в то время как по подсчетам самих инженеров-нефтяников, они были в 2 раза меньше[3]. В отношении Ирана продолжают действовать санкции, согласно которым единовременные капиталовложения иностранных компаний в нефтегазовый сектор страны не должны превышать 20 млн. долл.[4]

Наконец, стоит учитывать и влияние естественных факторов: международная конкуренция вносит свой вклад в снижение нормы прибыли в отрасли. По некоторым сведениям, китайские нефтяные компании, принимая участие в тендерах в Иране, предлагают такие условия и суммы контрактов, что европейцы вынуждены соглашаться на низкую эффективность проектов, чтобы по крайней мере обозначить свое присутствие в стране и регионе.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что дальнейший рост эффективности как отдельных инвестиционных проектов, так и капиталовложений в масштабах всей экономики будет во многом зависеть от преодоления перечисленных ограничений.

[1] حساب‌هاي ملي ايران ۱۳۷۰ - ۱۳۸۰ زكرم آمار ايران ۱۳۸۲،
نامزاس ،۱۳۷۵ل اس ات ي اجتماعي ،ي اقتصادهاي آمار ي سري زماني آمار ي مجموعة
ه جدوب و مه‌ان رب

Выбор 1991 г. в качестве базового может показаться не вполне корректным (особенно для 60-х годов), однако в данном случае это объясняется необходимостью сопоставления двух периодов – 1963–1973 гг. и 1990–2000 гг.

[2] World Development Indicators, World Bank, 2004.

[3] ايران، نفتي ايران ۵ ام عن زرب بذج گ رسرمايه‌گذاري خارجي در پروژه‌هاي
۱۸/۰۲/۱۳۸۴ س راف ي رازگ رب خ

[4] Имеется в виду Акт об Иране и Ливии от 1996 г.

С.Н.Кузнецов

ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: «ВСЕПОГОДНАЯ ДРУЖБА»

Китай исторически является одним из основных партнеров Пакистана наряду с США. В эпоху холодной войны на глобальном уровне сложилось партнерство США и Пакистана, обусловленное вовлечением государств в биполярную структуру международных отношений с присущим ей межблоковым противостоянием. Необходимость решения неотложных экономических задач и модернизации вооруженных сил ввиду перманентной напряженности в отношениях с Индией, время от времени перерастающей в вооруженное противостояние, предопределила вступление Пакистана в региональные военно-политические союзы (СЕАТО, СЕНТО), создаваемые при активном участии США. Однако отношения Пакистана с Соединенными Штатами не имели в своей основе прочного фундамента, их интенсивность определялась лишь ситуативными интересами США на азиатском направлении. Как пишет пакистанский исследователь М.Разиулла Азми, «Южная Азия фигурировала в политике США лишь в контексте их отношений с другой сверхдержавой – Советским Союзом»[1].

С окончанием холодной войны значимость Пакистана для США была на некоторое время утрачена, и с 1990 г. Соединенные Штаты прекратили оказывать помощь Пакистану в военно-стратегической и экономической сферах. Новый фундамент отношения двух государств обрели лишь после 11 сентября 2001 г., когда поддержка Исламабадом американской «акции возмездия» в Афганистане стала иметь ключевой характер для Вашингтона. Несмотря на высокую значимость для Исламабада американской помощи (как финансовой и военной, так и дипломатической), в Пакистане весьма распространено мнение, что американо-пакистанское партнерство не имеет долгосрочного характера, и, нормализовав обстановку в Афганистане, США опять оставят Пакистан «один на один» со своими про-

блемами. В какой-то степени партнерству с США противопоставляются отношения Пакистана с Китаем. Одно из показательных определений, характеризующих отношения этих двух государств, – «дружба, проверенная временем».

Пакистан был одним из первых, признавших Китайскую Народную Республику вскоре после ее образования 1 октября 1949 г. Однако в первое десятилетие после создания КНР существенных предпосылок для установления партнерских отношений между Пакистаном и Китаем не было. В Карачи (столица Пакистана до 1960 г.) не воспринимали Китай в качестве региональной державы, а на глобальном уровне Пакистан и КНР принадлежали к противоположным лагерям, вовлеченным в антагонистическое противостояние. Пакистан входил в военно-политические блоки, направленные на сдерживание «коммунистической угрозы». Китай был социалистическим государством, поддерживавшим тесные отношения с Советским Союзом. Однако с конца 50-х – начала 60-х годов общность интересов двух государств проявилась именно на региональном уровне. Обе страны имели территориальные претензии к общему соседу, Индии. В отношениях Пакистана и Индии «яблоком раздора» являлась территория бывшего княжества Джамму и Кашмир, что неоднократно приводило к вооруженным столкновениям регулярных частей двух государств. Китай же предъявлял требования к Индии отказаться от претензий на высокогорную область Аксай Чин, а также на ряд других территорий и горных перевалов, находящихся под его контролем. Одновременно он выдвигал контрпретензии на часть индийской территории, прилегающей к границе с КНР (от Бирмы до Бутана). Территориально-пограничные споры и разногласия привели к китайско-индийским вооруженным столкновениям с лета 1959 г. и полномасштабному конфликту осенью 1962 года.

Все это обусловило формирование стратегического альянса между Пакистаном и Китаем, фактически направленного против Индии. Формальным его закреплением стало подписание между двумя государствами 2 марта 1963 г. соглашения о разграничении зон контроля в районе фактически существующей между ними границы в районе Каракорума. Китай передавал под пакистанский контроль пограничную полосу площадью около 2 тыс. кв. км, а Пакистан в свою очередь признавал контроль КНР над областью Аксай Чин, являвшейся частью княжества Джамму и Кашмир. Хотя стороны и признали времен-

ный характер этого соглашения в связи с неопределенностью международного статуса этих территорий, фактически оно продемонстрировало поддержку Пекином позиции Равалпинди (временная столица Пакистана в 1960–1969 гг.) в кашмирском вопросе и Пакистаном Китая в его погранично-территориальном споре с Индией[2].

Следует отметить, что сближению Пакистана и Китая также способствовало нарастание с конца 50-х годов разногласий между Москвой и Пекином, которые фактически перестали быть стратегическими союзниками.

С 60-х годов активно развивается сотрудничество двух государств в политической, экономической и военной сферах. Китай регулярно предоставлял Пакистану финансовую помощь и кредиты на сотни миллионов долларов. В 1963–1971 гг. было построено Каракорумское шоссе, соединившее «северные территории» Пакистана с Китаем. Хотя это шоссе и обладает достаточно невысокой пропускной способностью, тем не менее оно имеет стратегическое значение, обеспечивая сухопутную связь между государствами-партнерами. Наряду с США Китай является крупнейшим партнером Пакистана в военно-стратегической сфере. Особое значение для Исламабада имеет стабильность сотрудничества с Пекином в этой области, что особенно ярко проявилось в 1990–2001 гг., когда после отказа США от поставок в Пакистан военной техники КНР осталась единственной державой, содействовавшей модернизации вооруженных сил Пакистана. Только в 1966–1980-х годах Китай оказал Пакистану военную помощь на сумму свыше 2 млрд. долл. США[3].

На современные пакистано-китайские отношения оказывают влияние четыре основных фактора: геополитический, военно-стратегический, экономический, а также борьба с терроризмом и сепаратизмом. Каждый фактор, взятый в отдельности, имеет большое значение для двусторонних отношений, однако именно их сочетание определяет «всепогодную дружбу» и «партнерство, проверенное временем», между двумя государствами.

Геополитический фактор. Географическое положение Пакистана, примыкающего к богатым энергоресурсами регионам Персидского залива и Каспийского бассейна, его соседство с нестабильным Афганистаном, развивающейся быстрыми темпами Индией, претендующей на доминирование в Южной Азии, определяет его исключительное значение для Китая.

КНР, выступая в качестве крупнейшего макрорегионального центра силы и одного из ведущих глобальных игроков, весьма обеспокоена увеличивающимся военным присутствием США в непосредственной близости от ее границ. Помимо стран Персидского залива, американские военные базы теперь дислоцированы и в Центральной Азии, в Афганистане и Ираке также находятся значительные военные контингенты США. Кроме того, в Китае обеспокоены сближением в последнее время Соединенных Штатов с Индией, которая в Вашингтоне воспринимается как противовес усиливающемуся Китаю в Азии. Такую политику Вашингтона можно сравнить со сближением США с Китаем в конце 70-х – начале 80-х годов для создания противовеса Советскому Союзу. Теперь перед Вашингтоном возникла новая задача – сдерживание Китая. В этой связи КНР для сдерживания Индии приходится делать ставку на Пакистан.

Еще одним геополитическим преимуществом Пакистана является его экономико-географическое положение, предоставляющее потенциальные возможности для транзита энергоресурсов из стран Персидского залива и Центральной Азии через его территорию. Для Китая это имеет особое значение в связи с растущими потребностями его быстроразвивающейся экономики в энергоносителях. По некоторым прогнозам, к 2020 г. ежедневное потребление нефти Китаем составит около 9,5 млн. баррелей в день (почти 500 млн. т в год). Причем в 2002 г. примерно 50% потребляемой КНР нефти приходилось на импорт из стран Персидского залива. Ожидается, что к 2010 г. эта доля вырастет до 70%[4].

Таким образом, перед Китаем на этом направлении встает две основные задачи: обеспечение стабильности и безопасности поставок энергоресурсов и диверсификация источников импорта. С этой целью КНР может теоретически использовать несколько транзитных путей:

1) через китайские порты в Южно-Китайском море;
2) через Непал и Индию с выходом в Бенгальский залив;
3) через Мьянму в Бенгальский залив и Индийский океан;
4) через Пакистан в Аравийское море и Персидский залив.

Наибольшая часть грузопотока в Китай и из него идет прежде всего через Южно-Китайское море. Однако использование этого маршрута не всегда целесообразно. Расстояние от западных провинций до юго-восточного побережья КНР достигает 4500 км, что значительно увеличивает транспортные рас-

ходы. Маршрут через Непал и Индию обладает низкой пропускной способностью вследствие сильно пересеченной местности. Кроме того, общей проблемой для названных маршрутов и пути через Мьянму является высокая активность морских пиратов. По некоторым данным, только в 1997 г. число нападений на торговые суда составило 247 случаев[5]. В этой связи для Китая возрастает значимость транспакистанского маршрута. Этим прежде всего и объясняется активная помощь КНР Пакистану в области строительства порта Гвадар и развития инфраструктуры в провинции Белуджистан. Для сравнения, расстояние от Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), расположенного на северо-западе Китая, до Гвадара составляет лишь около 2500 км, хотя при этом значительная часть пути приходится на высокогорные районы. В частности, следует заметить, что Каракорумское шоссе из-за суровых географических и климатических условий эксплуатируется лишь шесть месяцев в году.

В будущем возможно и проведение газо- и нефтепроводов в Китай через территорию Пакистана. Так, 1 апреля 2005 г. министр иностранных дел Пакистана Х.М.Касури сообщил, что есть предложение, чтобы газопровод, который предполагается провести из Ирана в Индию, был доведен и до Китая[6].

Военно-стратегический фактор. Определенное беспокойство Пекина вызывает и усиление в регионе динамично развивающейся Индии, продолжающей наращивать свой военный потенциал. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в китайско-индийских отношениях в последние годы, у двух государств до сих пор остаются неразрешенные противоречия, особенно по вопросам государственных границ. Опасения Пекина относительно агрессивных амбиций Нью-Дели были подкреплены заявлением министра обороны Индии Дж.Фернандеса, который в апреле 1998 г. назвал Китай главной угрозой безопасности Индии. После ядерных испытаний Индии в мае 1998 г. премьер-министр А.Б.Ваджпаи в своих письмах лидерам стран Запада также напомнил им, что в 1962 г. Индия была жертвой агрессии Китая[7]. Учитывая тот факт, что вопрос о принадлежности Кашмира по-прежнему является основной проблемой в пакистано-индийских отношениях, интересы Пекина и Исламабада в сдерживании Индии совпадают. Заметим, что Индия до сих пор не отказалась от критики пакистано-китайского соглашения о границе 1963 г. Оказывая активную

поддержку Пакистану в военно-стратегической сфере, Китай тем самым заставляет Индию поддерживать высокий уровень обороноспособности на двух противоположных направлениях. Кроме того, в случае гипотетического китайско-индийского конфликта Пакистан, скорее всего, вступил бы в войну на стороне КНР. Индия, таким образом, оказалась бы «в клещах» между двумя враждебными государствами.

Экономический фактор. Этот фактор наибольшее значение имеет именно для Пакистана. Если Пакистан в Китай экспортирует в основном сырье и продукцию сельского хозяйства, то Китай поставляет в Исламскую Республику Пакистан (ИРП) машины и оборудование, необходимые для модернизации национальной промышленности. Кроме того, КНР, осуществляя в ИРП ряд крупных проектов, таких как строительство порта Гвадар, и преследуя собственные интересы, содействует в то же время развитию инфраструктуры в Пакистане и получает поддержку Исламабада по ряду политических вопросов.

Борьба с терроризмом и сепаратизмом. Для КНР значение этого фактора обусловливается наличием в ее составе Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), где значительную часть населения составляют мусульмане – коренные жители северо-запада страны. Распространение в мире в последние годы исламистского экстремизма, перманентная нестабильность в Афганистане ставят перед Пекином задачу ограждения Синьцзяна от экстремистских идей и проникновения диверсантов. Это, однако, требует кооперации с Пакистаном, т.к. его «северные территории» граничат с этим районом КНР.

Политическое сотрудничество

О важности, которую придают своим двусторонним отношениям в Исламабаде и Пекине, свидетельствует довольно интенсивный обмен визитами высших государственных лиц. Уже через три месяца после захвата власти генерал П.Мушарраф совершил двухдневную поездку в Китай. Председатель КНР Цзян Цзэминь заверил П.Мушаррафа, что Китай рассматривает военный переворот как внутреннее дело Пакистана, стремится к дальнейшему укреплению отношений с Исламабадом и хотел бы в дальнейшем видеть его стабильным и процветающим.

После этого практически ежегодно между двумя государствами происходит обмен визитами на высшем и высоком уровнях. Почти каждый год Китай посещает президент Пакистана П.Мушарраф. Его визиты прошли в декабре 2001, январе и августе 2002, ноябре 2003 гг. В ноябре 2003 г. в Пекине он вместе с Председателем КНР Ху Цзинтао подписал совместную декларацию о сотрудничестве двух государств. В декларации отмечается, что отношения Пакистана и Китая достигли уровня «всестороннего кооперативного партнерства, устремленного в будущее». Двусторонние отношения также характеризуются как «всепогодная дружба»[8].

Особое значение имел визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г., в рамках которого было подписано 22 соглашения и меморандума о взаимопонимании в сферах экономики, обороны, строительства, образования, здравоохранения, в энергетической и социальной сфере, а также Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. К сожалению, полный текст этого договора не был опубликован ни в пакистанской, ни в китайской прессе. Не был он размещен и на официальных интернет-сайтах МИДов двух стран. Однако о его характере можно судить по отдельным выдержкам, приведенным в китайской правительственной газете «Жэньминь Жибао».

По информации газеты, согласно договору, Пакистан прямо подтверждает, что «в мире существует лишь один Китай, правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотчуждаемой частью Китая». Пакистанская сторона «поддерживает великую цель воссоединения Китая и все усилия Китая по защите государственного суверенитета и территориальной целостности». Пакистан также «выступает против любых попыток тайваньских властей добиться создания «двух Китаев», «одного Китая, одного Тайваня» или «независимости Тайваня».

Китайская сторона же в ответ «подтверждает уважение независимости и территориальной целостности Пакистана». Кроме того, КНР «ценит и поддерживает усилия Пакистана, направленные на мирное разрешение всех проблем с соседними странами, а также любые усилия по защите его государственного суверенитета, территориальной целостности и независимости». Подчеркивается необходимость придерживаться

международно-правового принципа неприкосновенности государственных границ и строгого соблюдения соглашений о границе, заключенных между КНР и Пакистаном.

Отдельный пункт договора обязывает стороны «расширять и укреплять доверие и сотрудничество в сферах обороны и безопасности с целью укрепления их обороноспособности». Также содержится обязательство сторон не вступать в какие-либо союзы, направленные против одной из сторон. Подтверждается готовность к сотрудничеству для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, оргпреступностью, контрабандой наркотиков и оружия, нелегальной иммиграцией. Отмечается намерение сторон продолжать взаимодействие в рамках международных и региональных организаций, в том числе в международных финансово-экономических институтах. Отмечается важность сотрудничества в торгово-экономической, финансовой, инвестиционной и научно-технической сферах, сельском хозяйстве, мирном освоении космоса и атомной энергии, сфере высоких технологий и т.д.[9]

Фактически договор лишь закрепил уже ранее декларировавшиеся Исламабадом и Пекином позиции и намерения. Пакистан последовательно выступает за территориальную целостность Китая, придерживаясь позиции, что в мире существует лишь «один Китай». Пакистан был первым государством, поддержавшим принятие китайским парламентом в марте 2005 г. закона, направленного против сепаратизма и возможности отделения какой-либо части КНР. Пакистан также на стороне Китая в тибетском вопросе и по проблеме соблюдения прав человека в КНР.

Если Пакистан в тайваньском вопросе неизменно выражает свою поддержку официальному Пекину, то Китай в последние годы существенно изменил свою позицию относительно пакистано-индийского территориального спора. От безусловной поддержки требований Исламабада Китай со второй половины 90-х годов стал акцентировать внимание на необходимости мирного разрешения этой проблемы самими Пакистаном и Индией. Практически это проявилось в нейтралитете Китая во время Каргильского кризиса в 1999 г. Такая позиция Пекина и была прямо зафиксирована в недавно заключенном договоре.

В то же время определенный интерес вызывает пункт о строгом соблюдении соглашений о границе, заключенных между двумя государствами. Единственным таким документом яв-

ляется уже упоминавшееся соглашение 1963 г., которому стороны изначально придали временный характер. Представляется, что включение этого пункта в договор имело своей целью продемонстрировать прежде всего Индии невозможность решения проблемы Кашмира путем перехода всей территории бывшего княжества Джамму и Кашмир под ее суверенитет.

Необходимо также отметить, что значительное внимание Китай уделил ограждению СУАР от возможной инфильтрации экстремистов и проникновения исламского фундаментализма с территории Пакистана. Реализации именно этой цели в значительной мере посвящен пункт договора о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Кроме этого, в договоре содержится положение о том, что договаривающиеся стороны должны запрещать основание на своей территории организаций и институтов, посягающих на суверенитет, безопасность и территориальную целостность другой стороны. Кроме того, параллельно с Договором о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве было подписано отдельное соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом[10].

Примечательно также и совпадение позиций Пакистана и Китая по ряду региональных и международных вопросов. Обе страны, в частности, осудили вторжение США в Ирак. Они выступили против расширения состава постоянных членов Совета Безопасности ООН с правом вето. Китай поддерживает стремление Пакистана вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) одновременно с Индией, как только будет принято решение о расширении организации. Пакистан, в свою очередь, готов поддержать вступление Китая в Ассоциацию регионального сотрудничества в Южной Азии (СААРК). Представляется, что взаимная поддержка вступления в эти организации носит символичный характер. СААРК за двадцать лет своего существования так и не смогла стать эффективной организацией в силу регионального соперничества Пакистана и Индии и перманентной нестабильности в регионе. В случае же переноса пакистано-индийских противоречий на трибуну ШОС эта организация рискует повторить судьбу СААРК, учитывая тот факт, что решения в ней принимаются на основе консенсуса.

Сотрудничество в военно-стратегической сфере

Китай является крупнейшим партнером Пакистана в области ВТС. КНР поставляет в Пакистан практически всю совокупность военной техники: танки, тяжелую артиллерию, самолеты, военные корабли и др.

После введения эмбарго на военную помощь со стороны США в 1990 г., а также санкций ряда других стран, последовавших за проведением Исламабадом ядерных испытаний в мае 1998 г., Китай оставался практически единственным поставщиком оружия в Пакистан.

Благодаря помощи китайской стороны в Пакистане был создан целый комплекс военных предприятий в Таксиле, который в настоящее время является основным производителем бронетехники и комплектующих к ней для нужд национальной обороны и пакистанской армии, а также некоторых других видов военной техники. Первые танки китайского образца «типа 59» в Таксиле были произведены еще в 1972 г. С 2001 г. налажено лицензионное производство китайского танка «Аль-Халид», известного также под названиями МВТ-2000 или Р-90, по тактико-техническим характеристикам сравнимого с модернизированным российским танком Т-72[11].

В конце 90-х годов в Пакистане начал изготавливаться переносной зенитный комплекс «Анза», разработанный совместными усилиями пакистанских и китайских специалистов. КНР также оказала содействие Пакистану в разработке противотанковой управляемой ракеты «Бахтар Шикан».

В авиационном комплексе в Камре, также сооруженном при содействии КНР, сосредоточено производство военных самолетов. В Камре, в частности, производится легкий истребитель К-8, являющийся образцом китайско-пакистанского сотрудничества в военно-промышленной сфере.

Особое значение в Исламабаде придается совместной с КНР разработке легкого истребителя JF-17, известного также как Super-7 или FC-1. Этот самолет призван заменить находящиеся на вооружении ИРП и КНР истребители Ф-7, Кью-5 и МИГ-21. По сравнению с ними Супер-7 способен нести большее количество боеприпасов на борту (до 3,8 тонн груза), обладает усовершенствованной радарной системой (чувствительность радара – до 100 км, а у аналогов – лишь до 30 км)[12]. В Исламабаде этот самолет по тактико-техническим характеристикам сравнивают с американским F-16 и российским МИГ-29[13]. Вместе с тем российский эксперт по военному по-

тенциалу стран Южной Азии А.А.Шилин отмечает, что по своим тактико-техническим показателям JF-17 примерно схож с индийским «Теджас», намного уступая западным и российским аналогам[14].

Начало программы создания самолета относится к 1992 г., но его первый опытный образец был выпущен лишь в 2002 г.[15] В основном это было связано с нехваткой финансовых ресурсов. Предполагается, что новый истребитель будет производиться как в Китае, так и в Пакистане, причем не только для удовлетворения потребностей ВВС двух стран, но и для экспорта в другие страны. В Пакистане производство этих самолетов будет налажено в авиационном комплексе в г. Камре. Открывая торжественную церемонию, посвященную началу производства Супер-7 в Пакистане, президент П.Мушарраф заявил: «В будущем JF-17 составят основу пакистанских ВВС и, я думаю, смогут удовлетворить оперативные потребности ВВС в обозримом будущем». Мушарраф также назвал JF-17 еще одним символом пакистано-китайской дружбы в производстве конвенционального оружия наравне с самолетом К-8 и танком «Аль-Халид»[16]. Сообщается, что в Пакистане будет производиться 50% деталей корпуса самолета и вся авионика. Серийное производство планируется начать в 2008 году[17].

Относительно новым аспектом военно-технического сотрудничества Пакистана и КНР является совместное производство военных кораблей. В апреле 2005 г. было подписано соглашение о совместном производстве четырех китайских фрегатов Ф-22П для Пакистана, предусматривающее передачу технологий пакистанской стороне. С этой целью будет осуществлена модернизация Карачинской судостроительной верфи. Корабли планируется оборудовать ракетами для противолодочной, противокорабельной и противовоздушной обороны. Они также будут оснащены китайскими вертолетами с ракетами на борту. Эти фрегаты также способны осуществлять свои функции в загрязненной биологическим, химическим или ядерным оружием среде[18].

Исключительно важна та помощь, которую Китай оказал Пакистану в создании ракетного арсенала. В конце 80-х – начале 90-х гг. Пекин поставил Пакистану ракеты малой дальности нескольких типов: М-7, М-9 и М-11, а также их отдельные элементы и технологии производства. В 1989 г. была испытана созданная на их основе пакистанская ракета «Хатф-1» с даль-

ностью полета до 80 км[19]. Китай также содействовал строительству близ Исламабада завода по производству ракет «Хатф-3» (дальность полета – до 600 км)[20]. Дж. Фернандес, министр обороны Индии в правительстве А.Б.Ваджпаи, назвал в свое время Китай «матерью» пакистанской ракеты «Гхори», испытанной в апреле 1998 г. (дальность полета – до 1500 км)[21].

Имеются определенные основания думать, что Китай оказал содействие развитию пакистанской военной ядерной программы. США неоднократно обвиняли Пекин в том, что еще в начале 80-х годов он поставил в Пакистан уже испытанную схему производства ядерного оружия. В 90-е годы Китай, по ряду сведений, продал Пакистану кольцевые магниты, являющиеся важным элементом для производства высокообогащенного урана. Летом 1997 г. министр иностранных дел Исламской Республики Пакистан прямо заявил, что у Пакистана «имеются собственные ядерные технологии, созданные при участии Китая»[22].

США неоднократно вводили санкции против ряда пакистанских и китайских предприятий за сотрудничество в ракетно-ядерной сфере. Так, 1 сентября 2001 г. госдепартамент США объявил о введении санкций против Национального комплекса обороны Пакистана (Pakistan's National Defense Complex) и китайской Корпорации металлургического оборудования (China Metallurgical Equipment Corporation) за нарушение Режима контроля за ракетной технологией (РКРТ) в связи с сотрудничеством в передаче чувствительных ракетных разработок. Как отмечается в ведущей пакистанской газете «Доон», подобные санкции против Пакистана введены в четвертый раз[23]. Действие подобных санкций обычно длится два года. В 2000 г. санкции были введены против пакистанского Комитета по изучению верхних слоев атмосферы и космического пространства (Супарко).

Пакистан, однако, последовательно отвергает обвинения в свой адрес в нарушении режима РКРТ. «Наше сотрудничество с Китаем не нарушает принципов РКРТ, причем ни одна из сторон не является членом режима. Однако Пакистан соблюдает эти принципы, и в отношениях Пакистана с Китаем нет ничего, что бы их нарушало», – заявила посол Пакистана в США М.Лодхи[24].

Особое значение имеет также военно-морское сотрудничество двух государств. В октябре 2003 г. Пакистан и КНР

провели совместные военно-морские учения в Восточно-Китайском море. В пакистанской прессе подчеркивалось, что это будут первые совместные учения ВМС Китая с каким-либо иностранным государством[25].

Действует совместная комиссия по сотрудничеству в сфере оборонных технологий и промышленности.

Экономическое взаимодействие

Традиционно экономические связи в отношениях Пакистана с Китаем занимали гораздо меньшее место, чем политические и военно-стратегические. КНР неоднократно предоставляла Пакистану кредиты, как правило, на беспроцентной основе. Однако доля взаимной торговли во внешнеторговом балансе каждой из сторон была незначительной. В 1998–2004 годах темпы роста экспорта Пакистана в Китай практически не отличались от роста общего объема экспорта Пакистана. В то же время в 2000–2002 гг. наблюдается резкий рост импорта из КНР (см. табл. 1). По всей видимости, это объясняется тем, что в это время сократились торговые отношения с традиционными торговыми партнерами Пакистана – США и рядом других стран. С 2003 г. наблюдается падение объема китайского ввоза в Пакистан, в то время как импорт в ИРП из других стран последовательно растет.

Фактически со времени установления дипломатических отношений между двумя государствами благодаря тесным политическим связям Китай оказывал Пакистану помощь в развитии национальной промышленности, энергетики и некоторых других сфер. В частности, с участием Китая был построен комплекс тяжелого машиностроения в Таксиле, Каракорумское шоссе, соединившее два государства через высокогорные и труднодоступные районы, и ряд других объектов.

Анализ динамики двусторонней торговли Пакистана с Китаем затруднен в связи с использованием различных стандартов в статистических службах ИРП и КНР. В Китае финансовый год совпадает с календарным, в Пакистане же он длится с 1 июля по 31 июня следующего года. При оценке объема двусторонней торговли необходимо учитывать и тот факт, что пакистанская статистика в отличие от статистических служб КНР учитывает торговлю с Гонконгом и остальной частью Китая отдельно, что приводит к серьезным расхождениям данных в различных источниках. В статистических изданиях ми-

нистерства торговли КНР торговый оборот с Пакистаном обычно не указывается в связи с тем, что доля Пакистана во внешней торговле Китая не достигает и 0,5% (см. табл. 3). Вследствие этого можно опираться лишь на заявления официальных лиц КНР или использовать данные статистики ИРП, суммируя торговлю Пакистана с Гонконгом и остальной частью Китая.

За первые четыре года XXI века объем торговли между Пакистаном и Китаем почти утроился – с 1,1 млрд. долл. США в 2000 г.[26] до 3,06 млрд. долл. США в 2004 г.[27] Несмотря на то, что по доле в экспорте Пакистана (7,1% – см. табл. 2), как и по доле пакистанского импорта, КНР занимает четвертое место в мире после США (23,9%), ОАЭ (7,66%) и Великобритании (7,64%), внешнеторговый баланс Пакистана с Китаем с 2002–2003 ф.г. сводится с дефицитом, который имеет тенденцию к росту. Это вызывает в Пакистане существенную обеспокоенность, тем более, что без учета Гонконга дефицит еще более значителен (порядка 67% пакистанского импорта в Китай идет через Гонконг).

Довольно высокий экономический рост, переживаемый Пакистаном в последние годы, увеличивает потребности экономики в промышленном сырье и продукции машиностроения. В значительной мере эти потребности покрываются импортом из КНР благодаря дешевизне китайских товаров. Китай со своей стороны стремится расширить свою экспансию на внешних рынках, чему способствует и его быстро растущая экономика. За последние пять лет импорт из Китая в Пакистан вырос почти в два раза, что привело к тому, что сегодня КНР занимает четвертое место по доле в импорте Пакистана (8,3% – см. табл. 2) после Саудовской Аравии (11,4%), США (11%) и ОАЭ (8,5%)[28].

В то же время сравнительно низкая стоимость китайских товаров, являющаяся их главным конкурентным преимуществом, зачастую приводит к вытеснению с пакистанского рынка как аналогичных товаров отечественного производства, так и ряда иностранных. Так, например, кондиционеры южнокорейского производства были практически полностью замещены более дешевыми китайскими аналогами[29]. С одной стороны, замещение импорта из развитых и новых индустриальных стран китайскими товарами благодаря их относительной дешевизне приводит к сокращению дефицита внешнеторгового ба-

ланса Пакистана. С другой стороны, баланс внешней торговли с КНР для Пакистана становится все более дефицитным, так как рост пакистанского экспорта в Китай значительно отстает от импорта (см. табл. 1).

Существенно отличается взаимная торговля двух стран и по структуре. Большую часть китайского экспорта в Пакистан составляют машины и оборудование, в то время как более 70% пакистанского ввоза в Китай составляет сырьевой товар – хлопок[30]. Ежегодно Китай импортирует из Пакистана хлопчатобумажных тканей и изделий на сумму более чем в 400 млн. долл. США и экспортирует оборудования лишь для текстильной промышленности примерно на 40 млн. долл. в год[31].

Стремясь обеспечить более свободный доступ своих товаров в КНР, Исламабад в ноябре 2003 г. подписал с Пекином Соглашение о преференциальной торговле товарами, вступившее в силу с 1 января 2004 г. Соглашение предусматривало снижение китайской стороной таможенных пошлин на 893 товара, а пакистанской – на 188. По итогам 12-й сессии совместной пакистано-китайской комиссии в апреле 2005 г. премьер-министры КНР и ИРП подписали соглашение о свободной торговле «Ранний урожай», которое вступит в силу с 1 января 2006 г. В соответствии с ним к 1 января 2008 г. Пакистан отменит таможенные пошлины на 486 товарных позиций, а Китай на 767 товаров. Тарифные ставки на товары, составляющие более 15%, к 1 января 2006 г. будут снижены до 10%, через год еще на 5% и будут отменены окончательно с 1 января 2007 года. Товары, на которые пошлины составляют от 5 до 15%, к 1 января 2006 г. будут снижены до 5% и отменены с 1 января 2007 г. Товары с тарифными ставками менее 5% будут ввозиться беспошлинно уже с 1 января 2006 г.

Список товаров включает в себя овощи (бобовые и гороховые культуры, чеснок, салат и др.), фрукты (апельсины, манго, финики, инжир, гуаву и проч.). Китай также отменит пошлины на технический спирт, постельное белье, скатерти, полотенца, шторы и другие текстильные товары, ткани из хлопка, синтетические и смешанные ткани, брезент, кафельную плитку, хирургические инструменты, ножевые изделия, некоторые виды красок, лекарства, кожевенные изделия, металлические окна и двери и ряд других товаров. Пакистан в свою очередь отменит пошлины на некоторые продукты органической химии, оборудование для кожевенной и текстильной

промышленности, прессы, оборудование для помола, покраски и прочее.

Кроме того, было расширено действие Соглашения о преференциальной торговле. Теперь в него входит 1671 наименование товаров с китайской стороны и 575 – с пакистанской. Расширенное соглашение вступит в силу с 1 января 2006 г.[32]

Во время 12-й сессии совместной пакистано-китайской комиссии по экономике были подписаны также следующие соглашения: Соглашение по экспорту скота из Китая в Пакистан и благоприятным условиям транзита на Ближний Восток через Пакистан, Соглашение о таможенном сотрудничестве и ряд других.

Пакистан прилагает значительные усилия на межгосударственном уровне для укрепления экономического сотрудничества с Китаем. В декабре 2004 г. Пакистан предоставил Китаю статус страны с рыночной экономикой. 27 марта 2005 г. с целью расширения коммерческих и торговых связей между двумя странами было открыто генеральное консульство Пакистана в Шанхае.

В апреле 2005 г. создана совместная комиссия по инвестициям. Ежегодный приток китайских инвестиций в Пакистан достигает примерно 20 млн. долл. США в год[33]. Общая сумма накопленных инвестиций Китая в Пакистане составляет для этой страны немалую сумму в 4 млрд. долл. США. Инвестиции в основном сосредоточены в нефтегазовом секторе, в сфере информационных технологий, в электроэнергетике, машиностроении, горнодобывающей промышленности и строительстве инфраструктуры. По некоторым данным, в настоящее время в Пакистане в 114 совместных проектах участвует 31 китайская компания[34]. В Пакистане работают более трех тысяч китайских специалистов[35].

Тем не менее пока объем инвестиций является далеко не оптимальным. Отчасти это связано с сохраняющейся в регионе и в самом Пакистане нестабильностью. Негативное воздействие на инвестиционный климат оказывают беспорядки, межэтнические, религиозные и сектантские конфликты, случаи террора и саботажа. Например, в октябре 2004 г. китайская компания «Сино Хайдро Корпорэйшн» приостановила работу по сооружению плотины на р. Гомаль в агентстве Южный Вазиристан (административно-

территориальное подразделение в ФАТА – Территории племен федерального управления) после того, как двое китайских инженеров, участвовавших в проекте, были похищены. Неспособность Пакистана обеспечить безопасность китайских сотрудников отнюдь не способствует формированию его благоприятного имиджа в Китае и наращиванию инвестиций, хотя по политическим и геостратегическим соображениям экономическая помощь продолжает идти.

Наиболее важными проектами в Пакистане с участием КНР являются: строительство АЭС в Чашме, разработка угольного месторождения в Тхаре, эксплуатация месторождения меди и золота в Сайндаке, а также сооружение в Пакистане порта Гвадар. В пакистанской прессе эти проекты периодически упоминаются как символы пакистано-китайской дружбы наряду с Каракорумским шоссе, комплексом тяжелого машиностроения в Таксиле и авиационным комплексом в Камре. Их значение постоянно подчеркивается на встречах лидеров двух стран. Обычно участие КНР в подобных проектах предполагает выделение Пекином целевого кредита, преимущественное право на использование которого принадлежит китайским компаниям.

Большое значение для Пакистана имеет сотрудничество с Китаем в области мирного освоения атомной энергии. С 2000 г. функционирует построенная китайскими специалистами АЭС «Чашма-1» мощностью в 325 МВт. По итогам визита в Пакистан премьер-министра КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г. было подписано соглашение о строительстве АЭС «Чашма-2» мощностью в 340 МВт. Предусматривается выделение китайской стороной 350 млн. долл. на этот проект[36]. Предполагается, что к 2013 г. пакистанские АЭС будут вырабатывать 7% всей электроэнергии Пакистана. На сегодняшний день совокупная мощность пакистанских электростанций составляет 18598 МВт (65% вырабатывают ТЭС, 32% – ГЭС, менее 3% – АЭС)[37]. Правительство Пакистана поставило амбициозную задачу – к 2020 г. построить АЭС общей мощностью 8800 МВт. Топливо планируется закупать в Китае[38].

В феврале 2003 г. между правительством Синда и китайской компанией «Шенхуа Груп» (Shenhua Group) было подписано соглашение относительно разработки угольного месторождения Тхар в провинции и строительства двух ТЭС по 300 МВт каждая. Компания предполагает инвестировать в

этот проект 300–400 млн. долл. США[39]. Запасы угля оцениваются в 175 млрд. тонн[40].

Ведется совместная разработка месторождения золота и меди в Сайндаке. С 1995 г. месторождение находилось в бездействии, и лишь благодаря технической и финансовой помощи Китая (кредит в 30 млн. долл. США) добыча была возобновлена[41].

В Исламабаде и Пекине огромное значение придают строительству в пакистанской провинции Белуджистан порта Гвадар, который призван стать третьим по величине портом Пакистана после Карачи и расположенного рядом с ним порта Касим. Предполагается, что он будет широко использоваться для транзита товаров из Китая и Центральной Азии.

Проект строительства порта Гвадар был разработан еще в 1992 г. Необходимое финансирование должна была предоставить Голландия, однако внутриполитическая нестабильность в Пакистане помешала осуществлению этого проекта. В 90-х годах Пакистан вел активные поиски источников финансирования строительства, но и накаляющаяся обстановка в Афганистане и сохраняющаяся нестабильность в самом Пакистане препятствовали реализации проекта.

Строительство началось, наконец, в марте 2002 г. при активной поддержке КНР. Китай предоставил 198 млн. долл. США, включая 49-миллионный грант. Пакистан обеспечил еще 50 млн. долл.[42] Весной 2005 г. была сдана в эксплуатацию первая очередь строительства порта. В Гвадаре на этом этапе уже построено три многоцелевых причала по 200 метров каждый вместе с 350-километровой резервной площадкой и пятикилометровым каналом прохода глубиной в 11,5 метров для судов с водоизмещением до 30 тыс. тонн[43].

Во время визита в Пакистан премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г. было подписано соглашение о строительстве второй очереди порта Гвадар. Китайская сторона готова выделить на эти цели от 70 до 100 млн. долл. США[44]. На второй стадии проекта глубина канала будет доведена до 14,5 метров, будет построено еще десять причалов, шесть из которых будут контейнерными терминалами, два – нефтяными пирсами и еще два предназначены для сухогрузов[45].

Предполагается, что строительство порта привлечет в регион инвестиции, будет содействовать процветанию региона. Некоторые пакистанские авторы даже прочат Гвадару будущее эконо-

мического центра региона. Другие же достаточно обоснованно называют это лишь «мечтой»[46]. Дело в том, что в провинции Белуджистан отсутствует практически вся необходимая инфраструктура. Низкий уровень здравоохранения, образования, дефицит питьевой воды, нехватка электричества, отсутствие современных шоссе и телекоммуникаций – вот лишь некоторые проблемы, которые ставят под сомнение воплощение в жизнь грандиозных проектов развития района. Строительство необходимой инфраструктуры потребует огромных капиталовложений, и пока неясно, сможет ли Пакистан изыскать необходимые средства. Помимо этого, как отмечает пакистанский журналист Ф.Салим, при современных темпах роста загруженности уже существующих пакистанских портов (6% в год) Карачи и Касим Пакистану хватит их мощностей до 2025 года[47].

В сфере развития сети автомобильных и железных дорог Китай в последнее время также оказывает Пакистану значительную помощь. На сегодняшний день сеть дорожных коммуникаций в Пакистане развита очень слабо. КНР, в частности, предоставила кредит в размере 200 млн. долл. США на сооружение шоссе вдоль Мекранского побережья длиной 653 км, которое призвано соединить Гвадар с Карачи на востоке и Дживани на западе, расположенном недалеко от границы с Ираном[48]. Также планируется и расширение построенного в 70-х годах Каракорумского шоссе.

Для развития железнодорожного транспорта Пекин только в 2003 г. предоставил Пакистану кредит на сумму 500 млн. долл. США. Китай обязался поставить Пакистану в течение трех лет 375 пассажирских и 2500 грузовых вагонов, 175 тепловозов и 40 электровозов[49]. Следует заметить, правда, что они бывают весьма низкого качества. Так, в поставленных Китаем в последние годы локомотивах были установлены некачественные двигатели мощностью 3 тыс. л. с. Пекин, однако, признал свою ответственность и обязался заменить бракованные локомотивы новыми или предоставить вместо них локомотивы с двигателями мощностью в 2 тыс. л.с., которые не вызывают нареканий пакистанской стороны[50].

Активное сотрудничество ведется и в области строительства, как гражданского, так и промышленного. Китайские строительные компании возводят в Пакистане плотины и дамбы, строят жилые дома.

Отраслями, перспективными для сотрудничества, являются: развитие инфраструктуры и добывающей промышленности, разведка шельфовых месторождений газа и нефти, экспортно-ориентированное промышленное производство, телекоммуникации, развитие человеческих ресурсов и борьба с бедностью, образование в сфере высоких технологий, сфера туризма.

Взаимовыгодной сферой сотрудничества для двух стран может также стать кооперация в текстильной промышленности. Как уже упоминалось выше, хлопчатобумажные ткани и изделия из них составляют более 70% пакистанского экспорта в Китай и около 65% общего экспорта Пакистана. В то же время эта отрасль испытывает значительный дефицит хлопкового сырья. Китай же сам является одним из мировых лидеров по экспорту продукции текстильной промышленности. Создание совместных предприятий могло бы увеличить рентабельность производства.

В Исламабаде также возлагают большие надежды на перенос производств различных отраслей промышленности Китая в Пакистан (т.н. «аутсорсинг») для экспорта продукции в Центральную Азию, на Ближний и Средний Восток, в страны Южной Азии. Примеров такого сотрудничества двух стран пока немного. Так, в декабре 2004 г. был подписан контракт на 15 млн. долл. между китайской компанией ЗТЕ и Пакистанским советом по экспорту программного обеспечения. Согласно контракту, компания будет производить в Пакистане товары в области телекоммуникации для экспорта в другие страны. Также она создаст в Пакистане исследовательский центр[51].

Заметим также, что между Пакистаном и Китаем практически абсолютно не развито сотрудничество в банковской сфере, что осложняет торговые контакты между странами. Лишь один пакистанский банк имеет свое представительство в Китае. В Пакистане же нет ни одного отделения китайских банков. Существовавшие ранее в Пакистане отделения Банка Китая в 1970 г. были безвозмездно переданы Государственному Банку Пакистана.

Безусловно, рост пакистано-китайской торговли существенно отстает от роста индийско-китайской, которая в 2004 г. составила 13,6 млрд. долл. США, что на 79% выше показателя за предыдущий год[52]. Сегодня это крупнейшие динамично разви-

вающиеся экономики Азии, которые в своих экономических отношениях сделали ставку на прагматизм. Отношения же между Пакистаном и Китаем носят прежде всего стратегический характер для обеих сторон, что является локомотивом двустороннего многоотраслевого сотрудничества.

Таблица 1

Объем пакистано-китайской торговли (вместе с Гонконгом)[53]

Финансовый год	Единица измерения	Экспорт	Импорт	Объем торговли	Внешнеторговый баланс
1997–1998	в млн. пак. рупий	33354,6	23983,4	57338	9371,2
	в млн. долл. США*	772,2	555,2	1327,4	216,9
1998–1999	в млн. пак. рупий	35033,8	22186,7	57220,5	12847,1
	изменение к предыдущему году (в %)	5,0	-7,5	-0,2	37,1
	в млн. долл. США	748,7	474,2	1222,9	274,6
	изменение к предыдущему году (в %)	-3,0	-14,6	-7,9	26,6
1999–2000	в млн. пак. рупий	36517,1	26996,9	63514,0	9520,2
	изменение к предыдущему году (в %)	4,2	21,7	11,0	-25,9
	в млн. долл. США	705,4	521,5	1226,8	183,9
	изменение к предыдущему году (в %)	-5,8	10,0	0,3	-33,0
2000–2001	в млн. пак. рупий	47291,1	58230,9	105522	-10939,8
	изменение к предыдущему году (в %)	29,5	115,7	66,1	-214,9
	в млн. долл. США	809,3	996,5	1805,7	-187,2
	изменение к предыдущему году (в %)	14,7	91,1	47,2	-201,8
2001–2002	в млн. пак. рупий	41235,7	39509,8	80745,5	1725,9
	изменение к предыдущему году (в %)	-12,8	-32,1	-23,5	-115,8
	в млн. долл. США	671,3	643,2	1314,5	28,1
	изменение к предыдущему году (в %)	-17,0	-35,5	-27,2	-115,0
2002–2003	в млн. пак. рупий	44523,0	58231,0	102754,0	-13708,0
	изменение к предыдущему году (в %)	8,0	47,4	27,3	-894,3
	в млн. долл. США	761,1	995,4	1756,5	-234,3
	изменение к предыдущему году (в %)	13,4	54,8	33,6	-934,0
2003–2004	в млн. пак. рупий	50099,4	74839,3	124938,7	-24739,9
	изменение к предыдущему году (в %)	12,5	28,5	21,6	80,5
	в млн. долл. США	870,2	1299,9	2170,0	-429,7
	изменение к преды-	14,3	30,6	23,5	83,4

	дущему году (в %)				

* Здесь и далее в долл. США данные переведены по среднегодовому курсу Государственного Банка Пакистана.

Источники: Pakistan Statistical Yearbook: 2004. – Islamabad: Federal Bureau of Statistics, 2004. // http://www.statpak.gov.pk/depts/fbs/publiccations/yearbook_2004/yearbook2004.html; Statistical Bulletin. – Islamabad: State Bank of Pakistan, May 2005. // http://www.sbp.gov.pk/reports/stat_reviews/stats_bulletin.htm

Таблица 2

Доля КНР (с учетом Гонконга) во внешней торговле ИРП в 2003–2004 ф.г. (в млн. долл. США)*

Общий объем экспорта ИРП	Экспорт ИРП в КНР	Доля КНР в экспорте ИРП (в %)	Общий объем импорта ИРП	Импорт ИРП из КНР	Доля КНР в импорте ИРП (в %)	Внешнеторговый оборот ИРП	Объем торговли ИРП с КНР	Доля КНР во внешней торговле ИРП (в %)
12315,11	870,20	7,07	15594,14	1299,90	8,34	27909,24	2170,10	7,78

* В долл. США данные переведены по среднегодовому курсу Государственного Банка Пакистана.

Источники: Pakistan Statistical Yearbook: 2004. – Islamabad: Federal Bureau of Statistics, 2004. // http://www.statpak.gov.pk/depts/fbs/publications/yearbook_2004/yearbook2004.html; Statistical Bulletin. – Islamabad: State Bank of Pakistan, May 2005. // http://www.sbp.gov.pk/reports/stat_reviews/stats_bulletin.htm

Таблица 3

Доля ИРП во внешней торговле КНР (с учетом Гонконга) в 2004 г. (в млрд. долл. США)

Общий объем экспорта КНР	Экспорт КНР в ИРП	Доля ИРП в экспорте КНР (в %)	Общий объем импорта КНР	Импорт КНР из ИРП	Доля ИРП в импорте КНР (в %)	Внешнеторговый оборот КНР	Объем торговли КНР с ИРП	Доля ИРП во внешней торговле КНР (в %)
593,37	2,47	0,42	561,42	0,59	0,11	1154,79	3,06	0,26

Источники: Main Indicators of Foreign Trade and Economy in Total (2004/01-12). – Beijing: PRC Ministry of commerce, 2005. // http://english.mofcom.gov.cn

[1] Azmi R.A. Pakistan – United States Relations: an Appraisal. // Readings in Pakistan Foreign Policy (1971–1998). / Ed. by Mehrunissa Ali. – Karachi: Oxford University Press, 2001, с. 227.

[2] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003, с. 90, 169.

[3] Там же, с. 109.

[4] Shisheng H. China's South Asia Policy and its Regional Impact. // Major Powers and South Asia. Collection of Papers Presented at an International Seminar Organized by the Institute of Regional Studies, Islamabad, on August 11–13, 2003. – Islamabad, 2004, с. 313.

[5] Ibid, с. 314.

[6] «Asian Dialogue to Boost Pakistan's Role». // http://www.dawn.com/2005/04/02/top4.htm

[7] Bhatty M.A. China and South Asia. // Strategic Studies. – Spring 2003. – Vol. XXIII, No. 1. – http://www.issi.org.pk/strategic_studies_htm/2003/no_1/article/5a.htm

[8] China-Pakistan Joint Declaration. // http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt/2649/t40148.htm

[9] China, Pakistan Sign Treaty for Friendship, Cooperation and Good-Neighborly Relations. // http://english.people.com.cn/200504/06/eng20050406_179629.html

[10] Подписан китайско-пакистанский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. // http://russian.people.com.cn/31520/3298483.html

[11] Шилин А.А. Стратегический баланс в Южной Азии. – М.: Научная книга, 2004, с. 192.

[12] Super-7 Fighter Jet Ready to Take off. // http://www.dawn.com/2003/06/14/top9.htm

[13] Malik N. Rongji, Musharraf to Embrace Strategic Challenge. // http://www.atimes.com/ind-pak/CD10Df02.html

[14] Шилин А.А. Указ. соч., с. 183–184, 191–192.

[15] Там же, с. 191.

[16] President Speech at Launching Ceremony of JF-17. // http://www.presidentofpakistan.gov.pk/FilesSpeeches/Policy/452005104843PMspeech_jf17.pdf

[17] Alam A. JF-17 Production a Giant Leap to Self-Reliance. // http://www.pakobserver.net/200504/06/news/topstories02.asp

[18] Pakistan, China ink F22P Frigates deal. // http://jang.com.pk/thenews/apr2005-daily/04-04-

2005/main/update.shtml#20; China to transfer technology: F-22P frigates. // http://www.dawn.com/2005/04/07/nat1.htm

[19] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч., с. 231; Шилин А.А Указ. соч., с. 220.

[20] Там же, с. 231–232.

[21] Mahmud Kh. Sino-Pak Ties: India Factor. // http://www.dawn.com/2001/04/14/op.htm

[22] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л Указ. соч., с. 232.

[23] New Curbs on Missile Technology Transfer: Washington's Move against Pakistan – China Cooperation. // http://www.dawn.com/2001/09/02/top1.htm

[24] Ibid.

[25] PN Ships Reach China for Joint Exercise. // http://www.dawn.com/2003/10/19/nat.14.htm

[26] Pakistan, China Trade. // http://www.dawn.com/2001/04/05/ebr6.htm

[27] Chinese PM for Steps to Upgrade Ties. // http://www.dawn.com/2005/04/04/top14.htm

[28] State Bank of Pakistan Annual Report FY04. – Islamabad, 2004, с. 148. // http://www.sbp.gov.pk/reports/annual/arFY04/index.htm

[29] Ibid.

[30] Chinese Firms to Participate in Expo 2005. // http://www.dawn.com/2005/01/26/ebr8.htm

[31] China Keen on Joint Ventures. // http://www.dawn.com/2002/03/17/ebr12.htm

[32] Zero Duty on 1,253 Tariff Lines by Jan 2008: Pakistan-China Accords. // http://www.dawn.com/2005/04/07/ebr2.htm

[33] Pacts with China for warships signed. // http://www.dawn.com/2005/04/05/top4.htm

[34] Aziz S. Strengthening Ties with China. // http://www.dawn.com/2005/04/05/op.htm; Khan B.A. China, Pakistan to Strengthen Defense Ties. // www.dawn.com/2003/10/23/top11.htm

[35] Khan B.A. Shaukat Aziz Leaves for China Today. // http://www.dawn.com/2004/12/14/top9.htm

[36] A Great Day of Pak-China Ties. // http://www.pakobserver.net/200504/07/Editorial01.asp

[37] Hussain M. More Nuke Power Plants on Cards: Dr Ishfaq. // http://www.pakobserver.net/200504/09/news/topstories02.asp; Chashma Agreement. // http://www.dawn.com/2004/05/06/ed.htm

[38] Khan Sh.B. Pakistan to build more N-power plants: Ground breaking of Chashma-2. // http://www.dawn.com/2005/04/09/top1.htm

[39] Pakistan, China Sign Agreement: Coal-Fired Power Plant. // http://www.dawn.com/2003/03/01/ebr2.htm

[40] China to Support in Oil, Gas Exploration. // http://www.dawn.com/2001/12/02/ebr1.htm

[41] The Afghan Corridor: Prospects for Pakistan-Central Asia Relations in Post-Taliban Afghanistan. / Spotlight on Regional Affairs. – Islamabad: Institute of Regional Studies, September 2002. // http://www.irs.org.pk/spotlightEditions/sept2002.pdf

[42] Масуд А. Воздушные ворота в Хормузском проливе. // Известия, 14.08.2003; Baluch S. Gwadar port – Holding Promise for Future. // http://www.dawn.com/2002/04/01/fea.htm

[43] Масуд А. Ук. соч. // Известия, 14.08.2003; Interview with Geo, Fallow up with Fahad. // Pakistan TV, 04.04.2005, 11.00 Islamabad Time. – http://www.presidentofpakistan.gov.pk

[44] Pacts with China for Warships Signed. // http://www.dawn.com/2005/04/05/top4.htm; Pakistan, China Sign Treaty of Friendship: Beijing's Assurance to Defend Territorial Integrity, Sovereignty. // http://www.dawn.com/2005/04/06/top2.htm

[45] Interview with Geo, Fallow up with Fahad. // Pakistan TV, 04.04.2005, 11.00 Islamabad Time. – http://www.presidentofpakistan.gov.pk

[46] Saleem F. Gwadar, the Dream. // http://www.jang.com.pk/thenews/may2004-daily/30-05-2004/oped/o4.htm

[47] Ibid.

[48] Hakeem F. A Model of Engagement. // http://www.jang.com.pk/thenews/nov2004-daily/06-11-2004/oped/o6.htm

[49] China to Help Set up Nuclear Power Plant. // http://www.dawn.com/2003/03/25/top2.htm

[50] China to Hand Over 150 Freight Wagons by June. // http://www.dawn.com/2005/04/27/top7.htm

[51] Khan B.A. China Will Install Reactor at Chashma. // http://www.dawn.com/2004/12/19/top4.htm

[52] Foreign Market Access Report: 2005. // http://www.mofcom.gov.cn

[53] Данные приводятся и в пакистанских рупиях в связи с падением курса доллара по отношению к пакистанской рупии с 2002–2003 г., что может искажать динамику внешней торговли Пакистана, приводимую в долларах США.

О.А.Ишмухаметов

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ ИРИ В 90-е ГОДЫ: МНОЖЕСТВЕННЫЙ ВАЛЮТНЫЙ КУРС

Одной из отличительных особенностей экономической модели ИРИ в первое десятилетие после революции было не просто жесткое регулирование валютного курса, но и использование многих курсов, доходивших до десяти и даже иногда больше. Перейдя в девяностые годы к политике либерализации экономики, руководство ИРИ поставило перед собой задачу осуществления либерализации также регулирования и унификации валютного курса. Все изменения в данной сфере, за исключением середины десятилетия, проводились с целью решения этой задачи. Что же касается середины 90-х годов, то в этот период наблюдались отход от политики либерализации и ужесточение валютных ограничений в связи с необходимостью решения проблемы внешней задолженности.

С точки зрения политики валютного регулирования все десятилетие можно разделить на три периода:

1. начало 90-х – декабрь 1994 года – *либерализация регулирования и унификация валютного курса*;

2. январь 1995 г. – март 1996 г. – *ужесточение валютных ограничений и возврат к МВК*;

3. апрель 1996 г. – конец 90-х годов – *постепенная либерализация валютного регулирования*.

Динамику валютной системы в ИРИ в 90-е годы по указанным выше периодам можно характеризовать следующим образом:

1. *Либерализация внешнеторгового регулирования и попытка унификации валютного курса.* В начале десятилетия были осуществлены некоторые меры либерализации и рационализации системы валютного регулирования.

21 января 1991 г. количество обменных курсов, используемых государством, было сокращено с семи до трех. При этом

были также внесены изменения в валютное регулирование. Отныне действовало три банковских котировки валютного курса (базовый, конкурентный и плавающий курсы[1]), а также рыночный валютный курс или внебанковский.

Базовый курс, привязанный к СДР[2] из расчета 92,3 риала/СДР (около 70 риалов/доллар), применялся при обмене выручки от нефтяного экспорта, в связи с чем часто назывался нефтяным, а также при импорте товаров первой необходимости (основные потребительские товары, включая продукты питания, моющие средства, бумагу и т.д.) и при расчетах по внешнему долгу. Базовый курс, вплоть до его отмены в марте 1993 г., являлся официальным курсом Исламской Республики Иран, по которому, в частности, осуществлялись пересчеты показателей государственного бюджета страны.

Конкурентный курс, привязанный к доллару США из расчета 600 риалов/доллар, использовался при импорте инвестиционных товаров и товаров промежуточного потребления, которые не подпадали под категорию товаров первой необходимости.

Базовый и конкурентный курсы были значительно завышенными по сравнению с двумя другими – плавающим и рыночным, более точно отражавшими ситуацию на валютном рынке. Правительством составлялся специальный бюджет распределения иностранной валюты для операций по базовому и конкурентному курсам. *Плавающий* обменный курс применялся по отношению ко всем остальным сделкам с иностранной валютой, осуществляемым в пределах банковской системы. Называясь *плавающим,* фактически этот курс определялся банками на основе *рыночного* вплоть до фиксации в декабре 1993 г. *Рыночный* валютный курс, именуемый в публикациях МВФ внебанковским, определялся брокерами и менялами на основе колебаний спроса и предложения, т.е. в условиях свободного рынка, где иностранная валюта продавалась и покупалась без каких-либо ограничений. Рыночный курс в то время являлся легальным, и покупателями валюты по нему были импортеры тех товаров и услуг, которые не могли быть ввезены в страну по банковским курсам.

21 марта 1993 г. в продолжение либеральных преобразований была проведена унификация официальных валютных курсов. Три банковских курса были формально объединены в один – плавающий, который был установлен на уровне

1500 риалов/доллар США[3]. При этом некоторые элементы валютного регулирования были значительно смягчены. Фактически плавающий курс находился в режиме управляемого плавания и ежедневно определялся Центральным банком с учетом внебанковского валютного курса. Распределение иностранной валюты посредством специального валютного бюджета было отменено. Отныне на импорт не накладывалось никаких прямых ограничений, но при этом все платежи по импорту (свыше 500 долл.) должны были производиться через банковскую систему, то есть с использованием аккредитивов.

С момента унификации плавающий курс стал официальным валютным курсом Исламской Республики (вместо базового) и использовался при пересчете экономических показателей в официальной иранской статистике. Официальным плавающий курс продолжал оставаться вплоть до конца десятилетия, лишь изменив название на фиксированный в декабре 1993 г.

Следует отметить, что официальный плавающий курс применялся не ко всем валютным операциям: иностранная валюта для поставок товаров первой необходимости и осуществление расчетов по долгу, сформировавшемуся до 21 марта 1993 г., по-прежнему предоставлялась по базовому курсу, а для некоторых расчетов – по конкурентному.

2. *Ужесточение валютного регулирования и восстановление МВК.* Унификация валютного курса оказалась неустойчивой. В результате либерализации внешней торговли в начале десятилетия спрос на иностранную валюту со стороны импорта сильно превысил предложение. За 92/93[4] год объем импорта товаров в Иран составил 23 274 млн. долл.[5], в то время как экспорт и, соответственно, поступления иностранной валюты достигали лишь 19 868 млн. долл. В 93/94 году, хотя объем экспорта и возрос, а импорт несколько снизился, все же сальдо торгового баланса Ирана составило -1 207 млн. долл. Кроме того, возникла проблема внешней задолженности. Необходимость урегулирования внешнего долга, который достиг по итогам 93/94 г. рекордной суммы в 23 039 млн. долл., также требовала валютных средств.

Все эти факторы оказывали давление на валютный курс риала в сторону его снижения. За первые восемь месяцев 93/94 года *рыночный* валютный курс упал с 1658 до 1967 риалов за доллар. Опасаясь усиления инфляции, правительство не хотело отпускать его далее, то есть дать ему возможность

свободно обесцениваться, а поддерживать курс на прежнем уровне путем валютных интервенций было сложно из-за недостаточных объемов официальных валютных резервов (ОВР). Поэтому 21 декабря 1993 г. власти отменили практику определения официального курса на основе внебанковского, зафиксировав плавающий курс на уровне 1750 риалов/долл. Отныне плавающий курс стал *официальным фиксированым* курсом. Вместе с этим для поддержания привязки была вновь введена система распределения иностранной валюты, постепенное ужесточение которой создавало дополнительные ограничения на проведение сделок по балансу текущих операций. Разрыв между официальным фиксированным и *рыночным* курсами постоянно увеличивался. Кроме того, Центральный банк начал также вмешиваться в котировки на внебанковском валютном рынке, что привело к появлению курса параллельного (свободного) рынка, курс риала на котором формировался без каких-либо вмешательств и отражал реальную ситуацию на рынке.

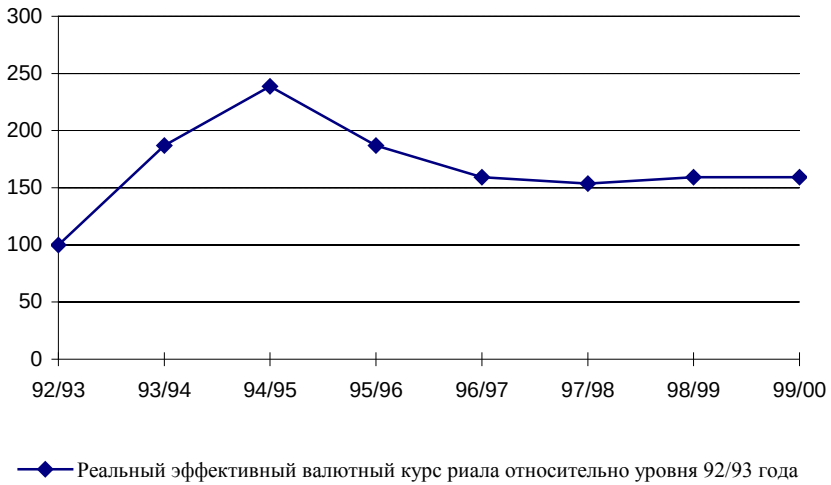
Официальный фиксированный валютный курс риала в условиях высоких темпов инфляции в стране (в 93/94 году темпы роста потребительских цен составляли 22,9%, а в следующем году этот показатель возрос до 35,2%) означал удорожание национальной валюты в реальном исчислении (см. график 1), что, в свою очередь, вело к снижению конкурентоспособности иранского ненефтяного экспорта на зарубежных рынках.

Это противоречило задачам экономического развития страны. Правительство не могло допустить ухудшения и без того слабых позиций ненефтяного экспорта ИРИ, поэтому 4 мая 1994 года власти ввели второй банковский валютный курс, так называемый *экспортный* курс, который применялся ко всему ненефтяному экспорту и к определенному перечню импортируемых товаров и услуг. Экспортный курс был зафиксирован на уровне 2345 риалов/долл.[6] Целью его введения была поддержка ненефтяного экспорта и сдерживание импорта товаров, не относящихся к категории товаров первой необходимости. При этом более завышенный фиксированный обменный курс сохранялся для нефтяного экспорта, импорта товаров и услуг первой необходимости, а также для осуществления расчетов по внешнему долгу. Таким образом, после короткого пе-

рерыва в Иране вновь была восстановлена система множественного валютного курса[7].

График 1

Динамика реального эффективного валютного курса иранского риала



Примечание: Реальный эффективный валютный курс рассчитан на основе прямого (риаловая цена иностранной валюты) средневзвешенного валютного курса риала.
Источники: Islamic Republic of Iran: Recent Economic Developments, IMF Staff Country Report No. 98/27; No. 00/120.

В начале следующего 1995/96 года в связи с высоким уровнем инфляции и влиянием на ожидания на валютном рынке санкций, введенных США в мае 1995 г., давление на оба банковских валютных курса существенно возросло. Курс параллельного рынка значительно превышал официальные котировки и по некоторым данным достигал даже отметки 6200 риалов/долл.[8] Валютные ограничения были ужесточены. Доля валютной выручки от ненефтяного экспорта, подлежащая обязательной сдаче в банковскую систему, была увеличена с 50% (как это было установлено в феврале 1995 г.) до 100% (для экспортеров ковров – 30%). Сдача экспортной выручки должна была производиться в течение трех месяцев (шести – для экс-

портеров ковров) со дня поставки. *Рыночный* валютный курс фактически становился нелегальным, поскольку все операции с иностранной валютой внутри страны отныне должны были производиться через банковскую систему. Тем временем курс параллельного валютного рынка постепенно падал с уровня 3500–4000 риалов/долл. в мае – декабре 1995 г. до уровня 4000–4200 риалов/долл. в январе – июле 1996 г.

3. *Либерализация валютного регулирования.* К 1996/97 году проблему внешней задолженности, в общем и целом, удалось урегулировать, кроме того, благодаря введению жестких ограничений на импорт в течение двух последних лет достигался значительный профицит сальдо торгового баланса. Все это позволило правительству вернуться к политике либерализации валютного регулирования в соответствии с заявленными им задачами экономического развития.

В первой половине 1996/97 г. был проведен ряд мероприятий по стимулированию экспорта. Был увеличен максимальный срок между поставкой товара и сдачей валютной выручки в банковскую систему[9]. Позже, в декабре 1996 г. обязательная сдача выручки для экспортеров ковров была вовсе отменена. В январе – марте 1997 г. список товаров, импортируемых по *фиксированному* курсу (более завышенному), был постепенно сокращен. На параллельном валютном рынке обменный курс с 4200 риалов/долл. в июле 1996 г. упал до уровня около 4800 риалов/долл. в декабре 1996 г. и сохранялся на этом уровне с незначительными колебаниями на протяжении 1997 г.

С 11 июля 1997 года на Тегеранской фондовой бирже (ТФБ) была организована торговля так называемыми «импортными сертификатами» (или разрешениями на импорт), то есть правом экспортера использовать определенную часть своей валютной выручки на импорт. В 1997 г. эти импортные сертификаты котировались примерно на уровне 1615 риалов/долл. и вместе с экспортным валютным курсом, фактически как «надбавка» к нему, составляли третий обменный курс – *курс* ТФБ.

В 1997/98 г. проводя дальнейшую либерализацию валютного регулирования, правительство Ирана сократило список товаров, импортируемых по более высокому *фиксированному* обменному курсу, и разрешило экспортерам свободно торговать импортными сертификатами, доведя к марту 1998 г. долю

экспортной выручки, на которую выдавались импортные сертификаты, до 100%.

Валютная система в конце 90-х годов. Таким образом, с лета 1997 г. до конца десятилетия существовало три легальные котировки валютного курса: фиксированный, экспортный и курс ТФБ.

По официальному *фиксированному* курсу осуществлялся обмен валюты для импорта товаров первой необходимости, а также для расчетов по внешнему долгу и пересчета экономических показателей, в том числе государственного бюджета.

Экспортный валютный курс применялся для импорта сырья и комплектующих государственными предприятиями, а также импорта капитальных товаров.

По *курсу ТФБ* осуществлялись все остальные разрешенные виды внешнеторговых операций. Курс ТФБ регулировался правительством и Центральным банком ИРИ с использованием двух инструментов: через торговую политику, то есть путем регулирования выдачи импортных лицензий и через валютные интервенции. Центральный банк определял ежегодный тренд для курса ТФБ[10], который пересматривался раз в квартал. Кроме того, Центральный банк путем валютных интервенций сглаживал краткосрочные колебания курса ТФБ.

После введения в обращение импортных сертификатов правительство ИРИ постепенно осуществляло перевод операций, проводимых по экспортному валютному курсу, на курс ТФБ. В результате экспортный курс практически перестал использоваться со второй половины 1999 г. Официальное упразднение этой котировки произошло в марте 2000 г., после чего остались лишь официальный фиксированный курс и курс ТФБ. Следующим этапом стал переход к единому валютному курсу, который оказался более успешным, чем подобная попытка в начале 90-х годов. С 2001 г. бюджет страны рассчитывается, исходя из рыночного курса риала, что позволило сделать бюджет более прозрачным.

[1] Здесь и далее название курсов взяты как наиболее распространенные и частично из работ МВФ и могут не соответствовать названиям, применявшимся к ним в самом Иране.

[2] СДР (анг. SDR – special drawing rights) – «специальные права заимствования», используемые МВФ.

[3] Начальный уровень был определен на основе уровня рыночного валютного курса.

[4] Фискальный год в Иране начинается 20 (21) марта. Поэтому, например, обозначение «1995/96 г.» соответствует периоду от 21 марта 1995 г. до 20 марта 1996 г.

[5] Здесь и далее данные платежного баланса ИРИ взяты из статистики Международного валютного фонда.

[6] Начальный уровень был определен на основе уровня внебанковского валютного курса.

[7] Понятие «множественный валютный курс» является дословным переводом английского термина «multiple exchange rate», означающего наличие в стране нескольких официальных валютных котировок.

[8] V. Sandararajan, Michael Lazare, Sherwyn Williams. Exchange Rate Unification, the Equilibrum Real Exchange Rate and Choice of Exchange Rate Regime: the Case of Islamic Republic of Iran, IMF Working Paper No. 99/15 (Washington: International Monetary Fund), 1999.

[9] Для экспорта ковров период был увеличен с шести до восьми месяцев, для других товаров – с трех до шести месяцев.

[10] На основе разницы в темпах роста цен в стране и за рубежом, с учетом изменений в спросе на иностранную валюту и предложении ее, связанных с шоками условий торговли.

Атмаджа Мердан

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И США В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

После распада СССР и возникновения на его территории новых независимых государств регион Центральной Азии и Кавказа привлекает к себе внимание Соединенных Штатов и их союзников. В этом регионе проявляются многие вызовы, с которыми сегодня сталкивается мировое сообщество как на глобальном, так и региональном уровнях. Наиболее актуальными для США являются проблемы усиления активности экстремистских исламских группировок, деятельность международного терроризма, наркоторговля и торговля оружием, нарушения в области прав человека, этнические конфликты, гуманитарные бедствия, экологические катастрофы и безопасный доступ к источникам энергии[1].

Вакуум, возникший после распада СССР в Центральной Азии и Закавказье, стал причиной выработки новой американской стратегии, направленной на усиление позиций США в этом регионе. Американские политики приняли решение использовать все имеющиеся у них ресурсы, в том числе и НАТО. В апреле 1999 г. в Вашингтоне главы государств НАТО одобрили новую Стратегическую Концепцию. Ее основные пункты заключаются в следующем:

– приспособить и подготовить НАТО к текущим и будущим вызовам, сделать эту организацию более жизнеспособной и гибкой;

– расширить географическую зону ответственности альянса (что позволило бы США воспользоваться в нужный момент механизмами и инфраструктурой блока для реализации своих интересов на пространстве от Средиземноморья до Центральной Азии).

Вашингтону было важно, чтобы союзники были готовы действовать совместно с ним и за пределами Старого Света. Исходя из мысли о том, что «Европа как региональная сила

воспринимает внешнеполитические вызовы, как правило, лишь в том случае, если они затрагивают непосредственно ее территорию», администрация Клинтона добивалась того, чтобы в документах НАТО было зафиксировано согласие союзников с тем, что источники вызовов евро-атлантической безопасности (гуманитарные кризисы, распространение оружия массового уничтожения, терроризм) могут находиться за пределами традиционной сферы ответственности альянса – собственной территории входящих в него государств. Такую трактовку окончательно закрепила новая Стратегическая Концепция НАТО[2].

В Стратегической концепции НАТО была также поставлена задача переориентации военных структур.

После окончания холодной войны перед национальными вооруженными силами США и их основных союзников по НАТО с особой остротой встала проблема переориентации громоздких военных структур, нацеленных ранее на отражение широкомасштабной конвенциальной агрессии в условиях ядерного сдерживания, теперь на выполнение более узких и специфических «антикризисных» задач, требовавших несравненно большей гибкости, мобильности и более активного использования мер невоенного, например, полицейского или административного характера. Суть проблемы заключалась в том, что современные вооруженные силы, способные в случае необходимости вести обычную полномасштабную межгосударственную войну, в целом были неподготовлены к ведению военных действий в рамках операций по поддержанию мира или силовому умиротворению в зонах локальных и региональных этнополитических конфликтов более низкой интенсивности, часто внутригосударственного характера. Для НАТО это противоречие вылилось в проблему сочетания функций обеспечения «коллективной обороны» (статья 5 Вашингтонского договора) с подготовкой к «антикризисным операциям» вне зоны ответственности альянса[3]. Поэтому в первую очередь предусматривались качественное наращивание военного потенциала альянса в свете современных требований, планировалось создание сил быстрого реагирования, прежде всего для проведения антитеррористических операций, в том числе на удаленных от зоны действия альянса территориях. Наряду с этим было необходимо заменить дорогие военные системы и многочисленные военные формирования многонациональными отрядами из разных стран аль-

янса и совместным производством оружия и военных систем для коллективной обороны Европы и региона[4].

Новой задачей альянса стало и формирование трансатлантической политической структуры. НАТО должно было решать проблемы обеспечения безопасности путем укрепления и расширения сотрудничества. Продолжалось расширение состава Североатлантического пакта путем принятия новых государств из Восточной и Центральной Европы, что должно было поддержать проводимые там либеральные реформы и развитие демократии. В этом контексте начинался период установления новых отношений между Россией и НАТО, направленных на совместную борьбу против терроризма.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. НАТО поддержало США. На совещании министров иностранных дел 18 декабря 2001 г. было заявлено, что теракт против США был воспринят, как теракт против всех членов НАТО. Начало антитеррористической операции в Афганистане означало размещение американских сил в Центральной Азии. 29 марта 2004 г. семь новых стран присоединились к НАТО: Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения. Таким образом, формируется военно-политический узел обороны в оси Польша, Румыния и Болгария, что показывает важность Черного моря для дальнейшего расширения стратегии НАТО на Кавказе и в Центральной Азии. Эта стратегия такова – военные формирования НАТО должны готовиться воевать не там, где они дислоцируются, а на различных направлениях – в зависимости от возникающих угроз[5].

На Стамбульской встрече на высшем уровне НАТО было решено предпринять шаги, направленные на усиление Евроатлантического Сообщества. Кроме того, было решено распространить свою деятельность на стратегически важный регион Центральной Азии и Кавказа. В этом контексте НАТО приняло решение о налаживании связи с государствами этого региона, включая назначение двух чиновников (офицеров связи) для каждой из двух частей этого региона, а так же Специального представителя, ответственного за весь регион. Турция, как член НАТО, настоятельно поддержала эти решения[6].

Трансформация НАТО была направлена на приспособление этой организации к нуждам американской политики. Ее приоритеты – закрепление в зонах перспективных месторождений энергоресурсов и путей их транспортировки, а также –

приобретение выгодных стратегических позиций в отношении держав, способных, хотя бы потенциально, помешать реализации американских целей, – Китая и России в первую очередь. Зоны, о которых идет речь, – Ближний Восток и глубинная материковая Центральная Азия, под которой в Америке (в отличие от России) понимают огромный пласт экономического пространства от Черноморского побережья Абхазии до границ Китая. Между этими рубежами грезятся неисчерпаемые ресурсы нефти и газа[7].

Политически и в военном отношении США хотят находиться там, чтобы иметь возможность контролировать события и защищать свои интересы. Практическое проявление этой политики – развитие программы НАТО «Партнерство ради мира»[8]. Разумеется, чтобы осуществить такую важную задачу в регионе, НАТО нуждалось в таком сильном партнере, как Турция.

После окончания холодной войны одним из приоритетов внешней политики Турции стал регион Центральной Азии и Кавказа. Это направление было поддержано и сотрудничеством с США[9]. Главнокомандующий турецкой армии генерал Хилми Озкок отмечал, что США воспринимают Турцию как сильного партнера, так как Турция находится на стыке Евразии и Ближнего Востока[10]. США рассматривали Турцию как опорную точку расширения НАТО на Кавказ и в Центральную Азию. Разумеется, не только географическое преимущество Турции играло большую роль, но и ее военно-политические возможности.

Начиная с 18 февраля 1952 г., с момента вступления Турции в НАТО, она оставалась его верным членом, который внес существенный вклад в обеспечение безопасности и защиту стран альянса, в особенности государств Западной Европы, охраняя южный фланг НАТО. Имея самую длинную границу с Советским Союзом, Турция была ответственна за защиту границ альянса против стран Варшавского Договора.

После развала Варшавского договора Турция осознала, что для США ее значение снизилось. Однако после начала кризиса в Персидском заливе, возникшего в результате иракской агрессии против Кувейта, Турция присоединилась к коалиции, которая сформировалась, чтобы противостоять иракскому президенту Саддаму Хусейну и освободить Кувейт. Впоследствии Турция осталась ключевым стратегическим партне-

ром для Соединенных Штатов, соединяя географические границы между Европой, Ближним Востоком и Центральной Азией[11]. США рассматривали Турцию как посредника в осуществлении глобальной и региональной миссии НАТО, а с другой стороны, как инструмент для осуществления стратегических интересов США вне зоны НАТО[12].

Геополитическое положение Турции после окончания холодной войны и возникновения новых угроз для безопасности региона изменилось. Турция с южного фланга НАТО переместилась на передний фронт, что способствовало увеличению ее геополитического значения. В новой глобальной стратегии НАТО Турции принадлежит важная роль связующего звена между различными континентами и регионами. США также проводят свою политику, опираясь на Турцию. Таким образом, США от имени НАТО разработают свою военно-политическую стратегию в Центральной Азии через Турцию и вместе с Турцией, стремясь ослабить там влияние России и Ирана.

С образования в 1923 г. Турецкой Республики она всегда имела мощные вооруженные силы из-за своего географического положения и близости к «горячим точкам». С первой войны в Ираке сформировалась вакуумная зона на юго-востоке Турции. Наряду с этим в течение 10 лет турецкие вооруженные силы вели борьбу с курдскими повстанцами и приобрели большой военный опыт в борьбе против терроризма. Этот опыт может быть использован в операциях НАТО.

Учитывая свое стратегическое местоположение, Турция обязана проявлять реальную способность сдерживания как член НАТО. Это же требует от нее модернизации своей армии. Окончательная цель состоит в том, чтобы преобразовать турецкие вооруженные силы в современную, меньшую по численности и профессиональную армию, с большими маневренными способностями и мощной огневой силой.

Турция в настоящее время имеет наибольшие вооруженные силы среди европейских стран, являясь второй после США по численности вооруженных сил страной в рамках НАТО. В марте 2005 г. общее количество турецких формирований, которые участвуют в НАТО или НАТО-ведомых действиях, достигло 2004. Одно из них – ISAF – Силы по содействию международной безопасности. ISAF решает задачи по созданию безопасной зоны, развитию нынешних афганских структур безопасности, их обучению и определению их потребностей в будущем[13].

Турция возглавляла формирования ISAF в Афганистане между июнем 2002 г. и февралем 2003 г., то есть в течение восьми месяцев. С августа 2003 г. действия в Афганистане стали проводиться в рамках НАТО. 13 февраля 2005 г. Турция вновь возглавила ISAF, на сей раз под эгидой НАТО, с более чем 1400 отрядами сроком на шесть месяцев. Кроме того, Турция предоставила три вертолета для миссии ISAF с мая 2004 г. Бывший министр иностранных дел и спикер турецкого парламента Хикмет Четин с января 2004 назначен в Кабуле главным гражданским представителем НАТО[14]. Кроме этого, турецкие строительные фирмы принимают участие в осуществлении дорожных проектов и даже помогают строить новое американское посольство в Кабуле[15].

Турция и США взаимодействуют через посредство НАТО и в бывших советских республиках Центральной Азии и Кавказа. Так, США и Турция осуществили финансовую поддержку программ обучения военнослужащих Грузии[16]. Турецкие военные центры принимают на переподготовку офицеров из стран Центральной Азии и Кавказа в рамках осуществления программы НАТО «Партнерство ради мира».

Дополнительную значимость Турции придает также то, что это первая мусульманская страна, которая поставила перед собой задачу не только провести модернизацию и европеизацию, но и достичь этой цели путем построения светского демократического государства и рыночной экономики, создания особой «турецкий модели демократии», поэтому очевидно, что учет турецкого опыта может быть полезен для многих стран Центральной Азии и Кавказа, стремящихся к экономической и политической интеграции в новый глобальный мир в качестве его активных субъектов. О важности этого опыта свидетельствует, в частности, тот факт, что ряд постсоветских мусульманских стран декларируют свое намерение взять за основу турецкую модель государственного политического устройства[17].

Соединенные Штаты поддерживают выстраивание Турцией тесных отношений с государствами Центральной Азии и Кавказа. У США есть две важные причины для поддержки Турции. Во-первых, это нефтяные и газовые запасы Центральной Азии и стратегическое положение Турции в регионе. США стремятся обеспечить как международную стабильность, так и собственную лидирующую позицию в этом регионе. Во-вторых, они хоте-

ли бы, чтобы Турция эффективно выполняла свою роль светской страны внутри исламского мира, в частности, в противовес Ирану, который стремится к распространению исламской идеологии. Другими словами, Соединенные Штаты рассчитывают на Турцию как мусульманскую, но светскую страну, которая способна играть важную роль в регионе с целью гарантировать ограничение влияния там политического ислама[18].

В то же время между Турцией и США существуют определенные противоречия по поводу тех методов, которые должны применяться для укрепления их положения в регионе Центральной Азии и Кавказа. Соединенные Штаты отдают предпочтение военным методам, тогда как Турция хотела бы использовать прежде всего дипломатические средства. Но их интересы совпадают в том, чтобы воспользоваться энергетическими ресурсами этого региона. «Географически Турция располагает целым рядом преимуществ, и мы хотели бы воспользоваться этими преимуществами, чтобы сделать Турцию ведущим поставщиком энергоресурсов», – говорил высокопоставленный представитель министерства иностранных дел Турции, занимающийся проблемами энергетики[19]. Постройка нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан является доказательством следования этому курсу.

Однако взаимодействие Турции и США в регионе Центральной Азии и Кавказа сталкивается с определенными трудностями. Турция стремится к упрочению своих собственных позиций в этом регионе, что порой наталкивается на сопротивление со стороны США, которые хотели бы видеть в Турции только проводника американских интересов. Турция пытается сохранить отношения сотрудничества и избежать какого-либо открытого соперничества с этим лидером мировой политики, однако вполне возможно предположить, что в дальнейшем турецкие интересы переместятся в центр внимания, и политика Турции в регионе не будет полностью согласовываться с Соединенными Штатами.

[1] *Hill F.* The Caucasus and Central Asia; Brookings Policy Brief May 2001 № 80. www.brookings.edu

[2] *Троицкий М.* Концепция «Программирующего лидерства» стратегии в Евроатлантической стратегии США. – Pro et Contra. Т. 7. № 4, осень 2002, с. 98.

[3] *Степанова Е.* Россия и антикризисная стратегия НАТО после окончания «холодной войны». – Pro et Contra. Т. 7. № 4, осень 2002, с. 138.

[4] Yeni Dünya Düzeni, NATO'nun Yeni Stratejisinin Lojistiği Etkileyen Yönü, www.tsk.mil.tr/uluslararasi/natolojistik/yenidunya_p.htm

[5] *Цыганок А.* Трансформация НАТО и передислокация войск США. Где будет Россия? 22.02.2005. http://novopol.ru/print1699.html

[6] Turkey's Security Perspectives and its Relations with NATO. www.mfa.gov.tr

[7] *Богатуров А.* Перерождение НАТО, http://www.ng.ru/printed/world/2004-06-28/6_nato.html

[8] http://www.salaam.co.uk/themeofthemonth/july02_index.php?l=6

[9] *Oran Baskın* (Ed.). Türk Dış Politikası Cilt II 1980–2001, İletişim Yay. 2003, Istanbul, c. 243.

[10] http://www.tsk.mil.tr/bashalk/konusma_mesaj/2005/yillikdegerlendirme_200405.htm

[11] *Kay Sean and Yaphe Judith.* Sahaping the US-Turkey Strategic Partnership, Strategic Forum, № 122, July 1997, http://www.ndu.edu/inss/strforum/SF122/forum122.html

[12] *Davutoğlu Ahmet.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu // Kure YAY. Istanbul Şubat 2003. C. 234.

[13] http://www.nato.int/issues/afghanistan/index.html

[14] Turkey's Security Perspectives and its Relations with NATO. www.mfa.gov.tr

[15] *Alan P. Larson*, Under Secretary for Economic, Business, and Agricultural Affairs, Brookings Institute Washington, DC. June 26, 2003, http://www.state.gov/e/rls/rm/2003/22028.htm

[16] *Kuzio Taras.* NATO Re-evaluates Strategic Considerations in Caucasus, Central Asia, www.eurasianet.org; 12/17/01

[17] *Данилов Г.М.* Турецкая модель демократии: Идейно-политический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002, с. 2.

[18] *Демираг Й.* Энергия из региона Каспийского моря, http://www.globalaffairs.ru/articles/2185.html

[19] *Шлейфер И.* Нефтепровод повысит политический престиж Турции, 25.05.2005 http://novopol.ru/translation2474.html

С.Н.Саруханян

США И ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Пожалуй, ни у кого не может вызвать сомнения то обстоятельство, что «усилия США по нейтрализации ядерных амбиций Ирана стали основным фокусом американской политики нераспространения на протяжении десятилетий»[1]. О том, что эта политика США вызвана в большей степени геополитическими соображениями, нежели идеей не допустить распространения ядерного оружия, свидетельствует хотя бы тот факт, что вне рамок такой заботы фактически остается крупный региональный сосед ИРИ – Пакистан, который в 1998 г. вслед за Индией провел испытание своего ядерного оружия, окончательно нуклеаризировав регион Южной Азии, названный в свое время Б.Клинтоном «самым опасным местом на земле»[2].

О выборочном подходе США к проблеме распространения ОМП пишет и авторитетный американский ученый, автор известной фундаментальной работы «Бомба Индии» Дж.Перкович. Комментируя политику республиканской администрации США по вопросам нераспространения, он замечает: «С точки зрения радикально настроенных членов администрации, таких как Роберт Джозеф, Дуглас Фейт /…/, проблему представляет собой не само ядерное оружие, а обладающие им "плохие парни"»[3].

Примечательно, что сам термин «исламская бомба», которым США пугают весь мир, появился не в Иране, а именно в Пакистане. Как отмечает президент Института Ближнего Востока Е.В. Сатановский, ««Исламская бомба» превратилась в своего рода «святой Грааль», произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран… При этом едва ли не наименьшее внимание уделяется Америкой единственному исламскому государству, в котором ядерное оружие не только существует, но и может попасть в руки мусульманских экстремистов, – Пакистану»[4].

О том что, иранскую ядерную программу «придумали» США, написано уже достаточно много. Недавняя публикация газеты

«Вашингтон Пост» касательно меморандума Совета национальной безопасности США № 292[5], в котором обосновывается необходимость поддержки шахского Ирана в развитии его ядерной программы, развеяла сомнения даже у американской общественности по поводу того, кому должен быть благодарен Иран за появление своей национальной ядерной программы.

Ниже попробуем очертить некоторые концептуальные аспекты современной иранской политики США, которая в последнее время формируется с учетом как традиционного израильского фактора, так и влияния иракской войны на ситуацию в регионе, а также подключения ЕС к проблеме разрешения кризиса вокруг ядерной программы Ирана.

Израильский фактор

Израильский фактор, безусловно, является одним из приоритетных в определении контуров иранской политики США. Однако нам представляется неверным чрезмерное утрирование данного фактора, как это делал, например, высокопоставленный сотрудник МАГАТЭ Д.Фишер на страницах российского журнала «Ядерный контроль»: «России не стоит обращать внимание на попытки давления со стороны США. Эти попытки объясняются политическими причинами. Одна из них – давление на Администрацию Клинтона мощного израильского лобби. Многие в Израиле убеждены, что после уничтожения ядерных объектов в Ираке главным реальным врагом Израиля становится именно Иран. Поэтому израильское лобби в Вашингтоне запустило грандиозную пропагандистскую машину, работающую против иранской сделки»[6].

О тождественности, взаимодополняемости позиций Израиля и США по ядерной программе Ирана – уже в период правления республиканцев – заявляли и высокопоставленные американские дипломаты. В этом плане примечательна концептуальная статья советника президента США по национальной безопасности, а ныне государственного секретаря К.Райс, опубликованная в начале 2000 г. в престижном «Foreign Affairs». Намечая контуры будущей политики республиканцев в отношении Ирана, Райс говорила буквально следующее: «Иран представляет из себя определенную проблему в регионе Ближнего Востока – центрального для интересов США и нашего ключевого союзника Израиля. Иранские вооружения все больше и больше напрямую угрожают Израилю /.../.

В конечном счете, изменения политики США в отношении Ирана потребуют изменения поведения Ирана»[7]. Как видим, Райс, рассматривая тогда будущую политику США в отношении Ирана, эту политику обусловливает, в том числе, и израильским фактором.

Действия республиканской администрации США показали, что К.Райс имела в виду именно ужесточение американской политики по отношению к ИРИ, которое, после переизбрания Дж.Буша-младшего на второй президентский срок, перешло в угрозу применения силы против Ирана.

То, что вопрос обеспечения безопасности Израиля будет иметь важнейшее значение в стратегии республиканской администрации США во главе с Дж.Бушем-младшим, было очевидно. Безусловно, традиционно интересы Израиля стараются защищать демократы, а не республиканцы. Однако член-корреспондент РАН А.А.Кокошин указывает на одно интересное обстоятельство: «Значительная часть еврейской общины, традиционно ориентировавшейся преимущественно на демократическую партию, стала в большей мере ориентироваться на республиканцев, активно участвуя в формировании внешней и военной политики новой администрации, пришедшей к власти после президентских выборов 2000 г.»[8]. Так что учет израильских интересов в формировании внешнеполитической стратегии республиканской администрации США достаточно важен.

Не вдаваясь в подробности ирано-израильских отношений, отметим лишь то, что Израиль имеет право быть озабоченным возможностью превращения Ирана в ядерную державу. Поддержка со стороны ИРИ радикальных исламских организаций на протяжении многих лет угрожала и сегодня также угрожает безопасности Израиля.

Однако было бы неверным считать иранский режим настолько радикальным, чтобы он во что бы то ни стало на деле стремился к уничтожению Государства Израиль. Проблемы в ирано-израильских отношениях обусловлены, на наш взгляд, прежде всего проблемами в ирано-американских отношениях, а не наоборот. Сегодня больше, чем когда-либо за последние 10–15 лет, политика США по отношению к Ирану и его ядерной программе определяется прежде всего американскими интересами, а не интересами Израиля. Ниже постараемся ответить почему.

Ирак

После окончания гражданской войны в Ливане, Израиль фактически остался чуть ли не единственным «слабым местом» США на Ближнем Востоке, удар по которому со стороны ИРИ означал бы удар по самим США. Традиционно средством «удара» для Ирана остается ливанская организация «Хезболла», иранское влияние на которую, впрочем, за последнее десятилетие значительно убавилось. Такое уязвимое положение Израиля значительно изменилось после войны в Ираке, которая сделала сами США «открытыми» для давления со стороны ИРИ.

Полтора года тому назад восстание шиитов во главе М.ас-Садром стало неожиданным проявлением недовольства большинства иракского населения установленным американцами новым режимом и его политикой. Заявление министра обороны Ирака Х.Шаалана о том, что за этим восстанием стоит Иран, вызвало критику не только со стороны руководства ИРИ, но и со стороны коллег Шаалана по иракскому правительству. Шаалан дал крайне максималистскую оценку роли иранских властей в восстании шиитов. Однако факт остается фактом: в дни восстания эн-Наджаф был обвешан портретами Хомейни и ас-Систани (о последнем одна из американских газет писала, что иракский аятолла говорит по-арабски с ярко выраженным персидским акцентом). Более того, иракские аятоллы, и это касается не только сравнительно умеренного А.ас-Систани, но и радикального М.Садра, никогда не скрывали свои особые отношения с режимом иранских аятолл.

Победа проиранской шиитской партии «Даава» на выборах в иракский парламент ознаменовала почти что легитимное вовлечение ИРИ в определение политики нового иракского правительства. С дальнейшей стабилизацией либо дестабилизацией ситуации в Ираке роль и влияние ИРИ так или иначе будут возрастать. В первом случае в связи с тем, что шииты полнее начнут контролировать страну и определять ее внутреннюю и внешнюю политику, во втором случае в связи с тем, что даже с началом гражданской войны шиитское большинство будет самой сильной стороной конфликта, в том числе и благодаря поддержке тех же США, которым проиранские шииты более симпатичны, чем радикальные сунниты, руководимые «Аль-Каидой» и представителями правящей в Ираке при С.Хуссейне партии «Баас».

США явно не ожидали такого массированного вовлечения ИРИ в иракские дела, что, естественно, сказывается на ирано-американских отношениях. Данное обстоятельство усугубилось тем, что после войны в Ираке иранская ядерная программа приобрела особый масштаб, в чем косвенно виноваты сами США.

Война в Ираке имела для США два негативных последствия:

1. Ликвидировав режим Хуссейна, США еще больше усилили мотивированное желание ИРИ обзавестись ядерным оружием. И основной довод иранцев – это недопущение возможного американского вторжения. Даже американские политики отмечают, что «Тегеран стремится заполучить ядерное оружие прежде всего для того, чтобы предотвратить нападение со стороны США»[9]. На это указывает в частности К.Поллак, бывший в 1995–1996 и 1999–2001 гг. главой Управления по делам Персидского залива в Совете национальной безопасности США.

В.И.Сажин, анализируя влияние войны в Ираке на проблему нераспространения ядерного оружия, склоняется к мысли, что «так называемые «пороговые страны», то есть те, которые находятся на пути к созданию атомной бомбы, все чаще приходят к выводу, что им поможет только доктрина ядерного сдерживания»[10]. США оправдали свое вторжение в Ирак тем, что страна эта разрабатывает химическое оружие. То есть Иран убедился, что наличие химического оружия у Ирака и угроза его применения не помешали США вторгнуться в Ирак. Позже американцы признали, что у Ирака не было химического оружия. Иранцы опять же должны были сделать соответствующий вывод: обвинение в разработке и хранении ОМП послужило для США исключительно поводом для начала военной операции против Ирака. В этом свете, естественно, встают два вопроса:

Начали бы США войну против Ирака, если бы у режима С.Хуссейна было химическое или ядерное оружие?

Не правильно ли на самом деле попытаться быстро создать ядерное оружие, которое может служить гарантом ненападения со стороны США?

Безусловно, иранские власти отчетливо понимают сложившуюся вокруг себя и своей страны ситуацию, что влияет на их доктрину национальной безопасности. Как справедливо отмечает профессор Йельского университета И.Валлерстайн,

«только сумасшедший не стал бы разрабатывать ядерное оружие на месте иранского лидера»[11].

2. Ликвидировав режим С.Хуссейна в Ираке, США фактически уничтожили единственную региональную силу, которая достаточно эффективно сдерживала иранскую экспансию в регионе Ближнего Востока. Не ту экспансию, которую часто рисуют американские эксперты (военная агрессия, ядерный шантаж и т.д.), а экспансию в более широком понимании этого слова, охватывающую политическую, экономическую, торговую, культурную и другие сферы.

Свергнув Хуссейна, США, можно сказать, загнали себя в тупик. Они стали более, чем когда-либо, зависимы от поведения и политики ИРИ. «Свободный» Ирак стал самым слабым местом США на Ближнем Востоке, открытым не только для деятельности исламских фундаменталистов, но и для развернутой экспансии ИРИ. И если фундаменталистов можно периодически физически уничтожать или сажать в Абу-Грейб в надежде, что когда-либо прекратятся их вылазки, то с Ираном, не прибегающим к терроризму и незаконным действиям, а опосредованно берущим часть власти в Ираке, справиться с помощью морских пехотинцев невозможно. Несмотря на громкие заявления президента США Дж.Буша-младшего, сделанные в начале 2005 г., о возможности силового решения иранского вопроса, США не готовы, не в состоянии реализовать «иракский сценарий» на иранской земле. Хотя бы по той простой причине, что Иран более, чем в три раза больше Ирака по территории и населению, а иранские азербайджанцы явно не будут себя вести так, как повели себя иракские курды или шииты. Более того, в случае американской агрессии Иран с большим успехом может расшатать позиции США в Ираке и Афганистане. С этой точки зрения особо интересным представляется заявление, сделанное Секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ Х.Роухани во время конференции «Ядерные технологии и устойчивое развитие», проходившей в начале марта в Тегеране. Он заявил следующее: «Прежде чем предпринять какие-то действия против Ирана, знайте, что даже в случае передачи «иранского досье» в Совбез ООН Иран перестанет играть ту *стабилизирующую роль* (курсив мой – *С.С.*), которую он играет на протяжении последних лет в Ираке и Афганистане»[12]. Заявление прозвучало как угроза. Оно и было угрозой, причем достаточно реальной.

Итак, США сегодня больше, чем когда-либо, свою иранскую политику, в том числе и политику по отношению к иранской ядерной программе, вынуждены строить с учетом своих собственных интересов, а не интересов Израиля.

В свете осложнения ситуации в Ираке для самих США сегодня представляется особо актуальным решение одной важнейшей задачи: недопущение превращения ИРИ в ядерную державу, что окончательно лишит США возможности ликвидировать в будущем исламский режим в ИРИ или же ограничить усиление иранского влияния в регионе. И задача эта должна быть решена исключительно не силовыми методами, так как их применение может привести к непредсказуемым последствиям, тем более что мало кому достоверно известно, насколько и чем вооружена иранская армия.

США искренне надеются на успех в переговорах ИРИ-Евротройка (Великобритания, Германия, Франция), даже сами публично предлагают иранцам те или иные уступки, касающиеся, в частности, вступления ИРИ в ВТО.

Однако, как бы парадоксально это ни казалось, консенсус между ИРИ и ЕС по ядерной проблеме в долгосрочном плане представляет для США не меньшую угрозу, чем сами ядерные амбиции Ирана. Ниже постараемся ответить почему.

Китай, ЕС и нефтегаз Ирана

Значительная часть внешнеполитических разработок, легших в основу внешней политики республиканской администрации США, была проведена еще в 90-е годы в рамках проекта «Новое американское столетие», созданного при активном участии таких видных деятелей нынешней администрации, как Д.Рамсфельд, Д.Чейни и П.Вулфовиц. А.А.Кокошин указывает, что «едва ли не центральное место в разработках проекта «Новое американское столетие» занимает проблема роста Китая как потенциальной второй «сверхдержавы» и того, какими способами Соединенные Штаты должны воспрепятствовать этому»[13].

Следует отметить, что Ближний Восток, точнее, его нефть, для такого «воспрепятствования» является оптимальным инструментом. Еще в 90-е годы было очевидным особое значение Ближнего Востока для «усмирения» Китая. Сегодня Китай более чем 40% своей потребности в нефти обеспечивает за счет ее импорта с территории Ближнего Востока (в первую

очередь из Ирана, Омана и Йемена). Быстрорастущая экономика КНР испытывает серьезный дефицит энергоносителей. В 2003 г. Китай импортировал рекордное количество сырой нефти – более 91 млн. тонн, что на 31% превышает показатель 2002 г. По данным «International Energy Outlook», количество ближневосточной нефти, потребляемой Китаем, к 2020 г. может дойти до 91%[14], что ознаменует почти полную зависимость китайской экономики от ближневосточных энергоносителей, не говоря уже о возможной зависимости от государства или государств, контролирующих эти носители. Китай, безусловно, старается диверсифицировать источники поставок углеводородов, прежде всего за счет казахстанских и российских источников. В течение последних двух лет Китай значительно укрепил свои нефтяные позиции в Венесуэле. Однако полной независимости от ближневосточной нефти Китаю достичь вряд ли удастся. С учетом вышеизложенного США должны в ближайшем будущем всячески наращивать свое присутствие на Ближнем Востоке, сохранив линию «усмирения» Ирана – основного регионального независимого поставщика нефти в Китай. Без контроля над иранским нефтегазом невозможен контроль над ближневосточными нефтяными потоками. Независимая нефтяная политика ИРИ может служить примером для других государств Персидского залива и Ближнего Востока, свидетельством чего было подписание в 2004 г. соглашения между КНР и Саудовской Аравией о сотрудничестве в области газа.

Китай сегодня не ограничивает себя в сотрудничестве с Ираном. Нормализация отношений ИРИ-ЕС может привести к еще большей активизации Китая в Иране, тем более, что вступление ИРИ в ВТО достаточно упростит деятельность иностранных инвесторов в этой стране.

Мы склоняемся к мысли, что в случае удачной иракской кампании США Иран должен был стать следующей «освобожденной» американцами страной. Однако все пошло не так, как задумали американские стратеги, и «освобождение» иранцев, по крайней мере, отложилось на неопределенное время.

Для сохранения неядерного статуса ИРИ США сегодня вынуждены «ставить» на «евротройку», которая если и не сможет окончательно остановить военные ядерные разработки ИРИ, то, по крайней мере, имеет шанс значительно отодвинуть «Рубикон», через который ИРИ уже обратно никто никогда не вернет. Однако такое соглашение, если оно будет достигнуто, за-

консервирует ситуацию вокруг Ирана, что полностью противоречит китайской политике США: контроля над нефтепотоком из ИРИ установлено не будет.

В целом перспективы достижения консенсуса между ИРИ и ЕС чреваты для США определенными угрозами. Попробуем понять, какими.

Угроза № 1. Переговоры ИРИ – «евротройка» проходят по четырем основным направлениям, включающим вопросы политического, экономического, правового сотрудничества, а также сотрудничества по вопросам региональной и международной безопасности. Притом ИРИ установление полноценного сотрудничества с ЕС в экономической, торговой и технологической областях рассматривает в качестве первого этапа сближения сторон и достижения окончательного соглашения[15].

Что ИРИ и ЕС имеют в виду под сотрудничеством в технологической и экономической областях? Иран и Европа более чем положительно смотрят на возможность сотрудничества в области строительства ядерных энергетических реакторов в Иране. С европейской стороны особую заинтересованность проявляет Франция, которая имеет надежды на возвращение в Иран, где до революции 1979 г. французы уже успели расчистить и подготовить площадку под строительство АЭС «Ахваз». Иранские власти, в том числе и Х.Роухани, неоднократно заявляли о заинтересованности в сотрудничестве с европейскими странами в области строительства ядерных энергетических реакторов. Нельзя сказать, что после революции ИРИ впервые стала призывать европейцев на свой ядерный энергетический рынок. С 1985 г. Иран предпринял целый ряд неудавшихся попыток наладить сотрудничество в ядерной области с такими странами, как Германия, Италия, Швейцария, Испания и т.д.: все эти страны под нажимом США отказались от возможных сделок с ИРИ.

Сейчас ситуация радикально изменилась, прежде всего благодаря тому, что США на европейцев не в состоянии давить так же сильно, как они это делали лет 20–10 тому назад. И причина этого не в усилении ЕС и европейской солидарности. США отчетливо понимают, что Европа сегодня – та единственная сила, которая может убедить ИРИ в прекращении работ по созданию ядерной инфраструктуры, могущей стать основой для создания иранской ядерной бомбы. Европа свое иное, нежели 20 лет тому назад, положение тоже осознает и поэтому

целенаправленно «проталкивает» своих ядерных энергетиков в ИРИ. Вход европейцев в ИРИ будет предусмотрен соответствующим соглашением, которое, по всей вероятности, будет достигнуто. И США не смогут этому воспрепятствовать. Тем самым Иран с его рынком ядерной энергетики полностью «откроется» для европейских компаний, что лет 5 тому назад для американцев было бы неприемлемым.

Кроме того, установление полноценного экономического сотрудничества с Европой еще больше усилит позиции Ирана в регионе, даст достаточно сильный толчок развитию самой иранской экономики и ее модернизации, чему американцы небезуспешно препятствовали в течение последних двух десятилетий.

Что касается Европы, то корпоративные интересы европейских высокотехнологичных компаний ее волнуют не в первую очередь: прежде всего европейцы хотят получить иранский газ. А это для США – другая явная угроза.

Угроза № 2. В своем недавнем интервью российскому журналу «Эксперт» аналитик фонда «Наследие» (Heritage Foundation) А. Коэн говорит: «Евросоюз принял стратегическое решение о том, что Европе нужно снижать зависимость от российского газа за счет использования газа иранского – что говорится, из огня да в полымя. Почему лучше зависеть от Тегерана, чем от Москвы, я не понимаю»[16]. В Европе все-таки решили, что газовая зависимость от Тегерана не так уж и страшна. Безусловно, иранский газ не заменит российский, который уже несколько десятилетий поставляется в Европу. И вопрос тут скорее не в замещении российского газа, а в поиске новых источников в свете того, что запасы Северного моря вскоре будут исчерпаны, а потребление газа в Европе будет непрерывно расти в течение по крайней мере ближайших 30–40 лет. Европа будет и дальше сжигать российский газ, однако она не склонна допустить, чтобы Россия стала основным (почти что единственным) поставщиком энергоносителей в ЕС.

ЕС, вне всякого сомнения, хочет с Ираном договориться. И в отличие от США, которые взяли курс на свержение нынешнего иранского режима, ЕС договорится с любым Ираном – теократическим, диктаторским или демократическим. Опыт достижения договоренностей с «вражескими» странами у Европы есть. Стоит вспомнить хотя бы то, как ФРГ в свое время договорилась с СССР по вопросам импорта советского газа. А СССР для За-

падной Европы был реальной, а не, как ИРИ, мнимой угрозой. Более того, ЕС в чем-то должен быть заинтересован сохранить нынешний иранский режим, так как режим этот показал достойную уважения политическую жизнестойкость, а также способность более или менее стабильного развития в тяжелых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях.

Вступление Турции в ЕС вплотную приблизит границы Европейского союза к Ирану, к его энергоносителям. Кроме того, «бархатные революции» в Грузии и Украине, внешнеполитическая переориентация руководства Молдовы открывают вторую – черноморскую – европейскую магистраль к Ирану и его энергоносителям. Недостающими участками этой магистрали остаются Армения и/или Азербайджан, с которыми ЕС в конце концов найдет общий язык, тем более, что строительство газопровода Иран-Армения уже вступило в свою активную фазу.

Новые власти Грузии и Украины уже вовсю участвуют в «иранской игре» ЕС. М.Саакашвили после своего избрания на пост президента Грузии посетил Иран, и газовый вопрос занял важное место в его переговорах с иранским руководством. В.Ющенко во время своего официального визита в Москву заявил, что в ближайшее время посетит Иран, где будет вести переговоры по вопросам экспорта иранского газа на Украину. Ранее в Киеве он вел переговоры с министром энергетики ИРИ.

Переговоры ИРИ – «евротройка» по вопросам иранской ядерной программы дают ЕС редкий шанс достичь с иранцами договоренностей. Достижение консенсуса по ядерной проблеме «откроет» Иран и его ресурсы для Европы. В достижении соглашения сегодня больше заинтересована Европа, нежели Иран. Если бы не злополучный американский фактор, европейцы скорее всего вообще бы закрыли глаза на военную ядерную программу Ирана, тем более, что атомная бомба окончательно стабилизировала бы ситуацию вокруг Ирана.

В этом свете встает вопрос: должны быть заинтересованы США в достижении консенсуса между ИРИ и «евротройкой»? Что выиграют и что потеряют США?

Выиграют:

1. Иран откажется от военной ядерной программы.

2. Иран, возможно, будет меньше угрожать Израилю и его безопасности.

Проиграют:

1. Европа будет активно сотрудничать с Ираном в области ядерной энергетики.

2. Установление экономического сотрудничества с ЕС и вступление в ВТО «откроют» Иран для мировой экономики и финансов. Исчезнет режим торгово-экономической изоляции Ирана.

3. Начало поставок иранского газа в Европу усилит зависимость европейской экономики от Ирана и его положение укрепится. Тем самым любая военная акция против ИРИ будет бить по энергетической безопасности ЕС и может вызвать кризис европейской, а следовательно, и мировой экономики. Тем самым возможность военной акции против Ирана будет минимизирована.

4. Газо- и нефтепроводы из Ирана в Европу могут снизить значение трубопроводов типа «Баку-Тбилиси-Джейхан», являющихся, в том числе, и инструментом политической и экономической экспансии США в регионе.

5. Стабилизация внешнеполитической ситуации вокруг Ирана укрепит и без того сильные позиции ИРИ в Ираке и Афганистане.

Итак, иранская политика США в течение последних нескольких лет столкнулась с большими проблемами. США своей ближневосточной политикой заставили Иран ускорить работы по созданию ядерного оружия. В то же время США стали настолько уязвимы для иранского ответа на возможное вторжение, что сегодня они как никогда не готовы военным путем заставить ИРИ отказаться от своих ядерных амбиций и тем более катализировать свержение иранского режима. И это несмотря на то, что американские военные базы находятся в Ираке и Афганистане. В скором времени они, скорее всего, появятся в Азербайджане с целью «обеспечения безопасности» нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан». США понимают, что ЕС – это единственная сила, которая может убедить (а не заставить) ИРИ прекратить военные ядерные разработки. Однако консенсус между ИРИ и ЕС еще больше укрепит политические и экономические позиции ИРИ, тем самым еще более усложнив возможность свержения нынешнего иранского режима и реализации «иракского сценария» в Иране.

[1] *Айнхорн Р., Сеймур Г.* Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы // Ядерный контроль. 2002, № 4, с. 35.

[2] PPNN Newsbrief. – 2000. # 52, Third Quarter, с. 22.

[3] *Перкович Дж.* Ядерная революция Буша // Россия в глобальной политике. – 2003, № 2, Том 1, с. 66–67.

[4] *Сатановский Е.В.* Мир после иракской войны // Ядерный контроль. – 2003, № 3 (69), Том 9, с. 89.

[5] Подписан Государственным секретарем США Г.Киссинджером.

[6] *Фишер Д.* Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову // Ядерный контроль. – 1995, № 6, с. 20–21.

[7] *Rice C.* Promoting the National Interest // Foreign Affairs. – 2000. Vol. 79, № 1, с. 61.

[8] *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003, с. 108.

[9] *Поллак К.* Как сделать Персидский залив безопасным? // Россия в глобальной политике. 2003, № 4, Том 1, с. 132.

[10] *Сажин В.И.* 2004. Война против Ирака и проблема нераспространения ядерного оружия. // *Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке*. – М.: ИИИБВ, 2004, с. 149.

[11] Результат, обратный желаемому. Интервью с И.Валлерстайном // Эксперт. – 2005, № 19 (466), с. 89.

[12] Аудиозапись выступления Х. Роухани на конференции «Ядерные технологии и устойчивое развитие». – Библиотека Научно-образовательного фонда «Нораванк», Ереван. Фонд аудиозаписей, запись № 29.

[13] *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003, с. 109.

[14] International Energy Outlook 1998.

[15] См. Терехов Н. Иран надеется на достижение договоренности с ЕС по ядерной проблеме // РИА Новости. 18.05.2005.

[16] «Америка – это национальное государство». Интервью с А.Коэном // Эксперт. – 2005, № 15 (462), с. 96.

Д.И.Кобызев

ИЗРАИЛЬ И ИНДИЯ: ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Индийско-израильские отношения развивались за последнее десятилетие быстрыми темпами. За эти годы Индии и Израилю удалось создать определенный фундамент для сотрудничества в политической, торгово-экономической и военной сферах. Был подписан целый ряд соглашений, регулирующих взаимодействие Индии и Израиля во всех сферах.

Израиль на сегодняшний день является одним из крупнейших инвесторов в экономику Индии, важным поставщиком вооружений. Создаются совместные предприятия в сферах сельского хозяйства, медицины, телекоммуникаций, энергетики, включая использование нетрадиционных источников энергии. Достижения Израиля в сфере высоких технологий, сельского хозяйства, военных разработок эффективно востребованы в стремительно развивающейся Индии.

По мнению консервативной газеты Jerusalem Post, Индия превращается в одного из основных стратегических союзников Израиля. Отношения с сильной Индией чрезвычайно важны и для Израиля в политическом аспекте: они находят ему союзника вне Американского континента.

Внутренние и геостратегические изменения заставили Индию установить в 1992 г. дипломатические отношения с Израилем. На пересмотр позиции Индии к нему повлияло несколько факторов, прежде всего Война в заливе 1991 г., которая сильно подорвала единство арабского мира, и, безусловно, окончание холодной войны. Долгое время развитие отношений с арабскими странами оставалось приоритетным для Индии, и все попытки, предпринимавшиеся израильским руководством установить более тесные взаимоотношения, игнорировались Дели. Однако ситуация резко поменялась в 1998 г., и сегодня Индия выступает в качестве одного из основных партнеров Израиля.

Характер отношений Индии и Израиля

С мая 2004 г. после победы на выборах в индийский парламент «Объединенного прогрессивного альянса» (ОПА) во главе с Индийским Национальным Конгрессом (ИНК) в индийско-израильских контактах наблюдалось временное затишье. Многие предсказывали окончание периода бурного развития отношений двух стран.

Опасения Израиля по поводу смены власти в Индии и приоритетов ее внешней политики во многом оказались напрасными, хотя поводов для волнения было достаточно. Новая власть признала необходимость дальнейшего тесного сотрудничества с Израилем. Смерть Ясира Арафата в ноябре прошлого года сняла у индийского правительства все сомнения по поводу необходимости продолжения контактов с Израилем. Индия будет развивать отношения с еврейским государством во всех областях. По мнению индийских политологов, политика их страны на постарафатовском Ближнем Востоке будет заметно отличаться от предыдущего курса.

В ближневосточном конфликте ИНК традиционно принимал сторону палестинцев. Корни пропалестинской политики находятся в 20-х годах, когда взгляды индийских и палестинских националистов совпали в их антипатии к сионизму. Напомню, Израиль не имел официальных дипломатических отношений с Индией до 1992 г. Известно, что наиболее успешное развитие индийско-израильских отношений приходится на период после 1998 г., когда в Индии к власти пришла правая *Бхаратия джаната парти* (*БДП*) в коалиции с несколькими малыми партиями. Именно тогда Индия перешла от традиционной проарабской внешней политики к курсу на сближение с США и Израилем. Только после 1998 г. отношения с Израилем приобрели открытость и публичность. Вдобавок к этому после ядерных испытаний в Индии Израиль проявил себя как настоящий стратегический союзник, не став вслед за странами Запада открыто критиковать Индию за проведенные испытания. Во время военных столкновений Индии и Пакистана в 1999 г. Израиль предоставлял Индии ценную информацию, полученную со своих военных спутников, чем сильно помог Индии[1]. Не стоит также забывать, что сегодня Израиль – второй после России поставщик вооружений в Индию, верный союзник в борьбе с терроризмом, главный поставщик антитеррористического оборудования (систем электронного наблюдения). Индия

просто не могла отказаться от такого партнера, поэтому кардинально индийская политика по отношению к Израилю после выборов в мае 2004 г. не поменялась. Последние события, о которых речь пойдет ниже, – явное тому подтверждение.

Тем не менее на пути сближения Индии и Израиля появлялись преграды. В Индии периодически нарастают антиизраильские настроения. Так например, визит А.Шарона в Индию в 2003 г. оказался очень своевременным и положительно сказался на развитии отношений. Визит состоялся как раз во время нарастания критики в индийском обществе израильских методов противодействия интифаде. Начало интифады Аль-Акса в 2000 г., надо сказать, ознаменовало новый виток антиизраильских настроений в Индии. Коммунистическая партия вообще требовала отзыва индийского посла из Тель-Авива. Поэтому результаты индийских выборов в мае 2004 г. и вызвали у Израиля столько опасений. И действительно, в первом же после выборов выступлении представителя МИДа Индии прозвучало заявление о том, что теплые отношения с мусульманскими государствами крайне ценны для Индии[2]. Критика политики Израиля в Палестине стала заметно жестче. Однако похолодание отношений Израиля с правительством, сформированным ОПА, оказалось не столь серьезным и продолжительным. Разногласия не были очень глубокими, гораздо весомее работали факторы на сближение. Уже в ноябре 2004 г. страны обменялись визитами высокопоставленных лиц. Основными вопросами стали совместная борьба с терроризмом, сотрудничество по ВТС. Визит Эхуда Ольмерта, заместителя премьер-министра Израиля, в Индию в следущем месяце также положительно сказался на политическом сближении. Возобновились поставки оружия, Israel Military Industries (IMI) объявила о заключении новых контрактов (см. ниже). Все это подтвердило намерения двух стран к развитию двусторонних отношений. Недавние выборы в Палестине, несколько снизившие напряженность на Ближнем Востоке, также повлияли на пересмотр позиции ОПА в отношении Израиля[3]. Данные факты полностью снимают неуверенность политиков по поводу будущего индийско-израильских отношений.

Важно упомянуть, что связи с Израилем помогают Индии наладить диалог с США, с которыми у индийского правительства имеется огромное количество противоречий. Они касаются иранской ядерной программы, сирийского финансирова-

ния терроризма и других проблем. Индийские политики осознают, что связи с Израилем – вероятно, единственный путь к сближению с Вашингтоном. Причем сегодня речь, возможно, идет о создании военно-политической оси Вашингтон – Дели – Тель-Авив[4].

Сферы взаимодействия

Торговля

К тому времени, как Индия и Израиль установили дипломатические отношения, экономика Индии уже была открыта для большинства стран мира. Специалисты видели огромный потенциал в торговых связях между двумя странами. С 1992 г. они регулярно обменивались торговыми делегациями. На данном этапе выявились приоритеты каждой из сторон. Индийцы ориентируются на расширение контактов с израильтянами в области высоких технологий. Израиль намерен экспортировать в Индию электронное и сельскохозяйственное оборудование, а также соответствующие технологические линии.

Сегодня и Индия, и Израиль заинтересованы в развитии двусторонней торговли. По сообщению индийских СМИ, в декабре прошлого года страны договорились о создании совместной группы по изучению перспектив расширения торговли. Министр торговли и промышленности Индии Камал Нат объявил о цели достичь объема торговли между двумя странами в 5 млрд. долл. в течение трех лет. Сегодня Индия занимает второе место по объему двусторонней торговли Израиля с азиатскими странами[5].

В течение продолжительного времени торговля между Индией и Израилем ограничивалась лишь двумя товарами: необработанными алмазами и продукцией химической промышленности. В 90-е годы только алмазы составляли около 65% всего израильского экспорта в Индию, а обработанные алмазы и хлопок вместе примерно – 76% индийского экспорта в Израиль. Тем не менее сегодня осваиваются новые области взаимодействия. Другие статьи израильского экспорта в Индию включают: удобрения, медицинское оборудование, электронику, средства связи. В начале 2000-х особо выросли показатели индийского экспорта пищевых продуктов, пластика, флоат-стекла, машинного оборудования и, конечно, алмазов. Индия также поставляет в Израиль чай, кофе, пряности, ремесленную продукцию, мрамор.

Важно отметить, что Индии и Израилю удалось установить благоприятный климат для развития бизнеса. Они присвоили друг другу статус *Most Favoured Nation*. Между двумя государствами действуют договоры предотвращения двойного налогообложения, в области защиты инвестиций, договоры о совместной научно-исследовательской деятельности.

Вопросами совершенствования форм и методов торгово-экономического сотрудничества занимается специальный совместный индийско-израильский комитет. В частности, на его заседаниях была достигнута договоренность о сокращении ставок таможенных пошлин на некоторые экспортируемые из Индии товары, в том числе чай, рыбу, жмых, строительные материалы, медикаменты, изделия из резины и пластика. На последних заседаниях комитета были приняты решения о создании специального механизма по устранению различного рода бюрократических и правовых процедур, тормозящих поступательное развитие торгово-экономического сотрудничества между двумя странами; о совместном финансировании исследований в сфере совершенствования телекоммуникационного и медицинского оборудования, разработки агротехнологий, в области биотехнологий, образования и др.

В 2004 г. объем торговых сделок между двумя странами возрос на 30% по сравнению с предыдущим годом и достиг 2,1442 млрд. долл., в 2003 г. он составил 1,61 млрд. долл.. Индийский экспорт в Израиль (не включая алмазы) вырос в 2004 г. более чем на 20%, увеличение израильского экспорта в Индию составило около 40%.

Таблица

Торговые показатели Израиля и Индии 1985–2004 гг. по данным ЦСБ Израиля

(в млн. долл. США)

	1985		**1990**		**2000**		**2002**		**2003**		**2004**	
	Экспорт	**Импорт**	**Экспорт**	**Импорт**	**Экспорт**	**Импорт**	**Экспорт**	**Импорт**	**Экспорт**	**Им-порт**	**Экспорт**	**и**
Всего	6084	8021	11603	15107	31404	35750	29347	33106	31783,3	34211,8	38618,4	40
Индия	17	13	96	70	557	535	620	653	717,8	888,8	1037,9	1
Доля Индии (%)	0,3	0,2	0,8	0,5	1,8	1,5	2,1	2,0	2,3	2,6	2,7	

В целом торгово-экономические связи имеют хорошие перспективы для дальнейшего расширения. Индия и Израиль планируют достичь объема двусторонней торговли в 5 млрд. долл. к 2007 г.[6]

Как уже было отмечено ранее, сегодня Индия – второй партнер Израиля по объему двусторонней торговли из стран Азии и девятый из всех стран мира.

Важной сферой сотрудничества двух стран является сектор *телекоммуникаций*. Еще в декабре прошлого года министр торговли и промышленности Индии Камал Нат обратил внимание израильских инвесторов на перспективность вложения средств в индийский сектор инфраструктуры и телефонной связи[7]. Похоже, израильские компании сразу же откликнулись на это предложение. Компания «Tadiran Communications» изучает возможность покупки индийской компании, работающей в области телекоммуникаций.

На индийском рынке телекоммуникаций уже действуют такие крупные израильские компании, как «Enrho Energy Ltd.» и «Bezek», которые, по ряду экспертных оценок, уже вложили в различные телекоммуникационные проекты в этой сфере по 200 млн. долл. Обе страны имеют большой потенциал, а также заметный интерес к возможностям друг друга и развитию отношений в этой сфере.

Сельское хозяйство

Установление дипломатических отношений между двумя странами стало толчком в развитии сотрудничества в области сельского хозяйства. Были основаны многочисленные совместные предприятия в области: ирригации, эксплуатации водохозяйственной системы, производства удобрений.

Израиль является одним из мировых лидеров в сфере разработки сельскохозяйственных технологий. Израильские технологии позволяют решить многие проблемы, стоящие перед сельским хозяйством Индии. Достижения Израиля по уровню ирригационного оборудования, капельного орошения и использования генетически модифицированных семян, в борьбе с опустыниванием, по рациональному использованию водных ресурсов, охране окружающей среды представляют большую ценность для Индии. Одним из первых совместных предприятий стал проект в индийском сельскохозяйственном исследовательском институте (Pusa project), который должен был продемонстрировать израильские достижения в области сельского

хозяйства. Проект стоимостью 2 млн. долл. успешно завершил свою деятельность в 2002 г. Во время визита А.Шарона в Индию в 2003 г. речь шла о новом подобном проекте. Подробности проекта обсуждались в декабре 2004 г. с заместителем премьер-министра Израиля Ехудом Олметом во время его пребывания в Индии. Одним из препятствий, встающих на пути сотрудничества Индии и Израиля в области сельского хозяйства, является проблема внедрения новых разработок и технологий в производство. Так, технология выращивания фруктов, овощей, цветов с высокой урожайностью так и не нашла применения на практике и осталась в стенах лаборатории. В Китае, например, те же израильские технологии уже прошли стадию коммерциализации и успешно применяются в сельском хозяйстве. Проект Pusa, например, существовал только благодаря государственному финансированию.

Индийские фермеры регулярно проходят курсы обучения у израильских специалистов по применению данных технологий. Ученые перенимают опыт у израильских коллег в области тепличного выращивания овощей и фруктов, которое увеличивает урожайность на 50%. Индийский сельскохозяйственный исследовательский институт принимает израильских специалистов ежегодно, чтобы ознакомиться с новейшими сельскохозяйственными разработками Израиля[8].

Борьба с терроризмом

Перед Индией, как и перед Израилем, остро стоит проблема борьбы с терроризмом. Оба государства имеют большие исламские общины, и терроризм финансируется соседними государствами. Индия и Израиль договорились о создании единого фронта по борьбе с терроризмом во время визита А.Шарона в Индию. Сразу после этого стороны условились о проведении совместных антитеррористических учений[9]. Израиль активно помогает Индии бороться с терроризмом в Кашмире. Антитеррористическое сотрудничество заключается прежде всего во взаимодействии спецслужб двух стран, обмене информацией, совместных учениях и вдобавок к этому поставке специального оборудования для борьбы с терроризмом из Израиля (систем электронного наблюдения и bordermanagement electronic warfare).

Hi-tech сектор

Высоко технологичные отрасли промышленности Израиля, являющиеся катализатором развития экономики страны, сильно

пострадали в последнее время из-за обострившейся конкуренции со стороны Индии. Рабочая сила в Индии намного дешевле, чем в Израиле, и израильские компании несут огромные убытки в связи с переориентацией иностранных компаний на индийскую рабочую силу. Более того, некоторые hi-tech компании Израиля сами открывают в Индии предприятия, чтобы удешевить свое производство.

Таким образом, многие специалисты в Израиле придерживаются мнения, что в данной ситуации есть лишь два выхода: либо сотрудничать с Индией, либо проиграть.

Напомню, ставки для Израиля очень высоки: продукция отраслей hi-tech Израиля составляет половину всего экспорта (По данным ЦСБ Израиля, экспорт продукции наукоемких отраслей (high-tech exports) Израиля достиг 10,95 млрд. долл. в 2004 г., чуть менее половины общего объема экспорта продукции промышленности 23,64 млрд. долл., не включая алмазную промышленность). Наукоемкие отрасли промышленности, основанные на продвинутых технологиях и инновации, являются залогом экономической независимости Израиля. В данном секторе заняты наиболее высококвалифицированные кадры. Влияние высокотехнологичных отраслей на экономику огромно. В Индии в то же время около 300 тыс. инженеров ежегодно пополняют рынок рабочей силы, причем затраты на рабочую силу примерно на 25% ниже, чем в Израиле.

Вместо того, чтобы ликвидировать негативные последствия этого процесса, израильские hi-tech компании, наоборот, активно проникают в Индию, открывая там исследовательские центры. Пример тому – компания «Ness Technologies Inc.», крупнейшая израильская компания компьютерного обеспечения, приобрела в 2002 г. «Apar Infotech», инвестировав в индийский hi-tech – сектор 78 млн. долл. С середины 2003 г., когда компания реально начала работать в Индии, штат сотрудников там возрос с 300 до 1400 человек. Были открыты офисы в Бангалоре и Бомбее[10].

Элиша Янай, глава «*Motorola Inc's Israel operations*» и президент «*Israel Association of Electronics and Information Industries*», в письме премьер министру Ариэлю Шарону отметил опасность потери тысяч рабочих мест в связи с обостряющейся конкуренцией с Индией. Иностранные компании «*Intel*», «*Motorola*», «*Cisco*», «*IBM*», работающие в Израиле, только за последние несколько месяцев сократили

количество рабочих мест на несколько тысяч. В результате перемещения производства в страны с более дешевой рабочей силой Израиль может потерять около 30 тыс. рабочих мест в высокотехнологичном производстве, т.е. примерно 40% рабочих мест отраслей hi-tech.

Израильский сектор высоких технологий тем не менее по-прежнему опережает индийский во многих областях, например, в сфере коммерческого программного обеспечения, производстве полупроводников, систем связи, в биологии.

Особенностью индийского сектора hi-tech является его фрагментированность. Более 85% из 2800 компаний отрасли имеют ежегодный доход менее 2 млн. долл. Сегодня Израиль нуждается в услугах индийских компаний в сфере outsourcing. Учитывая наличие у Индии сильной научно-технологической базы, совместные индийско-израильские проекты являются крайне перспективными.

Сотрудничество в сфере высокотехнологичного производства стало одной из основных тем во время визита заместителя премьер-министра Израиля Ехуда Олмета в Индию в декабре 2004 г. Стороны договорились о расширении совместных разработок и создании совместного Института исследований и разработок. На сегодняшний день Индия и Израиль имеют 37 совместных научных проектов. Только за 2004 г. Израиль посетили 200 индийских ученых[11].

Торговля алмазами

Особого внимания заслуживает *торговля алмазами* между двумя странами. В 2004 г. двусторонняя торговля алмазами достигла 1475,8 млн. долл., что на 28,6% выше показателя 2003 г. – 1147,4 млн. долл.. В 2004 г. увеличение экспорта алмазов в Индию составило 697 млн. долл. (на 31,91% больше показателя 2003 г.), а импорт составил 778,8 млн. долл., на 25.82% больше по сравнению с 2003 г.

В настоящее время продолжается тенденция перемещения производства бриллиантов из Израиля в другие страны, прежде всего в Индию, где рабочая сила намного дешевле. Так, компания «LLD Diamonds Ltd», израильский экспортер обработанных алмазов, собирается основать в Индии дочернюю компанию. «LLD Diamonds Ltd» уже получила на это одобрение индийского правительства. В целом, по замыслу израильских производителей алмазов, Индия должна стать центром, где будут размещаться подразделения по переработке алмазов с их

последующей поставкой на рынок. «LLD Diamonds Ltd» с 2001 г. была крупнейшим израильским поставщиком алмазов. В 2003 г. компания экспортировала из Израиля обработанных алмазов на сумму 570 млн. долл.[12]

Надо отметить, индийская алмазо-бриллиантовая промышленность развивается быстрыми темпами, привлекая инвестиции не только из Израиля, но и из Бельгии. Если раньше Индия специализировалась преимущественно на обработке мелких, «трудоемких» алмазов, то сегодня на 30% увеличился приток крупных алмазов в Индии[13]. А общий экспорт индийских обработанных алмазов составил в 2004 г. 10,3 млрд. долл., что на 28,1% больше показателя предыдущего года[14]. В Израиле величина экспорта алмазов несколько скромнее – 6,3 млрд. долл. в 2004 г.

Кстати сказать, индийских производителей алмазов все больше беспокоит конкуренция со стороны Китая, который также активно развивает алмазогранильную промышленность. Бельгийские, израильские, а теперь уже и индийские компании основывают подразделения для обработки алмазов в Китае, где в алмазогранильной отрасли занято 25–30 тыс. человек. Таким образом, Индия опасается того, чего раньше опасался Израиль в отношении расширяющегося индийского производства алмазов[15].

Военно-техническое сотрудничество

В целом можно утверждать, что вопросы безопасности остаются на первом месте в отношениях между двумя странами, поэтому военно-техническому сотрудничеству между Израилем и Индией уделим особое внимание.

На сегодняшний день Индия представляет собой наиболее важный рынок поставок вооружений из Израиля. У этих стран нет взаимных претензий и много общих интересов, особенно в сфере национальной безопасности.

Еще до установления дипломатических отношений между двумя государствами были контакты в военной сфере, сотрудничали секретные разведывательные службы. Отсутствие дипломатических отношений не мешало ограниченным закупкам Индией израильских стрелковых вооружений во время ее конфликта с Китаем в 1962 г. и индо-пакистанских войн 1965 и 1971 гг.

Нормализация отношений поставила страны на путь поиска новых сфер взаимодействия. Вслед за сотрудничеством в области торговли и сельского хозяйства поиск продолжился.

Новой сферой стало военно-техническое сотрудничество двух государств.

Надо сказать, после установления дипотношений страны держали в секрете факт проведения военных обменов. Обе страны отрицали слухи о каких-либо военных переговорах. Правовая основа ВТС была заложена в 1994 г., когда было подписано первое соглашение о сотрудничестве в области безопасности, однако уже с 1992 г. Индия и Израиль регулярно обменивались делегациями министерств обороны и оборонных предприятий. ВТС между Израилем и Индией бурно развивалось, несмотря на то, что некоторое время официальная позиция Дели оставалась довольно сдержанной. В 1993 г. Индию посетил министр иностранных дел Израиля Шимон Перес. В 1995 г. генерал Хельц Бодингер во время визита в Индию предложил пакетную сделку по ПВО, БЛА. Важный для двусторонних отношений контакт состоялся в июне 1996 г., когда директор ООИР А. Калам, прибыв с неофициальным визитом, изучал в Израиле возможность приобретения оборудования для индийских заводов, а также знакомился с израильской противоракетной системой *Arrow*[16]. В январе 1997 г. Индию посетил президент Израиля Эзер Вейцман, и было принято решение обменяться военными атташе. Полномасштабное сотрудничество началось в 1998 г., когда Индия, а затем Пакистан испытали свое ядерное оружие. Сразу после ядерных испытаний Индию посетила делегация IAI для заключения сделки о поставке БЛА. Именно тогда особую обеспокоенность по поводу индийско-израильского военного сотрудничества выразили США.

Распад СССР, который традиционно был основным военным партнером Индии, неизбежно сказался на ВТС. Россия утратила производственные мощности бывшего СССР. Перед индийской военной промышленностью встала задача наладить собственное производство вооружений и запчастей стоящей на вооружении военной техники. Таким образом, был взят курс на самообеспечение военной техникой и диверсификацию поставок вооружения из других стран. Тем не менее продукция российского ВПК и поныне остается конкурентоспособной и сравнительно дешевой.

Израиль лишь недавно стал торговым партнером Индии. Достижения израильской гражданской и военной промышленности, а также успехи в сфере научных разработок сделали его

перспективным партнером Индии. Заинтересованность Индии в сотрудничестве с Израилем, обладающим богатым опытом в создании современных вооружений, определила растущий спрос на израильскую военную продукцию и разработки. Причем индийское руководство сразу сделало ставку на модернизацию с помощью Израиля стоящей на вооружении техники и закупку наукоемкой продукции[17].

Хотя Индия обладает собственной мощной современной военной промышленностью, однако основное вооружение закупается за рубежом. Растущие военные аппетиты Индии иллюстрируются следующими данными. За десять лет с 1992 г. военные затраты Индии увеличились на 60% в реальном выражении[18]. Производство вооружений, а также объем военных закупок существенно возросли вследствие вооруженных конфликтов с соседними государствами. Вооруженные столкновения с Пакистаном подчеркнули необходимость в срочной модернизации оборонного потенциала, приобретении нового военного оборудования и технологий.

Закупки вооружений за рубежом обусловлены рядом политических, экономических и военных факторов. Желание сохранить позиции в международных отношениях и свое военно-политическое влияние в регионе, а также растущая экономическая экспансия Китая неизбежно подстегнули рост военных расходов Индии.

Определенную озабоченность вызывает индийско-израильское сотрудничество у *Пакистана*. Пакистан внимательно наблюдает за развитием военных программ своего соседа и старается использовать любые признаки сближения между Индией и Израилем для того, чтобы привлечь к ним внимание арабского мира и охладить его отношения с индийским правительством. Более того, как опасаются аналитики, явное военное сотрудничество между двумя странами может подтолкнуть Пакистан к передаче имеющихся у него ядерных технологий какой-либо из арабских стран. Пакистан выразил озабоченность по поводу военных контактов Индии и Израиля накануне визита А.Шарона в Индию в 2003 г. Особое возмущение у Пакистана вызвала сделка по поставке ДРЛО Phalcon и систем ПВО, которые действительно существенно изменяют баланс сил в пользу Индии[19].

Индии приходится постоянно помнить, что в стране проживает второе по численности в мире мусульманское населе-

ние, а Иран и другие страны Персидского залива являются главными поставщиками нефти для нуждающейся в энергоносителях индийской промышленности. В этой связи из-за резкой реакции в ООН на эти контакты со стороны представителей ряда арабских стран Индия была вынуждена даже отменить некоторые запланированные взаимные визиты индийских и израильских военных[20]. Напомню, что именно из-за опасений испортить отношения с арабскими странами, в которых, кстати, проживает большая индийская диаспора, Индия не афишировала контактов с Израилем даже после установления дипломатических отношений. Однако сегодня для Дели, уже не ведущего борьбу за лидерство в развивающемся мире, когда-то искомая поддержка арабских стран по сравнению с нынешним реальным сотрудничеством с еврейским государством потеряла всякую привлекательность[21].

Большое беспокойство индийско-израильское сотрудничество вызывает и у России, которая всегда играла доминирующую роль на индийском рынке вооружений. И сегодня Индия – один из основных потребителей российского ВПК, поэтому Россия ревниво относится к любым попыткам потеснить ее на этом традиционном рынке. Естественным будет ожидать, что российское лобби в индийском правительстве и особенно в военном ведомстве активно выступит против любого посягательства на занятую российским оружием нишу. И все же представляется маловероятным, что Индия, учитывая свои финансовые возможности, сможет переключиться на покупку вооружений нероссийского производства. Ведь сопутствующие расходы на запасные части, обучение, капитальный и частичный ремонт, организационные затраты будут колоссальными. Более того, российско-индийское сотрудничество поддерживается такими немаловажными факторами, как российские «цены для друзей», оплата по бартеру и отсроченный платеж. Сегодня российско-индийские отношения в военной области переживают свой расцвет, и мало что предвещает их угасание. У России достаточно современных разработок, спрос на которые с индийской стороны велик. Политического влияния России в Индии должно хватать, чтобы при необходимости даже решить исход международного тендера.

Однако в случае, если Россия не сохранит технологическое первенство в производстве систем вооружения в XXI в., не найдя силы и, главное, средств на разработку систем сле-

дующего поколения, Индия, получив максимум современных вооружений, должна предусмотреть возможность модернизации в будущем. В этих условиях Израиль, вероятно, может стать главным поставщиком вооружений и технологий на индийский рынок. Сегодня, по данным «Defense News», Израиль уже занимает второе место после России по экспорту оружия в Индию.

Заключенные контракты между Израилем и Индией

В 90-е годы между Израилем и Индией было подписано более десятка контрактов на поставку израильского вооружения. Индия закупала в Израиле системы управления огнем для своих танков *Вижаянта*, а также артиллерийское оборудование и боеприпасы для танков *Т72* на общую сумму в 400 млн. долл. в 1993 г.[22], БЛА моделей *Hunter* и *Seeker* в 1994 г. по цене 1,6 млн. долл. за единицу[23] и 36 БЛА *Searcher* в 1997 г.[24] В 1996 г. появились сообщения о том, что Индия и Израиль договорились о модернизации индийских военных заводов, оборудование на многих из которых эксплуатируется 20–30 лет. Контракт оценивался в 400 млн. долл.[25] Тогда же индийские ВВС обратились к израильтянам с просьбой установить на индийские *МиГ27М* и *Mirage2000* навигационную систему *GPS*. Имеются сообщения о других различных контрактах, заключенных между двумя странами, в частности: на постройку в Индии по израильскому проекту морского патрульного катера *СуперДвора Мк II*, модернизацию 20 индийских вертолетов российского производства *Ми35*, поставку различных самолетов и комплектующих систем, радаров и электронного оборудования. Главным фигурантом военного сотрудничества с израильской стороны выступает компания IAI. Фирма IAI совместно с другой израильской фирмой «BVR Technology» продала ВВС Индии комплект *ACMI (Air Combat Maneuvering Instrument)* для повышения маневренности боевых самолетов.

Россия и Израиль предлагают Индии авиационные комплексы *А50ЭИ* (экспортный, индийский) на базе тяжелых транспортных самолетов *Ил76*[26]. В 1999 г. Индия приобрела 56 израильских систем *BSR* и 200 портативных *РЛС*. Кроме того, государственное предприятие «Бхарат электроникс» получило технологии на производство таких изделий у себя. Стоимость сделки оценивается в 8 млрд. рупий. В 2003 г. Индия и Израиль заключили сделку о поставке оружия и военного оборудования на общую сумму 2 млрд. долл.[27] В рамках сделки на

сумму 68,7 млн. долл. Индия приобрела 1022 портативных РЛС и 30 РЛС для разведки на поле боя *BSR (Battlefield SurveillanceRadar)*. Соглашение с фирмой «Эл-Оп» на портативные РЛС (на сумму 2,5 млрд. рупий) и разведывательные системы дальнего действия *LORAS (Long Range Observation and Reconnaissance Systems)* на сумму 800 млн. рупий было подписано в августе 2002 г., после того как были отвергнуты предложения французских фирм «Tales» и «Sagem»[28].

По сообщению «Defese News», правительство Индии подписало в августе 2004 г. контракт с IMI на модернизацию *БМП2* советского производства на сумму 55 млн. долл. На это же претендовали Thales и Рособоронэкспорт. Контракт предполагает модернизацию 500 *БМП2,* в то время как ВС Индии необходимо модернизировать 900 машин. За новый контракт борьба развернется между IAI (Израиль), Litef (Германия) и Reutech Defence Industries (ЮАР)[29].

Осенью 2004 г. индийское государственное предприятие Bharat Electronics Ltd. подписало контракт с IAI на общую сумму 102 млн. долл. на модернизацию 48 *ЗСУ-Шилка* российского производства. Контракт с Рособоронэкспортом оказался менее привлекательным для индийской стороны. Индия намеревается модернизировать еще 600 ЗСУ, стоящих на вооружении индийской армии[30].

8 марта 2004 г. агентство «Defense News» сообщило о подписании долгожданного контракта между Israel Aircraft Industries (IAI) и Министерством обороны Индии на поставку системы раннего предупреждения, наблюдения и контроля воздушного базирования *Phalcon* (типа *АВАКС)* стоимостью 1,1 млрд. долл.[31] Напомню, что данная сделка блокировалась США в 1998 г. из-за резкой эскалации пакистано-индийского конфликта. По контракту Индия получает три системы, смонтированные на базе ИЛ-76 российского производства.

Из последних сделок можно отметить продажу BVR ракет Индии. Контракт на 25 млн. долл. был подписан с компанией Rafael в январе 2005 г. Эксперты из Израиля будут тренировать личный состав ВМС Индии. Любопытно, что на тендер на вооружение the Sea Harrier jump jets претендовали также Elbit Systems; BAE SYSTEMS; Denel, Pretoria; Рособоронэкспорт и European missile house MBDA. ВВС Индии также проявляют интерес к новому поколению ракет этого класса для флота *Мираж2000-Н* и *Су-30* и *МиГ29*[32].

На прошедшей в феврале 2005 г. выставке «the Aero India 2005 exposition» между IAI и Aeronautical Development Establishment (ADE) было подписано соглашение о совместной разработке новых БЛА трех типов. Предположительно, стоимость разработок достигнет 190 млн. долл.[33]

Перспективные сделки и проекты

Индия намерена приобрести у Израиля ряд новых систем оружия, в том числе: средства радиоэлектронной борьбы; 155-мм самоходные орудия; бортовое радиолокационное оборудование для истребителей *МиГ21бис*; РЛС; оборудование спутниковой навигационной системы *GPS*; оборудование радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы для различных индийских боевых самолетов; мощные радары для перехвата пакистанских самолетов *Orion,* вооруженных ракетами *Harpoon*. Индия проявила интерес к израильскому спутнику *Ofeq-5*, ракетам *Питон4* класса воздух-воздух, баллистическим ракетам Lora, стрелковому оружию (винтовкам *Тавор* и *Галиль*), авионике для *Су-30* и *МиГ-27*, оборудованию для вертолетов *Ми-8* и *Ми-17,* системам *TISAS (Thermal Imaging StandAlone Systems)* разработки Elbit, предназначенным для оснащения танков *Т72* и БМП российского производства[34].

Ожидается подписание контракта с IMI на строительство в Индии 5 заводов для производства артиллерии на 126 млн. долл.[35]

По сообщениям индийской прессы, на состоявшейся в декабре прошлого года встрече представителей министерств обороны Индии и Израиля обсуждались планы совместных военных учений двух государств. Израиль проявил особый интерес к возможности испытать F-16 для сравнения со стоящими на вооружении индийских ВВС Су-30. Израиль также предложил Индии модернизацию самолетов Ту-142 и вертолетов IAF Cheetah helicopters[36]. В конце февраля индийские СМИ сообщили о том, что ВВС Индии готовятся к проведению совместных учений с Израилем. Учения, возможно, пройдут в Западной Бенгалии на базе Калаикунда[37].

В последние полгода Израиль и Индия тесно сотрудничают в области продвижения на международный рынок вооружений вертолета *Дхув*, разработанного Hindustan Aeronautics Ltd с авионикой от IAI. По соглашению между HAL и IAI участие в продвижении этого проекта на рынок будут принимать обе стороны. Причем вертолетом уже заинтересовались Малайзия и Чили. По сообщению представителей IAI, в ближайшие 7–10 лет

совместными усилиями нужно будет найти покупателей для 120 вертолетов.

По сообщению «The Times of India», индийский флот готовится к масштабной модернизации военной техники. Sea Harrier jump-jet fighters and IL-38 Kamov-28 and Sea King anti-submarine warfare helicopters 28 Russian MiG-29Ks и др.[38]

Основные совместные разработки

Индия заинтересована в импорте израильского вооружения. Однако, во-первых, перспективнее закупать технологии, чем готовые изделия, во-вторых, масштабы оборонного производства в Израиле малы для масштабов индийских вооруженных сил. Военные заявляют, что Индия будет не только импортировать оборудование, но и начнет производить его у себя по израильским лицензиям.

По мнению специалистов, на протяжении десятилетий Индия тесно сотрудничает с Израилем в *ракетной области*. Поскольку ракетная программа Индии была запущена лишь в начале 80-х годов, продукция Израиля в этой области оказалась более продвинутой и апробированной. Индию интересуют следующие виды ракет: *Габриел* класса «море-море»; *Питон4* класса «воздух-воздух»; *Попай* класса «воздух-земля»; *ИерихонI* класса «земля-земля»; баллистические ракеты *ИерихонII*.

В 2001 г. между ведущими аэрокосмическими фирмами Израиля и Индии было подписано соглашение о широком сотрудничестве, которое, по мнению официальных представителей обеих стран, открывает дорогу для реализации нескольких потенциальных проектов, в том числе совместной разработки и производства перспективной зенитной ракеты для корабельных средств ПВО и ударного БЛА. Израиль и Индия обменялись делегациями военных представителей и нашли много областей для возможного сотрудничества, в том числе в области создания БЛА, средств РЭБ, связи и модернизации самолетов. Одной из ключевых областей является совместная разработка противокорабельной крылатой ракеты (ПКР) большой дальности, базирующейся на израильской системе *Барак*, которую Индия закупила в начале 2002 г. по контракту стоимостью 280 млн. долл. Отделение МВТ фирмы IAI задействовано в предварительных исследованиях перспективной ракеты *ANAM (Advanced Naval Attack Missile)* и зенитной ракеты следующего поколения *NGDM (Next Generation Defense Missile)* для корабельных средств ПВО израиль-

ских ВМС, однако ограниченные финансовые средства сдерживают темпы работ. По сообщениям израильских источников, Министерство обороны Израиля предложило индийскому Управлению оборонных исследований и разработок DRDO и государственным фирмам принять участие в разработке, а в конечном итоге и в лицензионном производстве новых ракет по одной или обеим указанным программам в обмен на существенное инвестирование этих программ.

Легкий боевой самолет LCA (Light Combat Aircraft)

Программе *LCA,* которая стала ключевой разработкой в области обычных вооружений, уже более 22 лет. Индия начала работы по созданию собственного *LCA* в 1983 г. с целью уменьшить зависимость от советских поставок авиатехники. С первых шагов реализации программы натолкнулась на технические и финансовые трудности. Во-первых, индийские военные неоднократно усложняли техническое задание для индийских конструкторов; во-вторых, правительство не смогло обеспечить постоянное финансирование проекта, что регулярно приводило к его остановкам; в-третьих, в стране на разных уровнях высказывалось мнение, что Индии не по силам самостоятельно довести до конца столь сложные работы[39], и в 1993 г. она вышла на международный рынок технологий с предложением о международном сотрудничестве над этим проектом. С 1995 г. вопрос о содействии в разработке авионики обсуждается с представителями Израиля[40]. Однако Израиль, продвинувшийся в создании своего истребителя *Лави*, мог бы оказать содействие в разработке авионики, фюзеляжа и монтаже двигателя и вооружений. Специалисты считают, что израильский опыт в разработке этих технологий будет неоценим для успеха индийского проекта.

Модернизация самолетов советского производства

По прогнозам первые истребители индийско-израильского производства должны поступить на вооружение в период 2006–2015. Однако сегодня Индия вынуждена модернизировать воздушный флот российских *МиГов*, закупленных в разные годы. В течение следующих 10 лет в Индии будут модернизированы или заменены еще 400 самолетов. Уже сейчас Комитет индийского парламента по обороне рекомендовал провести модернизацию шести эскадрилий *МиГ27* и трех эскадрилий *МиГ29*. Это означает, что в назначенные технические сроки Индия объявит тендер на такую модернизацию *МиГ2*[41]*.* Сегодня нет

уверенности, что Россия всегда будет выигрывать будущие контракты, как это случилось с партией *МиГ21*. Израильтяне, имеющие опыт проигранного тендера по *МиГ21*, вероятно, пойдут на сотрудничество с индийской компанией Hindustan Aeronautics Limited (HAL) и Aeronautical Development Agency (ADA), которые имеют лицензии на производство, ремонт и модернизацию *МиГов* и, как и израильские коллеги, безуспешно пытались получить контракт на их модернизацию[42]. Более того, очевидно, что Индия и Израиль строят совместные планы сотрудничества в области модернизации. Принимая во внимание высокий технологический уровень израильских компаний и низкую стоимость рабочей силы в Индии, можно предсказать удачу такому альянсу.

Беспилотные летательные аппараты (БЛА) и летательные аппараты с дистанционным управлением (ЛАДУ)

БЛА и ЛАДУ также стали темой перспективного индийско-израильского сотрудничества. Несмотря на то, что Индия еще в 1983 г. испытала первый БЛА, предназначавшийся в качестве воздушной мишени и названный *Лакшья*, он до сих пор не поступил в серийное производство. Первый ЛАДУ *Нишант* был испытан в 1995 г., однако технические трудности подталкивают индийских военных искать помощи в Израиле. В августе 1992 г. делегация израильской компании *Малат* прибыла в Индию и предложила технологию крылатой ракеты для производства беспилотного разведывательного самолета. В ходе продолжившихся встреч индийским ВВС и сухопутным войскам были предложены к совместной разработке многоцелевой БЛА третьего поколения *Searcher* и многоцелевой тактический БЛА *Ranger*. Согласно сообщениям израильской прессы, стороны рассматривают планы совместного производства БЛА. В 1998 г. российская пресса со ссылкой на А.Калама сообщила, что Индия приступила к разработке беспилотного сверхзвукового штурмового самолета. Предполагается, что беспилотный штурмовик будет способен избегать обнаружения радарами и сможет составить конкуренцию самолетам, управляемым людьми. Известно, что новый самолет будет способен нести на своем борту ядерное оружие. Скорость нового штурмовика, сочетающего в себе черты самолета и крылатой ракеты, будет в семь раз превышать скорость звука. Разработчики ожидают, что уже в ближайшие годы может быть создан испытательный образец нового летательного ап-

парата. Учитывая динамичные темпы работ, можно предположить, что индийские конструкторы получили зарубежное технологическое содействие. Работы по созданию подобного самолета уже несколько лет проводятся ведущими военными авиаконструкторами мира.

Ядерное оружие

После ядерных испытаний в мае 1998 г. и Индию, и Израиль критиковали за сотрудничество в сфере ядерного оружия. В печати Пакистана и ряда арабских стран появились сообщения, что два или три ядерных взрыва из пяти, произведенных Индией, были осуществлены в интересах и по заказу Израиля. Однако индийские дипломаты, как и их израильские коллеги, отрицали саму возможность помощи Израиля Индии в разработке ядерного оружия, утверждая, что военное сотрудничество осуществляется лишь в сфере обычных видов вооружения[43]. С другой стороны, министерство иностранных дел Израиля, игнорируя требование США, не осудило индийское правительство за проведение испытаний. Некоторые израильские политические обозреватели выражали свое опасение по поводу обладания Индией, а затем и Пакистаном ядерным оружием, указывая на нарушение баланса сил в регионе. Несмотря на это, после мая 1998 г. военные контакты Индии и Израиля не только не прекратились, но еще и увеличились. Сегодня международные эксперты уверены в существовании скрытого сотрудничества между Индией и Израилем в ядерной сфере и в области ракетных технологий.

Танк

В 1972 г. индийская армия сделала заказ на разработку нового танка *Арджун*, который должен был заменить устаревший к тому времени танк индийского производства *Вижаянта*. Предполагалось, что работы по созданию нового танка, начатые в 1974 г., будут завершены в 1985 г. Однако, несмотря на техническое содействие таких известных промышленных гигантов, как, например, «Krauss Maffei» (производитель танков *Leopard* для армии Германии), прототип танка *Арджун*, поступивший в 1987 г. на испытания в армию, оказался несовершенен. Его доработка, стоившая немалых средств, ведется до сих пор. Танк *Арджун* должен заменить 1700 танков *Виджаянта*. Несмотря на временное затишье в индийско-израильских военных контактах после прихода к власти в Индии ОПА в мае 2004 г., переговоры по поводу сотрудничества в разработке

танка Арджун продолжились[44]. Кроме того, Индия планирует модернизировать 1500 танков *Т52* советского производства, находящихся в резерве.

Противовоздушная система Arrow

Ввиду растущей ракетной угрозы для Индии со стороны Китая, Пакистана и Ирана наибольший интерес представляет разрабатываемая Израилем при содействии США система *Arrow2*. Вопрос о приобретении Индией технологии *Arrow* обсуждался высокопоставленными представителями министерств обороны. Индия, имея большую плотность населения и высокую вероятность стать объектом ракетного нападения в случае войны с Пакистаном, проявляет интерес к противоракетным системам. Скорость ракеты *Arrow2* в два раза выше, чем у ракет *Patriot*. Программа *Arrow* считается приоритетным и ключевым компонентом национальной обороны Израиля, наряду с космическими спутниками слежения *Офек*. За небольшой срок свой интерес к технологии *Arrow* проявили такие страны, как Япония, Тайвань, Турция, Южная Корея и даже Великобритания. Индия также объявила себя потенциальным покупателем некоторых компонентов системы. В частности, была достигнута договоренность о поставке в Индию системы управления огнем *Green Pine*, разработанной для *Arrow*. Однако Соединенные Штаты, по сути финансировавшие проект, предприняли демарш по отношению к проворному союзнику, и Израилю пришлось подписать с США соглашение о «разграничении полномочий» по реализации технологий *Arrow*. Израиль отказался от своих планов экспорта компонентов *Arrow* в 1999 г. и обещал в дальнейшем делать это только после консультаций с США. Однако индийское пожелание приобрести систему ПВО *Arrow2* у израильской фирмы IAI занимает центральное место в дискуссиях совместной рабочей группы из представителей Индии и Израиля.

Противоракетная система Моаб

Ввиду определенных трудностей в разработке системы *Arrow* Израиль ускорил работы по проекту *Моаб*, в рамках которого высотные беспилотные самолеты будут использоваться в качестве платформ для размещения средств перехвата баллистических ракет. По этому проекту, осуществляемому Израилем совместно с США, самолет будет вооружен ракетами, в основу которых заложена израильская ракета класса «воздух-воздух» *Питон4*. Отличием данного проекта от системы *Arrow* является то, что основной задачей летательного аппарата ста-

нет уничтожение баллистических ракет на стадии их нахождения над территорией противника. В этом случае не требуется подрыв боезаряда ракеты. Индию данный проект может интересовать не только для защиты от ракетного нападения, но и как средство воздушной разведки, ибо самолет будет малозаметен и снабжен совершенной защитой от средств ПВО. Возможно, что индийское финансовое участие в проекте позволит ускорить работы и приобщит Индию к обладанию технологиями XXI века. В этом проекте интерес для Индии представляют следующие технологии: система раннего предупреждения, система управления, а также система защиты летающей платформы. В ближайшее время Индия намерена приобрести или создать полный спектр средств ПВО. Система ПВО призвана не только стать действенным средством против ядерного удара, но в сочетании с мощными ВВС она позволит увеличить эффективность удара индийских сухопутных войск.

Система раннего предупреждения

В 1985 г. Индия приступила к созданию системы раннего предупреждения, наблюдения и контроля воздушного базирования типа *АВАКС*. Система *АВАКС* позволила бы индийским ВВС увеличить эффективность воздушных ударов, отслеживая самолеты противника и обнаруживая его наиболее активные аэродромы. Израиль разработал и создал систему раннего предупреждения *Phalcon* в 1993 г. Наиболее вероятно, что, помимо попыток приобрести готовые системы ДЛРО, индийцы постараются пойти по пути кооперации.

Заключение

Интересы Израиля и Индии имеют много точек соприкосновения. Отношения развиваются динамично и стабильно благодаря совпадению позиции двух стран в вопросах безопасности, борьбы с терроризмом и общим интересам в экономике.

К факторам, сдерживающим сближение, можно отнести политическое влияние США, которые порой тормозят ВТС между двумя странами, а также обеспокоенность Израиля индийско-иранским сотрудничеством и военными контактами. Индия в свою очередь выражает озабоченность по поводу растущих контактов Израиля с Китаем. Тем не менее сотрудничество Индии и Израиля продолжается. Не произошло ожидаемого охлаждения индийско-израильских отношений и после прихода к власти в Индии ОПА, что говорит о ценности отношений

для обеих стран. Препятствия на пути развития отношений являются менее весомыми в сравнении с факторами сближения двух стран.

[1] Israeli-India Coalition Grows, by Omer bin Abdullah, September 15, 2003.

[2] Indiamonitor, India's Middle East policy may be rewiewed, June 1, 2004.

[3] Indo-Israeli Ties: The Post-Arafat Shift, by Dr. P.R. Kumaraswamy, March 9, 2005.

[4] Israeli-India Coalition Grows, by Omer bin Abdullah, September 15, 2003.

[5] Indian Express, December 09, 2004.

[6] Indian American Center for Political Awareness, India, Israel agree to enhance cooperation in high technology areas; trade seen at $5 bn. by 2007.

[7] Indian Express, December 09, 2004.

[8] Indian Express, September 10, 2003.

[9] Malhotra T.C. Following Sharon visit, Israel, India prepare for special-forces exercise // *JTA News*, September 26, 2003.

[10] Indian Express Newspapers (Bombay) Ltd.March 23, 2005.

[11] Indian American Center for Political Awareness, India, Israel agree to enhance cooperation in high technology areas; trade seen at $5 bn. by 2007.

[12] THE HINDU business Israel's LLD Diamonds to set up shop here, New Delhi , Nov. 13.

[13] Onlypunjab, Business News, 2/15/2005.

[14] Israel Diamond Portal, India's 2004 net polished exports exceed $10 bn, 18.01.05.

[15] Business news, China, a threat to Indian diamond industry, May 11, 2005.

[16] Rajghatta Chidanand. Vajpayee set for historic meeting with Netanyahu // *Indian Express*, September 25, 1998.

[17] Indo-Israel Military Cooperation, Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA), 2000, New Delhi.

[18] Ежегодник СИПРИ, 2003.

[19] New era for India-Israel defence partnership, ABC Radio Australia News 10/09/2003.

[20] Chelney Brahma // *Washington Times*. 1998, 3 March.

[21] Мосаки Нодар. Дели игнорирует арабов. http://asiatimes.narod.ru/story/0097/091.htm

[22] *Aviation Week & Space Technology*. 1993, June 7.

[23] Raghuvanshi Vivek. India Buys UAVs from Israeli Firm // *Defense News*. 1994, March 21.

[24] Дополнительные поставки оборудования из Израиля в Индию // *Asian Defence Journal*. 1997, July.

[25] *Pakistan Link*. 1996, August 9.

[26] Россия примет участие в поставке Индии российско-израильских самолетов типа «АВАКС» // *Авиация, космос и оружие России*. 2002, 16 января.

[27] Defense News, 15 September, 2003.

[28] Индия ведет переговоры с Израилем по военным сделкам // *Jane's Defence Weekly*, 02.10.2002.

[29] Defense News, 09.08.2004.

[30] BEL, IAI Get Indian ZSU Upgrade Work, 27 September, 2004.

[31] Indo-Israeli Phalcon Deal Is Approved, 08 March, 2004.

[32] Defense News, 7 February, 2005.

[33] Defense News, 28 February, 2005.

[34] Defense News research, 26 July, 2004.

[35] Defense News, 24 January, 2005.

[36] Indian Express, December 25, 2004.

[37] The Hindu Times, February 25, 2005.

[38] The Times of India, May 2, 2005.

[39] The Hindu Business Line, April 22, 1996.

[40] Jane's Defence Weekly, January 24, 1996.

[41] The Hindustan Times.

[42] Indian Industry offers MiG21 Upgrades, Strategic Digest, October 1993.

[43] Indo-Israel Military Cooperation, Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA), 2000, New Delhi.

[44] Israel Offers India Collaboration On Arjun, UAVs, Space Projects, 24 January, 2005.

И.М.Батыршин

МЕСТО СТРАН СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НА МЕНЯЮЩЕМСЯ РЫНКЕ НЕФТИ

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) представляет собой региональную интеграционную группировку, в состав которой входят шесть нефтедобывающих государств – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман и Саудовская Аравия. Государства аравийской шестерки обладают практически половиной всех доказанных мировых запасов нефти. Кроме того, издержки по добыче нефти в этих странах являются самыми низкими в мире[1], что обеспечивает высокую рентабельность нефтяного сектора. Однако на эти страны до недавнего времени приходилось всего 19,9% мировой добычи нефти.

Такое положение объяснялось в первую очередь тем, что все страны ССАГПЗ, за исключением Бахрейна и Омана, являются членами ОПЕК. Эта организация распределяет квоты среди стран-участниц для того, чтобы соотношение спроса и предложения на мировом рынке нефти находилось на уровне, при котором цены на нефть не выходили бы за рамки определенного ценового коридора. В результате такой политики добыча в странах-членах ОПЕК зачастую не соответствовала их производственному потенциалу.

Однако наступление XXI века ознаменовалось кардинальными изменениями на мировом рынке нефти. Осложнению ситуации способствовали террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, которые непосредственно затронули отношения крупнейшего импортера нефти – Соединенных Штатов – с крупнейшими экспортерами этого сырья – странами Персидского залива, взаимодействие которых обеспечивало стабильность рынка нефти. В результате обострения политических отношений между этими странами мировой рынок нефти вступил в период нестабильности и непредсказуемости.

В декабре 1998 г. цены на нефть на американской бирже снизились до 10 долл. за баррель, к марту 2000 г. они достигли уровня 31 долл. за баррель. Достигнув пика в 37 долл. в сентябре 2000 г., они вновь упали до уровня 18 долл. в ноябре 2001 г. Осенью 2004 г. цены на нефть превысили 50 долл. за баррель на лондонской бирже, а на американской достигали 56 долл. за баррель[2]. Рост цен за период с января по октябрь 2004 г. составил 19 долл. за баррель (60%).

Добыча нефти странами ОПЕК в апреле 2004 г. была на уровне 23,5 млн. баррелей в день, однако новые повышения квот, вступившие в силу с 1 июля и 1 августа, увеличили этот показатель до 26 млн. баррелей в день[3]. По заявлениям президента ОПЕК, фактическая добыча достигла 30 млн. баррелей в день, а незадействованные мощности находились на уровне 1–1,5 млн. баррелей. В сентябре 2004 г., в период пика спроса на нефть, доля стран ОПЕК на мировом рынке нефти достигла 35%.С ноября 2004 г. цены на нефть стали постепенно снижаться, и уже в декабре того же года на внеочередной сессии ОПЕК было принято решение о снижении квот на 1,1 млн. баррелей в день с 1 января 2005 г. Однако Саудовская Аравия отказалась снижать свою добычу. По словам министра нефти и минеральных ресурсов королевства, эксперты предрекали холодную зиму в США, а цена на нефть уже находилась выше установленного уровня, и по этой причине нельзя было снижать добычу нефти во избежание новых скачков цен[4].

По прогнозам Эмиратского промышленного банка, страны ССАГПЗ должны были получить в 2004 г. рекордную с 1981 г. прибыль от экспорта нефти, которая могла достичь 204 млрд. долл., что было бы на 46% больше, чем в 2003 г.[5] Среднегодовая цена на нефть при этом превысила 30 долл. за баррель (рост на 27% по сравнению с 2003 г.) при том, что эти страны использовали свои мощности по добыче нефти практически полностью. Так, Саудовская Аравия в сентябре 2004 г. объявила об увеличении добычи нефти до 11 млн. баррелей в день. По словам министра нефти и минеральных ресурсов королевства, «Саудовская Аравия внимательно следит за развитием событий на мировом рынке нефти и предпринимает все возможные для стабилизации цен на это сырье меры, чтобы не допустить снижения темпов экономического роста в мире»[6].

В целом цены на нефть увеличивались постепенно на протяжении 2003–2004 гг. при том, что на рынке не наблюдалось

нехватки нефти. Так, предложение нефти превысило спрос более чем на 1 млн. баррелей в день во втором и третьем кварталах 2004 г. По словам президента ОПЕК, сложившаяся ситуация на рынке нефти не была обусловлена соотношением спроса и предложения[7]. Среди важных факторов, оказавших влияние на цену на нефть в 2004 г., можно отметить беспорядки в нефтедобывающих районах Нигерии, частые теракты на нефтепроводах в Ираке и ураганы в Северной Америке, которые нанесли серьезный ущерб нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в США и Мексике.

Экономическими стимулами к увеличению цен на нефть стали высокие темпы экономического роста в мире вкупе с ограниченностью возможностей по дальнейшему наращиванию добычи нефти. Впервые в истории цены на нефть стали расти сразу после того, как экономический спад достиг своей низшей точки, тогда как ранее это происходило незадолго до того, как экономическое развитие достигало своего пика. В этой связи ожидается, что цены на нефть не будут падать в ближайшем будущем, ибо ничто пока не указывает на то, что темпы мирового экономического роста будут снижаться.

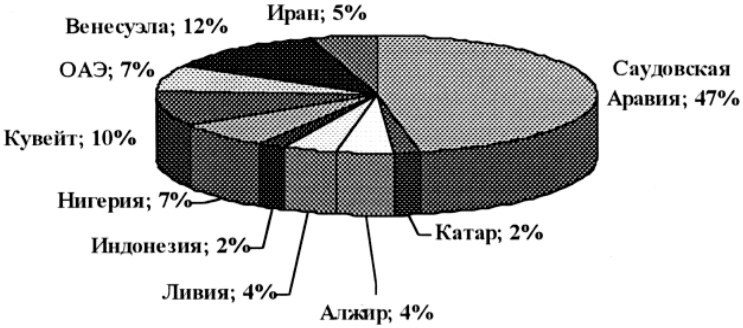
Несмотря на очевидность зависимости цен на нефть от влияния геополитических факторов, многие специалисты тем не менее придерживаются мнения, что мировая политика все же не оказывает определяющего влияния на уровень цен на нефть. Одни аналитики считают, что текущие высокие цены на нефть обусловлены тем, что запасы этого сырья неминуемо подходят к концу, в результате чего уже в скором времени растущий спрос на нефть превысит прирост запасов этого сырья. Как следствие, налицо изменение политики ОПЕК, которая приносит в жертву свою долю на рынке для получения большей прибыли, пока запасы стран-членов этой организации не будут полностью исчерпаны.

Другие исследователи исходят из того, что причиной процессов, происходящих сейчас на мировом рынке нефти, являются коренные структурные изменения, которые были обусловлены недостаточным инвестированием в нефтедобычу на протяжении последних 10 лет. Так, в настоящее время незадействованные мощности по добыче нефти как основной инструмент поддержания стабильности на мировом рынке нефти находятся на низшем уровне за последние 30 лет.

Ранее основную роль в поддержании стабильности мирового рынка нефти играла Саудовская Аравия при содействии других стран Совета сотрудничества, обладающих существенными запасами нефти – Кувейта и ОАЭ. Так, эти страны содержали дополнительные незадействованные мощности по добыче этого сырья, которые позволяли им быстро увеличивать производство, если цена на нефть была слишком высока. Распределение долей различных стран в общем объеме свободных нефтедобывающих мощностей в конце XX века можно проследить из диаграммы.

Диаграмма

Незадействованные мощности по добыче нефти в странах ОПЕК, 1999 г.



Источник: Nawaf E. Obaid. The Oil Kingdom: Petroleum Policymaking in Saudi Arabia. Washington Institute for Near East Policy, 2000, с. 114.

Так, на четырех участников ССАГПЗ – Саудовскую Аравию, ОАЭ, Кувейт и Катар – приходилось 66% общего объема незадействованных мощностей по добыче нефти в мире. В 2003 г., например, объем таких мощностей в Саудовской Аравии приближался к 3 млн. баррелей в день, что позволяло королевству полностью возместить нефтяной экспорт любой страны, за исключением России.

Однако взаимодействие двух факторов – высоких темпов мирового экономического развития вкупе с относительно низкими ценами на нефть, не создающими достаточных стимулов

для осуществления масштабных инвестиций в нефтедобычу, – обусловило возникновение текущей ситуации на мировом рынке нефти. Большинство специалистов сходятся во мнении, что при сохранении текущих темпов роста спроса на нефть ОПЕК потеряет возможность оказывать влияние на мировые цены, а потребителям придется привыкнуть к более высоким и нестабильным нефтяным ценам.

В то же время возникает вопрос, почему участники рынка не только не видели дисбаланса до возникновения кризиса, но и прогнозировали скорую стабилизацию цен на уровне, считавшемся равновесным, – 20 долл. за баррель. Основной причиной таких заблуждений были неправильные оценки роста спроса и предложения нефти, а также то обстоятельство, что участники рынка действовали на основе 20-летнего опыта, когда ОПЕК могла нейтрализовать практически любую кризисную ситуацию на мировом рынке. Однако оказалось, что оценки потенциала нефтедобывающих мощностей как в странах ОПЕК, так и в странах-независимых производителях нефти, были существенно завышены. В реальности прирост добычи нефти в странах, не входящих в ОПЕК, оказался существенно ниже прогнозируемого. Неоправданно оптимистичные прогнозы были составлены, исходя из беспрецедентного увеличения добычи нефти в странах бывшего СССР. Так, прирост нефтедобычи в государствах СНГ в 2000–2004 гг. достиг 0,8 млн. баррелей в день в среднем за год (в том числе в России – 0,6 млн. баррелей в год), тогда как аналогичный показатель в других странах, не входящих в ОПЕК, составил всего 0,2 млн. баррелей в день[8]. Совокупный прирост в государствах-независимых производителях нефти в 1 млн. баррелей в год позволил не только обеспечить прирост спроса, но также заставил ОПЕК снижать свои квоты для поддержания цены на нефть в рамках установленного коридора. Так, общая квота стран ОПЕК была снижена с 27,9 млн. баррелей в день в 2000 г. до 25,1 млн. баррелей в день в 2002 г. Россия в этот период даже выходила на первое место в мире по уровню добычи нефти, оставляя позади традиционного лидера Саудовскую Аравию. По этой причине среди экспертов укрепилось мнение, что прогнозировавшийся дальнейший рост спроса будет полностью удовлетворен за счет независимых производителей нефти, а незадействованные мощности ОПЕК достигнут 6 млн. баррелей в день к середине-концу первого десятилетия XXI века. Однако уже вскоре

стало ясно, что Россия и другие страны бывшего СССР не в состоянии не только поддерживать темпы роста нефтедобычи, но и вообще обеспечивать дальнейшее увеличение добычи из-за ограниченности возможностей транспортной инфраструктуры, а также сложности организации производства в труднодоступных регионах.

В то же время спрос на нефть в 2003 г. достиг высшего уровня с 1998 г., в результате чего экспорт стран ОПЕК увеличился на 1,5 млн. баррелей в день нефти. Рост спроса на нефть в 2004 г. составил уже 2,6 млн. баррелей в день – высочайший показатель с 1975 г., – что в два раза превосходило прогнозировавшийся в 2003 г. уровень. Как следствие, незадействованные мощности ОПЕК к концу 2004 г. достигли настолько низкого уровня, что это дало повод участникам рынка усомниться в том, что нефтяной картель сможет справиться с возможной кризисной ситуацией на рынке нефти. Так, объем свободных мощностей в странах ОПЕК составил 0,5–1 млн. баррелей в день в ноябре 2004 г., большинство которых находилось в регионах, производящих нефть с высоким содержанием серы, тогда как основной спрос приходился на нефть с малым содержанием серы.

Позднее объем незадействованных мощностей увеличился до 1–1,5 млн. баррелей в день, что в целом достаточно для того, чтобы удовлетворить прирост спроса в краткосрочном периоде. Однако такой уровень не позволит заменить поставки из стран, где наиболее вероятно возникновение перебоев в экспорте нефти – Ирака, Нигерии, Венесуэлы. Кроме того, если в ближайшее время новые мощности по добыче нефти не будут введены в строй, то в дальнейшем рынок может испытать серьезную нехватку этого сырья, так как прогнозы указывают на дальнейший рост спроса на нефть. Большинство аналитиков отмечает, что для стабилизации ситуации на мировом рынке нефти необходимо довести объем незадействованных мощностей до 3 млн. баррелей в день. По этой причине темпы ввода в строй новых нефтедобывающих мощностей должны опережать темпы роста спроса на нефть, для чего потребуется ускоренное осуществление масштабных капиталовложений в эту сферу.

ОПЕК же, по мнению некоторых экспертов, уже не может самостоятельно регулировать рынок, так как эта организация не обеспечивает достаточного объема инвестиций в нефтедо-

бычу, с помощью которых она смогла бы восстановить необходимый уровень незадействованных мощностей. Иными словами, для восстановления своей регулирующей роли ОПЕК необходимо принять стратегическое решение об увеличении инвестиций в разведку и добычу нефти. Это решение потребует от стран-членов значительных капитальных затрат. Маловероятно, что эти государства решатся на такой шаг в условиях высокой потребности в финансовых ресурсах. Нельзя забывать, что большие объемы незадействованных мощностей по добыче нефти в странах ОПЕК были результатом потери рыночной доли в 80-х годах, а не сознательно проводимой политики.

Текущую нехватку дополнительных мощностей для производства нефти также не следует рассматривать как следствие неэффективной политики ОПЕК. В начале 80-х годов избыточные мощности государств-членов ОПЕК оценивались в 14 млн. баррелей в день, что, естественно, сводило к нулю их стремление осуществлять дополнительные капиталовложения в нефтедобычу. В то же время независимые страны-производители нефти не испытывали подобной проблемы и продолжали увеличивать объемы таких мощностей. С середины 80-х спрос на нефть из стран ОПЕК стал расти, в результате чего объем незадействованных мощностей в этих странах начал снижаться. Это должно было привести к росту инвестиций в нефтедобычу, однако ряд факторов помешал этому. Среди важнейших из них необходимо отметить пессимистичные оценки роста спроса на нефть вкупе с ожиданием того, что прирост спроса будет удовлетворен странами, не входящими в ОПЕК. Недостаточное инвестирование в нефтедобычу странами ОПЕК можно также объяснить продолжительным периодом низких цен на нефть и, как следствие, низкой финансовой отдачей от капиталовложений в эту сферу. Цены на это сырье стали устойчиво расти только с 2003 г. До этого времени преобладало мнение, что скачки цен на нефть были следствием действия преходящих факторов, и по этой причине нефть не должна дорожать на протяжении длительного периода времени. Так, в 1999 г. журнал «Экономист» предупреждал, что мир «утонет в нефти», а цены на это сырье будут на очень низком уровне[9].

Кроме того, за последние пять лет цены на нефть были крайне нестабильны. Согласно теории невозвратных инвестиций, такая нестабильность ведет к тому, что инвесторы пред-

почитают откладывать инвестиционные решения до поступления новой информации о рынке. Одной из причин нестабильности цен на нефть является трудность в определении точных оценок спроса и предложения. За 2001 и 2002 гг. прогнозы дали завышенные на 1 млн. баррелей в день оценки предложения нефти, в то время как потребление было недооценено на 2 млн. баррелей в день, т.е. суммарная погрешность составила 3 млн. баррелей. В этом конкретном случае неточность прогнозов была компенсирована за счет незадействованных мощностей в странах ОПЕК. Тем не менее ошибки в прогнозах могут происходить и в противоположном направлении. В таком случае инвестиционное решение, принятое на основе этих прогнозов, окажется в дальнейшем несостоятельным. Это обстоятельство частично объясняет возникший недавно парадокс, который заключается в том, что несмотря на продолжительный период (начиная с 2003 г.) высоких цен на нефть, международные нефтяные компании и правительства стран-производителей нефти не спешили увеличивать инвестиции в сферу разведки и добычи нефти. В качестве примера можно привести слова генерального директора «Коноко Филипс», который считал, что высокие цены продержатся недолго, поэтому его компания не спешит наращивать инвестиционную программу[10].

Следует отметить, что страны ССАГПЗ оказываются в более выгодном положении по сравнению с другими странами-производителями нефти, так как риск, связанный с инвестированием в нефтедобычу, в аравийской шестерке гораздо ниже. Во-первых, благодаря низкой себестоимости добычи нефти в странах Совета сотрудничества для увеличения производства нефти требуется гораздо меньший объем капиталовложений, и, следовательно, положительное инвестиционное решение может быть принято с гораздо более высокой долей вероятности и существенно быстрее. Во-вторых, добыча нефти в Персидском заливе будет рентабельной даже при ценах на нефть ниже 10–12 долл. за баррель, что снимает с инвесторов часть риска, связанного с возможными колебаниями цены на мировом рынке нефти.

Так, по оценкам Международного агентства по энергетике, для удовлетворения прогнозируемого спроса на нефть в ближайшие 25–30 лет необходимо будет инвестировать более 2 трлн. долл. в нефтедобычу, то есть около 80 млрд. долл. в год. Считается, что необходимый уровень капитало-

вложений может быть обеспечен только при помощи международных нефтяных компаний.

В настоящее время в ССАГПЗ нет единого подхода к проблеме допуска иностранных компаний к сфере разведки и добычи нефти. Так, в странах, обладающих сравнительно небольшими запасами нефти – Бахрейне, Катаре и Омане, широко используется практика выдачи концессий иностранным компаниям на разведку и добычу нефти. В Кувейте, Саудовской Аравии и ОАЭ эта отрасль закрыта для иностранных компаний, хотя в последнее время в этих странах широко обсуждается возможность допуска зарубежных капиталовложений в нефтедобычу.

Однако такое решение вряд ли будет принято, так как в таком случае эти страны потеряют свое положение на мировом рынке нефти. Как уже отмечалось выше, поддержание определенного объема незадействованных мощностей по добыче нефти и готовность увеличивать и уменьшать добычу этого сырья в зависимости от ситуации на рынке для сохранения цен в рамках определенного коридора являются основными факторами, позволяющими этим странам контролировать мировой рынок нефти. Частные же корпорации не будут действовать аналогичным образом, так как использование «плавающей» добычи связано со значительными потенциальными убытками. Кроме того, решения о сокращении и снижении производства нефти зачастую обусловлены политическими мотивами и являются мощнейшим оружием сдерживания в руках саудовского правительства, и по этой причине королевство не допустит даже малейшей зависимости от частных нефтяных компаний при принятии таких решений.

Необходимо также отметить, что временной промежуток между инвестированием в нефтедобычу и получением отдачи от этих инвестиций составляет 5–8 лет. Это объясняется наличием значительных временных затрат на всех этапах, начиная от принятия решения, заканчивая стартом производства. Поэтому рынок не способен незамедлительно возвращаться к состоянию равновесия за счет роста предложения в условиях отсутствия свободных мощностей. Таким образом, текущая нехватка капиталовложений в этой отрасли может оказывать давление на мировые цены на нефть еще довольно долгое время. Единственное, что нефтепроизводители могут сейчас сделать для стабилизации ситуации на мировом рынке нефти,

это выразить свое твердое намерение увеличить инвестиции в добычу нефти.

В этих условиях министр нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии в 2004 г. сделал заявление о том, что королевство планировало увеличить добычу до 12,5 млн. баррелей в день к 2006 г. Предполагается, что такое увеличение не только обеспечит спрос на нефть, но и позволит Саудовской Аравии поддерживать уровень незадействованных мощностей в размере 1,5 млн. баррелей. Министр также пообещал, что в случае, если мировой спрос на нефть будет расти быстрыми темпами, то Саудовская Аравия доведет потенциал своей нефтедобычи до 15 млн. баррелей в день в течение следующего десятилетия[11]. ОАЭ, в свою очередь, планирует увеличить добычу нефти в два раза, доведя ее до 5 млн. баррелей в день к 2006 г.[12]

Таким образом, политика стран ССАГПЗ в сфере добычи нефти, которая опирается на существенные правительственные инвестиции в разведку и добычу нефти и готовность этих государств нести бремя расходов по обеспечению и поддержанию свободных нефтедобывающих мощностей, является одним из немногих стабилизирующих факторов на мировом рынке нефти в настоящее время.

Итак, странам ОПЕК, главным образом ССАГПЗ для обеспечения будущего спроса на нефть необходимо осуществлять масштабные инвестиции в нефтедобычу. Эти капиталовложения требуются не только для удовлетворения спроса на нефть, но и для поддержания достаточного уровня резервных мощностей, необходимых для обеспечения стабильности на мировом рынке. Текущие повышенные цены в принципе должны стимулировать рост инвестиций в нефтедобычу, однако комплекс различных факторов препятствует свободному функционированию рынка нефти. Обобщая, такие факторы можно свести к следующим: высокие первоначальные капитальные вложения в подобные проекты, большой период окупаемости капиталовложений, плохая прогнозируемость рынка нефти, а также геополитические риски.

Необходимо подчеркнуть, что капиталовложения в нефтедобычу также требуют значительной координации между странами-производителями нефти. Текущая ситуация, которая предполагает, что государства-участники ОПЕК должны поддерживать необходимый уровень свободных мощностей по

производству нефти, а независимые страны-производители могут добывать нефть без каких-либо ограничений, не устраивает страны ОПЕК, так как у них просто нет стимулов инвестировать в нефтедобычу. Фактически, неся существенные расходы по обеспечению стабильности на мировом рынке нефти, государства-участники нефтяного картеля и в первую очередь члены аравийской шестерки максимизируют доходы независимых производителей нефти.

Кроме того, странам-производителям нефти следует, с одной стороны, определить масштабы увеличения объема нефтедобычи, а также обозначить время, в течение которого это будет происходить, с другой. Это необходимо для поддержания соответствующего уровня свободных мощностей, избегая в то же время их чрезмерного увеличения, что в совокупности позволит ОПЕК удержать цены на нефть на приемлемом уровне как для импортеров, так и для экспортеров нефти.

С этой точки зрения можно отметить, что низкие цены на нефть невыгодны не только производителям нефти, но и ее потребителям. Так, низкие цены являются причиной сокращения инвестиций в нефтедобычу, что может привести к значительному дефициту предложения на мировом рынке через несколько лет. Это, в свою очередь, станет причиной перебоев в поставках нефти и, соответственно, росту цен на нее. В результате представляется, что уровень цен, считавшийся равновесным на протяжении последних 10–15 лет (около 20 долл. за баррель), в текущих условиях не позволит рынку сохранять равновесие не только в среднесрочном, но и в краткосрочном периодах, так как он не обеспечивает достаточных стимулов для наращивания нефтедобывающих мощностей. Таким образом, сейчас необходимо определить такой уровень цен на нефть, который, с одной стороны, будет устраивать страны-импортеры нефти и не оказывать значительного негативного влияния на мировое экономическое развитие, а с другой, будет достаточен для создания инвестиционного интереса в сфере нефтедобычи и будет обеспечивать страны-экспортеры необходимыми финансовыми ресурсами для осуществления таких капиталовложений.

В этой связи на конференции нефтяного картеля, состоявшейся в январе 2005 г., было принято решение об отмене существующего ценового коридора в 22–28 долл. за баррель из-за его несоответствия текущим реалиям. Предполагается,

что эксперты нефтяного картеля в скором времени выработают новые границы ценового коридора[13].

ОПЕК ввела механизм ценового регулирования еще в 1986 г., когда впервые была установлена так называемая справочная цена в 18 долл. за баррель. В 1990 г. этот показатель был увеличен до 21 долл. за баррель, а в 2000 г. был принят принцип ценового коридора. Таким образом, предложения по повышению уровня справочных цен не являются новой практикой.

По мнению министра энергетики Кувейта, чтобы стабилизировать ситуацию на нефтяном рынке, стоимость барреля нефти должна составлять 32–35 долл. В то же время Катар и ОАЭ требуют поднять ценовой коридор до 30–38 долл. за баррель. Помимо этого, принятый ранее механизм стабилизации цен предполагал автоматическое снижение или увеличение квоты на 500 тыс. баррелей в день, если рыночные цены превышали установленный коридор в течение 20 торговых дней подряд. Сейчас же члены ОПЕК предлагают увеличить этот временной промежуток до 55–56 рабочих дней.

Единственным участником ОПЕК, выступившим против указанных мер, была Саудовская Аравия. Представляется, что такая позиция королевства главным образом объясняется его обязательствами по поддержанию определенного уровня цен на нефть на мировом рынке, составляющими ядро стратегических отношений с США.

Одной из причин стремления к изменению ценового коридора было существенное снижение курса американского доллара – валюты, в которой производится большинство платежей за нефть. Можно отметить, что в 2002–2004 гг. цены на нефть были высоки только в долларовом выражении, но в связи с падением его курса, эти цены, выраженные в евро и иенах, находились на более привычном уровне. Так, в марте 2000 г., в момент своего установления коридор цен на нефть в 22–28 долл. за баррель соответствовал 22,80–29,10 евро за баррель. В марте 2003 г. цена на нефть, выраженная в долларах и евро, составляла соответственно 32 и 29,6 за баррель, аналогичные данные для декабря 2003 г. – 29,5 и 23,79. Таким образом, нефтяные цены, деноминированные в евро, в целом не выходили за рамки установленного ОПЕК коридора.

В 2002 г. доллар обесценился по отношению к евро на 5%, а в 2003 г. – еще на 16%. Снижение курса доллара оказывает непосредственное влияние на благосостояние стран ССАГПЗ. Так,

большую часть экспортных доходов от продажи нефти они получают в долларах, а значительная часть их импорта поступает из стран Евросоюза и государств Юго-Восточной Азии, валюты которых растут по отношению к американской валюте. Это ведет к снижению покупательной способности граждан аравийской шестерки. В 2002 г. средняя цена корзины ОПЕК выросла на 5,4% в долларовом выражении, тогда как американская валюта за этот год обесценилась на 5% по отношению к евро. В 2003 г. аналогичные показатели составили 15,5% и 16,3% соответственно, то есть цена на нефть, выраженная в евро, даже снизилась[14].

Таблица 1

Цена корзины ОПЕК в долларах и евро, 2000–2003 гг.

Месяц, год	Цена в долларах за баррель	Цена в евро за баррель
Март 2000 г.	26,8	27,8
Октябрь 2000 г.	32,5	36,8
Июнь 2001 г.	25,8	30,5
Декабрь 2001 г.	16,9	19,0
Март 2003 г.	32,0	29,6
Декабрь 2003 г.	29,5	23,79

Источник: Middle East Economic Survey, Vol. XLVII, № 01, January 5, 2004, с. 57.

По словам президента ОПЕК, некоторые члены картеля рассматривали возможность перевода расчетов за нефть в евро для восстановления своих реальных доходов в условиях падения курса доллара. В то же время представители отдельных стран-членов картеля опровергли свою причастность к этой инициативе. Так, министр нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии сделал заявление о том, что королевство не поддерживает идею перевода платежей за нефть с доллара на евро[15].

Тем не менее, по данным Банка международных расчетов, страны ОПЕК на протяжении последних трех лет сокращали свои долларовые активы. Так, в третьем квартале 2001 г. доля долларовых средств на счетах этих стран в зарубежных банках достигала 75%, в 2004 г. этот показатель составил 61,5%. В целом долларовые расчеты стран картеля сократились на 4% при том, что цены на нефть в долларовом выражении выросли на 85%.

Перевод нефтяных платежей в евро может нанести серьезный удар по доллару как мировой валюте. Однако в то же время такая трансформация представляется маловероятной, так как США по-прежнему остаются крупнейшим покупателем нефти у стран ОПЕК. Кроме того, валюты большинства стран-производителей нефти тесно привязаны к доллару или даже имеют по отношению к нему фиксированные курсы, как страны ССАГПЗ.

Таблица 2

Номинальная и реальная цены на нефть, 1973–2002 гг. (долл. за баррель, 1973 – базовый год)

Год	Номинальная цена	Номинальная цена, индексированная по		
		обменным курсам (1)	инфляции (2)	1 + 2
1973	3,05	3,05	3,05	3,05
1974	10,73	11,06	9,39	9,68
1975	10,73	10,86	8,37	8,47
1976	11,51	12,57	8,18	8,93
1977	12,39	13,41	8,01	8,67
1978	12,70	12,60	7,64	7,58
1979	17,25	16,48	9,45	9,04
1980	28,64	27,33	13,89	13,26
1981	32,51	35,66	14,18	15,55
1982	32,38	39,76	12,97	15,93
1983	29,04	38,79	10,90	14,57
1984	28,20	41,44	9,97	14,66
1985	27,01	41,16	9,06	13,80
1986	13,53	16,94	4,40	5,50
1987	17,73	19,88	5,57	6,25
1988	14,24	15,54	4,32	4,72
1989	17,31	19,87	5,00	5,74
1990	22,26	23,38	6,07	6,38
1991	18,62	19,84	4,85	5,16
1992	18,44	19,24	4,62	4,82
1993	16,33	18,88	3,96	4,58
1994	15,53	17,90	3,66	4,22
1995	16,86	18,63	3,85	4,26
1996	20,29	22,60	4,51	5,03
1997	18,68	22,33	4,06	4,86

1998	12,28	14,91	2,63	3,19
1999	17,47	21,67	3,68	4,57
2000	27,60	37,76	5,67	7,76
2001	23,12	32,65	4,64	6,56
2002	24,36	33,13	4,80	6,53

Источник: Middle East Economic Survey, Vol. XLVII, № 01, January 5, 2004, с. 59.

Для решения проблемы снижения курса доллара ОПЕК может изменить принцип установления ценового коридора и привязать его к индексу корзины валют. Однако такое решение приведет к росту нестабильности на рынке нефти, что также невыгодно картелю. Кроме того, это создаст дополнительные трудности для Саудовской Аравии в сфере поддержания стабильности мировых цен на нефть, и королевство как крупнейший экспортер нефти и лидер ОПЕК не допустит этого.

Следует особо отметить, что влияние изменения обменных курсов на реальные доходы от экспорта нефти не так велико по сравнению с воздействием инфляции. Сравнительное воздействие этих двух факторов на реальную цену на нефть можно проиллюстрировать данными, приведенными в таблице ниже.

Из вышеприведенной таблицы отчетливо видно, что за все указанные годы, за исключением 1978 и 1979 гг., обменные курсы повышали реальную цену на нефть, в то время как инфляция, наоборот, снижала ее. При этом инфляция оказывала гораздо большее воздействие на нефтяные цены, нежели обменный курс. Характерно, что номинальная средняя цена корзины ОПЕК в 2002 г. в 24,36 долл. за баррель составила только 6,53 долл. в пересчете на цены 1973 г. Иначе говоря, при увеличении номинальной цены в 8 раз реальная цена увеличилась всего лишь вдвое.

Как следствие, по подсчетам аналитического агентства Стратфор, для того чтобы достичь экономического эффекта, сопоставимого с тем, который испытали страны-нефтеимпортеры в 1980 г., нынешние цены на нефть должны достичь 120 долл. за баррель. Поэтому опасения, что высокие цены на нефть замедлят темпы экономического роста в мире, представляются преувеличенными. Так, по словам министра нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии, высокие цены на нефть в 2004 г. практически не отразились на темпах мирового экономического развития[16].

В целом, по мнению экспертов ОПЕК, мировые потребители нефти вполне спокойно переносят пороговую цену в 30 долл.

за баррель. Так, цена нефти в общебензиновой составляющей в настоящее время не превышает 10–20%. Главный экономист инвестиционного банка «Морган Стенли» поднимает планку равнодушия еще выше – до 50 долл. за баррель.

Подводя итог, можно выделить ряд факторов, указывающих на то, что мировой нефтяной рынок сейчас находится в стадии структурных изменений, и возврат к статус-кво, существовавшему до 2000 г., маловероятен. Во-первых, добыча нефти в большинстве стран, за исключением государств Ближнего Востока и бывшего СССР, уже практически исчерпала потенциал роста, когда темпы открытия новых месторождений лишь частично покрывают скорость истощения старых. Ожидается также, что нефтедобыча в странах Ближнего Востока и СНГ достигнет своего максимума к 2015 г., после чего будет неминуемо снижаться в связи с истощением запасов. Кроме того, нефтедобывающие государства, находящиеся в сильной зависимости от нефтяных доходов, не будут стремиться резко увеличивать производство углеводородного сырья для того, чтобы вернуть цены в рамки коридора 22–28 долл. за баррель, принимая во внимание сместившееся равновесие на рынке нефти. В результате этого они могут получать более высокие доходы из-за повышенных цен на нефть, не опасаясь в то же время существенного снижения спроса на это сырье.

Во-вторых, в результате роста экологического сознания в мире значительная часть прироста спроса на нефть приходится на легкие сорта с низким содержанием серы, что сужает и без того ограниченные возможности по наращиванию добычи и оказывает дополнительное давление на мировые цены на нефть. Это обстоятельство еще больше усиливает роль стран ССАГПЗ в поддержании стабильности на мировом рынке нефти, так как нефть в этих государствах содержит малое количество серы в отличие от большинства стран, не входящих в ОПЕК. Другими словами, прирост спроса на нефть в развитых странах будет обеспечиваться главным образом за счет аравийской шестерки.

В-третьих, только в нескольких нефтедобывающих странах разрешена свободная деятельность международных нефтяных компаний, в то время как в государствах ОПЕК, обладающих львиной долей мировых запасов этого сырья, деятельность таких компаний запрещена, ограничена либо является экономически невыгодной по причине неблагоприятной для них фискальной политики. Не принимая во внимание Саудовскую Аравию и другие страны ССАГПЗ, чья политика по поддержанию стабильности

на мировом рынке нефти предполагает полный государственный контроль над сферой нефтедобычи, это обстоятельство снижает потенциальный объем производства нефти по сравнению с тем, который мог бы быть достигнут с помощью новейших технологий, принадлежащих международным нефтяным компаниям.

В-четвертых, прогнозируется, что спрос на нефть со стороны азиатских стран будет продолжать расти быстрыми темпами и в дальнейшем, а один только Китай будет импортировать каждый год на 0,5 млн. баррелей в день больше, чем в предыдущем.

В-пятых, в настоящее время политическая ситуация на Ближнем Востоке и внутренняя нестабильность в некоторых нефтедобывающих государствах Латинской Америки и Африки добавляют 5–10 долл. к текущей цене на нефть. Представляется, что такая геополитическая составляющая цены будет сохраняться еще как минимум в среднесрочном периоде.

Саудовская Аравия, впервые утратив контроль над мировым рынком нефти, предпринимает в настоящее время усиленные меры по восстановлению этого контроля и стабилизации ситуации. Однако, несмотря на то, что саудовское правительство считает текущие цены на нефть завышенными, оно склонно рассматривать бывшую верхнюю границу коридора ОПЕК в 28 долл. за баррель в качестве новой отправной точки. Принимая во внимание все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что период низких цен на нефть позади, а стабилизация ситуации на мировом рынке нефти во многом зависит от разработки новых критериев установления квот ОПЕК и поддержания необходимого уровня незадействованных мощностей. Представляется также, что только страны ССАГПЗ будут в состоянии обеспечивать стабильность и контролировать мировой рынок нефти.

[1] Jamil I. Alhejailan Can the GCC Control Oil Production? // Middle East Insight Magazine, May 1999, с. 10.

[2] The Financial Times, 27.10.2004.

[3] The Middle East. October 2004, с. 26.

[4] Российская газета, 15.12.2004.

[5] Emirates News Agency, 24.11.2004.

[6] Arab News, 29.09.2004.

[7] AFP, 29.09.2004.

[8] Ibid, Vol. XLVIIL No 6. February 07, 2005.

[9] Drowning in Oil // The Economist, March 1999, Vol. 350. Issue 8109, c. 19.

[10] Известия, 07.06.2004.

[11] Arab News, 30.11.2004.

[12] United Press International, 02.10.2004.

[13] OPEC Press Release, Vienna, January 30, 2005.

[14] Arab News, 05.04.2004.

[15] Ibid, 30.11.2004.

[16] Ibid, 30.11.2004.

Ю.С.Кудряшова

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНАЯ САМОБЫТНОСТЬ ТУРЦИИ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ЕЕ ВСТУПЛЕНИЮ В ЕС

В Европе с давних времен существует некоторая общая идентичность. Именно здесь сформировались идеи прав человека и гражданина, личной свободы, плюрализма и демократии; здесь произошел проанализированный Максом Вебером всеобъемлющий процесс рационализации, породивший церковное право и восприятие римского права, схоластику и гуманизм, современную науку и современный капитализм, Просвещение и секуляризацию, эмансипацию индивидуума от церковной и государственной опеки, эмансипацию рабов, «третьего» и «четвертого» сословий, эмансипацию женщин[1]. Разделение духовной и светской власти в позднем Средневековье было самой ранней исторической формой разделения властей и политического плюрализма. Что касается общей культуры, то она начала формироваться на греко-римских элементах. К ней также относятся традиции университета и общеобразовательной школы, распространившиеся по всей Европе со времен позднего средневековья. Кроме того, к общеевропейской культуре принадлежат эпохальные стили в истории искусства, архитектуры и музыки.

В целом построение «единой Европы» восходит к средневековой идее «христианского мира» и Данте. Однако помимо религии, философии, науки, литературы, музыки, архитектуры и живописи, европейская идентичность охватывает политическую культуру, основанную на идеалах достоинства и свободы личности, так же как и равных правах. Это культура государства всеобщего благосостояния, стремящегося к социальной справедливости. Общая идентичность включает также экономическую культуру частной собственности и предпринимательства, культуру свободных рынков и профсоюзов, устойчивой денежной единицы и законную защиту рабочего от эксплуатации работодателем, а также потребителя от картелей или монополий[2].

При этом в Европейской Конституции отсутствуют какие-либо ссылки на религию, наоборот, Договор о Европейском Союзе признает культурное и региональное разнообразие стран-членов[3]. Современная европейская культура впитала также разнообразные идеи сильных исламских течений. Европейские ценности носят надрелигиозный характер и выработаны элитами Европы путем их выделения из всех религиозных традиций. Согласно официальной версии, религиозные традиции в своей основе едины, поэтому плодотворный диалог между ними возможен на основе общечеловеческих ценностей, в том числе соблюдения прав человека.

Если проанализировать статистические данные, становится очевидно, что утверждение о том, что Европейский Союз является христианским клубом, неверно. Среди населения 25 стран-членов Союза не более 30% христиан, активно участвующих в религиозной жизни. При этом в Евросоюзе проживает 20 млн. мусульман. Таким образом, ислам – вторая по значимости религия среди европейцев. Помимо этого, в ЕС почти 2 млн. иудаистов и около миллиона буддистов и приверженцев прочих конфессий[4].

Тем не менее в Европе преобладают антимусульманские настроения, усиленно поддерживаемые церковью. Отчасти это объясняется тем, что темпы рождаемости среди мусульман вдвое превышают те же показатели у европейцев. Таким образом, демографические проблемы Европы не позволяют ей вступать в слишком тесные отношения с активно размножающимся мусульманским миром без риска утратить свое цивилизационное единство. Большинство европейцев до сих пор не может смириться с тем фактом, что доминирование их христианской, преимущественно белой общности на европейской части континента неизбежно начинает уступать разнородному и многоэтничному населению, представленному в первую очередь мусульманами. С другой стороны, живущие по соседству мусульмане имеют значительно более низкий жизненный уровень, чем европейцы. Это, в свою очередь, приводит к миграции мусульман в страны Европейского Союза, которая вызывает растущее чувство недовольства среди европейцев и довольно часто служит причиной возникающего отторжения и даже враждебности. Ускоренная иммиграция ведет к тому, что в самом Евросоюзе коренные европейские народы могут стать национальными меньшинствами. В настоящий момент в Германии и Франции проживают по 3 млн. мусульман, в Англии – 1,5 млн., в Нидерландах – 500 тыс.[5]

После трагедии 11 сентября 2001 г. живущие в Европе мусульмане все чаще сталкиваются с дискриминацией. Наряду с негативным отношением населения европейские средства массовой информации стали изображать мусульман внутренними врагами. К тому же процесс сближения сторон осложняется тем, что на и без того скудные знания об исламе влияют живучие предрассудки. Для решения данной проблемы остро ощущается необходимость ассимиляции как способа предотвращения ухода представителей мусульманского меньшинства в свои общины, в результате которого они оказываются отрезанными от остального общества. Как следствие, мусульмане утрачивают веру в торжество закона, что способствует активизации экстремистских организаций.

При этом остается фактом, что проблемы интеграции, вызванные дальнейшим расширением Европейского Союза, становятся все многочисленнее, а политическая идентичность Европы все более размытой. Процесс расширения ЕС ведет к эскалации различий внутри этого образования. Теперь уже неясно, какие страны и в каком смысле могут быть названы частями Европы. Тем самым расширение и интеграция ЕС входят во все большее противоречие между собой.

В свое время канцлер Германии Гельмут Коль отмечал, что идеологией европейской интеграции являются общие европейские ценности и религиозное единство[6]. Более того, Папа Римский Иоанн Павел II неоднократно призывал европейских политиков включить в проект Евроконституции упоминание о христианских корнях европейской культуры (изначально оно там было)[7]. Согласно мнению приверженцев такой идеи, вторжение в это пространство носителей иных ценностей вполне допускается, но только при условии, что они будут признавать первичность европейской христианской этики, культуры, местных политических институтов, отказавшись от тех элементов своей традиции, которые им противоречат. Например, от обычая кровной мести или от фактического многоженства.

На этом фоне разгорелась дискуссия о несовместимости культур, препятствующей вступлению Турции в ЕС. Эта страна на протяжении веков разделяла судьбу Европы, что было признано во второй половине XX в., когда она стала членом НАТО, Совета Европы, СБСЕ и Европейской сети исследований и разработок для индустрии.

Не в последнюю очередь проблема вступления Турции в ЕС была осложнена распадом коммунистического блока в Восточной Европе. В процессе расширения Союза Турция оказалась отодвинутой на задний план в результате появления большой группы новых кандидатов на вступление. Хотя некоторые восточноевропейские страны были экономически менее развиты, чем Турция, но в сфере политики и культуры они рассматривались как неотъемлемая часть Европы. Таким образом, в отношениях Турции и ЕС возникло новое культурное измерение, прежде отсутствовавшее. Вполне оправданно, что сложившаяся ситуация вызывает негативную реакцию со стороны руководства страны. «Я исхожу из того, что ЕС – это не культурное, религиозное или экономическое объединение, а сообщество государств, объединенных общими ценностями», – отмечал премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган[8].

Согласно мнению Эрдогана, европейские лидеры, упорно отказывавшиеся назвать сроки начала переговоров о вступлении Турции, придерживаются двойных стандартов. Он утверждал, что в его стране последовательно проводятся реформы с целью соответствия европейским эталонам и она является образцом реальной демократии в исламском мире в противовес прочим мусульманским странам[9].

Основатель республики Кемаль Ататюрк создал в 1923 г. государственную модель, базирующуюся на принципах, заботливо взращенных западными демократиями. Со времен Ататюрка Турция является светской страной и фактически прервала культурные связи с мусульманскими странами. Символом этого разрыва стало введение латинского алфавита. Кроме того, главные мечети страны были превращены в музеи.

На самом деле в отличие, скажем, от Ирака и Сирии в стране имеется действующая парламентско-демократическая конституция. В отличие от Ирана в Турции существует четкое разделение между государством и мечетью. Председатель парламента Турции Бюлент Арынч подчеркивал, что Турция хотя и мусульманское, но светское современное государство, которое имеет полное право стать частью Европы. В Турции 98% населения исповедует ислам, при этом культура турецкой нации от поэзии и философии до музыки и архитектуры – светская[10]. Находящаяся у власти в Турции умеренно исламистская партия выступает против шариата и придерживается лаицизма, как следствие, она борется с экстремизмом и религиозным фана-

тизмом. Однако даже активные исламисты выступают за основные демократические ценности: свободу вероисповедания, собраний, предпринимательства, слова и в выборе одежды. По словам министра иностранных дел Гюля, правительство Турции доказало, что в мусульманском обществе можно построить государство, основанное на европейских ценностях, демократии, уважении прав человека и свободы[11]. Действительно, власти Турции приняли законы, гарантирующие соблюдение прав человека и национальных меньшинств, запрет пыток в тюрьмах, отмену смертной казни, ограничение роли армии в политике, ликвидацию дискриминации женщин. В свою очередь Отчет Еврокомиссии игнорировал потенциальные проблемы, связанные с культурным и религиозным наследием Турции. В нем отмечалось, что проводящиеся в стране реформы являются «важным сигналом, демонстрирующим настрой большей части политического руководства Турции на приближение к ценностям и стандартам Европейского союза»[12]. Представители Еврокомиссии подчеркивали, что «Турция, в которой большинство населения исповедует ислам, могла бы стать значимым образцом приверженности таким фундаментальным принципам, как свобода, демократия, уважение прав человека и господство закона»[13].

Однако политическая культура Турции все еще сильно отличается от той, что существует на Западе. Процесс модернизации, начатый Кемалем Ататюрком, осуществлялся с помощью авторитарных средств. Хотя Турция является с тех пор чисто светским, легитимированным свободными выборами национальным государством, в основе этого достижения лежит довольно сильное принуждение со стороны армии. Как следствие, в Турции отсутствует развитое гражданское общество, западным является лишь внешний стиль жизни, а именно: рыночная экономика, техника, демократические процедуры.

Свободе вероисповедания в Турции все еще противостоит антиплюралистическое и репрессивное отделение мечети от государства. Турция, являвшаяся центром мусульманского мира в течение 300 лет, не могла быть деисламизирована. Новая республиканская идеология, лишив ислам цементирующей роли, увеличила разрыв между различными слоями общества. Ислам наводил мосты между многочисленными социальными группами, так как он служил общим языком для высших и низших классов. Поэтому после основания Турецкой Республики ислам не исчез из общественного сознания, он лишь ушел в подполье.

После окончания Второй мировой войны он начал медленно возрождаться. Это подтверждается возрастанием числа турецких граждан, совершивших хадж, учреждением исламских партий, возобновлением изучения Корана и арабского языка, растущим интересом молодежи к религии, в том числе к совместной молитве, высоким процентом женщин с покрытой головой[14]. Требования разрешить ношение исламской одежды и обучение в религиозных школах свидетельствуют, что значительная часть населения Турции – верующие, соблюдающие религиозные предписания. Однако следует отметить, что исламские группировки оказывают незначительное влияние на турецкое общество, так как они в основном разрозненны, у них отсутствуют контакты друг с другом и реальный общий лидер.

Турция – страна с собственной культурой и идентичностью, на которые наложило отпечаток прошлое кочевников Центральной Азии, ислам, традиции древних народов Малой Азии. Несмотря на то, что она всеми силами старается представить себя светским государством, менталитет ее общества остается мусульманским. Образ жизни, культура общения, традиции, трудовая этика и принципы социальной жизни турок сильно отличаются от европейских. Согласно исследованиям турецкой организации «Женщины за соблюдение прав женщин», на востоке страны половина женского населения неграмотна, до сих пор преобладают ранние браки и многоженство, бывают случаи принудительного замужества, повсеместно распространено домашнее насилие и убийства женщин за измену[15]. Кроме того, турецкому населению свойственна патриархально-клановая структура семьи и зависимость от общины. Подобная прочная модель снижает негативное влияние размытости, которая становится следствием глобализации общества, но, с другой стороны, общинный образ жизни ограничивает индивидуализм, являющийся основным принципом европейского самосознания.

Особенно сильные позиции у ислама в провинции. 40% турецкого населения проживает в сельской местности, но даже в крупных городах от 3 млн. жителей сохраняется традиционный образ жизни, хотя ему и бросает вызов набирающая темпы индустриализация[16]. Это объясняется тем, что мигрирующие в города турецкие крестьяне приносят с собой сельские устои, в том числе строгие исламские традиции. Более того, непрекращающийся рост влияния исламистов и периодические вспышки насилия указывают на то, что исламское возрождение нашло

благодатную почву не только среди жителей отсталых сельских районов и городских трущоб, но также среди активистов запрещенных религиозных организаций, таких как Хизбуллах, Исламский фронт борцов Великого Востока (IBDA-C), Организация исламистских активистов (IHO)[17]. Таким образом, значительные социально-экономические перемены (в частности, возрастающая урбанизация) стали одной из причин упрочения влияния ислама в политической и социальной жизни Турции.

Вместе с тем приблизительно 4 млн. турок живут в европейских странах, большинство из них имеет двойное гражданство. В настоящее время турецкие инвесторы и предприниматели создают новые рабочие места для немцев, голландцев, французов и принимают активное участие во внутренней политике этих стран. Турецкие граждане избраны в центральные и местные законодательные органы ряда европейских государств[18].

Однако большинство иммигрантов приехало из бедного отсталого юго-востока Турции. Они имеют недостаточный уровень образования и относятся к низшим социальным слоям общества, что заставляет их замыкаться в своих небольших общинах. Однако их потомки демонстрируют уже более высокую способность к адаптации, что проявляется в профессиональном разграничении, выборе места жительства в соответствии с доходами, а не по соседству с турецкой общиной, и даже в облагораживании районов. Тем не менее вслед за окончанием экономического бума в Европе к туркам стала проявляться враждебность со стороны прохристианских партий, но основная часть интегрировавшегося турецкого населения все равно предпочитает остаться[19]. В этой связи расширение границ ЕС до таких культурных «антиподов», как Ирак, Иран и Сирия, видится крайне проблематичным.

Тем не менее Турция развернула мощное дипломатическое наступление на Европейский Союз с требованием объявить дату начала переговоров о вступлении. Европейская элита оказалась расколота. Оптимисты утверждают, что присоединение Турции придаст Евросоюзу новые возможности, скептики отмечают, что эта мусульманская страна просто подомнет под себя христианскую Европу. Параллельно с массовой кампанией в поддержку Турции, которую ведут руководители ряда европейских стран, звучат протесты последовательных противников смешения ценностей.

По словам бывшего генерального секретаря ХДС Рупрехта Поленца, приняв Турцию, построившую правовое государство и демократическое общество, Европа сможет доказать беспочвенность обвинений в том, что Запад враждебно относится к исламу. В свою очередь президент Франции Ширак надеется, что поддерживая европейские устремления Анкары, можно удержать ее от сползания в исламизм. Он предупредил об опасности проявления неуважения к стране, которая, обладая самобытной культурой, уже более 80 лет является светским государством; неприятие ее в Европе может привести к войне религий, цивилизаций и культур[20]. Бывший председатель Еврокомиссии Проди утверждал, что Турция поможет Европе достичь мира и безопасности. Благодаря ее преимущественно мусульманскому населению и перспективам на Среднем Востоке эта страна в будущем сможет обеспечить действительно международную роль ЕС, который станет весомым игроком на Ближнем Востоке, расширит свое геополитическое влияние в Азии[21]. А согласно мнению официального представителя правительства ФРГ, необходимо теснее сотрудничать с Анкарой, поскольку Турция может стать не только мостом между Западом и мусульманским миром, но также служить образцом для некоторых стран Ближнего и Среднего Востока[22].

В целом сторонники принятия Турции, в основном левые и умеренно консервативные силы, либерально настроенная общественность, настаивают на том, что когда она будет внутри ЕС, на нее станет легче оказывать давление. Помимо этого, открыв двери для Анкары, Европа покажет мусульманскому миру, что она свободна от расистских предрассудков и не является христианским клубом, а отвергая Турцию, можно, наоборот, подтолкнуть ее к радикальному исламу. Выступая в мае 2003 г. на встрече в Берлине, посвященной культурному измерению расширения ЕС, бывший комиссар по вопросам расширения Ферхойген заявил, что в Европе все религии должны быть представлены в равной степени; ислам принадлежит европейской истории, традициям и культуре; следует поддержать правительство, демонстрирующее, что в мусульманской стране возможна демократия и господство закона[23]. В свою очередь Вальтер Швиммер, будучи генеральным секретарем, подчеркивал, что существование в рамках ЕС современной, демократической, прогрессивной, открытой и толерантной Турции станет общим достоянием европейцев[24]. Таким образом, светская Турция

должна стать стратегическим форпостом Европы в регионе, где процветает исламский фундаментализм, а ее пример может вдохновить остальной мусульманский мир на развитие демократии, что станет существенным вкладом в победу над международным терроризмом. Приняв Турцию, Европейский Союз подтвердит, что исламскому обществу могут быть присущи не только светское государство, но и нормы теперешней либеральной демократии. В результате в Европе укоренится современный, умеренный и демократический ислам в противовес радикально настроенным арабским диаспорам. В итоге можно сделать вывод, что, поддерживая вступление Турции в состав ЕС, европейские страны по-прежнему видят в ней некий буфер между Европой и нестабильными регионами Азии.

Вместе с тем эти аргументы противостоят активному сопротивлению населения ЕС, которое весьма осторожно относится к принятию огромной мусульманской страны с богатой историей военных завоеваний. Кульминацией споров на данную тему стало высказывание председателя Конвенции по будущему Европы Жискара д'Эстена, что Турция неевропейская страна и ее вступление в ЕС было бы концом Европы. По его словам, «люди, поддерживающие принятие Турции, – противники ЕС, ее столица лежит за пределами Европы, 95% ее населения живет вне Европы». «Наши законы и наша система управления привычны для европейцев, Турция же страна с другой культурой, другим стилем жизни и подходом к решению проблем. Принятие такой страны в Союз неизбежно породит внутренние коллизии, а наша задача сейчас – интеграция, а не решение внутренних проблем, – считает Жискар д'Эстен. – Кроме того, в случае вступления Турция за счет своих демографических показателей станет самым большим государством-членом ЕС, а это значит, что у нее будет больше всего мест в Парламенте, и мы снова придем к противостоянию Востока и Запада»[25]. Официальный Брюссель, правда, сразу же отверг заявление Д'Эстена. Пресс-секретарь Еврокомиссии Жан-Кристоф Филори подчеркнул, что Жискар д'Эстен озвучил лишь свое частное мнение, которое совершенно не совпадает с мнением руководства ЕС, не может идти и речи о том, чтобы лишить Турцию статуса кандидата на вступление. В свою очередь, премьер-министр Дании – страны, председательствовавшей на тот момент в ЕС, – заявил, что Турция должна рассматриваться на тех же основаниях, что и другие страны-кандидаты[26].

В настоящее время в странах Европейского Союза все чаще слышны мнения, что членство Турции в этой организации будет неодолимым бременем для Европы. Но главная проблема заключается в том, что для многих европейских политиков появление в рядах ЕС исламской Турции означает крах самой европейской идеи. Ведь в результате 25% населения Евросоюза будут мусульманами. Широкую известность получил так называемый «Манифест Жака Делора», одного из проектантов общеевропейской конституции. В нем особо отмечалось, что все культурные, политические и иные традиции Турции идут вразрез с самим духом Европы, который зиждется на христианстве[27]. Бывший глава французского правительства Жан-Пьер Раффарен также сомневался в том, что государства Европы готовы к тому, что «в светское русло вольется поток ислама».

Консервативные круги и правые политические силы усматривают непреодолимые цивилизационные различия между христианской Европой и мусульманской Турцией. К тому же они всерьез опасаются того, что иммигранты из Турции способны заполонить все европейское сообщество. В результате они создадут изолированные мусульманские общины, что может стать основанием для раскола в обществе государств, их принявших. Население ЕС уже убедилось в том, что турки и особенно курды, переселившиеся в Европу, почти не поддаются ассимиляции и часто представляют собой источник для создания криминальных структур. При этом курды обладают более высокой экономической мотивацией, чем турки, и в отличие от последних совершенно не считаются с законами стран пребывания. Как заметил бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, концепцию мультикультурности трудно вписать в демократическое общество[28].

Столкнувшись с этой проблемой, представители Христианской демократической партии неоднократно заявляли, что Европейский Союз – цивилизационная организация и в ее пределах нет места Турции. Бывший канцлер Германии Коль настаивал на том, что Европейский Союз основан на христианских принципах и не может принимать страны, которые их не разделяют. Коль неоднократно заявлял, что Турцию не следует принимать в ЕС, так как эта страна принадлежит к иной цивилизации[29]. Более того, согласно отчету, представленному Европарламенту представителем датских христианских демократов, кемализм – официальная идеология Турецкой Респуб-

лики – утверждает гомогенность турецкой культуры и национализм[30]. Подобную точку зрения разделяет лидер немецкой оппозиции, глава христианских социалистов Эдмунд Штойбер, который прогнозирует, что вступление Турции в ЕС уничтожит его и положит конец политическому единению, так как у Европы нет достаточной интеграционной мощи, чтобы переварить эту страну. Помимо этого, заместитель лидера фракции ХДС/ХСС Вольфганг Босбах указал, что принятие Турции в ЕС неминуемо повлечет импортирование проблемы терроризма[31]. Жители ЕС все сильнее опасаются возрастающей радикализации неуправляемых объединений молодых мусульман.

Выражая мнение значительной части клерикальных кругов внутри Евросоюза, кардинал Ратцингер, отвечавший в Ватикане за вопросы религиозной доктрины, а ныне Папа Римский Бенедикт XVI, заявил, что в случае вступления Турции ЕС потеряет свою европейскую идентичность. Он отметил, что Турции не место в ЕС, так как всю свою историю она была европейским противником, которым останется и в будущем. Это ставит под угрозу основы европейской цивилизации, поскольку, как сказал кардинал, Европа – не географический, а культурный континент. Ратцингер подчеркнул, что Анкаре надо консолидироваться с мусульманским миром, в котором она займет достойное место. Еще радикальнее прозвучало мнение главы австрийской церкви кардинала Кристофа Шёнборна, заключающееся в том, что ЕС должен остаться христианской организацией, куда нет доступа мусульманским странам[32]. Представитель Московской Патриархии отмечал в этой связи, что почти перед всеми без исключения государствами ЕС стоят проблемы социальной, политической и культурной интеграции национальных меньшинств. Реальная жизнь показывает, что улучшение материального положения иммигрантов не решает проблем их культурной адаптации, а порой даже способствует росту их этнорелигиозной самобытности[33].

Таким образом, государства Европейского Союза опасаются прежде всего массового наплыва турок, поскольку граница будет открытой, и страшатся значительного культурного влияния этой страны, населенной 70 миллионами мусульман. Категоричнее других европейских стран настроена Германия, где проживает около 2 млн. турецких граждан, и это вызывает негативное отношение коренного населения[34]. Тем не менее стабильное падение уровня рождаемости в европейских стра-

нах означает и неминуемое увеличение потоков иммигрантов из «третьего мира». Учитывая этот факт, следует ожидать, что возможное вступление Турции в ЕС приведет к неизбежному расширению круга средиземноморских государств, заявляющих о своей европейской идентичности и желающих стать членами ЕС. Безусловно, тесное соседство мусульманского и христианского мира может не только создавать разделения, но, преодолевая их, способствовать выработке модели мирного сосуществования этих двух цивилизаций. Вполне может оказаться так, что вхождение Турции в Европейский Союз заложит камень в основание моста между христианским и исламским мирами. Принятие этой страны в ЕС может стать началом процесса постепенного сглаживания всех идейных противоречий, медленного стирания этнических и религиозных различий. А отказ от христианских ценностей Европа фактически уже произвела, поскольку такие мусульманские страны, как Албания и Босния, сейчас рассматриваются в качестве потенциальных членов ЕС.

Вместе с тем события на Ближнем Востоке ставят Старый свет перед важным выбором. Европейским лидерам необходимо, наконец, решить, что предпочтительнее: единый, преимущественно христианский ЕС без Турции либо ЕС, охватывающий Европу, Ближний Восток и часть Азии, представленные Турцией. Выбор в пользу последнего значительно усилит влияние Евросоюза в регионе. При этом необходимо учитывать, что Турция станет наиболее выгодной мишенью для нанесения террористических ударов по западным интересам.

Кроме того, если Турция действительно разочаруется в Европейском Союзе, она может откорректировать свою внешнюю политику. Это неизбежно будет означать важную победу для международного терроризма, который пытается посредством своих акций максимально сократить в мусульманских государствах западное присутствие, следствием чего становятся прекращение деятельности в данном регионе гуманитарных организаций и дипломатических миссий. В результате Запад утратит в лице Турции буфер между исламским фундаментализмом и Европой, который переместится в страны Восточной Европы. Збигнев Бжезинский отмечал по этому поводу: «Турция, которая чувствовала бы себя отторгнутой от Европы, была бы в большей степени исламской Турцией. Следовательно, Америка должна использовать свое влияние в

Европе для того, чтобы способствовать принятию Турции в Европейский Союз, и настаивать, чтобы к ней относились, как к европейскому государству – при условии, если ее политика на международной арене не претерпит драматического поворота в исламском направлении»[35].

«Если ЕС придумает какой-нибудь повод, и после всех наших усилий скажет Турции "нет", я уверен, что и Европейский Союз, и весь мир многое потеряют, – подчеркивал министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль. – Если Турцию примут, выиграют и ЕС, и мирные устремления во всем мире. Это будет подарком мусульманскому миру. Когда я бываю в других мусульманских странах – Сирии, Иране, Саудовской Аравии, – они выражают гордость по поводу того, что мы делаем. Если мы не хотим столкновения цивилизаций и хотим добиться примирения, то Турция должна занять свое место в ЕС»[36].

Тем не менее необходимо считаться с мнением рядовых граждан ЕС, которые на примере Франции и Голландии продемонстрировали отрицательное отношение к Европейской Конституции, не в последнюю очередь опасаясь перспективы вхождения в Евросоюз Турции.

[1] Винклер Х.А. Турция не является частью «европейского проекта». http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-01/article09_p.html

[2] Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского союза. М., 1998, с. 10.

[3] Treaty on European Union, Title XII, Article 151.

[4] Amir Taheri: The specter that is haunting Europe. http://www.arabnews.com/?page=7&section=0&article=46863&d=16&m=6&y=2004

[5] Human Rights Watch: Европа и Центральная Азия: Развитие событий в области прав человека. Всемирный доклад. 11.02.2003. http://www.hrw.org/russian/reports/2003/world/eca.php

[6] Sedat Laçiner: The civilisational differences as a condition for Turkish full membership to the EU. http://www.turkishweekly.net/articles.php?id=47

[7] Московские новости, 25.12.2002.

[8] Milli Gazete, 30.11.2004.

[9] The Guardian, 17.12.2004.

[10] Шмидт Г. Кто не принадлежит к Европе // Мировые дискуссии, 05.02.2001.

[11] Çağri Erhan: Asian dimension of Turkish character: an obstacle or a catalyst for a European Union membership. http://www.stradigma.com/english/feb2003/articlesprint_4.html

[12] Commission of the European Communities: 2002 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession and the Strategy Paper. Brussels, 09.10.2002, c. 88.

[13] Commission of the European Communities: 2004 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. Brussels, 06.10.2004, c. 44.

[14] Milli Gazete, 30.11.2004

[15] Marvine Howe. Turkey: A Nation Divided over Islam's Revival. Boulder, 2000, c. 113.

[16] Musa Tasdelen. Toplumsal Yapimizm Dayam§maci Karakteri ve Degisim. // Cumhuriyet Ansiklopedisi, Vol. III, c. 1821.

[17] Marvine Howe. Turkey: A Nation Divided over Islam's Revival. Boulder, 2000, c. 50.

[18] Посол Турции в Украине Бильге Джанкорель // День, № 236, 21.12.2002.

[19] Ahmet O.Evin. Turkey – EU relations on the eve of IGC: the social and cultural dimension. http://www.fpi.hacettepe.edu.tr/Books/nnr/Evin.html

[20] Багиро Д. Пустят ли Турцию в Евросоюз? http://www.politcom.ru/2004/zloba5104.php

[21] Financial Times, 15.01.2004.

[22] Турция стремится в Европу // Журнал Европейского Союза, № 35, январь 2004.

[23] Zaman, 08.05.2003.

[24] Багиро Д. Пустят ли Турцию в Евросоюз? http://www.politcom.ru/2004/zloba5104.php

[25] Le Monde, 08.11.2002.

[26] Деловая неделя, 11.11.2002

[27] Известия, 09.12.2002.

[28] Шмидт Г. Кто не принадлежит к Европе. / Мировые дискуссии. 05.02.2001.

[29] The New York Times, 05.04.1997.

[30] Zaman, 26.03.2003.

[31] Винклер Х.А. Турция не является частью «европейского проекта». http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-01/article09_p.html

[32] Независимая газета, 02.02.2005.

[33] Комментарий Секретариата по взаимоотношениям Церкви и общества ОВЦС МП по вопросу об отношениях Европейского Союза и Турции. http://www.ekavkaz.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1047

[34] Независимая газета, 04.11.1999.
[35] Brzezinski Zb. The Grand Chess-board. New York, 1997, с. 203.
[36] The New York Times, 11.01.2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.И.Гаджаев

МАШИНОСТРОЕНИЕ ТУРЦИИ: ВЫХОД НА МИРОВОЙ РЫНОК

Машиностроение обеспечивает все отрасли экономики станками, техническими средствами и оборудованием, которые необходимы в производстве, и выполняет функцию по внедрению в него современных технологий. Машиностроение включает в себя широкий круг подотраслей, их создание становится одной из главных экономических задач в развивающихся странах.

Индустриализация в Турции началась в первые десятилетия после образования Республики со строительства текстильных, цементных, целлюлозно-бумажных, сахарных и др. предприятий легкой и обрабатывающей промышленности. Параллельно с этим начали появляться мастерские по ремонту станков и оборудования, а также сельскохозяйственных и дорожных машин. Такие мастерские становились составной частью производственного процесса. Со временем, получив квалификацию в этих мастерских, их бывшие работники открывали фабрики в разных отраслях производства, в том числе в машиностроении, которое ныне включает, как будет показано ниже, целый ряд подотраслей, выпускающих продукцию как для внутреннего, так и для внешнего рынков. Начиная с 80-х годов с переходом Турции к стратегии экономической либерализации, политике экспорториентирования ее машиностроительные предприятия стали выходить на мировой рынок, и сегодня они поставляют свою продукцию во все концы света, не переставая при этом развиваться и совершенствоваться.

Вместе с тем турецкая промышленность, экономика страны в целом сохраняют зависимость от импорта многих видов машин и оборудования, поступающих из развитых стран.

Импорт продукции машиностроения

Выход Турции на мировой рынок в качестве продавца продукции своего машиностроения не привел к сокращению импорта техники. Напротив, перевод на индустриальную основу ведущих отраслей турецкой экономики все более увеличивает ее потребность в еще более разнообразных и сложных видах и новых модификациях машин, станков и другого оборудования.

До 80-х годов прошлого века Турция проводила такую внешнеторговую политику, которая опиралась на стратегию импортзамещения, допуская импорт только той продукции, производства которой у нее не имелось или же оно было недостаточным. В основном Турцией импортировалось энергетическое сырье, машины, оборудование, средства транспорта, а также продукция химического производства. Ограниченно на внутренний рынок допускалась продукция других отраслей, причиной тому являлась защита местной промышленности от внешней конкуренции. Однако начиная с 80-х годов и особенно с вхождением в 1995 г. в состав Всемирной торговой организации (ВТО), а в 1996 г. – в Европейский таможенный союз рост национального дохода, ускорение индустриализации страны способствовали не только росту, но и заметной диверсификации промышленного импорта Турции.

Так, развитие производства электрических и других машин в Турции особенно расширилось в 90-е годы в связи, в частности, с образованием в 1994 г. фабрик «Tezsan» и «Taksan»; развивающаяся отрасль восполняла свои внутренние потребности в оборудовании импортом. Общая стоимость импорта продукции машиностроения в 1996 г. составила 7,7 млрд. долл., а в 1998 г. достигла 8,1 млрд. долл.[1] Однако кризисы, происходившие в мире, в том числе в Турции, и ставшие причиной падения ее национального дохода, значительно сократили импорт, особенно машин и оборудования, показав результат в 1999 г. в 5,6 млрд. долл.[2] После кризиса 1999 г. и временного оживления экономики их импорт возрос приблизительно на 1 млрд. долл. и в 2000 г. достиг 6,8 млрд.долл.[3]

Вновь разразившийся кризис в феврале 2001 г. опять привел к уменьшению импорта машин и оборудования до 5,7 млрд. долл. В 2002 г. турецкая экономика несколько стабилизировалась, вследствие этого импорт по этой статье уве-

личился до 7,4 млрд. долл. Импорт машин продолжил возрастать и в 2003 г.: за период январь-май он достиг 3 млрд. долл. В 2002 г. импорт в Турцию основных видов машин, оборудования и комплектующих включал в себя[4]:

– дизельные, полудизельные, поршневые моторы – на сумму в 290 млн. долл.;

– швейные машины и оборудование – 177 млн. долл.;

– шелкоткацкие станки, машины по производству ниток – 172 млн. долл.;

– ткацкие станки – 119 млн. долл.;

– воздушно-вакуумные насосы, вентиляторы, компрессоры, аспираторы – 114 млн. долл.;

– краны, трубные клапаны, термостатистические регулирующие клапаны – 104 млн. долл.;

– детали и комплектующие поршневых двигателей внутреннего сгорания – 103 млн. долл.;

– утюги, стиральные и сушильные машины и их комплектующие – 98 млн. долл.;

– центробежные сушилки, фильтры, очистительная аппаратура – 98 млн. долл.;

– насосы и емкости для жидкостей – 88 млн. долл.

Выше названные виды продукции составляли около 50% всего турецкого промышленного импорта.

Имел также место рост импорта электрических машин: в 1996 г. он составил 2,5 млрд. долл., а в 1998 г. 3,7 млрд.долл. В 2001 г. из-за кризиса импорт снизился до 3 млрд. долл., но у же в 2001 г. вновь достиг 3,7 млрд.долл. Структура импорта электрических машин в 2000 г. включала[5]:

– радиотелефоны, радиоаппаратуру, телевизоры, видеокамеры – 1,6 млрд. долл.;

– электрическую аппаратуру для проводных телефонных и телеграфных линий – 664 млн. долл.;

– катодные электронные клапаны, трубки, электролампы и др. товары – 477 млн. долл.;

– оборудование электрической фазы, напряжение которой не превышает 1000 вольт – 222 млн. долл.;

– электрические трансформаторы и другую подобную и сопутствующую продукцию – 187 млн. долл.;

– электрические моторы, генераторы – 122 млн. долл.;

– изоляционные электропровода, кабели, изоляционные проводники, оптико-волоконный кабель – 117 млн. долл.;

– электрические водонагреватели, электротермическую аппаратуру – 106 млн. долл.

Таблица 1

Импортеры турецкого электрического машиностроения

(тыс. долл.)

Страны	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Германия	219.987	269.301	233.144	221.705
Россия	31.785	35.760	35.775	18.884
Италия	24.445	25.227	33.107	39.759
Англия	20.683	27.994	29.894	44.601
Малайзия	16.487	33.595	29.970	18.090

Источник: Dış Ticaret Müsteşarlığı (DTM)

Катодные электронные клапаны, трубки, электролампы, электрические моторы и генераторы составляют большую часть экспорта турецкого электрического машиностроения. Основными импортерами являются Германия, Италия, Англия и Франция.

Все выше названные виды машин и оборудования (включая электрические) в 2002 г. достигали более 70% от стоимости промышленного импорта Турции.

Экспорт продукции машиностроения

Развитие машиностроения в Турции началось с завершением индустриализации Западной Европы. Позднее, в последней четверти XX в., европейские страны наиболее энергоемкие, экологически вредные и другие «грязные» предприятия, за исключением военных и стратегически важных отраслей, стремятся перебазировать в развивающиеся страны. В особенности это стало заметным при переходе от индустриального к постиндустриальному – или информационному – обществу. С началом этого процесса перемещение в развивающиеся страны таких отраслей, как металлургия и химическая промышленность, быстро набирало обороты. Развитые страны вместо того, чтобы иметь дело с этими неперспективными для себя отраслями, начали все больше уделять внимание развитию наукоемких производств. Этот процесс продолжается и в наши дни.

Перемещение вышеуказанных отраслей идет путем использования прямых инвестиций – слияний, подчинения своим целям сотрудничающих с ними местных фирм, которые выполняют заказы иностранных материнских компаний по производ-

ству продукции нужного профиля. Автомобилестроение, производство вагонов и другие отрасли машиностроения, требующие наличия тяжелой промышленности, особенно металлургии, загрязняющие окружающую среду, перемещаются в такие страны, как Турция, Венгрия, Чехия, Польша и Румыния. Другие менее развитые страны, как, например, страны Африки, которые не могут занять место в этом списке, обречены становиться все беднее.

В дальнейшем фирмы промышленно развитых стран не только закупают у своих дочерних зарубежных предприятий машины и оборудование (хотя они уступают часто западным стандартам), но также и их компоненты, применяющиеся в их собственных, в том числе наукоемких, отраслях промышленности. Таким путем повышается эффективность производства, снижаются его издержки. Для примера можно привести такие работающие в Турции совместные предприятия, как «MERCEDES-BENZ», «TÜVASAŞ», «ABB», «ALCATEL», «ALSTO», «BOSCH», «GE», «SCHNEIDER», «PHILLIPS», «TÜRK PIRELLI», «TÜRK SIEMENS», «TELEMECHANIQUE» и многие др.[6] Они реализуют свою продукцию как на турецком рынке, так и вывозят ее в другие страны.

Первые места в экспорте продукций турецкого машиностроения приходятся на западноевропейские страны. За ними идут Россия, Алжир и ряд других государств ближневосточного региона, Центральной Азии.

По оценкам турецких специалистов, стоимость экспорта продукции турецкого машиностроения в 1996 г. составляла 794 млн. долл., а в 1998 г. эта сумма увеличилась до 1,1 млрд. долл. В 1996 г. экспорт холодильников, морозильников, нагревательных насосов составил сумму в 124 млн. долл., заняв первое место в номенклатуре товаров. На втором месте оказался экспорт водных турбин, точил и регуляторов для них на сумму в 109 млн. долл. А в 1998 г. на первое место вышел экспорт поршней для двигателей внутреннего сгорания, деталей и комплектующих к моторам на сумму в 162 млн. долл., на второе – экспорт холодильников, морозильников и тепловых насосов на сумму в 161 млн. долл. Экспорт турбореактивов, турбокомпрессоров, газовых турбин и тяжелых машин в 1998 г. превысил 50 млн. долл.

Негативно отразился на турецком промышленном экспорте азиатский финансовый кризис 1997 г. и кризис 1998 г. в Рос-

сии. Но с другой стороны, азиатский кризис оказался отчасти на руку Турции, так как страны Юго-Восточной Азии являются ее конкурентами на мировом рынке. Во время этого кризиса наблюдался хотя и малый, но все же рост экспорта.

Турция является производителем деталей и комплектующих для основных западноевропейских стран-поставщиков продукции машиностроения и по этой причине на ее экономике наиболее негативно отражаются кризисы, происходящие на территории Европы.

В 2000 г. турецкий экспорт продукции машиностроения достиг 1,4 млрд. долл., в 2002 г. 2,1 млрд. долл. На первом месте в 2002 г. был экспорт поршней для двигателей внутреннего сгорания, деталей и комплектующих к моторам на сумму в 429 млн. долл., на втором – экспорт холодильников, морозильников и тепловых насосов – в 382 млн. долл. и на третьем – экспорт стиральных машин – 153 млн. долл. На четвертом месте оказался экспорт на сумму 86 млн. долл. турбореактивных, турбокомпрессорных двигателей, других газовых турбин и тяжелых машин.

В 2003 г. за период январь-май экспорт машин достиг 1 млрд. долл. Экспорт поршней внутреннего сгорания, деталей и комплектующих моторов составил сумму в 208 млн. долл., а экспорт холодильников, морозильников и тепловых насосов – 193 млн. долл.

Экспорт поршней двигателей внутреннего сгорания, деталей и комплектующих моторов, холодильников, морозильников, тепловых насосов, стиральных машин, турбореактивов, турбокомпрессоров, других газовых турбин и тяжелых машин составляет 55% всего экспорта машиностроительной отрасли Турции.

Экспорт электрических машин за период 1996–2000 гг. держался на уровне в 1 млн. долл. в среднем ежегодно. Причиной устойчивости экспорта электрических машин явилось то, что в зарубежной электронной отрасли, являющейся их потребителем и использующей их в качестве комплектующих, поддерживался достаточно прочный спрос в странах Евросоюза.

Можно сказать, что экспорт электрических машин и далее будет постепенно расти при условии сохранения стабильного спроса на европейском рынке на турецкую продукцию. Как видим, и во время кризисов в 2001 и 2002 годах наблюдался рост экспорта машин, достигший соответственно 1,35 и 1,36 млн. долл.

В 2002 г. в составе продукции турецкого экспорта на сумму более чем в 50 млн. долл. были электрические изоляционные провода, кабели, изоляционные проводники; оптико-волоконные кабели на сумму в 493 млн. долл.; электрические водонагреватели, электротермические аппараты на сумму в 197 млн. долл.; электрические трансформаторы и другие виды подобной продукции на сумму 167 млн. долл.; оборудование электрической фазы, напряжение которой не превышает 1000 вольт, на сумму 80 млн. долл. В 2003 г. за период январь-май сумма экспорта перечисленной продукции достигла общей суммы 588 млн. долл.

Таким образом, в экспорте электрических машин и электрооборудования наблюдается устойчивый рост. Причиной этому является внедрение Турции на экономически стабильные рынки Евросоюза, чему способствует миграция технологий и внутрифирменная торговля.

Таблица 2

Экспортеры Турции электрического машиностроения

(тыс. долл.)

Страны	1995	1996	1997	1998
Германия	186.297	218.109	259.113	249.248
Италия	90.599	142.221	187.128	243.821
США	50.487	53.486	52.321	62.182
Англия	49.167	59.944	65.429	56.172
Франция	44.738	59.483	82.405	121.281
Япония	37.387	25.835	47.867	49.965

Источник: Dış Ticaret Müsteşarlığı (DTM)

Характеризуя место и роль продукции машиностроения в турецкой внешней торговле в последние десятилетия, можно говорить о сочетании импортзамещения с экспорториентированием, при этом последнее набирает силу.

Об этом свидетельствуют приводимые ниже официальные данные об основных видах продукции турецкого машиностроения, которые были экспортированы в первой половине 2003 г.[7] Одновременно эти данные дают конкретное представление о внешних рынках сбыта этой продукции.

Реакторы и котлы. Экспорт реакторов и котлов в 2003 году за период январь-июнь увеличился на 363% по сравнению с тем же периодом прошлого года, и с 8 млн. долл. возрос до 37 млн.

долл. Главными импортерами являются Германия, Испания, Италия, Франция, Туркменистан и Азербайджан.

В 2002 г. этой продукции было экспортировано на сумму 38,1 млн. долл., что на 93% больше, чем в 2001 г.

Турбины – турбореактивы, детали и комплектующие к ним. Экспорт турбин, турбореактивов и их комплектующих в 2003 г. за период январь-июнь увеличился на 7,4%, по сравнению с тем же периодом прошлого года и составил 39,2 млн. долл. Большая часть этой продукции экспортировалась в США, Германию, Австрию, Пакистан и Саудовскую Аравию.

Экспорт этой отрасли в 2002 г. уменьшился на 11% по сравнению с 2001 г. и снизился до 89,9 млн. долл. со 100,5 млн. долл.

Насосы и компрессоры. В Турции производителями насосов для жидкостей, компрессоров и вакуумных насосов являются средние и малые фирмы. Большая часть предприятий (около 79%), находится Мармарийском и Эгейском регионах.

В 2003 г., за первое полугодие, экспорт вышеназванных продукций увеличился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 35,4%, и составил 59,5 млн. долл. Ее экспорт в 2002 г. был произведен на сумму 101,1 млн. долл., а импорт на 416,1 млн. долл. В отрасли экспорт на 24% возместил импорт. Больше всего насосов для жидкостей, компрессоров и вакуумных насосов Турция продала Германии, США, Франции, Румынии, Англии и Бельгии. Спрос на эти виды продукции в вышеназванных странах высокий, что свидетельствует о развитии данного рынка. Основные фирмы-производители – «Alarko Carrier», «Ankara Mak. Fab.», «Türbosan», «Hema Endüstri», «Miksan Motor», «Gücüm Pompa» и др.

Моторы. В 2001 г. двигателей внутреннего сгорания всего в мире экспортировалось на сумму в 65 млрд. долл. Главные импортеры – это США, Германия, Канада, Мексика и Бельгия. В Турции экспорт этих товаров непрерывно развивается. В 2003 г. экспорт моторов за период январь-июнь увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 37% и достиг 263,4 млн. долл.

Экспорт этой продукции в 2002 г. увеличился на 14% по сравнению с 2001 г. и составил 447 млн. долл. А импорт, выросший на 37,4%, достиг суммы 754 млн. долл. Экспорт на 59% возместил импорт. Экспорт осуществляется в основном в Германию, Италию, Англию и Францию.

Кондиционеры и охлаждающие машины. Экспорт кондиционеров и охлаждающих машин в 2003 г. за период январь-июнь увеличился на 56,5% и достиг 303,8 млн. долл. Вместе с комплектующими в данный период эта подотрасль машиностроения больше других экспортировала свою продукцию, которая направлялась главным образом в страны ЕС: Англию, Францию, Испанию, Германию и Италию.

Экспорт этой продукции в 2002 г. увеличился на 46% по сравнению с 2001 г. и составил в 421 млн. долл. За тот же период импорт уменьшился на 15,8% и составил 209,4 млн. долл. из 248,7 млн. долл. Таким образом, экспорт в секторе на 200% возместил импорт. Основные фирмы-производители – «ALARKO CARRIER», «VESTEL», «ARÇELIK LG ELECTRONIC» – компании, в которых участвует иностранный капитал.

Нагреватели и печи. В 2003 г. за январь – июнь экспорт по сравнению с тем же периодом 2002 г. уменьшился на 16,6% и сократился до 30,8 млн. долл. По данным за шесть месяцев, больше всего продукция экспортировалась во Францию, Англию, Россию, Азербайджан и Румынию. В 2002 г. экспорт по сравнению с 2001 г. возрос на 21% и достиг 87 млн. долл., а импорт уменьшился на 7% и составил 182,5 млн. долл.

Вальцовые и литейные станки, детали и комплектующие к ним. В 2003 г. за первые полгода экспорт вальцовых и литейных станков, а также деталей и комплектующих к ним увеличился по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 64,4%, с 18,1 млн. долл. до 29,8 млн. долл. Эта продукция экспортируется в основном в Италию, США, Францию, Германию, Иран и Египет.

Экспорт этой продукции в 2002 г. увеличился на 49% по сравнению с 2001 г. – с 25,8 млн. долл. до 38,4 млн. долл. Экспорт в отрасли на 15,8% возместил импорт.

Машины для пищевой промышленности и комплектующие к ним. Этих машин в 2001 г. во всем мире импортировалось на сумму в 4,8 млрд. долл. Главными импортерами являются США, Китай, Англия, Франция, Германия и Россия. По данным турецких экспортеров, в 2003 г. за период январь-июнь экспорт машин для пищевой промышленности и комплектующих к ним увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 8% с 33 млн. долл. до 35,7 млн. долл. Больше всего таких машин Турция экспортирует в Алжир, Египет, Казахстан, Германию и Иран. Их экспорт в 2002 г. увеличился на 2% по срав-

нению с 2001 г. и поднялся с 67,9 млн. долл. до 69,9 млн. долл. Экспорт в отрасли на 31,5% возместил импорт.

Сельскохозяйственные и деревообрабатывающие машины и комплектующие к ним. За первое полугодие 2003 г. экспорт сельскохозяйственных и деревообрабатывающих машин и комплектующих к ним увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 63,7% и с 8,6 млн. долл. поднялся на уровень 14,1 млн. долл. Основные импорты – Франция, Марокко, Греция, Казахстан, Болгария и Азербайджан. Экспорт этой продукции в 2002 г. уменьшился на 21% по сравнению с 2001 г. – с 25,3 млн. долл. до 20,1 млн. долл.

Подъемно-транспортные и укладывающие машины и комплектующие к ним. В этой отрасли действует ряд средних и относительно крупных фирм, в том числе с участием иностранного капитала[8]:

Название фирмы и местонахождение

ASMAŞ A. Ş. Измир
Bülbüloglu Vinç San. Анкара
Cesan A. Ş. Стамбул
Gökay Makine San. Афьон
Güralp Vinç Mak.Ltd. Измир
IŞIK Makine A. Ş. Анкара
Kümsan A. Ş. Стамбул
Özarar A. Ş. Стамбул
Rona Makine A. Ş. Анкара
STFA Vinç Ltd. Стамбул
Vinçsan. Стамбул.

В 2003 г. за период январь-июнь экспорт подъемно-транспортных и укладывающих машин, а также комплектующих к ним увеличился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 76% – с 15 млн. долл. до 26 млн. долл. Больше всего этой техники экспортируется в США, Сирию, Германию, Российскую Федерацию и Италию. Ее экспорт в 2002 г. уменьшился на 34% по сравнению с 2001 г. и снизился с 52,7 млн. долл. до 34,8 млн. долл. За тот же период ее импорт увеличился на 27%. Возмещение импорта экспортом составило примерно 20%.

Машины, применяющиеся в строительстве и металлургии, а также комплектующие к ним. Количество строительных и применяемых в металлургии машин, а также их сравнительные масштабы являются одним из показателей уровня развития страны. Внедрение таких машин способствует росту эко-

номического и социального потенциала государства. В Турции таких машин используется примерно 42 тыс. 369 шт., тогда как в Германии 300 тыс., во Франции 250 тыс., в Италии 200 тыс. В Турции в отрасли по производству строительных машин и техники работает 108 фирм. Количество занятых в этой отрасли составляет примерно 7 500 чел., общая сумма инвестиций – 1,6 млрд. долл., средний годовой оборот исчисляется в 1,6 млрд. долл. Вклад этой отрасли в экономику Турции составляет примерно 2–4%.

За период с января по июнь 2003 г. экспорт строительных и металлургических машин с комплектующими увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 32,9%, – с 60,8 млн. долл. до 80,8 млн. долл. Основные покупатели Италия, Англия, Германия, Франция, Казахстан и Бельгия.

Экспорт продукции этой отрасли в 2002 г. увеличился на 5% по сравнению с 2001 г. и с 127,6 млн. долл. до 134 млн. долл.

Бумажно-целлюлозные и типографские машины. В 2003 г., за период с января по июнь, экспорт бумажно-целлюлозных и типографских машин уменьшился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 1,5% – с 6 млн. долл. до 5,9 млн. долл. Экспорт этой продукции в 2002 г. уменьшился на 25% и составил 13,6 млн. долл., а импорт вырос на 12,5% по сравнению с 2001 г. Основными экспортными рынками являются Россия, Иран, Сирия, Болгария, Германия и Казахстан.

Сушильные, стиральные и гладильные машины и их комплектующие. В 2003 г. за период с января по июнь экспорт сушильных, стиральных и гладильных машин и их комплектующих увеличился, по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 101,3% – с 76,6 млн. долл. до 154,2 млн. долл. Больше всего этих видов техники Турция экспортирует в Иран, Португалию, ОАЭ, Румынию, Индию, Россию и Египет. Экспорт данной продукции в 2002 г. увеличился на 90% по сравнению с 2001 г. – с 112 млн. долл. до 213 млн. долл. Экспорт в 2002 г. на 51% возместил импорт.

Текстильные и конфекционные машины и их комплектующие. По данным на 2000 г., основными импортерами этих машин были Китай, США, Мексика, Италия, Гонконг, Турция, Германия, Южная Корея, Франция и Бельгия. Китай в 2000 г. импортировал таких машин на сумму 2,4 млрд. долл., или 13% общего импорта и вышел на первое место в мире. Турция в 2000 г., им-

портировав текстильных машин на сумму 931 млн. долл., заняла 6-е место, а по их экспорту в том же году – 24-е место.

В Турции в 2003 г. за период январь-июнь экспорт этой продукции увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 45% – с 13 млн. долл. до 18,8 млн. долл. Экспорт этой отрасли в 2002 г. увеличился на 143,8% по сравнению с 2001 г. и с 552 млн. долл. до 1,3 млрд. долл. В совокупном экспорте машиностроения экспорт текстильных машин показал самый высокий рост. В 2002 г. больше всего Турция поставила текстильных машин в Германию, Сирию, Иран, Бангладеш и Египет. Экспорт этой продукции за 2002 г. на 1,7% превысил ее импорт.

Машины для обработки кожи и комплектующие к ним. В 2003 г. за период январь-июнь экспорт этих машин и их комплектующих увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 59,7% и составил 2,7 млн. долл. Однако их экспорт в 2002 г. уменьшился на 8% и был на уровне 3,7 млн. долл., а стоимость их импорта выросла на 884% – с 7,4 млн. долл. до 73,1 млн. долл.

Машины для производства каучука, пластмасс и резины. В 2003 г. за период январь-июнь экспорт этих машин и их комплектующих уменьшился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 17% – с 11,7 млн. долл. до 9,6 млн. долл. Большая часть экспорта приходилась на Иран, Россию, Германию, Казахстан, Румынию и Египет. В 2002 г. экспорт этой продукции увеличился на 16% и достиг 18,4 млн. долл.

Комплектные станки. Производство комплектных станков играет роль своего рода позвоночного столба для промышленности развитых стран, так как имеет важное значение в технологическом развитии многих отраслей. Основные отрасли развитых стран, использующие комплектные станки в производстве:

1) автомобильная промышленность;
2) воздушно-транспортная и космическая отрасль;
3) индустрия железнодорожного транспорта;
4) отрасли по производству товаров широкого потребления;
5) производство сельскохозяйственного оборудования и машин.

Сектор комплектных станков напрямую связан с машиностроительной, автомобильной и оборонной отраслями промышленности. Первое место в мире по производству комплектных станков занимают США, а Турции принадлежит 16-е место.

В мировом производстве комплектных станков на ее долю приходится 0,6%. По данным на 1999 г., куда была включена 31 страна мира, было произведено комплектных станков на общую сумму в 34,4 млрд. долл. Турция в 1998 г. произвела комплектных станков на сумму в 251 млн. долл.

В 2003 г. за период январь-июнь экспорт комплектных станков увеличился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 26,4% и достиг уровня 9,6 млн. долл. Главными рынками турецкого экспорта, который осуществлялся из Зоны свободной торговли в турецком городе Бурса, были Германия, Испания, Россия, Израиль и Греция.

Экспорт этой продукции в 2002 г. увеличился на 10% по сравнению с 2001 г. – с 97 млн. долл. до 106,9 млн. долл. Основные фирмы-производители – «Tezsan» и «Taksan».

Офисные машины и оборудование. В 2003 г. за период с января по июнь экспорт офисных машин уменьшился по сравнению с тем же периодом 2002 г. на 31% и составил 13,7 млн. долл. Экспорт этой продукции в 2002 г. уменьшился на 25% по сравнению с 2001 г. и составил 38,5 млн. долл., а ее импорт, увеличившись на 26%, достиг 938 млн. долл. Офисные машины из Турции экспортируются в США, Германию, Гонконг, Францию, Нидерланды и Великобританию.

Подшипники. В 2003 г. за период с января по июнь экспорт подшипников по сравнению с тем же периодом 2002 г., увеличился на 61% и составил 16,2 млн. долл. Экспорт подшипников в 2002 г. вырос на 11% по сравнению с 2001 г.

Другие машины. Экспорт всех других не перечисленных выше машин в 2002 г. увеличился на 60% по сравнению с 2001 г. и составил 143 млн. долл. А импорт вырос на 23% и достиг 829 млн. долл.

В 2003 г. за период январь-июнь экспорт других машин по сравнению с тем же периодом 2002 г. увеличился на 44% и достиг 81 млн. долл.

Ниже приводятся данные развития электрического машиностроения[9].

Электрические моторы. В Турции производятся как большие моторы, так и моторы для мелкого бытового оборудования. Главными производителями больших электрических моторов являются следующие предприятия: «ABANA», «ELSAN», «GAMAK» и «Türk Elektrik Endüstrisi». На этих предприятиях производятся моторы мощностью от 0,12 кВ до 160 кВ.

Малые моторы в Турции производятся на перечисленных ниже предприятиях: «Türk Elektrik Endüstrisi A.Ş.», «PEG Profilo», «Elektropark», «Faz Elektrik», «Balkan Motor», «Raks Sanayi Ürünleri Dağıtım A.Ş.», «Danışment Makine San. Ve Tic. A.Ş.» и «Senur Elektrik Motorları San. ve Tic. A.Ş.».

Потребность Турции в моторах составляет 3 млн. шт., 14% из этого количества обеспечивается через импорт. Количество производства турецких электромоторов составляет 6% всего электрического машиностроения, обеспечивает 71% потребности Турции и экспортирует 11% своего производства. Оставшиеся 29% потребности страны Турция дополняет импортом.

Трансформаторы. В Турции существует 9 больших и средних и несколько малых фирм, производящих трансформаторы. Основными производителями являются: «ABB», «ALSTOM», «BEST», «ETİTAŞ», «MAKSAN», «TRANSTEK», «ELTAŞ». Промышленность турецких трансформаторов из общего процента электрического машиностроения составляет столько же, сколько и электромоторы – 6,3%. Эти фирмы обеспечивают 78% всех потребностей страны и ¼ часть произведенной продукции отправляют на экспорт. 60–70% используемого сырья при производстве является местным, а оставшаяся часть импортируется из-за рубежа.

Секционер для средних напряжений. Производителями секционеров для средних напряжений являются предприятия: «ALSTOM», «DEMİTAŞ», «ELİMSAN», «PELKA», «SİMKO», «SCHNEIDER», «TEMSAN». Эти предприятия за год производят 22 750 шт. За исключением некоторых случаев, секционеры средних напряжений не импортируются, потому что в самой Турции продукция производится самыми последними технологиями и достаточно обеспечивает потребности внутреннего рынка. Секционеры для средних напряжений экспортируются во многие страны мира. Многие фирмы-производители секционеров имеют иностранный капитал.

Секционер для низких напряжений. В Турции секционеры для низких напряжений производят 12 фирм: «ABB», «ALSTOM», «BUFER», «ELTEM», «EKOSAN», «ETİ ELEKTROTEKNİK», «FEDERAL ELEKTRİK», «KALEPORSELEN», «SCHNEIDER», «SİMKO», «TANSAL» и «ÜNAL KARDEŞLER». За год производится 70 000 шт. Однако турецкие секционеры низких напряжений уступают по качеству импортным.

Изоляционные провода и кабели. Активно развивается производство телекоммуникационных и информационных кабелей. Количество производства этих кабелей увеличилось с 23% до 37%, в то время как производство энергетических кабелей уменьшилось с 70% до 37%. В производстве кабелей и проводов заняты около 150 фирм. Основные из них: «BEKTAŞ», «BOTEL», «ELSAN», «EMSAN», «ERİKOĞLU», «KAVEL», «KAVİ», «ALTIN KABLO», «AREL MÜHENDSLİK», «ALCATEL», «ATILIM», «BAŞOĞLU», «DEMİREL KABLO», «ELEKTROMOTİV», «ERKABLO», «HES HACILAR ELEKTRİK SANAYİİ», «KAVEL KABLO», «SİMKO», «SURTEL KABLO», «TELKA KABLO», «TÜRKKABLO», «UNİKA KABLO», «UNİVERSAL KABLO», «TÜRK SIEMENS», «TÜRK PIRELLI», «ALCE, BAŞOĞLU», «BORTRANS», «ELEKTOMOTİV», «EMEK», «EMEL», «EMGE ELEKTROMEKANİK». Большое количество турецких фирм создает конкуренцию на внутреннем рынке. В производстве используются последние технологии, и поэтому продукция отрасли в основном соответствует международному уровню. Застой на рынке в последнее время вынуждает производителей выходить на внешние рынки. Из-за большой конкуренции фирмы вынуждены работать с 2–3% прибыли.

По оценкам турецких специалистов, экспорт машиностроительной отрасли, начиная с 90-х годов прошлого века, показал успешное развитие и в среднем за год увеличивался на 22,1%. За тот же период общее развитие экспорта Турции в среднем за год составило 8,4%, а отдельно обрабатывающей промышленности – 6,5%. Эти данные являются показателями динамизма машиностроительной отрасли Турции. Страны Евросоюза являются главными импортерами продукции турецкого машиностроения. В 2001 г. на их долю пришлось 38% общего экспорта. Как видно из данных экспорта, страны Евросоюза главным образом экспортируют детали и комплектующие машиностроительной отрасли. Второе место в объеме экспорта турецкой машиностроительной отрасли занимает рынок США. Кроме этого, Турция вышла на рынки стран Среднего Востока, России и Тюркских Республик. Экспорт в эти страны, оправившись после кризиса 1998 г., продолжает интенсивно развиваться. Расширяется не только список стран, куда производится экспорт товаров машиностроительной отрасли, но и разновидности экспортируемых товаров. То, что Турция экспортирует свою продукцию машиностроения в развитые страны, пока-

зывает ее конкурентоспособность. За период с 90-х годов прошлого века общий импорт Турции в среднем за год увеличивался на 5,8%. Из них импорт машиностроительной отрасли составил примерно 15%. В среднем в год импорт за тот период возрастал на 5%. Главными экспортерами Турции являются страны ЕС, США и Япония. Если сравнить индекс развития импорта и экспорта за 1995 г. и 2001 г., то заметим что импорт в 2001 г. составил 93,7%, а экспорт – 222,5%, если базовой цифрой 1995 г. взять 100%[10]. Это показывает потенциал развития машиностроительной отрасли. Но все же, по данным SEDT (Standardize edilmiş dış ticaret), общий импорт преобладает над экспортом. Причиной этого является то, что вместе с развитием экспорта машиностроительной отрасли увеличивается так же и потенциал внутреннего рынка.

[1] Recep Demir. TÜRİYE MAKİNE SEKTÖRÜNDE DURUM ANALİZİ // Turkish Times. İstanbul, 2003–3. Ağustos-Eylul, с. 6.

[2] Там же, с. 6.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 3.

[5] Там же.

[6] DPT-ÖIK. ELEKTRİKLİ MAKINALAR SANAYIİ ÖZEL İHTİSAS KOMİSYONU RAPORU. Ankara, 2001. с. 19.

[7] Recep Demir. TÜRİYE MAKİNE SEKTÖRÜNDE DURUM ANALİZİ. Turkish Times. İstanbul, 2003. Ağustos-Eylul, с. 3.

[8] DPT-ÖIK. MAKİNA İMALAT SANAYİ ÖZEL İHTİSAS KOMİSYONU RAPORU. Ankara, 2000. с. 55.

[9] DPT-ÖIK. ELEKTRİKLİ MAKINALAR SANAYIİ ÖZEL İHTİSAS KOMİSYONU RAPORU. Ankara, 2001. с. 24.

[10] Gündüz Ulusoy. TÜRKİYE'DE MAKİNE İMALATI SEKTÖRÜNÜN BİR DEĞERLENDİRMESİ // Turkish Times. İstanbul, 2003-3. Ağustos-Eylul, с. 2.

А.С.Таланов

МИССИЯ ООН И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ

Прошло уже 14 лет с начала деятельности Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (MINURSO), основание которой положило конец пятнадцати годам вооруженного противостояния марокканских войск и бойцов Фронта ПОЛИСАРИО. Миссия, главной целью которой являлась подготовка и проведение референдума для реализации права сахарского народа на самоопределение, на первых же этапах своей работы столкнулась с множеством проблем. Источником этих проблем служила диаметрально противоположная позиция Королевства и Фронта по вопросу состава электоральной базы. ПОЛИСАРИО настаивал на том, чтобы основой этой базы была испанская перепись 1974 г., в то время как Марокко считало необходимым включить еще 120 тысяч марокканцев, переселившихся на территорию Западной Сахары в последующие годы. Это разногласие объясняется стремлением обеих сторон обеспечить себе преимущество перед проведением референдума: при электоральной базе в 74 тысячи человек Западная Сахара, вероятнее всего, стала бы независимым государством, а в случае принятия марокканского подхода, скорее всего, вошла бы в состав Королевства Марокко. В итоге деятельность MINURSO оказалась блокированной, а ее персонал в 1996 г. был сокращен на 20%.

Активизация процесса урегулирования пришлась на 1997 г. и была связана с назначением на должность Личного посланника Генерального секретаря ООН в Западной Сахаре бывшего госсекретаря США Джеймса А. Бейкера III. Кофи Аннан поставил три вопроса перед своим Личным посланником относительно ситуации с мирным урегулированием[1]:

– может ли мирный план быть реализован в имеющейся форме;

– если нет, то существуют ли корректировки, приемлемые обеими сторонами, при помощи которых этот план может быть реализован;

– если нет, то существуют ли альтернативные пути, избрав которые международное сообщество могло бы содействовать сторонам в разрешении конфликта.

В том же году в поисках ответа на эти вопросы и с целью добиться коренного перелома в затянувшемся процессе подготовки референдума в Западной Сахаре Джеймс А. Бейкер инициировал серию встреч между конфликтующими сторонами, в которых в качестве наблюдателей участвовали также представители Алжира и Мавритании. Итогом этих встреч явилось подписание Хьюстонских соглашений. Они содержали договоренности между сторонами по следующим вопросам: кодекс поведения; идентификация лиц, имеющих право голоса на референдуме; сокращение войск на территории Западной Сахары; освобождение военнопленных и политзаключенных; репатриация сахарских беженцев.

Вскоре после встречи в Хьюстоне сначала марокканская, а затем и сахарская стороны впервые заявили о своей готовности признать итоги референдума, какими бы они ни были. Это можно считать первым реальным успехом миссии Бейкера, ведь с самого начала деятельности MINURSO Марокко избегало подобных заявлений. Наоборот, политическая элита страны не раз высказывала мысль о том, что Западная Сахара является неотъемлемой частью Королевства, что такое положение не изменится и после референдума вне зависимости от его результатов. В частности, король Марокко Хасан II в своем телевизионном выступлении 6 ноября 1995 г. по поводу двадцатилетней годовщины проведения «зеленого марша» заявил, что «Сахара – часть Марокко и навсегда ею останется, нравится это кому-либо или нет»[2]. Фронт ПОЛИСАРИО в свою очередь, реагируя на позицию Марокко, также не давал никаких гарантий в отношении развития ситуации после референдума.

Однако уже в начале 1998 г. ситуация вновь обострилась. Марокканская сторона, столкнувшись с отказом в регистрации для участия в референдуме существенного числа членов племен из пограничных районов, обвинила Фронт ПОЛИСАРИО и MINURSO в игнорировании некоторых критериев идентификации, а затем и в сговоре. Фронт ПОЛИСАРИО в свою очередь обвинил Марокко в попытке саботировать процесс идентификации.

2 сентября 1998 г. идентификационная комиссия идентифицировала 147 тыс. кандидатов[3]. Однако по-прежнему оставался не решенным вопрос об отождествлении трех южномарокканских племенных групп H41, H61 и J51/52. Тогда Генеральный секретарь ООН сделал ряд предложений относительно дальнейшей идентификации[4]. В частности, он предложил начать идентификацию представителей «спорных» племен, опубликовать списки идентифицированных и начать прием апелляций. Фронт ПОЛИСАРИО практически сразу принял эти предложения, Марокко же на ответ потребовалось на полгода больше. Идентификация представителей «спорных» племен началась лишь в июне 1999 г. В июле пресс-служба MINURSO опубликовала списки из 84 тыс. человек, допущенных к голосованию[5].

Сразу после этого начался процесс приема апелляций от лиц, не согласных с отказом на включение их в списки. К концу 1999 г. 43 из 65 тысяч представителей «спорных» племен были идентифицированы и за «сравнительно малым» процентом из них было признано право на участие в референдуме[6]. Можно было бы сказать, что процесс идентификации в целом был завершен, если бы не огромное количество апелляций на итоги идентификации (около 79 тыс., подавляющее большинство из которых поступили и продолжали поступать от марокканской стороны). В итоге Совет Безопасности принял резолюцию, в которой выражалось сожаление по поводу вероятного переноса референдума на 2002 г. или даже позднее ввиду огромного количества апелляций и из-за «противоположных позиций сторон в вопросе о допустимости»[7].

В середине января 2000 г. MINURSO опубликовала итоги идентификации представителей «спорных» племен. Из 51 тысячи претендентов лишь за 2130 было признано право на участие в референдуме. Таким образом, всего около 86 тыс. человек получили право голоса на референдуме[8]. Комментируя итоги работы идентификационной комиссии, министр иностранных дел САДР заявил, что ООН либо проведет референдум в ближайшем будущем на основе имеющейся электоральной базы, а все попытки Марокко заблокировать процесс будут пресечены, либо, поддавшись давлению Рабата, вынудит сахарский народ вернуться к вооруженной борьбе. В своем пресс-релизе марокканское правительство выражало «шок и разочарование» опубликованными результатами. В частности, высказывалось сомнение в «нейтральности, объективно-

сти и справедливости» применяемых методов идентификации. Сразу после оглашения результатов Марокко начало активную кампанию по подаче апелляций от незарегистрированных претендентов.

По реакции противоборствующих сторон видно, что электоральная база в 86 тыс. человек являлась приемлемой для Фронта ПОЛИСАРИО. Из этого следует, что если бы референдум был проведен на основе этих результатов, то итогом этого референдума стало бы образование нового государства. Это предположение подтверждают действия Марокко, направленные на расширение электоральной базы посредством подачи огромного количество апелляций.

В сложившейся ситуации Генеральный секретарь в своем очередном докладе Совету Безопасности выразил «серьезные сомнения в возможности применения мирного плана в его настоящей форме» и предположил, что ООН стоит оставить идею референдума и попробовать найти иное решение проблемы.

Дж.Бейкер все же попытался развязать узел ради реализации Хьюстонских соглашений. В период с мая по сентябрь 2000 г. состоялись три раунда переговоров: в Лондоне 14 мая и 29 июня, в Женеве 21 июля и в Берлине 29 сентября. Однако эти переговоры не привели к желаемым результатам. По мнению Бейкера, ни одна из конфликтующих сторон не проявила должной политической воли для претворения в жизнь плана урегулирования.

Летом 2001 года Дж.А.Бейкер предложил новый проект «Рамочного соглашения о статусе Западной Сахары». Он предусматривал автономию территории Западной Сахары в составе Королевства Марокко. Исполнительным, законодательным и судебным органам Западной Сахары вменялось осуществление контроля за такими сферами, как: местное управление; территориальный бюджет и налоги; обеспечение правопорядка; социальное обеспечение; культура; образование; коммерция; транспорт; сельское хозяйство; разработка месторождений; рыболовство и промышленность; защита окружающей среды; жилищное строительство и развитие городов; энергетика; дороги и другие объекты инфраструктуры. Королевство Марокко получало контроль над такими сферами, как: внешние сношения (включая международные соглашения и конвенции); национальная безопасность (включая определе-

ние границ и их защиту всеми необходимыми средствами); национальная символика и валюта; таможенные пошлины; почтовые и телекоммуникационные системы.

Исполнительную власть предписывалось осуществлять выборному главе автономии (срок полномочий 4 года). Его должны были избрать 86 тыс. человек, попавших в предварительные списки Идентификационной комиссии MINURSO. На второй же срок глава избирался бы большинством голосов членов законодательного органа, в руках которого концентрируется законодательная власть. Члены этого органа должны были избираться путем всеобщего голосования, участвовать в котором мог каждый, кто проживал в Западной Сахаре с октября 1998 г. Все законы, принятые этим органом и утвержденные главой автономии, должны соответствовать положениям конституции Королевства Марокко.

Далее, статус Западной Сахары предполагалось вынести на референдум, провести который планировалось не позже, чем через 5 лет с момента принятия сторонами этого соглашения. Право на участие в референдуме получал каждый, кто прожил на территории Западной Сахары в течение года, предшествующего сроку его проведения.

Этот проект был полностью поддержан Королевством Марокко, в то время как Фронт ПОЛИСАРИО отказался даже рассматривать его. Причина такого полярного подхода к проекту заключалась в двух моментах. Во-первых, если даже первый глава автономии, избирать которого имели право лишь 86 тыс. человек, был бы склонен к идее независимости Западной Сахары, то выборы следующего главы вменялись в обязанность законодательного органа, избирать членов которого мог гораздо больший круг избирателей (большинство из которых – марроканцы). Таким образом, к моменту проведения референдума очень вероятен был вариант, когда и глава автономии и законодательный орган занимали бы промарокканскую позицию. Главной же причиной являлся тот факт, что принимать участие в референдуме позволялось всем жителям Западной Сахары, прожившим в ней всего лишь год, предшествующий референдуму. Такой сценарий давал возможность правительству Марокко обеспечить себе за 4 года подавляющее преимущество на референдуме, а значит, придать законность интеграции Западной Сахары в Королевство.

В ходе дальнейших консультаций Дж.Бейкера с заинтересованными сторонами он пришел к заключению, что Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО готовы приступить к обсуждению вопроса о разделе территории для политического урегулирования спора в отношении Западной Сахары. Но на этот раз марокканская сторона выказала категорическое нежелание обсуждать такой подход к урегулированию конфликта, исходя из того, что он нарушает принципы суверенитета и территориальной целостности, которыми Рабат не может поступиться. Очевидно, что наиболее заинтересованной в подобном разрешении конфликта стороной является Алжир, от которого, судя по всему, и исходила эта инициатива. При таком подходе Алжир получил бы через САДР желанный выход в Атлантический океан. Это предположение подтвердилось чуть позже, когда Фронт ПОЛИСАРИО также отказался рассматривать этот вариант, ссылаясь на то, что суверенитет над всей территорией Западной Сахары принадлежит сахарскому народу.

Так вырисовались четыре основных варианта разрешения конфликта:

– поиск компромиссного решения в рамках первоначального мирного плана;

– принятие «рамочного» соглашения и предоставление Западной Сахаре широкой автономии в составе Марокко;

– разделение территории по границе, закрепленной в соглашении 1976 г. между Марокко и Мавританией;

– прекращение деятельности MINURSO и принуждение конфликтующих сторон найти выход из сложившейся ситуации.

В ходе долгих дискуссий в Совете Безопасности и во многом благодаря усилиям Алжира и России 30 июля 2002 г. была принята резолюция № 1429 (2002), в которой предпочтение отдавалось первоначальному мирному проекту, предусматривающему самоопределение сахарского народа посредством референдума.

Стоит отметить, что и в этот раз, как и после обнародования «рамочных соглашений» в 2001 г., очень активно проявили себя движения солидарности «Друзья сахарского народа» по всему миру. За неделю, предшествующую принятию резолюции № 1429, на имя главы Совета Безопасности пришли десятки писем из Австралии, Канады, США, Великобритании, Норвегии, Швеции, Дании, Нидерландов, Бельгии, Испании, Италии, Словении и многих других стран. Отделения движения в этих

странах поддерживают тесные связи с различными сахарскими организациями. Среди них Сахарское бюро по правам человека, Союз сахарской молодежи, Сахарские женщины, Союз сахарских журналистов и писателей, Союз сахарских юристов, Ассоциация родственников сахарских военнопленных и без вести пропавших и др. В свою очередь эти организации находятся в постоянном контакте с основными международными правовыми и гуманитарными организациями. «Сахарское лобби»[9] успешно справляется со своей главной задачей – формированием международного общественного мнения. Благодаря деятельности этих движений и организаций про Западную Сахару «никак не забудут», на что так надеется Марокко.

Кроме этого, нельзя не отметить успехи, достигнутые на различных уровнях сахарской дипломатией в ее противостоянии марокканской. САДР удалось отразить главный удар Королевства, подготавливаемый на протяжении 5 лет. В период с 1996 по 2001 год Марокко добилось того, что 10 государств-членов Африканского союза (АС) отозвали либо заморозили своё признание САДР. На саммите АС в 2001 году группа государств вынесла на рассмотрение предложение о возвращении Королевству членства в организации. При этом обязательным условием выдвигалось исключение САДР. Однако приведенная сахарской делегацией ссылка на Устав Африканского союза, согласно которому выйти из его состава можно только на добровольной основе, сделала напрасными все усилия Марокко. Успех дипломатии САДР на африканском континенте закрепило установление отношений с ЮАР. Политика сахарских представителей при ЕС и ООН также является серьезным раздражителем для Королевства. Главным же достижением Марокко можно считать изолированность САДР от арабского мира – и в САМ и в ЛАГ тема Западной Сахары является запретной.

В начале 2003 г. Дж.Бейкер предпринял ещё одну попытку сдвинуть ситуацию с мертвой точки. В период с 14 по 17 января он посетил регион, где передал королю Марокко, президентам Алжира и Мавритании и председателю Фронта ПОЛИСАРИО свой новый план мирного урегулирования конфликта в Западной Сахаре.

В новом проекте мирного урегулирования разделение сфер ответственности между Королевством Марокко и Западносахарской автономией проводилось по тому же принципу, что и в «рамочном соглашении». Главные изменения коснулись про-

цедуры избрания главы автономии и членов законодательного органа. Их выборы должны состояться в течение года после принятия плана. При этом в отличие от «рамочного соглашения» не подразумевалось второго срока, т.к. выбранный глава автономии и состав законодательного органа должны были оставаться неизменными вплоть до дня проведения референдума. Унифицировались и критерии допуска избирателей к голосованию. В нем имели право участвовать лица, достигшие 18-летнего возраста, чьи имена упоминаются либо в предварительных списках Идентификационной комиссии от 30 декабря 1999 г., либо в списках на репатриацию Управления Верховного комиссара ООН по беженцам от 31 октября 2000 г.

Вторым основным отличием нового плана Дж.Бейкера от первого был критерий допуска лиц к участию в референдуме, который должен состояться не раньше, чем через 4 года, и не позже, чем через 5 лет со дня подписания плана. К участию в референдуме допускались лица, достигшие 18-летнего возраста,

– чьи имена значатся в предварительных списках Идентификационной комиссии от 30 декабря 1999 г.;

– чьи имена значатся в списках на репатриацию Управления Верховного комиссара ООН по беженцам от 31 октября 2000 г.;

– постоянно проживавшие на территории Западной Сахары с 30 декабря 1999 г.

Из лиц, отвечающих любому из критериев, формировалась электоральная база.

В итоге новый проект мирного урегулирования приняли Мавритания, Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО (после некоторых колебаний). Марокко же дало отрицательный ответ на новое предложение Бейкера, заявив при этом о своей поддержке первого проекта – «рамочных соглашений». Летом 2004 г. Дж.А.Бейкер, отчаявшись найти приемлемое для обеих сторон решение, подал в отставку.

Таким образом, после семи лет деятельности Дж.Бейкера в качестве Личного посланника Генерального секретаря ООН в Западной Сахаре ситуация вокруг последней африканской колонии вновь оказалась застойной. За этот период конфликтующим сторонам было предложено несколько вполне состоятельных вариантов окончательного решения западносахарской проблемы. Однако ни один из них так и не был реализован.

Причиной этому во многом является позиция Марокко. Каждый раз, когда возможность проведения референдума становилась реальной, власти Королевства, испытывая серьезные сомнения в отношении его положительного для себя исхода, всячески препятствовали его проведению. В итоге сменивший Хасана II Мухаммед VI и вовсе отказался от возможности проведения референдума на территории «южных провинций». Политические лидеры страны в последнее время все чаще указывают в своих заявлениях на то, что идея референдума изжила себя. При этом Марокко постоянно выражает свою поддержу ООН в процессе поиска «оптимального политического решения проблемы», которое бы «не угрожало территориальной целостности Королевства и его суверенитету». Таким образом, Марокко отказывается от ранее взятых на себя обязательств.

Позиция Королевства в принципе неудивительна, ведь оно контролирует большую часть Западной Сахары, продолжает экономическое освоение территории, прежде всего богатых залежей фосфатов и укрепляет местные административные институты назначением лиц из числа своих сторонников. Иными словами, при всех экономических и политических издержках, которые несет королевство в нынешней ситуации, время скорее работает на него.

Отбросив возможность проведения референдума, Марокко все же пытается юридически оформить свои притязания на оккупированные территории и добиться международного признания легитимности своего присутствия в Западной Сахаре. Это стремление объясняется многими факторами. Во-первых, это давление различных международных организаций (ООН, Африканский союз, ЕС и т.п.). Во-вторых, принадлежность территории Западной Сахары Королевству Марокко не признана ни одним государством в мире, в то время как самопровозглашенная САДР признана примерно 50 государствами Азии, Африки и Латинской Америки. В-третьих, это многочисленные международные ассоциации и общества в поддержку сахарского народа, деятельность которых доставляет Марокко неприятности. Так, например, благодаря мощной кампании протеста большинство иностранных компаний, получивших лицензию от марокканского правительства на разведку нефтяных месторождений на территории Западной Сахары и в ее прибрежных водах, вынуждены были прекратить свою деятельность.

В конце 2004 г. Марокко при поддержке Франции и Испании попыталось представить западносахарскую проблему не как связанную с деколонизацией, а как проблему в отношениях между Королевством и Алжиром. Рабат рассчитывал воспользоваться улучшением своих отношений с Алжиром, чтобы на двухсторонней основе разрешить конфликт в свою пользу. Однако руководство Алжира не согласилось с этой инициативой, напомнив Марокко, что основным моментом урегулирования конфликта является реализация сахарским народом права на самоопределение. Этот случай продемонстрировал, с одной стороны, что Марокко готово добиваться выгодного для себя решения тридцатилетнего конфликта и без участия ООН, а с другой стороны, что такое решение на данный момент крайне маловероятно.

По мнению же Бейкера, ООН не хватает решительности в подходе к проблеме Западной Сахары. Дело в том, что страны-члены Совета Безопасности ООН не готовы портить отношения ни с Марокко, ни с Алжиром, навязывая им исполнение достигнутых договоренностей в рамках того или иного плана мирного урегулирования в Западной Сахаре. То же самое касается и другой силы, способной навязать исполнение этих договоренностей – США. Как известно, у США давние экономические и политические связи с Королевством Марокко. В прошлом году президент Дж.Буш назвал Марокко главным союзником США среди стран – не членов НАТО. Что касается Алжира, то он представляет огромный экономический интерес как нефте- и газодобывающее государство, обладающее немалым влиянием в Африке. Кроме того, оба государства являются союзниками США в войне против терроризма. Поэтому Соединенные Штаты также заинтересованы в разрешении конфликта при соблюдении интересов обеих конфликтующих сторон.

Иными словами, главным результатом четырнадцатилетнего функционирования MINURSO выступает соглашение о прекращении огня, что вряд ли может быть расценено как успех деятельности Миссии. Однако то, что 28 апреля 2005 г. ее мандат был продлен еще на полгода, свидетельствует, что ООН еще не отчаялась найти компромиссное решение западносахарского конфликта.

Тем временем, пока ООН ищет это решение, в самой Западной Сахаре начали проявляться тенденции, способные вывести ситуацию из-под контроля MINURSO. Уже месяц в Аль-

Аюне, Смаре, Будждуре и других городах продолжаются демонстрации сахарцев, разгоняемые марокканской полицией. На территорию «южных провинций» не допускаются журналисты. В сахарских источниках все чаще звучит слово «интифада» и много говорится о карательных операциях марокканской полиции. Если ситуация будет развиваться в этом направлении, то возникнет угроза возобновления вооруженного противостояния между войсками Королевства и Фронтом ПОЛИСАРИО.

[1] Report of the Secretary-General S/1997/166, 27.02.1997.

[2] http://www.arso.org

[3] Communiqué de Presse, MINURSO Service de Presse, Laâyoune, 3 septembre 1998.

[4] Report of the Secretary-General S/1998/997, 28.10.1998.

[5] *Салек А.М.* План ООН по урегулированию проблемы Западной Сахары. М.: Изд-во РУДН, 2002, с. 16.

[6] Report of the Secretary-General S/1999/1219, 6.12.1999.

[7] Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1282 от 14.12.1999.

[8] Communiqué de Presse, MINURSO Service de Presse, Laâyoune, 17 janvier 2000.

[9] См. об этом: *Shelley T.* Endgame in the Western Sahara. Zed Books, 2004.

А.Шелест

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

«Что может сделать Лига Наций, если где-то начнется агрессия? Она, скорее всего, пришлет телеграмму с требованием прекратить агрессию. И если она не прекращается, посылает еще ряд телеграмм. Но если и на это агрессор не реагирует, Лига Наций может направить более решительную последнюю телеграмму, сказав в ней: мы вам посылали много телеграмм, и вы не прекратили агрессию. Если вы и теперь не остановитесь, то мы вам больше телеграмм посылать не будем».

У. Черчилль

Вся система Организации Объединенных Наций как никогда раньше уделяет наиболее пристальное внимание процессу миростроительства – деятельности по поддержке структур, с помощью которых будет происходить укрепление и консолидация мира. Опыт показывает, что для установления крепкого и стабильного мира недостаточно только его поддержания (в значении недопущения вооруженного конфликта). Безопасности можно добиться только путем предоставления странам содействия в обеспечении экономического развития, социальной справедливости, защиты прав человека, разумного управления и развертывания демократического процесса. Ни одна другая организация не имеет того многостороннего опыта, такой компетентности и координационного потенциала и той беспристрастности, которые демонстрирует Организация Объединенных Наций, предоставляя помощь в решении названных задач. Но тем не менее в современном мире эффективность ООН большинство людей измеряет лишь ее способностью разрешать кризисные ситуации и конфликты.

В 1998 г. Организация Объединенных Наций отпраздновала пятидесятилетие миротворчества. На протяжении многих

лет на нашей планете доминировал климат холодной войны, что усложняло эффективное использование миротворчества в процессе поддержания международного мира и безопасности. Операций по поддержанию мира устав ООН не регламентирует. Но уже с первых лет своего существования ООН пришлось заниматься именно этим. И один из первых регионов, который нуждался во внимании ООН, был Ближний Восток.

Актуальность этой темы заключается в том, что за последние 15 лет в мире увеличилось количество конфликтов и кризисных ситуаций, которые ООН была призвана решать согласно своим функциям. Большинство этих конфликтов приходится именно на регион Ближнего Востока. Большое количество миротворческих операций и операций по поддержанию мира под эгидой ООН было начато в разных уголках земного шара. Постепенно изменялись методы и принципы мирного урегулирования конфликтов, и эволюционировала деятельность ООН, включались дополнительные игроки.

К сожалению, на данный момент не существует серьезных монографических исследований на эту тему. Информацию по ней, как документальную, так и аналитическую, в основном можно черпать из материалов официальных сайтов ООН и различных региональных организаций, которые задействованы в процессе миротворчества и миростроительства. В этом смысле полезными для анализа являются резолюции, годовые отчеты, заявления руководителей и специалистов этих организаций. Основной слабостью современной литературы является разрозненное рассмотрение конкретных конфликтов, с анализом деятельности лишь одного посредника, или ООН, или США, или др. Так, например, статьи из журналов «Commentary» и «Current History» рассматривают лишь сам ход миротворческих операций, а не их общие тенденции развития и эволюции.

Известный интерес представляет лишь статья Петровского В.Ф. – бывшего главы Офиса ООН в Женеве – «Миротворческая стратегия ООН»[1], опубликованная в журнале «Международная жизнь» в 1998 году, но и она, к сожалению, фактически является пересказом отчета ООН «Cooperation between the United Nations and Regional Organizations/Arrangements in a Peacekeeping Environment. Suggested Principles and Mechanisms. March 1999», представленного на сайте ООН[2]. Из украинских авторов заслуживает внимания работа Бруза В.С. «ООН

и урегулирование международных конфликтов», которая является скорее справочной работой, чем аналитической[3].

Первые попытки использования ООН военного персонала были предприняты в 1947 г. в Индонезии и на Балканах. В 1948 г. в связи с арабо-израильской войной была создана Организация ООН для наблюдения за выполнением условий перемирия (UNTSO). Опыт этих первых групп наблюдения стал основой для разработки других форм и методов поддержания мира: миссий для выявления фактов, наблюдения за проведением плебисцитов, миссий добрых услуг, групп примирения, посредничества и института специальных представителей. Термин «поддержание мира» впервые вошел в лексикон в 1956 г., когда в связи с конфликтом Англии, Франции и Израиля с Египтом первая чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила резолюцию о создании Чрезвычайных Вооруженных Сил ООН (UNEF – I), которые действовали в зоне Суэцкого канала более 10 лет.

Все операции ООН мы можем условно разделить на завершенные и текущие. Среди завершенных операций ООН на Ближнем Востоке: Ближний Восток (1956–1967), Ближний Восток (1973–1979), Ирак-Кувейт (1991–2003), Ирак-Иран (1988–1991), Йемен (1963–1964), Ливан (1958) и Чад – Ливия (1994).

Одним из ярких примеров миротворческой деятельности ООН является история урегулирования ирано-иракского конфликта. Уже 22 сентября 1980 г. в связи с началом военных действий Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльар призвал обе стороны проявить сдержанность и предложил свои «добрые услуги» для урегулирования конфликта. Он обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой срочно рассмотреть этот вопрос. В период с 1980 по 1986 г. Совет Безопасности одобрил семь резолюций, направленных на прекращение боевых действий и урегулирование конфликта. В апреле 1985 г. Генеральный секретарь посетил Тегеран и Багдад, где обсудил план мирного урегулирования. С марта 1984 по август 1988 г. Генеральный секретарь направил семь миссий для расследования вопроса о применении химического оружия в ходе конфликта. В 1988 г. под эгидой Генерального секретаря состоялась серия непосредственных переговоров министров иностранных дел Ирана и Ирака.

Среди завершенных операций ООН уже в 90-х годах следует отметить урегулирование конфликта между Чадом и Ли-

вией. Миссия наблюдателей ООН работала 2 месяца, и ее главной обязанностью было осуществление контроля над выводом администрации и войск Ливии из полосы Аузу (Республика Чад) согласно решению Международного Суда.

Эти две миссии демонстрируют разные подходы и методы, которыми владеет ООН для урегулирования конфликтов: от выполнения функции связника до налаживания непосредственного диалога между конфликтующими сторонами.

В настоящее время на Ближнем Востоке существует ряд очагов напряжения, в результате чего миссии и контингенты ООН остаются в этом регионе, оказывают содействие урегулированию конфликтов, предоставлению гуманитарной помощи, проведению референдумов и следят за соблюдением прав человека. Ближний Восток всегда был очагом разных противоречий: религиозных, этнических, территориальных и внутриполитических. На данный момент ООН осуществляет следующие текущие операции по поддержанию мира в этом регионе, используя Силы ООН по наблюдению за разъединением (Голанские высоты) с 1974 г., Временные силы ООН в Ливане (ТСООНЛ) с 1978 г., Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия с 1948 г. и Миссия ООН в Судане с 2005 года. Разные конфликты, разные причины и соответственно разные методы решения проблем. Несмотря на то, что в одном случае вооруженные столкновения продолжаются, в другом – давно прекратились, функции ООН довольно схожи, это происходит в результате того, что цели ООН остаются неизменными. Кроме того, необходимо отметить, что большинство миссий ООН на Ближнем Востоке являются долговременными и были основаны еще в 40-е и 70-е годы 20 века.

Так, Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР) были основаны в результате ближневосточной войны 1973 г. для обеспечения соблюдения прекращения огня между Израилем и Сирией, наблюдения за разъединением израильских и сирийских войск и наблюдения за районами разъединения и ограничения, как это предусмотрено Соглашением о разъединении от 31 мая 1974 г.[4] 9 декабря 1999 г. после четырехлетнего перерыва Израиль и Сирия договорились возобновить мирные переговоры, с этой целью 15 декабря они встретились в Вашингтоне. Израильский премьер-министр Ехуд Барак и министр иностранных дел Сирии Фарук аш-Шараа главной темой переговоров определили судьбу Голанских высот. Посредни-

ком в этих переговорах выступал президент США Билл Клинтон. Основной проблемой является то, что обе стороны никак не могут определиться, с чего начать. Сирию интересует возвращение Голанских высот, а Израиль – гарантии безопасности. Ситуация остается до сих пор нерешенной. Но постепенно изменяются функции миротворцев, точнее говоря, к их традиционному комплексу добавляется еще ряд сугубо гуманитарных обязанностей, которые можно наблюдать в работе практически всех миссий ООН.

СООННР продолжают предоставлять помощь Международному комитету Красного Креста, содействуя доставке почты и передвижению людей через район разъединения. В пределах имеющихся возможностей местным жителям оказывается по их просьбе медицинская помощь.

Нерешенной остается проблема минных полей. В районе операций СООННР, особенно в районе разъединения, персоналу СООННР и местным жителям продолжает угрожать наличие минных полей. В консультации с сирийскими властями СООННР развернули в районе разъединения программу охраны и невредимости минных полей с целью их выявления и маркировки. Кроме того, Силы ООН помогали Детскому фонду Организации Объединенных Наций в его деятельности по обучению гражданского населения защите от минной угрозы. В 2004 г. Кофи Аннан в своем докладе Совету Безопасности ООН подчеркнул, что положение на Ближнем Востоке «является крайне напряженным и, по-видимому, останется таким до тех пор, пока не удастся достичь всестороннего урегулирования, которое охватывает все аспекты ближневосточной проблемы»[5].

Временные силы ООН в Ливане были основаны с целью гарантии вывода израильских сил с юга Ливана, для восстановления международного мира и безопасности и помощи правительству Ливана в восстановлении его эффективной власти в этом регионе. Однако Силам воспрепятствовали полностью выполнить свой мандат. Израиль сохранил оккупацию части Южного Ливана, где израильские силы и их местные пособники продолжали подвергаться нападениям со стороны группировок, которые провозгласили курс на сопротивление оккупации[6]. В конце мая 2000 г. израильские войска были выведены с территории Ливана. Миротворческие силы ООН начали патрулирование освобожденной территории, проводятся мероприятия по стабилизации жизни в регионе, возвращению беженцев,

разоружению, установлению границ и другие меры. Одной из главных задач на современном этапе остается разминирование территории.

Эти две операции связывают довольно схожие методы деятельности ООН. В первую очередь, это невооруженное вмешательство. Ведь агрессия порождает еще большую агрессию. Солдаты ООН не имеют права использовать оружие, только для самообороны, и в этом, на наш взгляд, их сила, поскольку всегда намного легче положиться на мощь оружия, а не стараться решить проблему путем переговоров и мирного вмешательства. Иногда довольно только демонстрации силы для победы, но не открытых военных действий.

Самой последней по времени создания миссией ООН стала Постоянная Миссия ООН в Судане. После подписания мирных протоколов между правительством Судана и Народно-освободительным движением/армией Судана (НОДС/А) Совет Безопасности ООН 11 июня 2004 г. основал Передовую миссию ООН в Судане (ПМООНС), поставив перед ней задачу поощрять миротворческие усилия и подготовить фундамент для постепенного перехода к операции по поддержанию мира сразу же после подписания окончательного мирного соглашения.

Еще до создания Передовой миссии, в Судан была направлена небольшая группа технических экспертов ООН, которые провели оценку ситуации и на месте проанализировали возможность развертывания миссии. На протяжении года, пока в Кении шли мирные переговоры, Департамент операций по поддержанию мира создал рабочую группу по планированию миссии. Тем не менее, когда появилась реальная надежда на достижение окончательного мирного соглашения между правительством и НОДС/А, в западной провинции Дарфур начался новый кризис. Действующие в Дарфуре повстанческие группировки – Освободительная армия Судана и Движение за справедливость и равенство – выступили с оружием в руках против центрального правительства, обвинив его в пренебрежении интересами дарфурцев и их маргинализации в политической и экономической жизни страны. Миссия ООН в Судане стала первой миссией ООН, которая готовилась заранее.

Убийства и вытеснение тысяч человек из своих домов в Дарфуре вызвали негодование во всем мире. В связи с этими событиями Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан посетил Хартум, где подписал договоренность, согласно которой пра-

вительство обязалось разоружить ополченцев. Правительство также согласилось задержать и привлечь к суду тех, кто подстрекал к осуществлению зверств и других нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права и делал это лично. В результате давления со стороны международного сообщества в середине 2004 г. правительство Судана согласилось предоставить международным гуманитарным институтам более широкий доступ к лагерям перемещенных лиц и принять более энергичные меры по защите гражданского населения от насилия. ООН активизировала поставки гуманитарной помощи перемещенным лицам и беженцам, которые разместились в соседнем Чаде. Получив сообщения о массовых нарушениях прав человека, которые поступали из самых разных частей страны, ООН направила туда дополнительных наблюдателей за соблюдением прав человека.

ПМООНС также предоставила политическую и материально-техническую поддержку Африканскому союзу, который направил в Дарфур наблюдателей за прекращением огня, мандат которых включал также защиту гуманитарных операций и гражданского населения, которое находится в непосредственной опасности. Кроме того, было создано бюро связи с Африканским союзом в Эфиопии. Африканский Союз планирует разместить в Дарфуре приблизительно 3 320 миротворцев.

ДОПМ (Департамент операций по поддержанию мира) запланировал развернуть в Судане операцию с целью контроля и наблюдения, с личным составом около 12 тыс. человек, мандат которой будет включать в себя решение политических и гражданских вопросов; контроль за прекращением огня и соблюдением соглашений, которые касаются безопасности; контроль, координацию и, возможно, предоставление помощи в разоружении, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов; оказание содействия в области развития и гуманитарной деятельности; содействие институтам по поддержанию мира и верховенства права; обеспечение соблюдения прав человека и защиты детей; координацию деятельности по разминированию; предоставление помощи в проведении выборов и информировании общественности.

Всеобъемлющее мирное соглашение, подписанное 9 января 2005 г. правительством Судана и НОДС/А, ознаменовало собой окончание гражданской войны, которая вспыхнула еще в 1983 г. Это сложное комплексное соглашение о механизмах

прекращения огня и обеспечении безопасности, распределении материальных ресурсов, власти и будущего управления тремя районами в центральной части страны. В его основу заложена концепция поощрения стабильности, восстановления и развития всех регионов Судана. В конце переходного периода, рассчитанного на шесть с половиной лет, народ Судана выявит свою волю в ходе референдума по вопросу о территориальной целостности страны или разделении ее на отдельные образования согласно принципу самоопределения.

Одним из наиболее длительных и сложных конфликтов в мире является арабо-израильский конфликт, или как корректнее его называть на современном этапе, палестино-израильский. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея утвердила план раздела Палестины, который предусматривал создание арабского и еврейского государств. Палестинские арабы и арабские государства не согласились с этим планом. На следующий день после провозглашения Государства Израиль палестинские арабы при поддержке арабских государств начали военные действия против Израиля. Уже в конце мая 1948 г. была создана соответствующая миротворческая миссия ООН, которая получила название «Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия».

После войн 1956, 1967 и 1973 годов функции наблюдателей изменялись с учетом обстановки, однако наблюдатели оставались, действуя как посредники между враждующими сторонами и как инструмент, позволяющий локализовать разрозненные инциденты и предотвратить их перерастание в большие конфликты. В 90-х годах с активизацией мирного процесса на Ближнем Востоке миссия ООН утратила свою первоначальную функцию. В наше время миссия фактически является координирующим звеном между различными миссиями в регионе. Она предоставляет помощь и содействие миссии ООН на Голанских высотах в израильско-сирийском секторе и временным силам ООН в израильско-ливанском секторе. Обеспечивается также присутствие в египетско-израильском секторе на Синайском полуострове. Канцелярия Специального координатора ООН на Ближнем Востоке (ЮНСКО) продолжает координировать действия ООН по мирному процессу в этом регионе.

Ее усилия направлены на обеспечение адекватного реагирования на нужды палестинского населения и мобилизацию

финансовой, технической, экономической и другой помощи. Тем не менее большое внимание ЮНСКО стало отводить вопросам развития и реформ. Это произошло не в последнюю очередь из-за ориентации ООН на активизацию политического процесса и диалога на Ближнем Востоке, – ведь полномасштабные войны закончились, а комплекс проблем остался неизменным. 19 ноября 2003 г. Совет Безопасности ООН единогласно проголосовал за подготовленную так называемой «четверкой» в составе России, США, ЕС и ООН «Дорожную карту» – план продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта согласно принципу сосуществования двух государств.

«Дорожная карта» представляет собой поэтапный план с четко обозначенными целями и сроками, который бы позволил в течение двух лет достичь мира. Первая фаза плана предусматривала положить конец терроризму и насилию, нормализовать жизнь палестинцев, улучшить гуманитарную ситуацию на палестинских территориях и восстановить палестинские структуры власти. От самих палестинцев на этом этапе требовалось «немедленное, безоговорочное прекращение актов насилия»[7]. Предполагалось, что Израиль выведет свои войска с палестинских территорий, оккупированных после 28 сентября 2000 г. Обе стороны также должны были официально признать право друг друга сосуществовать независимо и мирно.

Вторая фаза «Дорожной карты» связана с созданием независимого палестинского государства с «временными границами и атрибутами суверенитета». Предполагалось, что арабские государства восстановят торговые, дипломатические и другие связи с Израилем, которые существовали до начала интифады. Процесс создания государства должен был контролироваться международными наблюдателями.

Целью третьей фазы плана стала «консолидация реформ и стабилизация палестинских структур власти, эффективная работа палестинских служб безопасности и палестино-израильских переговоров по определению постоянного статуса Палестины в 2005 году»[8]. Предполагалось созвать международную конференцию, на которой должны быть утверждены соглашения, достигнутые Израилем и Палестиной об окончательных границах, статусе Иерусалима, беженцев и поселений.

«Четверка» поставила четыре условия, которые должны быть выполнены, прежде чем она одобрит План размежевания:

во-первых, отход Израиля должен быть полным; во-вторых, Израиль должен прекратить оккупацию сектора Газа и провести аналогичные шаги на Западном берегу; в-третьих, это должно вписываться в рамки «Дорожной карты» и концепцию сосуществования двух государств; и, в конце концов, все действия должны быть полностью скоординированы с Палестинской администрацией и «четверкой». Но из-за постоянных стычек и террористических нападений «Дорожная карта» фактически так и не начала реализовываться. Переговоры по ней были возобновлены только в марте 2005 г., хотя на протяжении всего этого времени данный план мирного урегулирования оставался основным.

Традиционно, ярким примером невоенного вмешательства и урегулирования кризиса считается Ирак времен Саддама Хусейна. Здесь ООН делала ставку на экономическое давление. Эмбарго – один из основных методов давления на государство. Мы живем во времена, когда экономики разных стран очень тесно взаимозависимы между собой. Прошли времена, когда государство могло полностью само себя обеспечить. Считалось, что если богатый нефтью Ирак отрезать от мирового рынка нефти, запретить ему экспортировать ее за пределы своего государства – он фактически станет отрезанным от всего мира. Эффективность этих методов противоречива, не в последнюю очередь из-за многочисленных скандалов, сопровождавших программу «Нефть в обмен на продовольствие».

Вторжение военной коалиции под эгидой США в Ирак в 2003 г. продемонстрировало кризисную ситуацию, в которой находится ООН в последние годы. Противоречия среди постоянных членов Совета Безопасности, отсутствие однозначной резолюции, дающей разрешение на военную операцию против Ирака, фактически волюнтаристское решение США и Великобритании – все это вывело ООН из состава основных игроков в этой операции. Кроме того, настороженное отношение к ООН многих иракцев, помнящих ооновские санкции в годы правления Саддама Хусейна, сказалось на авторитете и эффективности действий ООН в регионе. Тем не менее ООН, как и раньше, способна заслужить уважение иракских политических лидеров, в основном из-за того, что эти лидеры нуждаются в международном признании, помощи специализированных агенций ООН и таких сателлитных организаций, как Красный Крест.

Хотя международный персонал ООН покинул Ирак после взрыва своей штаб-квартиры в Багдаде в августе 2003 г., ООН снова начала играть важную роль, содействуя процессу политической трансформации в Ираке в январе 2004 г., когда Генеральный секретарь назначил своим Специальным советником по Ираку Лахдара Брахими. Коалиционная временная администрация и Управляющий совет Ирака обратились к ООН с просьбой способствовать диалогу и достижению согласия среди иракцев с целью обеспечения мирной и успешной политической трансформации.

Лахдар Брахими сыграл важную роль, содействуя формированию Временного правительства Ирака во главе с премьер-министром Айядом Алауи. Багдад постоянно посещали эксперты ООН для анализа ситуации и выяснения общественного мнения. Миссия ООН по содействию в Ираке (МООНСИ) продолжала выполнять свои функции, базируясь в Аммане (Иордания), а с начала 2005 г. ее небольшая группа разместилась в «зеленой зоне» в Багдаде. После осуществления новых мер по обеспечению безопасности сотрудников ООН в Ираке численность персонала была увеличена до 250 человек, включая охранное подразделение ООН в количестве 134 чел. Также в декабре Генеральный секретарь дал разрешение на открытие укомплектованных международными сотрудниками бюро в Басре и Эрбиле.

МООНСИ является политической миссией. Согласно резолюции 1546 ООН, предоставляла стратегическую и техническую поддержку Независимой избирательной комиссии Ирака; консультировала правительство Ирака по вопросам создания эффективных гражданских и социальных служб; продолжает предоставлять помощь и координировать реконструкцию и развитие, гуманитарную помощь и деятельность по защите прав человека, национальному примирению и проведению судебной и правовой реформы.

ООН проводила обучение членов Комиссии и тысяч работников по обеспечению выборов. С помощью базы данных, созданной ООН для распределения продовольственных пайков населению в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» был подготовлен список избирателей, в который включены практически все иракцы. Концепция осуществления самими иракцами национального руководства своими политическими процессами обусловила относительно скромные масштабы деятельности ООН в Ираке в 2004 г.

В 90-х годах XX века количество конфликтов выросло. В результате чего Организация Объединенных Наций столкнулась с проблемой ограниченных ресурсов, а также иногда с нежеланием воюющих сторон видеть ее в качестве миротворца. Например, увеличилось количество конфликтов в африканских странах, а миротворцы ООН в основном были представителями «белой расы». В результате этих объективных обстоятельств возникла необходимость привлечения иных международных региональных организаций для решения отдельных проблем. Это было предусмотрено еще в Уставе ООН, однако до 90-х годов 20 века фактически не существовало действенного механизма осуществления подобного сотрудничества.

В 1994 г. была провозглашена Декларация по усовершенствованию сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности, которая была утверждена резолюцией 49/57 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года. На данный момент осуществляется сотрудничество с 16 организациями, наиболее активными из которых являются ОБСЕ, НАТО, ЕКОВАС и ОАГ.

ООН столкнулась с ростом собственной ответственности, которая легла на нее согласно мандатам Совета Безопасности периода 1992–1995 гг. Однако ресурсы для выполнения данных мандатов не всегда были надлежащими, что привело к кризисным ситуациям в Сомали, Боснии и Руанде. Падение роли ООН в данных миротворческих операциях сопровождалось одновременным ростом значения региональных и субрегиональных организаций в процессе миротворчества, поддержания мира и принуждения к нему. В то же время региональные и субрегиональные организации столкнулись с аналогичной проблемой ограниченности ресурсов, а иногда и проблемой легитимности полученных мандатов, что подчеркнуло важность соответствия ресурсов и мандатов вне зависимости от того, какая организация выполняет это поручение.

В 1995 г. Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали издал знаменитую «Повестку дня для мира», в которой предложил ООН «новое видение ее роли в системе международного мира и безопасности»[9] и рекомендовал усилить роль регио-

нальных организаций в деятельности, направленной на поддержание мира.

В дополнении к «Повестке дня для мира» выделялись следующие формы сотрудничества между ООН и региональными организациями с целью поддержания мира:

– Консультации. Главная цель – обмен мнениями относительно конфликтов, которые ООН и региональные организации пытаются разрешить.

– Дипломатическая поддержка. Региональные организации принимают участие в миротворческой деятельности ООН. Так, например, Организация африканского единства, Лига арабских государств и Организация Исламская конференция оказали поддержку ООН в Сомали.

– Оперативная поддержка. Данная поддержка может изменяться в зависимости от ситуации. Примером является авиационная поддержка НАТО сил ООН в Югославии и миротворческая миссия НАТО в Афганистане. ЕС оказывал поддержку миротворческой деятельности ООН в Ираке и Кувейте.

– Общее развертывание. Миссии ООН были развернуты вместе с силами ЭКОВАС в Либерии и Сьерра Леоне, и силами СНГ в Таджикистане и Грузии.

– Общие операции. В Гаити ООН и Организация Американских Государств совместно развернули Международную Гражданскую Миссию, в которой персонал, руководство и финансирование были разделены между ООН и ОАГ. Данная модель также имеет свое будущее, но еще не была испытана на Ближнем Востоке.

Последние годы все больше разных международных организаций сотрудничают с ООН. Это сотрудничество осуществляется в разнообразных формах и объемах. Чаще всего региональные организации предоставляют лишь экономическую и информационную помощь или включаются на стадии миростроительства, не вмешиваясь в миротворческие процессы. Но этот вклад также является весомым, так как ООН, хотя и является универсальным инструментом для поддержания мира, все-таки в ряде случаев не способна самостоятельно решить проблему, так как ограничена в ресурсах или сталкивается с непринятием ее как структуры, действующей «в интересах западных развитых государств».

На Ближнем Востоке сотрудничество ООН с региональными организациями наиболее заметно на примере Организации

Исламская конференция (ОИК), созданной в 1971 г., одной из основных целей которой является поддержание мира и безопасности. Сотрудничество ООН и ОИК не настолько активно и плодотворно, как, например, сотрудничество с ОБСЕ. Несмотря на большое количество кризисных ситуаций в исламском мире, у этой организации еще не выработан эффективный механизм проведения миротворческих или превентивных операций. Однако Организация Исламская конференция старается своевременно реагировать на кризисы и столкновения путем принятия соответствующих резолюций, открытия представительств в горячих точках и установления сотрудничества с ООН.

Так, на сессии Министров иностранных дел ОИК в Стамбуле в июне 2004 г. было принято 25 резолюций[10] относительно политических вопросов, проблем национальных меньшинств и законодательной базы, среди которых 13 касались проблем на Ближнем Востоке. В частности:

1. Резолюция № 1/ 31-P относительно ситуации в Ираке;
2. Резолюция № 7/ 31-P относительно солидарности с Республикой Судан;
3. Резолюция № 20/ 31-P относительно сотрудничества между ОИК и международными организациями;
4. Резолюция № 1/ 31-PAL относительно вопроса Палестины, Аль-Кудса, Аль-Шарифа и арабо-израильского конфликта;
5. Резолюция № 2/ 31-PAL относительно оккупированных Голанских высот;
6. Резолюция № 4/ 31-PAL относительно текущей ситуации с мирным процессом на Ближнем Востоке.

Во всех своих резолюциях Организация Исламская конференция подтверждает свою приверженность Уставу ООН и его принципам. ОИК неизменно соглашается и сообщает о своей поддержке резолюций ООН и всегда призывает ООН и другие международные институты к активным действиям. Отличительной чертой ОИК является то, что эта организация не позиционирует себя нейтральной в том или другом конфликте. Религиозная принадлежность всегда превалирует. Во всех резолюциях, которые касаются какого-нибудь из арабо-израильских конфликтов, виновной стороной всегда считается Израиль.

По характеру принятых Организацией Исламская конференция резолюций можно сделать вывод о способах и видах сотрудничества ООН и ОИК. Во-первых, следует подчеркнуть

исключительно дипломатический или гуманитарный характер помощи ОИК. Во-вторых, Организация Исламская Конференция в основном предпочитает делать инвестиции, осуществлять экономическую помощь, призывать всех к действиям и сотрудничеству, нежели реально помогать ООН человеческими и профессиональными ресурсами. Также организация не берется за принятие превентивных мер по предотвращению конфликтов. Фактически ОИК реально присоединяется к миротворческим операциям ООН лишь на стадии миростроительства, создавая, например, Фонды поддержки, как это сделано в Судане.

В марте 2000 г. Генеральный секретарь обратился к группе международных экспертов во главе с Лахдаром Брахими (бывшим главой МИД Алжира) с просьбой проанализировать операции Организации Объединенных Наций в пользу мира и определить, где и когда миротворческая деятельность ООН может быть наиболее эффективной, и как ее улучшить. В докладе Группы по операциям ООН в пользу мира, которая известна под названием «доклад Брахими», даются четкие рекомендации относительно минимальных требований, которые должны соблюдаться для обеспечения успеха миссий ООН по поддержанию мира. Речь идет о четком и конкретном мандате, согласии на операцию со стороны участников конфликта и адекватные ресурсы.

По итогам доклада Организация Объединенных Наций и государства-члены приступили к реализации ряда мероприятий, нацеленных на повышение эффективности миротворческой деятельности ООН. Была создана Группа по передовой практике поддержания мира, которой было поручено анализировать накопленный опыт и предоставлять миссиям рекомендации по следующим вопросам: гендерные вопросы; правила поведения миротворцев; планирование программ разоружения, демобилизации и реинтеграции; охрана правопорядка и др. Для того чтобы гарантировать наличие финансовых средств на начальном этапе развертывания новых миссий, был создан механизм предмандатного финансирования и накоплен стратегический запас имущества, необходимого для развертывания миссий на базе материально-технического снабжения в Бриндизе (Италия). ДОПМ реорганизовал систему резервных соглашений Организации Объединенных Наций, которая представляет собой реестр конкретных ресурсов государств-

членов, включая военных и гражданских специалистов, материалы и технику, которые могут быть предоставлены миротворцам ООН. Новая система предусматривает выделение подразделений в первые 30–90 дней с начала любой новой операции.

Руководитель ДОПМ Жан-Мари Геенно в газете «Интернешнал геральд трибьюн» сформулировал четыре принципа, которыми должно руководствоваться международное сообщество при принятии решений для обеспечения эффективности своей миротворческой деятельности: предотвращение участия ООН в «горячих» войнах; уделять больше внимания партнерским связям; подкрепление мандатов соразмеримыми ресурсами; намерение решать задачи в полном объеме – т.е. установление крепкого мира. Чтобы предотвратить возобновление конфликтов, необходимо дополнять мероприятия по поддержанию мира долгосрочными усилиями в области миростроительства и развития[11].

К сожалению, существует ряд сложных нерешенных вопросов, которые в результате разных причин тормозят развитие операций по урегулированию конфликтов. Если говорить об этой стороне дела, самым слабым местом в деятельности ООН является все более широкое военное вовлечение ее в разные вооруженные конфликты. Это приняло такие размеры, что стало забываться главное назначение ООН – мирное политическое решение противоречий, предотвращение войн и военных конфликтов.

Второе. Следует повысить ответственность Совета Безопасности и национальных правительств за политическое урегулирование назревающих конфликтов. Сколько произнесено высокопарных слов о необходимости решения всех конфликтов только мирным, политическим путем, но, как правило, дело ограничивается общими призывами и заканчивается применением военной силы. Если с военных принято строго спрашивать, почему не взят тот или иной рубеж, то мы ни разу не слышали, чтобы в какой-нибудь стране спросили строго с МИД, почему это ведомство не сумело решить тот или иной конфликт мирным путем. Считается целиком допустимым: смогли – сделали, не смогли – в запасе всегда есть военная сила. В этом контексте нужно рассматривать и все чаще используемое средство передачи ответственности и делегирование функций отдельному государству или коалиции государств, которые

фактически с самого начала имеют целью именно военное вмешательство и силовое решение проблемы.

Третье. Нужно совершенствовать военные структуры ООН. Поскольку военная сила все чаще применяется, совсем без нее, видимо, не обойтись. В этой связи следует уделить больше внимания вопросу о создании Постоянных Сил ООН. На данный момент идут серьезные споры по поводу необходимости создания подобных сил. Много экспертов высказывается против этой идеи. Здесь основным аргументом является то, что ООН и так требует огромных материальных затрат, что ее бюрократический аппарат разросся до невероятных размеров, настало время реформировать структуры и деятельность данной организации, поэтому пусть сначала будут решены эти проблемы, а потом уже начнется обсуждение необходимости создания постоянных вооруженных сил. Подобные инициативы выдвинули, в частности, Дания и Канада.

С другой стороны, ООН так или иначе покрывает бóльшую часть затрат на миротворческие операции, поэтому, возможно, если военные будут непосредственно подчинены ООН – это уменьшит напряженность, связанную с компенсацией странам, принимающим участие в миротворческом процессе, сделает практику финансирования более прозрачной. Даже с учетом новых нужд, которые возникли в 2004 г., затраты на все миротворческие операции ООН составили около 4 млрд. долл. США[12]. 30 млрд. долл. США, израсходованные на миротворческие операции за всю историю ООН, представляют собой одну тридцатую часть мировых военных затрат в одном только 2003 г. Миротворческая деятельность ООН основана на принципах общего несения бремени и распределения рисков, и в конечном итоге она обходится намного дешевле односторонних мер. Кроме того, серьезным аргументом является тот факт, что ООН – невоенная организация. В ответ на это можно сказать, что хотя ООН и невоенная организация, но ей необходимы вооруженные силы для охраны того гражданского персонала, который работает в местах вооруженных конфликтов.

Вопрос охраны и безопасности персонала Организации Объединенных Наций, который работает на местах, превратился в довольно болезненную проблему самой ООН после беспрецедентного нападения 19 августа 2003 г. на здание, которое она занимала в Багдаде, в связи с чем Генеральный секретарь Кофи Аннан распорядился провести анализ всей

системы безопасности в Организации Объединенных Наций. До этого ООН в основном была обеспокоена безопасностью гражданского персонала (активным участником разработки таких документов была Украина), в меньшей мере уделяя внимание своему собственному персоналу, который традиционно был неприкасаемым. Но практика показала, что так как ООН не всегда рассматривается как полностью нейтральный помощник, то и ее служащим все чаще угрожает опасность. А для принятия ими более активных и действенных мер специалистам ООН должна быть полностью гарантирована безопасность.

Немаловажным вопросом является достижение единства постоянных членов Совета Безопасности. К сожалению, довольно часто ООН не может развернуть свои силы в том или ином регионе именно из-за того, что постоянные члены не могут договориться о методах и формах операций. Самый яркий пример последнего времени – это ситуация с принятием резолюции по Ираку в 2003 г. Постоянным примером разброса мнений является оценка арабо-израильского конфликта. Лишь в 2003 г. США впервые согласились признать Израиль агрессором.

Повышение миротворческой активности ООН, количественных и качественных оценок эффективности миротворческих операций изменило ее действия и методы вмешательства. Сегодняшние операции ООН более комплексные. Целый ряд факторов изменил природу миротворческих операций, в их числе: внутренний характер конфликтов; изъяны сотрудничества; нарушение законов и порядка; появление милиции и вооруженных гражданских как ответ на рост бандитизма; развал государственных структур; гуманитарные бедствия, включая массовые передвижения людей, которые стали беженцами или перемещенными лицами и др.

Желательно, чтобы приоритетным в деятельности ООН были аналитическая работа по исследованию фундаментальных, долгосрочных проблем обеспечения мира и стабильности и разработка на их основе рекомендаций для практической деятельности по предотвращению конфликтов. Целесообразно также усилить контрольные, координирующие органы ООН, которые обеспечивают воплощение в жизнь решений. Ведь чаще всего ООН присоединяется к разрешению конфликта в его активной фазе, в периоды кризисов и открытого военного противостояния или геноцида. В последнее время ООН все меньше

использует одну из своих главных миссий, а именно предупреждение конфликтов и превентивные действия.

[1] Петровский В.Ф. Миротворческая стратегия ООН // Международная жизнь.– 1998, № 3, с. 3–9.

[2] Cooperation between the United Nations and Regional Organizations/Arrangements in a Peacekeeping Environment. Suggested Principles and Mechanisms. March 1999.
http://www.un.org/depts/dpko/lessons/regcoop.htm

[3] Бруз В.С. ООН і врегулювання міжнародних конфліктів. – Киев 1995.

[4] Настоящий документ подготовлен Департаментом общественной информации Организации Объединенных Наций от 14 июля 1999 года. Не является официальным документом Организации Объединенных Наций.

[5] www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=2220

[6] Настоящий документ подготовлен Департаментом общественной информации Организации Объединенных Наций от 20 мая 1999 года. Не является официальным документом Организации Объединенных Наций.

[7] http://www.un.org/russian/documen/scletters/2003/03-529.htm

[8] http://www.un.org/russian/documen/scletters/2003/03-529.htm

[9] http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/agendaforpeace

[10] Resolutions on political affairs, adopted by the Thirty-first session of the Islamic conference of foreign ministers *(Session of progress and global harmony)*. Istanbul, Republic of Turkey. (14–16 June 2004).
http://www.oic-oci.org/

[11] http://www.un.org/russian/peace/pko/review/2004/ch1.htm

[12] http://www.un.org/russian/peace/pko/review/2004/ch1.htm

П.Н.Мамед-заде

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЕГИПТА В АФРИКЕ И АЗИИ

На рубеже XX-XXI вв. Египет, не отказываясь от внешнеполитического приоритета в отношении арабского мира, активизировал свою политику на африканском континенте, что проявлялось, в частности, в его участии в работе различных интеграционных объединений, членами которых были также и арабские страны «черного континента». Активизация африканской политики Египта обусловлена важностью этого континента с экономической точки зрения, и поэтому АРЕ уделяет особое внимание экономическим интеграционным объединениям[1]. Африка является важным рынком для сбыта египетских товаров, некоторые африканские страны, в том числе и соседние с Египтом, обладают потенциалом для экономического развития. В свете этого в Каире считают активную африканскую политику неотъемлемой и вполне логичной составляющей своего внешнеполитического курса. В начале XXI века Египет стал членом Африканского союза (АС), заменившего Организацию африканского единства (ОАЕ). При этом стоить отметить, что АРЕ – одна из немногих стран, кто исправно платит членские взносы в бюджет АС и не имеет перед ним задолженности[2].

В апреле 2000 г. по инициативе Египта в Каире прошел первый африкано-европейский саммит с участием глав государств и правительств стран обоих континентов, который, по мнению президента АРЕ Хосни Мубарака, стал «историческим событием для стран Африки и Европы, открывающим новую главу в своих отношениях»[3]. В итоговом заявлении участники саммита определили основы своего стратегического сотрудничества. Среди них – развитие двусторонних экономических связей, включение Африки в мировую торговлю (путем укрепления частного сектора, привлечения инвестиций, использования ресурсов для экономического подъема, решения проблемы внешнего долга), соблюдение прав человека и принципов де-

мократии, урегулирование конфликтов и миростроительство, решение проблемы бедности в Африке[4]. Обращаясь к европейским лидерам, Хосни Мубарак призвал их списать долги африканских стран[5] и принять активное участие в экономическом развитии «черного континента»[6].

Каир постарался использовать встречу в верхах для решения вопросов, касавшихся арабских стран, возобновления переговоров между представителями государств, чьи отношения заметно ухудшились в последние годы, например, Алжиром и Марокко. Таким образом, африкано-европейский саммит в Каире продемонстрировал активность египетской дипломатии, действия которой были направлены как на развитие отношений между двумя континентами, так и на урегулирование межафриканских и межарабских проблем.

В июне 1998 г. Египет вступил в Ассоциацию общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА)[7], представляющую собой потенциальный рынок с населением 380 млн. человек[8] и имеющую совокупный объем ВВП в 182 млрд. долл.[9] Одной из главных целей вступления АРЕ в КОМЕСА является намерение увеличить экспорт и сократить дефицит своего торгового баланса. В октябре 2000 г. в рамках КОМЕСА была создана зона свободной торговли, в которую вошли девять африканских стран, в том числе и Египет[10]. Эта мера дала серьезный импульс экономическим связям в регионе. Объем торговли АРЕ со странами-членами КОМЕСА увеличился с 237 млн. долл. в 2000 г. до 620 млн. в 2002 г.[11] В 2003 г. товарооборот между странами КОМЕСА достиг 5,3 млрд. долларов[12]. В начале XXI века на долю Египта приходилась значительная доля внешнеторгового оборота стран КОМЕСА[13]. В свою очередь удельный вес Африки во внешнеторговом товарообороте АРЕ невелик – всего 4%[14]. Причинами вступления АРЕ в КОМЕСА стали также соображения стратегического характера, в частности желание установить более тесные торгово-экономические взаимоотношения со странами бассейна реки Нил. Участие в КОМЕСА позволяет развивать Египту африканское направление своей внешней торговли, стимулировать деятельность компаний, связанных с африканским рынком в области промышленности, торговли и финансов, а также сельского хозяйства. Последнее направление представляется особенно перспективным, учитывая то, что в странах КОМЕСА сосредоточена значительная доля мировой площади земель, годных для сельскохозяй-

ственной обработки[15]. Кроме того, Египет привлекает в страны КОМЕСА инвесторов из арабских стран, прежде всего сильную в финансовом отношении Саудовскую Аравию.

Египет принимает активное участие в деятельности КОМЕСА, расценивая данное направление как одно из ключевых в своей африканской политике. На конференции КОМЕСА, состоявшейся в феврале 2000 г. в Каире, АРЕ заявила о своем намерении развивать и усиливать свои позиции в рамках Ассоциации. Каирский форум КОМЕСА был охарактеризован Египтом как «начало новой эры для Африки». Египет регулярно выступает с инициативами, направленными на развитие структуры КОМЕСА, повышение эффективности. В 2004 г. Египет предложил основать фонд КОМЕСА для укрепления инфраструктуры в африканских странах, а также модернизации сетей электропитания, дорожных сетей и транспортных средств для обеспечения более быстрого перемещения товаров и упрощения процесса товарообмена между африканскими странами. Кроме того, АРЕ призвала создать совместные комиссии из представителей стран-членов КОМЕСА для разработки инвестиционного кода зоны, охватываемой этой организацией, и единого законодательства в области инвестиций на основе национальных законодательств стран-членов КОМЕСА, а также их упрощения для ускорения инвестиционного процесса. В целом на примере КОМЕСА можно говорить о заинтересованности АРЕ в долгосрочных экономических проектах со странами Африки, которые сулят Египту непосредственные выгоды.

Египет является членом Африканского фонда технического сотрудничества и выступает за увеличение эффективности его работы путем определения наиболее приоритетных направлений деятельности. В 2004 г. было объявлено о создании Общеафриканского союза торговых палат, в состав которого вошли Египет и еще 56 государств. Штаб-квартира союза разместилась в Каире. В феврале 2001 г. Египет стал членом Сообщества государств зоны Сахеля и Сахары (СГЗСС), основанного в 1998 г. В 2001 г. Египет наряду с Алжиром, Нигерией, Сенегалом и ЮАР принял участие в разработке долговременной программы социально-экономического развития Африки, получившей название «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД). Она является составной частью АС и рассчитана на несколько десятилетий. Программа содержит всеобъемлющий и интегрированный подход к проблемам развития континента в

целом, уделяет особое внимание региональному сотрудничеству, вопросам управления, предотвращения конфликтов, развитию торговли, использованию иностранных инвестиций и помощи для сокращения задолженности. В документе записано требование стран континента о предоставлении африканским товарам доступа на мировые рынки, указано на необходимость борьбы с голодом. Программа ставит цель обеспечить с помощью развитых западных государств экономический подъем наиболее бедных стран Африки. Программа НЕПАД была одобрена главами государств и правительств наиболее промышленно развитых стран во время ее презентации на саммите «Большой восьмерки» в Генуе в июле 2001 г., а также на совещании в Кананаскисе в июне 2002 г., где был подписан План действий «Большой восьмерки» по Африке, одобренный в свою очередь на совещании в Эвиане в июне 2003 г. Египет также участвует в Африканском механизме оценки паритетов (МАЕП), действующем в рамках НЕПАД с февраля 2004 г. В ходе состоявшегося в апреле 2005 г. в египетском курорте Шарм-эш-Шейх саммита НЕПАД Каир продемонстрировал возросший интерес к интеграционным процессам в Африке и провозгласил деятельность в рамках НЕПАД одним из приоритетных направлений своей африканской политики[16]. Президент АРЕ Хосни Мубарак назвал инициативу НЕПАД наряду с созданием АС важнейшими событиями за всю историю постколониальной Африки.

В настоящее время Египет выделяет пять сложнейших задач, стоящих перед Африкой. Это – укрепление стабильности и безопасности, мирное урегулирование споров и решение проблем беженцев, обеспечение социально-экономического развития и углубление экономической интеграции, движение в ногу с научным прогрессом и развитием информационных и коммуникационных технологий, соблюдение прав человека, поддержка демократических перемен и расширение роли африканских государств в строительстве более справедливой и демократичной системы международных отношений[17].

Одним из приоритетных направлений в африканской политике Египта является обеспечение мира и стабильности на континенте. В апреле 1996 г. в Каире по инициативе Египта 49 из 53 государств Африки подписали Договор о превращении Африканского континента в зону, свободную от ядерного оружия[18]. Документ предусматривал запрещение производства,

хранения и испытания ядерного оружия, а также захоронения ядерных отходов. В качестве гарантов действия договора выступили постоянные члены СБ ООН – Россия, Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Китай. Выступая по этому случаю, министр иностранных дел Египта Амр Муса призвал Израиль «предпринять такой же шаг и присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия, сблизиться со своими арабскими соседями путем принятия шагов, которые приведут к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия»[19]. Египет стремится использовать африканские организации для упрочения своей позиции по основным внешнеполитическим вопросам, главным образом ближневосточному урегулированию, иракской проблеме и ситуации вокруг Судана.

Египет выступает против идеи создания единой африканской армии, считая, что «сначала необходимо положить конец всем конфликтам и определить общую для всех государств континента опасность, а уже потом создавать единую армию». Предложение о создании единой африканской армии, внесенное Ливией на саммите АС в Сирте, не нашло поддержки не только Египта, но и многих других африканских стран. В итоговый документ саммита вошел пункт о намерении государств континента создать силы быстрого реагирования, которые будут экстренно направляться в районы конфликтов для их прекращения[20]. В сентябре 2004 года Египет принял участие в прошедших в ЮАР международных военных учениях «Воздушно-десантная Африка», ставших частью программы подготовки к созданию на континенте сил быстрого развертывания[21].

Каир уделяет большое внимание району Африканского рога. Межэтнические, межконфессиональные и межгосударственные конфликты, разгоравшиеся на рубеже XX–XXI вв. в этом регионе, сделали его объектом тревоги со стороны египетских властей. В связи с этим АРЕ активизировал свою дипломатию в данном регионе с целью урегулирования вспыхнувших конфликтов и недопущения новых. Так, в 1996 г. Египет приложил свои посреднические усилия для урегулирования пограничного конфликта между Йеменом и Эритреей, возникшего в декабре 1995 г. Результатом успешной дипломатии Каира стало согласие сторон разрешить спор через Международный арбитражный трибунал в Гааге.

Таким образом, Египет рассматривает свою активную деятельность в Африке, и в особенности в Северной и Восточной ее частях, а также в районе бассейна реки Нил в качестве ключевого направления своей внешней политики. Помимо заинтересованности АРЕ в участии в политических и экономических процессах в Африке, одной из причин активизации египетского внешнеполитического курса на данном направлении является стремление не допустить усиления Израиля в этом регионе.

Отношения Египта со странами Азии на рубеже XX–XXI вв. получили дополнительный импульс к развитию, что было во многом связано с увеличением темпов роста экономики в странах этого региона и заинтересованностью АРЕ в установлении тесных торгово-экономических связей с ними. В политическом плане Египет стремится наладить доверительные отношения с крупными азиатскими державами, прежде всего Турцией, Ираном, Китаем и некоторыми другими странами, дабы заручиться их поддержкой для повышения своей роли в международных организациях и, в частности, добиться права стать постоянным членом СБ ООН. Активизация экономического сотрудничества связана с желанием Египта сбалансировать отрицательное сальдо баланса в торговле со странами Азии. Так, экспорт египетских товаров в страны Азии не превышает 10–11% от всего экспорта АРЕ, в то время как импорт из этого региона составляет порядка 33% от общего объема импорта Египта из-за рубежа[22].

На рубеже XX-XXI вв. наметилась интенсификация политики Египта в отношении двух крупных держав в регионе Ближнего и Среднего Востока – Турции и Ирана. Во второй половине 90-х годов существенно возрос интерес Каира к развитию отношений с ***Турцией.*** Это было вызвано укреплением турецко-израильских отношений, имевших целью перерастание в прочный региональный союз, что воспринималось Египтом не только как угроза его позициям в регионе, но и всему арабскому миру. В феврале 1996 г. Турция и Израиль подписали соглашение о военном сотрудничестве, предусматривавшее использование израильтянами турецкого воздушного пространства и турецких военно-воздушных баз[23]. Это вызвало негативную реакцию в арабских столицах, в том числе и Каире, несмотря на заверения Анкары в том, что турецко-израильское военное соглашение не является стратегическим союзом и не направлено против арабских государств[24]. Кроме того, по напоминанию ту-

рецкой стороны, подобные соглашения, предусматривающие сотрудничество в сфере военной подготовки, на тот момент были заключены Турцией с 16 странами, в том числе и арабскими. В качестве оправдания своих действий в глазах арабской общественности Турция подчеркнула, что пошла на нормализацию отношений с Израилем только после того, как еврейское государство подписало мирные договоры с Египтом, Иорданией и палестинцами[25]. Турция выразила готовность подписать аналогичные документы с любым пожелавшим того арабским государством[26].

Тем не менее акция Анкары была воспринята египетской стороной как желание создать в будущем мощный турецко-израильско-американский военно-политический альянс, способный нарушить баланс сил в регионе и серьезным образом уменьшить влияние Египта на ход событий на Ближнем Востоке. По мнению Египта, военное сотрудничество между Турцией и Израилем способствует новому витку напряженности на Ближнем Востоке, и подобные шаги вынуждают Египет принять ответные меры[27]. Как заявил по этому поводу глава МИД АРЕ Амр Муса, Каир считает, что Ближнему Востоку нужны соглашения о мире, а не военные или стратегические альянсы, заключаемые к тому же в обход третьих стран.

Осложнение в середине и во второй половине 90-х годов отношений между Турцией и Сирией из-за спора о распределении вод реки Евфрат, неоднократных обвинений Анкары в адрес Дамаска о поддержке им Курдской рабочей партии (КРП), а также заключение турецко-израильского соглашения в военной области – все это не отвечало интересам Египта, который приложил дипломатические усилия для мирного урегулирования конфликта. В письме, которое направило МИД Турции участникам саммита ЛАГ в Каире в июне 1996 г., прозвучал призыв Анкары «не идти на поводу у Сирии» и «не принимать антитурецкого решения, которое может нанести значительный урон отношениям Турции с арабским миром». Примечательно, что вариант этого письма, направленный Египту и Иордании, носил более мягкий характер[28], что говорило об отношении Анкары к Каиру и Амману как к представителям умеренных сил в арабском мире, которые не допустят осложнения арабо-турецких отношений.

Арабские страны не заинтересованы в ухудшении отношений с Турцией, учитывая ее географическую близость к регио-

ну Арабского Востока, мощную армию, относительно развитую экономику, членство в НАТО, а также тесные связи с ЕС, позволяющие ей быть, по выражению ливийского лидера Муаммара Каддафи, «троянским конем» мусульманского мира в Европе[29]. В 1996 г. арабские страны отказались включить Израиль в формируемую в регионе объединенную электрическую сеть, в то время как в отношении Турции данный вопрос был решен положительно, что, согласно ЛАГ, было обусловлено «тесными арабо-турецкими отношениями»[30].

После оккупации Ирака войсками США и их союзников Египет и Турция координируют свои действия с целью сохранения стабильности в Ираке и недопущения его раскола. Каир приветствует улучшение и развитие турецко-сирийских и в целом турецко-арабских отношений, наметившееся в начале XXI в. после прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР), ориентированной на тесное сотрудничество с арабским миром. В 2003 г. Турция обратилась в ЛАГ с просьбой предоставить ей статус постоянного наблюдателя в этой организации, дав понять, что в решении данного вопроса Анкара также рассчитывает на поддержку Каира.

Уровень египетско-турецких торгово-экономических связей на рубеже столетий оставался достаточно низким. Так, если экспорт из АРЕ в Турцию составил в 1995 г. 83 млн. долл., то в 2001 г. он и вовсе упал до 77 млн. В свою очередь турецкий импорт в Египет хоть и увеличился с 181 млн. долл. в 1995 г. до 244 млн. в 2001 г., но также не позволяет говорить о существенной интенсификации экономических отношений[31]. Таким образом, темпы развития двусторонних экономических отношений уступают темпам активизации политического диалога. Египет заинтересован в развитии сотрудничества с Турцией, в частности, по вопросу экспорта египетского газа в Европу транзитом через ее территорию. В 2004 г. Каир и Анкара подписали соглашение о поставках египетского природного газа в Турцию, которое помимо этого предусматривает укрепление технического и экономического сотрудничества в сфере разведки нефти и газа, а также в области нефтехимического производства. В 1997 г. Египет вступил в межрегиональное интеграционное объединение «Исламская восьмерка», созданное по инициативе Анкары и имеющее целью развитие торгово-экономических связей между крупнейшими мусульманскими странами.

В какой-то степени опасениями по поводу возможного создания турецко-израильско-американского альянса, а также желания Анкары как можно скорее интегрироваться в институты ЕС объясняется налаживание во второй половине 90-х годов контактов между Египтом и ***Ираном***, отношения с которым переживали серьезный кризис с 1979 г., когда в Тегеране победила исламская революция. На протяжении длительного времени Египет обвинял Иран в попытке «навязать арабским странам района Персидского залива свой гегемонизм, представляющий угрозу безопасности для всех арабов», и «распространить свое влияние в регионе, используя шиитскую мусульманскую доктрину»[32].

Заметная активизация египетско-иранского диалога начала наблюдаться после избрания в 1997 г. президентом Ирана Мохаммада Хатами, представителя умеренных сил в иранском политическом истеблишменте, настроенного на установление стратегического партнерства с арабским миром. Каир стал с меньшим подозрением относиться к Тегерану, после того как из политической риторики государственных деятелей Ирана исчез тезис об экспорте исламской революции. В свою очередь иранские власти уверяют арабские страны в том, что «шиитской угрозы Ближнему Востоку не существует»[33]. В декабре 2003 г. в Женеве состоялась первая за долгие годы встреча лидеров двух стран, президента Египта Хосни Мубарака и президента Ирана Мохаммада Хатами, в ходе которой стороны выразили стремление к восстановлению отношений в полном объеме, взаимному сотрудничеству в интересах мира и безопасности в регионе[34]. Вскоре в январе 2004 г. Иран пошел на устранение одного из главных препятствий на пути к восстановлению дипломатических отношений между странами. Муниципалитет иранской столицы Тегерана переименовал улицу, носившую имя убийцы египетского президента Анвара Садата, тем самым «предприняв важный шаг к примирению Ирана и Египта». Требование переименовать улицу было выдвинуто официальным Каиром в качестве непременного условия для восстановления дипломатических отношений между странами[35]. Негативное влияние на процесс нормализации двусторонних отношений оказал дипломатический скандал, разразившийся в конце 2004 г., когда АРЕ обвинила Иран в подготовке лиц с целью убийства видного египетского политического деятеля.

Несмотря на это, связи между двумя станами продолжают налаживаться, что выразилось, в частности, в заметной активизации на рубеже XX–XXI вв. торгово-экономического сотрудничества. В августе 2004 г. был создан египетско-иранский торговый совет с целью увеличения объемов товарооборота между двумя странами, функционирует египетско-иранский банк развития. В феврале 2005 г. в Тегеране был подписан меморандум о развитии сотрудничества в сфере водных ресурсов, столь важной для АРЕ. В соответствии с подписанным документом стороны договорились о формировании постоянного комитета сотрудничества двух стран по управлению водными ресурсами, а также об организации обмена группами специалистов, проведении совместных программ обучения и научно-технических семинаров. В функции нового комитета включены вопросы строительства плотин и дамб, систем орошения, управления подземными водами, поиск инвестиций для реализации проектов развития водных ресурсов и другие проблемы[36].

По мнению некоторых экспертов, Египет вполне может стать «воротами» для вхождения Ирана в торгово-экономическое пространство Африки[37]. Вместе с тем уровень торгово-экономических связей между Египтом и Ираном существенно ниже уровня сотрудничества в этой области между Ираном и некоторыми другими арабскими странами, например, ССАГПЗ. Так, если в 1999 г. товарооборот Ирана с арабскими странами составил свыше 1,6 млрд. долл., то из них 922 млн. приходилось на долю ОАЭ[38], несмотря на то, что между этими двумя государствами до сих пор не урегулирован территориальный спор вокруг трех островов в Персидском заливе.

Важным направлением в международной деятельности Египта и Ирана является их участие в работе Организации Исламская конференция (ОИК) и ее специализированных учреждений. В АРЕ высоко оценивают вклад Ирана в исламскую цивилизацию, обе страны являются активными участниками межцивилизационного диалога между ОИК и ЕС. По мнению египетского специалиста Мухаммеда Селима, без активного взаимодействия АРЕ и ИРИ в рамках ОИК и без координирования действий по ее реформированию эта организация может со временем превратиться в малоэффективный форум для стран третьего мира[39].

В целом Египет и Иран занимают схожие позиции по целому ряду региональных проблем. Обе страны выступают за

справедливое решение палестинской проблемы, суверенитет и территориальную целостность Ирака, необходимость проведения политических и экономических реформ в странах Ближнего Востока и Северной Африки, инициированных изнутри, а не извне. В то же время обе страны недвусмысленно заявляют о претензиях на лидерство в регионе Ближнего и Среднего Востока, обладают большим военно-техническим потенциалом по сравнению со многими другими странами Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. При этом экономический потенциал Ирана превосходит египетский в силу наличия большего количества углеводородных ресурсов и развитой промышленности. Тегеран поддерживает инициативу Каира по превращению Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия. Обе страны координируют свои действия в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)[40].

Египет, осознавая всю глубину военно-политических и экономических связей между Сирией и Ираном, не стремится стать главным союзником Тегерана в арабском мире, но в то же время использует постепенно налаживающиеся отношения для извлечения определенных выгод. Препятствием к установлению полномасштабных отношений является приверженность Египта принципам арабской солидарности и выполнение им резолюций ЛАГ, что, в частности, выражается в поддержке ОАЭ в их территориальном споре с Ираном по поводу трех островов в Персидском заливе – Большого и Малого Томба и Абу-Муса. По мнению Каира, египетско-иранским отношениям нужно время, чтобы вернуться в нормальное русло. В АРЕ ценят то, что «предпринимаемые иранским руководством шаги свидетельствуют о желании создать такие условия, при которых стало бы возможным восстановление двусторонних связей в полном объеме»[41].

Особое значение для Египта имеют отношения с ***Китаем***, постоянным членом СБ ООН, крупнейшей державой на азиатском континенте, из года в год набирающей экономическую и военную мощь. На рубеже XX-XXI вв. египетско-китайские отношения развиваются динамично. В мае 1996 г. состоялся официальный визит в Египет председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя, ставший первым визитом китайского лидера за три десятилетия. Его итогом стала поддержка Пекином мирного процесса на Ближнем Востоке ради достижения справедливого и всеобъемлющего урегулирования

в регионе и идеи создания независимого палестинского государства. Лидеры стран Хосни Мубарак и Цзян Цзэминь высказались за отказ от политики угроз с применением силы и вмешательства во внутренние дела других государств, подтвердив необходимость решать все спорные вопросы путем переговоров и консультаций. Также Китай выступил в поддержку инициативы президента АРЕ о превращении Ближнего Востока и Африки в зоны, свободные от ядерного оружия. По итогам переговоров были подписаны соглашения о сотрудничестве между странами в экономической, научно-технической и образовательной областях, сотрудничестве в вопросах занятости[42]. В сентябре 2004 г. АРЕ и КНР подписали ряд соглашений о сотрудничестве в сфере инвестиций и торговли, призванных интенсифицировать процесс вложения китайских капиталов в экономику Египта вкупе с использованием китайского опыта и технологий, а также увеличить объемы товарооборота между двумя странами и расширить экспорт египетских товаров в Китай[43].

Сотрудничество с Китаем оказывает стимулирующее влияние на расширение египетского экспорта в крупнейшую азиатскую страну, позволяет АРЕ увеличить сбыт товаров на обширных рынках КНР, перенять лучшее из накопленного Китаем опыта экономических реформ. Китай в начале XXI в. превратился в крупного торгового партнера Египта. Объем товарооборота между АРЕ и КНР превысил 1 млрд. долл.[44], в то время как еще в 1999 г. он составлял примерно 700 млн. долларов[45], а в 1995 г. – всего 450 млн. долларов[46]. Каир заинтересован в капиталовложениях Китая в египетскую экономику и видит в нем партнера, не увязывающего приток своих инвестиций в экономику АРЕ с состоянием дел в египетско-израильских отношениях, как это нередко делают Соединенные Штаты в силу своих тесных союзнических связей с Израилем или под давлением еврейского лобби США. Для Египта представляется важной позиция Китая как одного из постоянных членов СБ ООН по проблеме ближневосточного урегулирования. Пекин поддерживает позицию Египта по данному вопросу, и в частности, постоянно декларируемый Каиром принцип «мир в обмен на землю»[47]. Китай также рассматривается в качестве поставщика вооружений в АРЕ. В июне 1996 г. был подписан протокол о военном сотрудничестве между Египтом и Китаем, в соответствии с которым китайская сторона обязалась поставить на

льготных условиях египетским вооруженным силам некоторые типы вооружений[48].

В отношениях Египта с ***Японией*** в целом преобладает экономическая заинтересованность. В 1999 г. стороны подписали соглашение о партнерстве, был создан бизнес-совет, главной задачей которого является углубление торгово-экономических отношений между двумя странами. В 2002 г. японский экспорт в АРЕ составил 500 млн. долл., в то время как египетский экспорт в Японию не превысил 69 млн. долл.[49] Токио выделяет Каиру кредиты, в том числе и безвозмездные, для решения насущных проблем египетской экономики. В период с 1998 по 2002 г. Япония предоставила АРЕ кредитов на сумму 3,5 млрд. долл. Так, в частности, японской стороной финансируются проекты, направленные на обеспечение Египта водными ресурсами. Япония приняла активное участие в финансировании проекта строительства моста через Суэцкий канал в районе города Эль-Кантара. Весьма важным для Египта является также участие японского капитала в развитии туристической инфраструктуры АРЕ.

На рубеже XX-XXI вв. Египет активизировал свое участие в международных организациях в Азии. В 1999 г. Каир поставил свою подпись под Декларацией принципов, регулирующих отношения между государствами-членами Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), заложившей юридические основы системы азиатской безопасности. Она учитывает азиатскую специфику и многообразие государств региона и декларирует такие принципы отношений между странами, как уважение суверенитета, прав государств-членов СВМДА, неприкосновенность их территориальной целостности, невмешательство в их внутренние дела, мирное урегулирование споров, отказ от применения силы, необходимость экономического, социального и культурного сотрудничества, разоружение и контроль за вооружениями. Египет в качестве «партнера по диалогу» участвует в работе созданной в 1997 г. Ассоциации регионального сотрудничества стран кольца Индийского океана (АРССКИО), отдающей в своей деятельности приоритет вопросам торгово-экономического развития между странами Азии и Африки.

Таким образом, активизация азиатского вектора внешней политики АРЕ вызвана, с одной стороны, заинтересованностью экономического характера, а с другой, – соображениями поли-

тической целесообразности, усилившимися, по словам главного редактора влиятельнейшей египетской газеты «Аль-Ахрам» Ибрахима Нафие, после распада биполярной системы международных отношений в начале 90-х, и выраженными в стремлении поиска новых надежных партнеров перед лицом всемирной гегемонии США[50].

[1] *Ахмед Ибрахим Махмуд.* Министерство иностранных дел Египта. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2003, с. 105 (на арабском языке).

[2] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 15.03.2004.

[3] Address by President Hosni Mubarak to the inaugural Session of the Africa-Europe Summit. // Al-Ahram Weekly. 6–12 April 2000. Issue № 476.

[4] Текст «Заявления африкано-европейского саммита» // Маалюмат Даулия. – 2000, № 64, с. 214–224 (на арабском языке).

[5] Внешние долги государств Африки за два десятилетия выросли более чем в 2 раза – со 110 млрд. долларов в 1980 г. до 350 млрд. долларов в 2000 г.

[6] *Khaled Dawoud.* Bolstering a joint determination. // Al-Ahram Weekly. 6–12 April 2000. Issue № 476.

[7] КОМЕСА возникла в декабре 1994 г., став преемницей так называемой Преференциальной зоны торговли государств Восточной и Южной Африки, которая существовала с 1981 г. Созданная в рамках Организации африканского единства (ОАЕ), она рассматривает себя одной из основ Африканского союза (АС), пришедшего на смену ОАЕ. В Уставе КОМЕСА говорится, что это объединение свободных и независимых государств, которые согласились сотрудничать, чтобы интегрировать свои экономики путем укрепления торговых и инвестиционных связей.

[8] *Гашев Б.Н.* Конференция стран КОМЕСА в Каире // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 10. – М.: ИИИБВ, 2001, с. 70.

[9] *Эрастус Мвенча.* Знакомьтесь, КОМЕСА // Азия и Африка сегодня. 2005, № 4, с. 53.

[10] *Ахмед ас-Сейид ан-Наггар.* Египет, Иран, Турция: экономические реалии и отношения с Европой. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2003, с. 81 (на арабском языке).

[11] *Эрастус Мвенча.* Знакомьтесь, КОМЕСА // Азия и Африка сегодня. 2005, № 4, с. 54.

[12] Aboul Gheit discusses with Egyptian COMESA means to boost cooperation. – Ministry of Foreign Affairs of Arab Republic of Egypt. Cairo, 11 August 2004. – www.mfa.gov.eg

[13] *Гашев Б.Н.* Конференция стран КОМЕСА в Каире // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 10. – М.: ИИИБВ, 2001, с. 72.

[14] Там же, с. 73.

[15] Там же.

[16] Al-Ahram Weekly. 21–27 April 2005. Issue № 739.

[17] www.egpressoffice.ru – 01.03.2004.

[18] *Абдель Рахман Абдель Аль.* Египетская дипломатия и проблемы разоружения в ООН. // Al-Siyassa al-Dawliya. Cairo, April 2001, Issue № 144, с. 58 (на арабском языке).

[19] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 15.04.1996.

[20] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 01.03.2004.

[21] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 19.09.2004.

[22] *Ахмед Ибрахим Махмуд.* Министерство иностранных дел Египта. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2003, с. 108 (на арабском языке).

[23] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 10.04.1996.

[24] Там же, 24.04.1996.

[25] Там же.

[26] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 06.05.1996.

[27] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 09.04.1996.

[28] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 18.06.1996.

[29] Agence France-Presse (Rome). 16.12.2004.

[30] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 25.07.1996.

[31] *Ахмед ас-Сейид ан-Наггар.* Египет, Иран, Турция: экономические реалии и отношения с Европой. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2003, с. 105, 107 (на арабском языке).

[32] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 13.08.1996.

[33] ИТАР-ТАСС. Лента новостей. 24.12.2004.

[34] ИТАР-ТАСС. 06.01.2004.

[35] РИА «Новости». 06.01.2004.

[36] Islamic Republic News Agency (IRNA). 28.02.2005.

[37] *Хасан Абу Талиб.* Египетско-иранское сближение. // Al-Siyassa al-Dawliya. Cairo, April 2001, Issue № 144, с. 149 (на арабском языке).

[38] *Мухаммед Сейид Идрис.* Развитие египетско-иранских отношений. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 2002, с. 302 (на арабском языке).

[39] *Mohammad Selim.* The Extra-Regional Environment of Egyptian-Iranian Relations: Opportunities and Risks. Asian Monographs. Issue № 46. October 2002. – Cairo University. Faculty of Economics and Political Science. Center for Asian Studies. – Cairo, 2002, с. 13.

[40] Там же, с. 7.

[41] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 20.02.2004.

[42] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 16.05.1996.

[43] www.egpressoffice.ru – 7 сентября 2004.

[44] ИТАР-ТАСС. Лента новостей. 30.01.2004.

[45] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 20.01.2000.

[46] ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 14.05.1996.

[47] *Карам Хильми Фархат.* Египетско-китайские отношения: их прошлое, настоящее и будущее. – Каир, 2002, с. 114 (на арабском языке).

[48] Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 13.06.1996.

[49] Gamal Essam El-Din. Japan and Egypt open up // Al-Ahram Weekly. 18–24 November 2004. Issue № 717.

[50] *Ibrahim Nafie.* East of Egypt // Al-Ahram Weekly. 1–7 April 1999. Issue № 423.

О.А.Зыкова

ПОСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПЛАН РАЗМЕЖЕВАНИЯ С ПАЛЕСТИНЦАМИ

В конце 2003 г. премьер-министр А.Шарон выдвинул план одностороннего размежевания с палестинцами, призванный улучшить ситуацию в области безопасности и укрепить положение Израиля на международной арене. По аргументации А.Шарона, размежевание – единственная продиктованная необходимостью возможность выхода из тупика в политическом процессе в условиях отсутствия «партнера» по переговорам с палестинской стороны[1].

План предусматривал эвакуацию всех израильских поселений из сектора Газа (с населением более 7 тыс. человек) и четырех поселений на севере Западного берега р. Иордан (с населением несколько сот человек), а также полный вывод израильских войск из этих районов до конца 2005 г. Согласно плану, взамен поселенцы получат компенсации, которые будут начисляться в зависимости от «поселенческого стажа», степени материального ущерба, причиняемого при вынужденной смене места жительства, от численности семьи и стоимости оставляемой недвижимости. Таким образом, сумма выплат составляет от 200 до 500 тыс. долл. на семью. Еще около 50 тыс. долл. на семью по плану получат те, кто согласится добровольно покинуть дом досрочно. За отказ выехать, а также за сопротивление по закону об эвакуации и компенсациях предусматривались различные штрафы и наказания, вплоть до уголовного преследования. В плане были также предусмотрены меры наказания за «нарушение общественного порядка во время эвакуации» (например, за оскорбления в адрес военных и полицейских). Вооруженное сопротивление эвакуации либо угроза применения оружия по закону карались тюремным заключением. После эвакуации поселения его территория объявлялась закрытой военной зоной.

Инициатива премьера стала полной неожиданностью для правого лагеря и поселенцев: именно А.Шарон, по решению и инициативе которого в прошлом строились десятки поселений на Западном берегу и в Газе, заявил о необходимости эвакуации поселенцев в рамках процесса, который был расценен ими как «односторонняя уступка» арабам.

Сопротивление утверждению плана нарастало по мере того, как становилось ясно, что это не просто конъюнктурный маневр, призванный ослабить давление со стороны международного сообщества и внутреннего общественного мнения, а сознательное изменение политики, которое должно привести к полному уходу из густонаселенных арабами районов сектора Газа и северной Самарии.

Первоначально поселенцы задействовали свои рычаги влияния на правых активистов непосредственно в партии «Ликуд» в надежде на то, что А.Шарон побоится идти наперекор мнению собственной партии. 2 апреля 2004 г. премьер вынес свою инициативу на партийный референдум «Ликуда». В нем приняли участие около 100 тысяч членов (51,6%); план поддержали всего 40% из них, остальные высказались против. Ключевые партийные структуры из-за широкого представительства поселенцев заняли радикальную позицию. Лагерь оппонентов размежеванию здесь состоял из спикера кнессета Р.Ривлина, т.н. «мятежников» во главе с У.Ландау и еще 12 депутатов кнессета. «Снизу» им оказывало поддержку движение «Еврейское руководство» во главе с М.Фейглиным, являющееся частью «Ликуда» и основной опорой поселенцев в партии. Кроме того, существовала и умеренная оппозиция, представленная в правительстве министром финансов Б.Нетаньяху, министром иностранных дел С.Шаломом, министром образования Л.Ливнат, министром сельского хозяйства И.Кацем, министром без портфеля Ц.Ханегби.

Тем не менее премьеру удалось, прибегая к политическому маневрированию, провести в правительстве несколько видоизмененный (поэтапный) план размежевания. Прохождение инициативы А.Шарона осложнялось тем, что в правительственной коалиции находились национально-религиозная партия МАФДАЛ и блок «Национальное единство» (совместно с партией А.Либермана «Наш дом Израиль»), традиционно выражающие интересы поселенцев и ультраправых. Их представители открыто заявляли о намерении провалить план при го-

лосовании в правительстве. Премьер вынужден был пойти на увольнение министров от «Национального единства», что позволило набрать необходимое большинство на голосовании в кабинете министров 6 июня 2004 г. Министр от партии МАФДАЛ З.Орлев заявил о намерении оставаться в правительстве и «изнутри» помешать принятию плана. Это привело к расколу МАФДАЛ, из которой вышли ее председатель Э.Эйтам и И.Леви. Осенью 2004 г. партия все же была вынуждена покинуть правительственную коалицию и перейти в оппозицию, так как не смогла предотвратить утверждение плана в кнессете. Возможности парламентских партий остановить размежевание, таким образом, оказались весьма ограничены.

Поселенческое лобби повело борьбу в кнессете за вынесение инициативы А.Шарона на общенациональный референдум. На его проведении настаивали прежде всего идеологические противники премьера в правящей партии, которые намеревались использовать этот прием с целью срыва или отсрочки ухода из Газы. В качестве аргумента сторонниками референдума приводился тезис о том, что только плебисцит способен предотвратить раскол, назревающий в израильском обществе, и сохранить единство «Ликуда»[2]. В самом «Ликуде» из 40 депутатов кнессета за проведение референдума выступали 26. Однако законопроект о референдуме не получил поддержки большинства на голосовании в кнессете в марте 2005 г. (против него голосовали представители левого лагеря, а также ультрарелигиозные партии, опасающиеся возможности вынесения на референдум вопросов отношения религии и государства).

Параллельно с парламентской борьбой правые активисты и поселенцы активно использовали иные инструменты воздействия на общественное мнение. Прежде всего они объявили настоящую информационно-пропагандистскую войну А.Шарону и его сторонникам. Основным методом их борьбы стали массовые акции гражданского неповиновения и демонстрации.

Центральным руководящим органом поселенцев является Совет поселений Иудеи, Самарии и Газы (глава – Б.Либерман). Это зонтичная организация, объединяющая местные советы поселений и видных активистов из числа поселенцев и их сторонников. Совет поселений включил мощнейшие рычаги влияния на депутатов кнессета и министров, а также организовывал подавляющее большинство крупных акций сопротивления. Вторым по значению и размаху проводимых мероприятий было

движение «Национальный дом», которое занималось организацией разного рода шествий и митингов, а также несанкционированных протестных акций[3].

Поселенцами были созданы десятки общественных организаций, деятельность которых призвана любыми способами предотвратить эвакуацию. Помимо уже существующих со времен соглашений в Осло движений «Штабы поселений», «Женщины в зеленом», «Профессора за сильный Израиль», появились «Штабы городов», «Защитная стена», «Еврейский национальный фронт» и др. Они занимались в основном организацией демонстраций, регулярно проводили митинги напротив здания Управления по размежеванию. Осенью 2004 г. была объявлена долгосрочная сидячая забастовка активистов поселенческого движения перед зданием кнессета, которая продолжалась несколько месяцев. Также осенью 2004 г. Советом поселений была организована акция «Живая цепь» из тысяч поселенцев и их сторонников от поселений Гуш-Катифа в секторе Газа до Стены плача в Иерусалиме.

В январе и марте 2005 г. 15 тыс. поселенцев и активистов правых движений провели массовую молитву против размежевания и его инициаторов. В марте 2005 г. оппонентами А.Шарона также был объявлен специальный пост против «депортации евреев». Число манифестантов, принимающих участие в митингах и демонстрациях, достигало 100–150 тыс. человек.

Лозунги, выдвигаемые поселенцами против плана А.Шарона, по мере приближения эвакуации претерпели существенные качественные изменения: от миролюбивых «У нас есть любовь, и она победит» до воинствующих «А.Шарон = Гитлер» и «А.Шарон и Я.Арафат встретятся в аду»[4]. Полиция и службы безопасности выражали озабоченность ростом подстрекательства в стране и вероятностью организации со стороны ультраправых фанатиков покушения на премьер-министра и других членов правительства. Участились случаи оскорблений, нападений и нанесения материального ущерба министрам-сторон-никам размежевания и крупным чиновникам, ответственным за его реализацию на практике (например, главе Управления по размежеванию Й.Баси).

Более радикальный характер стали принимать и акции гражданского неповиновения. Так, 15 марта 2005 г. правые активисты перекрыли центральное шоссе Тель-Авив – Иерусалим, полиция арестовала 18 из них. В течение марта-апреля

было предпринято около десятка попыток перекрыть крупные трассы в стране.

«Штабы» организовывали подписание разного рода деклараций неповиновения: об отказе поселенцев вести переговоры с Управлением по размежеванию, о поддержке референдума по размежеванию, о несогласии покидать свои дома в ходе эвакуации.

Отдельного упоминания заслуживает организация «Форум юристов за Израиль», состоявшая из 120 юристов под председательством Н.Эяля. Члены «форума» принимали участие в прениях в комитетах кнессета по законодательству и финансам относительно закона об эвакуации и компенсациях. Они возглавили юридическую борьбу в судебных инстанциях за отмену этого закона, а также параллельно за увеличение размеров компенсации эвакуируемым. Кроме того, юристы подготовили карманные справочники для правых активистов, содержащие руководства к действию при аресте или допросе. Юристы «форума» оказывали на добровольной основе бесплатные консультации противникам эвакуации. Так, поселенцы получили рекомендацию тщательно собирать документы и информацию о своем имуществе, чтобы впоследствии начать судебные процессы против властей. Предполагалось использовать любой повод для начала судебных разбирательств.

Ввиду того, что большое количество поселенцев относится к религиозному сектору, в борьбу за отказ от идеи размежевания включились религиозные авторитеты. Духовные лидеры всех религиозных политических партий однозначно выражали свое неприятие плана размежевания. Религиозные лидеры протестовали против «политики депортации евреев с исконно израильских земель». По их доводам, Тора запрещает передавать какие-либо части Страны Израиля «под управление врага»[5].

Ультраправые раввины утверждали, что план А.Шарона подрывает основы иудаизма и еврейской морали. Они проводили съезды, на которых принимались резолюции, прямо обвиняющие А.Шарона и его команду в угрозе существованию Израиля. Так, прошедший в начале 2005 г. в Иерусалиме съезд раввинов завершился принятием резолюции, отвергающей право политиков передавать арабам ту или иную часть территории библейской «Земли народа Израиля». В этом съезде, организованном «Религиозным форумом за мир», участвовали

более 300 духовных авторитетов как из числа ортодоксальных ультраправых раввинов, так и из лагеря религиозных сионистов. В итоговом документе съезда содержалось предупреждение властям, что если «депортация» осуществится, это неизбежно приведет к гражданской войне[6]. Ряд радикально настроенных раввинов, приближенных к Совету поселений, даже вынес А.Шарону «дин родеф» (галахическое постановление, равнозначное проклятию, оправдывающему убийство человека, который является его объектом).

Еще одним направлением агитации против размежевания являлась пропаганда среди личного состава полицейских и военнослужащих регулярной армии, которых планировалось привлекать для эвакуации поселений. Раввины из поселений Западного берега призывали всех солдат и резервистов объединиться в борьбе против «насильственного плана одностороннего отделения».

Проблема неповиновения является одной из центральных проблем, связанных с реализацией размежевания. Все больше военнослужащих и резервистов отказывалось принимать участие в осуществлении плана А.Шарона. Росло количество заявлений от отдельных лиц, а также групп солдат и офицеров о нежелании подчиняться приказам, «ведущим страну к катастрофе». Военное командование жестко подавляло «отказничество», увольняя солдат и офицеров, заявивших об отказе. В январе 2005 г. начальник генштаба М.Яалон издал распоряжение, налагающее запрет на обсуждение военнослужащими политических вопросов[7].

Около 50 высокопоставленных офицеров-резервистов в январе 2005 г. приехали в Гуш-Катиф в секторе Газа, чтобы выразить солидарность с его жителями, подлежащими депортации. Такой способ выражения солидарности активно использовали противники размежевания. Так, в марте 2005 г. депутат кнессета Э.Эйтам переехал жить в Гуш-Катиф, депутат Ц.Гендель поселился в Северной Самарии. Активисты правых организаций в массовом порядке переезжали и регистрировались в блоке поселений Гуш-Катиф в секторе Газа с целью максимально затруднить армии и полиции процесс эвакуации. По данным Центрального статистического бюро, за 2004 г. число поселенцев, проживающих в Иудее, Самарии и секторе Газа, возросло на 6% (14 тыс.), при этом еврейское население в секторе Газа увеличилось на 11%. Весной 2005 г., по офици-

альным данным, еврейское население Гуш-Катифа выросло на 1000 человек[8].

Постоянно росло количество предупреждений об экстремистски настроенных группах поселенцев, которые планировали совершить террористические акции и диверсии. Некоторые представители поселенцев угрожали, что в ходе эвакуации они забаррикадируются в домах и покончат жизнь самоубийством. Радикальные настроения распространялись особенно быстро в среде национально-религиозной молодежи.

В пропагандистской войне поселенцы нередко использовали тему Холокоста и его параллелей с размежеванием. Так, по призыву правого активиста Р.Валленберга, многие поселенцы в знак протеста нашили на одежду желтые звезды, подобно тем, что носили евреи в концлагерях.

Правые активисты готовились создавать на Западном берегу новые незаконные форпосты и устраивать диверсии, чтобы отвлечь армию и полицию от задач размежевания. Ими была взята на вооружение тактика ложных звонков в полицию, подкладывания муляжей взрывных устройств в общественных местах. Также раздавались призывы перекрывать автомагистрали, захватывать общественные учреждения, радиостанции, препятствовать оказанию общественных услуг. Добровольцы из числа поселенцев развили агитационную кампанию в прессе и на улицах.

В СМИ интересы правого лагеря и поселенцев представляют газеты «Бешева», «Макор ришон», «Хацофе», радиостанция «Аруц шева» и соответствующий интернет-сайт на иврите, английском и русском языках. Для пропаганды в сети интернет использовались как традиционные сайты правых организаций, так и немало новых адресов. В интернете активно велся сбор подписей в поддержку сопротивления поселенцев, агитация в пользу отказничества.

По мере приближения даты размежевания – 15 августа – противники размежевания не оставляли попыток сорвать выполнение плана. Потерпев очередное поражение в парламенте (законопроекты представителей правого лагеря, предусматривающие отсрочку эвакуации на 3 месяца, не получили большинства в июле 2005 г.), поселенцы перенесли борьбу на улицы и в СМИ. Так, несколько десятков тысяч человек приняли участие в несанкционированном шествии к сектору Газа и были остановлены в селении Кфар-Маймон крупными силами армии

и полиции. Накануне 15 августа на площади Рабина в Тель-Авиве состоялся 150-тысячный митинг протеста против размежевания. Организаторы акции – Совет поселений Иудеи, Самарии и Газы – призвали своих сторонников двигаться к Гуш-Катифу и всеми силами помешать эвакуации поселенцев. По разным оценкам, в течение нескольких недель перед размежеванием в сектор Газа незаконно проникли от 3 до 6 тысяч человек[9].

В поселенческой среде распространилось убеждение, что законные политические способы борьбы себя исчерпали, и необходимо приступать к физическому сопротивлению. Одновременно Совет поселений предпринимал попытки несколько понизить накал сопротивления во избежание крупных беспорядков и выхода ситуации из-под контроля, устраивал «примирительные» встречи с официальными лицами[10].

По предположениям военных, наиболее сильное сопротивление ожидалось при эвакуации населенных пунктов Кфар-Даром, Неве-Декалим, Ацмона. Действительно, за двое суток, отведенных на добровольную эвакуацию, 15–16 августа, в этих поселениях было очень мало желающих уехать добровольно. Осложняли ситуацию сотни ультраправых инфильтрантов, зачастую препятствовавших вывозу имущества и эвакуации семей. Тем не менее до 17 августа большинство жителей покинуло поселения на севере сектора Газа, а также Ганим и Кедим в Северной Самарии. Из остальных поселений добровольно выехало около половины жителей.

17 августа, в первый день принудительной эвакуации не было зарегистрировано насильственного сопротивления со стороны поселенцев. Оправдала себя психологическая подготовка, которую полицейские и солдаты проходили накануне: было дано указание как можно мягче обходиться с эвакуируемыми и проявлять понимание. Благодаря этому, в частности, имели место лишь локальные столкновения с поселенцами. На следующий день был завершен вывод жителей из Кфар-Даром и Неве-Декалим, в которых солдаты и полицейские получили наибольший отпор. Общественные здания и синагоги стали очагами сопротивления, в них забаррикадировались радикально настроенные элементы. Большинство поселенцев соглашалось эвакуироваться в результате переговоров, но в Кфар-Даром они применили против солдат химические вещества, в результате штурма около 100 человек получили ранения. Правые активисты в центре страны предприняли ряд безуспешных

попыток перекрыть автомагистрали. По обвинению в организации провокаций было арестовано около 1000 человек. Тем не менее военно-политическое руководство выразило удовлетворение быстрым ходом операции и действиями «сил размежевания». За 4 дня из поселений сектора Газа были выведены все жители. По оценкам военных, сопротивление эвакуации начало терять свою силу. А.Шарон заявил, что все инциденты будут расследованы, а нападавшие на солдат будут преследоваться по закону.

Военное руководство не скрывало удовлетворения тем, что процесс размежевания проходит без осложнений. Удалось избежать и обстрелов с палестинской стороны, несмотря на то, что 17 августа противник размежевания на Западном берегу р. Иордан провокационно открыл огонь по палестинским рабочим, убив четырех и ранив двух из них.

Поселения Хомеш и Са-Нур в Северной Самарии считались основным ядром сопротивления. В СМИ сообщалось, что правыми активистами там готовится вооруженное противостояние; отмечалось, что в районах Северной Самарии трудно эффективно предотвращать незаконное проникновение экстремистов[11]. Противники размежевания устраивали диверсии и поджоги, направленные на срыв эвакуации. 19 августа, по данным полиции, был предотвращен планируемый ультраправыми крупный теракт в г. Реховот. Они намеревались взорвать склад с газовыми баллонами в подвалах двух многоэтажных жилых домов.

Тем не менее 23 августа армия и полиция (15 тыс. человек) эвакуировали в течение суток более 2000 поселенцев и их сторонников из Хомеша и Са-Нура. Для ведения переговоров в особо сложных случаях было принято решение допустить в закрытую зону религиозных авторитетов и руководство Совета поселений. Благодаря координации действий удалось избежать насильственного противостояния.

Таким образом, эвакуация более 8000 поселенцев и нескольких тысяч инфильтрантов из сектора Газа и Северной Самарии была завершена относительно безболезненно и в кратчайшие сроки.

Можно констатировать, что поселенческому лобби не удалось ни сорвать план размежевания, ни существенно осложнить его реализацию. Митинги и акции гражданского неповиновения исчерпали людской ресурс сторонников поселенцев. Тем

не менее нельзя недооценивать инерционную силу этого протестного движения, которая может проявить себя в других формах. Сейчас поселенческое движение активно действует в двух направлениях. В первую очередь, это борьба за сохранение компенсаций тем поселенцам, которые были эвакуированы в принудительном порядке (эта инициатива правого лагеря была поддержана А.Шароном). Кроме того, несколько сотен семей эвакуированных продолжают жить в гостиницах и отказываются вести переговоры с Управлением по размежеванию о предоставлении им временного жилья.

Вторым направлением деятельности поселенцев является борьба внутри партии «Ликуд» за недопущение победы А.Шарона в ходе внутрипартийных «праймериз», которую ведут совместно два его конкурента – ушедший в отставку накануне размежевания Б.Нетаньху и У.Ландау. Они пытаются использовать накал страстей вокруг эвакуации поселенцев для извлечения из этого политических дивидендов. Представители Совета поселений и бывшие жители поселений в секторе Газа заявляют о намерении лично принять участие в предвыборной кампании против А.Шарона. Аналитики в этой связи говорят о слабых перспективах победы А.Шарона в собственной партии[12].

Таким образом, за время существования поселенцев они превратились в реальную политическую силу, с которой вынуждено считаться руководство страны. Интересы поселенцев в Израиле защищаются многочисленными общественными и политическими движениями. Несмотря на то, что премьер-министр А.Шарон употребил весь свой политический вес и влияние на реализацию плана размежевания, ему это удалось с большим трудом. Последствия этого шага во внутриполитическом раскладе сил в стране трудно предсказуемы. Уже сейчас отмечается начало жесткой предвыборной борьбы, в ходе которой поселенцы используют все имеющиеся у них ресурсы, чтобы не допустить избрания А.Шарона на вторую премьерскую каденцию. Но негативный заряд, оставшийся у поселенцев после размежевания, может проявить себя и в других сферах внутриполитической жизни в Израиле.

[1] См. выступление А.Шарона на Герцлицской конференции – ноябрь 2003 г. www.herzliyaconference.org

[2] Интервью С.Шалома 1 каналу израильского телевидения 8 февраля 2005 г.

[3] Маарив, Едиот ахаронот, 22.06.2005.
[4] Гаарец, 30.06.2005.
[5] См. Агентство еврейских новостей – www.aen.ru от 8 января 2005 г.
[6] Там же, 10 января 2005 г.
[7] См. сообщение www.sedmoykanal.com от 19 января 2005 г.
[8] Данные приведены по www.cbs.gov.il
[9] Гаарец, 11.08.2005, с. 1.
[10] Маарив, 23.07.2005.
[11] Едиот ахаронот, 19.08.2005.
[12] Маарив, Едиот ахаронот, 25.08.2005.

Н.В.Мохов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АЛЖИРА: ПРИЧИНЫ СТАБИЛЬНОСТИ

Политическая история независимого Алжира достаточно четко разделяется на два, различных с институциональной точки зрения периода. Первый – с 1962 г. по 1988 год – характеризуется стабильностью, однопартийным режимом и относительным признанием населением страны прав правящей элиты на управление страной. Второй же – с конца 80-х годов и вплоть до настоящего времени – отличает наличие элементов демократического политического процесса, наглядным примером которых служат альтернативные президентские и парламентские выборы.

Падение мировых цен на углеводородное сырье (основную статью алжирского экспорта) в середине 80-х годов положило конец состоянию стабильности. Сокращение экспортных поступлений в страну привело к значительному уменьшению доходов, находящихся в распоряжении режима и распределяемых для обеспечения собственного долголетия. Ухудшение валютно-финансового положения вызвало социально-экономический кризис, апогеем которого явились масштабные народные выступления в октябре 1988 года.

После их подавления с использованием армейских соединений алжирский режим был вынужден пойти на реформирование политической и экономической систем. В 1989 г. было разрешено формирование независимых партий. Сокращение валютных доходов при быстром росте населения, отход от идеологии ортодоксального социализма вынудили алжирский режим предпринять попытку создания конкурентной прежним идеалам политической системы. Новая система получила легитимацию в конституции 1989 г. Уже в 1990 г. были проведены альтернативные выборы в местные органы власти, а в 1991 г. прошел первый тур парламентских выборов.

Политическая и идеологическая либерализация вызвали к жизни большое количество новых партий, ассоциаций и движений. Развитие алжирской партийной системы пошло по сценарию, знакомому многим странам, начавшим переход от монолитной однопартийной системы к демократии и политическому плюрализму: количество партий резко увеличилось при порой незначительных различиях в идеологии и программных установках. По состоянию на 14 декабря 1989 г. в стране насчитывалось 12 партий, а в 1991 г. в Алжире уже было зарегистрировано около 60 политических партий[1].

На начальном этапе либерализации сформировалось три основных политических центра. Первый возник на базе уже существующей, а в прошлом единственной политической силы – Фронта национального освобождения (ФНО), который заявил о своем обновлении и превращении в демократическую партию. Однако ФНО продолжал основывать новую идеологию на утверждении своей решающей роли, которую эта партия сыграла в процессе деколонизации, а также в создании основ независимого Алжира. Позднее к ФНО присоединилась еще одна проправительственная партия – Национальное демократическое объединение (НДО). Новая политическая сила со схожими задачами была создана в преддверии первых после остановки избирательного процесса в январе 1992 года[2] парламентских и муниципальных выборов, прошедших в 1997 г.

Кадровый состав созданного объединения формировался из чиновников администрации и функционеров ФНО. Многие члены ФНО переходили в НДО с целью карьерного роста. Учитывая приближенность этой партии к власти, ее административную, нежели буржуазную или региональную природу, НДО часто именуется клоном ФНО.

Второй центр объединил множество партий демократического толка, включив в себя как партии с многолетней историей, находившиеся в оппозиции режиму на протяжении почти 30 лет, так и новые партии, основывающие свою идеологию на стремлении к созданию демократического государства, признанию и уважению прав человека.

К первой категории демократических партий можно отнести Фронт социалистических сил (ФСС), Социал-демократическое движение (СДД), являющееся наследником бывшей Алжирской коммунистической партии (АКП). Эти партии после получения Алжиром независимости выступали против создания

безальтернативной однопартийной системы. Ко второй категории демократических партий можно отнести Объединение за культуру и демократию (ОКД), Партию трудящихся (ПТ), Национальный республиканский альянс (НРА) и Партию алжирского обновления (ПАО).

Третий центр алжирского политического пейзажа составляют движения, основывающие свою идеологию на религиозном базисе, то есть политизирующие ислам. Наиболее авторитетной партией исламистского толка, созданной в соответствии с новыми правилами демократической многопартийной системы, был Исламский фронт спасения (ИФС), использовавший разветвленную сеть мечетей для работы с населением и для формирования своей организационной структуры. Третий центр также не был представлен лишь одной партией. В ряду исламистских движений 1990–2000-х годов присутствовали ХАМАС, ставший впоследствии Движением общества за мир (ДОМ), Нахда и Ислах. После запрета ИФС в 1992 г. другие исламистские партии продолжили свою легальную деятельность, подтвердив приверженность конституционным методам политической борьбы. В частности, ДОМ отличается лояльностью в отношении властей.

Надежды на скорую интеграцию различных политических партий вокруг трех перечисленных центров и на образование демократической трехпартийной системы не оправдались. Сложность интеграции политических сил вокруг базовых полюсов обуславливается наличием серьезных препятствий, связанных прежде всего с особенностями их формирования вокруг политиков, имеющих далеко идущие личные амбиции. Партии создавались вокруг таких лидеров, как Хосин Аит-Ахмед (ФСС), Саид Саади (ОКД), Эль-Хашеми Шериф (СДД), Реда Малек (НРА), Нурдин Букрух (ПАО), Луиза Ханун (ПТ), что в ряде случаев обусловило сложности их объединения в более крупные альянсы на основе общих политико-идеологических платформ.

В некоторых ситуациях личные амбиции приводили к патерналистской и частнособственнической концепции политической партии: партия создается и управляется, как частное предприятие[3]. Многие партии раздирает внутренняя клановая борьба, связанная с амбициями сразу нескольких претендентов на лидерство, а также с различиями в подходах разных внутрипартийных фракций к актуальным вопросам политической жизни Алжира. Безусловно, при таком подходе к понима-

нию роли политической партии отсутствуют условия для формирования прочных союзов и альянсов.

Слабость алжирской партийной системы проявляется и в неспособности партий адекватно представлять интересы различных категорий населения и решать вопросы управления страной путем политического диалога и выработки компромиссных решений. Лишь небольшое количество партий может похвастаться общенациональной репрезентативностью. К ним можно отнести ФНО и НДО, однако обе эти партии обладают серьезными недостатками. Фронт национального освобождения не предлагает жизнеспособного проекта развития Алжира, который мог бы обеспечить решение современных проблем, партия в сознании алжирского населения остается связанной лишь со славным прошлым страны. Национальное демократическое объединение с трудом можно считать полноценной партией, это, скорее, административно-политическое образование, появившееся на свет благодаря политической конъюнктуре второй половины 90-х годов.

По опросу общественного мнения, проведенному Институтом Абасса, 3 алжирца из 4 совершенно не доверяют политическим партиям[4]. По анкетированию, проведенному агентством ACOM, 58,4% населения считает, что оппозиция не играет своей роли[5]. Результаты опроса, представленного в алжирской газете «Эль-Ватан» в канун парламентских выборов 2002 г., свидетельствуют о следующей реакции алжирцев на вопрос: «Будут ли предстоящие выборы честными?» Утвердительно ответили всего 35,5% респондентов, тогда как отрицательно – 38,8%, и 25,7% опрошенных не имеют своего мнения по заданному вопросу[6].

Кабильский кризис, разразившийся весной 2001 г., продемонстрировал слабую репрезентативность и недостаток доверия к таким партиям, как ФСС и ОКД, опирающимся главным образом на берберoязычное население. Требования манифестантов доводились до сведения властей не через эти две партии, а через деревенские комитеты (Координационный совет деревенских комитетов Кабилии), которые, как показала ситуация, обладали большим доверием населения, чем политические партии. Кабильский кризис сам по себе является также наглядным свидетельством слабости алжирской партийной системы.

Одной из главных задач политических партий является постоянный диалог с другими оппонентами власти и с ее исполнительными органами. Целью диалога является формирование курса развития страны и решение актуальных проблем. Отсутствие в Алжире сильных партий, пользующихся широкой поддержкой и доверием граждан, обладающих эффективными методами взаимодействия с исполнительной властью, приводит к ограничению каналов для выражения социально-экономиче-ских требований населения, его взглядов на общественное устройство и проблемы самоидентификации через легальные механизмы демократического процесса. Не находя организованных форм выражения общественной позиции через каналы партий, недовольство населения проявляется в уличных погромах, поджоге административных зданий, противостоянии с подразделениями полиции и жандармерии. На современном этапе развития алжирской политической системы институт партий не в состоянии заменить собой сложившуюся в течение десятилетий форму выражения недовольства через бунт. Практика диалога населения с властью «через улицу» очень распространена в Алжире: манифестации с требованиями, главным образом, социально-экономического характера (иногда и политического) проводятся во многих регионах страны. Среди регионов Алжира абсолютным чемпионом гражданского неповиновения властям, безусловно, является Кабилия (вилайи Тизи-Узу и Беджая).

После остановки в 1992 г. конституционного процесса в Алжире уже дважды состоялись выборы в парламент – в 1997 и 2002 гг. Их результаты, а также та роль, которую партии играют в общественно-политической жизни страны, свидетельствуют о сохранении тенденции к атомизации и фрагментации алжирского партийного поля и его зависимости от решений, навязываемых другими участниками политического процесса (президент, армия, различные кланы, опутавшие сетями государственный аппарат).

По официальным результатам выборов 1997 г. в Национальную народную ассамблею (нижняя палата парламента), электорат составил 16767309 избирателей, из которых приняли участие в выборах 10999139 избирателей (явка – 65,6%). Доля недействительных бюллетеней составила 4,6%. Победило на выборах Национальное демократическое объединение, получившее 156 мест, затем следуют Движение общества за мир (69), Фронт национального освобождения (62), Нахда (34),

Фронт социалистических сил (20), Объединение за культуру и демократию (19), независимые (11), Республиканская прогрессистская партия (3), Союз за демократию и свободы (1), Социал-либеральная партия (1 место). Еще 12 партий, принявших участие в выборах, не получили ни одного места в нижней палате парламента[7].

Необходимо отметить, что НДО и ФНО являются партийными столпами режима, а ДОМ (умеренная исламистская партия) к нему проявляет очевидную лояльность.

По официальным результатам выборов 2002 г. в Национальную народную ассамблею, электорат насчитывал 17981042 избирателя, из которых приняли участие в выборах 8287340 избирателей (явка – 46,09%). Доля недействительных бюллетеней составила 10,66%. Первое место занял Фронт национального освобождения, получивший 199 мест, затем следуют Национальное демократическое объединение (47), Ислах (43), Движение общества за мир (38), независимые (30), Партия трудящихся (21), Национальный алжирский фронт (8), Нахда (1), Партия алжирского обновления (1), Движение национального согласия (1 место). Еще 14 партий, принявших участие в выборах, не получили ни одного места в нижней палате парламента[8].

Важно и то, что более 53% избирателей не приняли участие в выборах, а, по данным некоторых оппозиционных партий, реальная явка составила 26%[9]. Уровень участия населения в выборах 2002 г. свидетельствовал о том, что избранная Национальная народная ассамблея не может претендовать на репрезентативность в масштабе всей страны.

Анализируя результаты парламентских выборов 1997 и 2002 гг., можно отметить явное превосходство партий, приближенных к исполнительной власти (ФНО, НДО, ДОМ), что, безусловно, приводит к формированию управляемой режимом нижней палаты.

Одним из ярких примеров слабости партийного института в Алжире, помимо Кабильского кризиса 2001 г., было противостояние между действующим президентом А.Бутефликой и бывшим премьер-министром и бывшим генеральным секретарем ФНО А.Бенфлисом, конфликт разгорелся в связи с президентскими выборами, состоявшимися в 2004 г.

Президентские амбиции генерального секретаря ФНО и премьер-министра (август 2000 г. – май 2003 г.) А.Бенфлиса привели к серьезному расколу в ФНО, который по результатам

парламентских выборов 2002 г. вернул себе статус главной политической силы страны. Пытаясь опираться на ФНО при формировании и претворении в жизнь предвыборной стратегии в рамках подготовки к президентским выборам апреля 2004 г., А.Бенфлис не пошел на компромисс с действующим президентом А.Бутефликой.

В мае 2003 г. А.Бенфлис был отправлен президентом в отставку с поста премьер-министра без объяснения причин, и на его пост назначен лидер партии НДО А.Уяхья, несмотря на то, что ФНО являлся главной политической силой в Национальной народной ассамблее и значительно превосходил по количеству мест НДО.

Соперничество между А.Бенфлисом и А.Бутефликой, являвшимися основными претендентами на пост президента страны на выборах 2004 г., привело к появлению в ФНО так называемого Движения возрождения, возглавляемого министром иностранных дел А.Бельхадемом и выступающего в поддержку А.Бутефлики. Основной целью этого движения было не допустить выдвижения А.Бенфлиса от ФНО и выступления этой партии как единой политической силы в предвыборной борьбе. Эта цель была достигнута, ибо партийные кадры разделились на две соперничающие группы. Причем в основе мотивации каждой из групп лежали ожидаемые дивиденды от прихода к власти «своего» кандидата.

Переизбранный с подавляющим преимуществом голосов в апреле 2004 г. президент страны А.Бутефлика[10] не опирается в своей политической деятельности на какую-либо партию, а, наоборот, претендует на то, чтобы быть надпартийным лидером, неоднократно заявляя, что он является президентом всех алжирцев. Тем не менее в начале 2005 г. на съезде ФНО А.Бутефлика был избран его председателем.

Становление демократического авторитаризма

После остановки конституционного процесса 11 января 1992 г. в связи с очевидной победой ИФС в первом туре парламентских выборов и ожидаемым приходом к власти исламистов режиму, основной опорой которого по-прежнему была армия, понадобилось пять с половиной лет для нормализации деятельности политических институтов. Последним этапом этого процесса стали выборы в Национальную народную ас-

самблею, прошедшие 5 июня 1997 г., и выборы в местные органы управления, состоявшиеся 23 октября того же года.

После формирования верхней палаты парламента (Совета нации) по результатам выборов в местные органы управления в Алжире был завершен процесс создания политических институтов. Основными этапами этого процесса стали следующие события: проведение Конференции национального согласия – январь 1994 г., назначение Ламина Зеруаля президентом страны – февраль 1994 г., всеобщие президентские выборы – ноябрь 1995 г. (первые альтернативные президентские выборы в истории АНДР)[11], принятие на референдуме новой конституции – ноябрь 1996 г. и, наконец, выборы в Национальное народное собрание – июнь и выборы в местные органы управления – октябрь 1997 года.

Среди основных особенностей принятой в 1996 г. конституции необходимо выделить две, которые играют значительную роль в организации политической власти в Алжире. Во-первых, эта конституция подтвердила нежелание режима иметь сильный оппозиционный парламент, обладающий реальной властью. В отличие от конституции 1989 г. текст нового документа предусматривал создание двухпалатного парламента, то есть появление сената. Две трети нового органа – Совета нации – должны избираться из депутатов Народных собраний коммун и Народных собраний вилай депутатами этих органов местного управления на непрямых выборах путем тайного голосования. Одна треть сената назначается непосредственно президентом страны.

Учитывая конституционный механизм принятия решений Советом нации большинством в три четверти голосов, становится очевидным наличие у президентской трети права вето. Помимо этого, в случае разногласий между палатами парламента по тексту того или иного законопроекта, решающее слово не принадлежит нижней палате парламента – всенародно избранной Национальной народной ассамблее. Законопроект может быть отклонен, если согласительным комиссиям и правительству не удастся выработать компромиссный вариант, который был бы одобрен обеими палатами.

Второй важной особенностью конституции 1996 г. является предоставление чрезвычайно обширных полномочий президенту. Президент избирается всеобщим, прямым и тайным голосованием сроком на пять лет и может быть переизбран лишь один

раз. Он является главнокомандующим всех вооруженных сил страны и занимает пост министра обороны. Президент председательствует в Совете министров, назначает и отправляет в отставку председателя правительства. Президент назначает также управляющего Банком Алжира, судей, вали (губернаторов), руководителей органов безопасности и ряд других должностных лиц. Президент утверждает на должности членов кабинета министров кандидатов, представленных главой правительства. Он обладает правом роспуска нижней палаты парламента. Избранный президент республики не может быть досрочно отстранен от своей должности, кроме случаев недееспособности, вызванной тяжелой и продолжительной болезнью.

Помимо этого, конституция предоставляет президенту исключительные полномочия в сфере нормотворчества – он обладает возможностью подписывать президентские указы, имеющие силу законов, в период парламентских каникул, перерывов между сессиями, во время осадного и чрезвычайного положения, вводимого также президентом. Необходимо добавить, что подписанные во время парламентских каникул и перерывов между сессиями президентские указы выносятся на обсуждение парламента на очередной сессии. Указы, не утвержденные парламентом, в действие не вступают.

Согласно конституции 1996 г. деятельность правительства полностью контролируется президентом республики. На практике премьер-министр в Алжире является одним из чиновников, полностью подотчетных в своей служебной деятельности президенту. Президент активно вмешивается в кадровую политику правительства (даже в отношении достаточно невысоких должностей в государственных учреждениях), в текущее управление, не говоря уже о разработке программы правительства.

Даже при наличии серьезной, казалось бы, поддержки в лице партийной фракции, доминирующей в Национальной народной ассамблее, ограниченность должности председателя правительства сохраняется. В 1998 и в 2003 годах главы правительств, являвшиеся лидерами доминирующих в парламенте партий, были отправлены в отставку без явных на то оснований. Таким образом, председатель правительства не правит, а поддерживает лишь иллюзию управления. Его судьба во многом зависит от клановых интриг и взаимоотношений на вершине государственного аппарата[12]. Глава правительства по-

стоянно рискует стать жертвой обвинений за неудачу реализации президентской программы.

Рассмотрение основных положений конституции 1996 г., определивших правила и механизмы организации политической власти в АНДР, позволяет сделать вывод об установлении в стране авторитарного режима правления с демократическим фасадом. Подобный вывод основывается на непосредственном управлении президентом исполнительной и судебной властью, на контроле над законодательной властью через президентскую треть в сенате и возможность роспуска нижней палаты парламента, а также на прямом контроле над местными органами управления.

Избранный при сомнительных обстоятельствах[13] в апреле 1999 г. А.Бутефлика[14] (бывший министр иностранных дел эпохи Х.Бумедьена) еще больше усилил президентскую власть, начав в августе 2004 г. (после переизбрания на второй срок в апреле того же года) обновление руководящего состава в Национальной народной армии (ННА) АНДР. После ухода в отставку начальника Штаба ННА корпусного генерала М.Ламари (официальная причина – прошение об отставке по состоянию здоровья) начались многочисленные кадровые перестановки сначала среди высшего, а затем и среднего командного состава армии. Кадровые изменения произошли на уровне руководства видами вооруженных сил, военных округов, основных управлений Министерства национальной обороны.

Многие из отстраненных от должностей офицеров долго находились на своих постах (некоторые более 10 лет) и успели «обрасти» связями внутри и за пределами оборонного ведомства. Вовлеченность в систему клановых сетей, опутывающих, помимо военной иерархии, административный аппарат, обусловила формирование и повышение политического веса этих офицеров в алжирском истеблишменте. Влияние военных, традиционно сильное в независимом Алжире, выросло в 90-е годы в связи с обостренной внутриполитической обстановкой, когда основной опорой государства являлась именно армия.

Обновление руководящих кадров ННА обеспечило президенту усиление его роли в алжирском политическом процессе через ослабление альтернативного центра силы, распространявшего свое влияние далеко за пределы непосредственно военной сферы.

Краткий обзор особенностей политической системы Алжира в 1990–2000-е годы свидетельствует о сохранении тенденций и внутренних механизмов его структуры, сложившихся и функционировавших на предыдущем этапе истории страны (до 1988 г.). Этот вывод подтверждает сохранившаяся сильная авторитарная президентская власть (в центре системы), слабое развитие гражданского общества (негосударственных политических институтов и инициатив), не предусматривающее какой-либо жизнеспособной альтернативы на алжирской политической сцене.

Природа алжирской власти

Несмотря на проводимую с 1989 г. видимую либерализацию политической жизни страны, распределение реальной власти находится под пристальным контролем групп, связанных в большей или меньшей степени с армией, соперничающих между собой за влияние на процесс управления страной.

Главной задачей этих групп остается поддержка существующей системы власти, обеспечивающей распределение привилегий и всевозможных рент (помимо нефтегазовой ренты, распределение лицензий на импорт, прав на создание предприятий в доходных секторах экономики и т.д.) между узким кругом представителей своих альянсов и их клиентов. В свете существования и реального действия таких механизмов власти реформы, направленные на либерализацию политической жизни страны по западной модели, являются скорее попытками создания «демократического фасада», соответствующего тенденции общемирового развития и ожиданиям западных партнеров.

Сложившуюся систему по исторической аналогии можно охарактеризовать как систему *власти мамлюков*[15]. Французский исследователь Ж.-П.Шарней определяет современный «мамлюкский режим» как соперничество ненаследственных военных олигархий, не проверяющих непосредственно производственный аппарат, но контролирующих администрацию, которая им управляет, и использующих военную силу, иногда для устрашения, а иногда и прибегая к насилию (октябрь 1988 г., события 1990–2000-х годов), с целью сохранения власти[16]. Подобные механизмы разделения власти в алжирской политической системе, существующие за пределами видимых псевдо-

демократических и псевдо-либеральных процедур, отмечаются во многих исследованиях, изданных в Алжире и за рубежом[17].

Демократический фасад алжирской политической системы выполняет двойную функцию *формальной* легитимации: внутри страны и за ее пределами. В первом случае режим демонстрирует свою законность в глазах внутренних субъектов (население страны, политические партии, общественные организации и т.д.), через созданные государственные институты с внешними атрибутами народного правления. Во втором случае режим показывает свою легитимность в глазах субъектов международной политики (суверенные государства, межгосударственные и надгосударственные организации, неправительственные организации, транснациональные корпорации и т.д.) копируя демократические инфраструктуры западного образца.

Сходство с «мамлюкским режимом» прошлого состоит в выдвижении на высшие посты в государстве людей, сделавших свою карьеру (фактически с нуля) в армии. Спорные и двусмысленные ситуации также решаются в большинстве случаев в пользу военных. Начав свою профессиональную деятельность с простых должностей в военной иерархии, современные «мамлюки» постепенно стали персонажами первого плана алжирской политики.

История независимого Алжира богата такими примерами. В 1962 г. в клановой борьбе за лидерство в только что освободившемся Алжире победил один из исторических вождей революции 1 ноября 1954 г. А.Бен Белла. Необходимо отметить, что в его поддержку выступила самая мощная на тот момент военная сила – так называемая «приграничная армия»[18] во главе с полковником Х.Бумедьеном. По прошествии менее трех лет 19 июня 1965 г. именно армия во главе с тем же Х.Бумедьеном осуществила государственный переворот и пришла к власти. Скоропостижная смерть Х.Бумедьена в результате болезни в декабре 1978 г. привела к ситуации, при которой в очередной раз армия решала проблему преемственности на высшем государственном посту. Два наиболее серьезных претендента на пост главы государства – министр иностранных дел А.Бутефлика и координатор ФНО М.С.Яхяуи проиграли соперничество полковнику Ш.Бенжедиду, который был выбран армией как «старший офицер в самом высоком звании»[19]. ФНО лишь утвердил выбор, сделанный армией. Немаловажен тот факт, что до избрания 7 февраля 1979 года на пост президента

Алжира Ш.Бенжедид не являлся столь заметной политической фигурой, как А.Бутефлика или М.С.Яхяуи. В период с 1964 г. по 1979 г. он занимал должность командующего 2-м военным округом (регион г. Оран) и находился вдали от политической жизни.

Отказ от власти Ш.Бенжедида 11 января 1992 г. в пользу коллегиального органа Высшего Государственного Комитета (ВГК) также был сделан при непосредственном участии военных (министра национальной обороны Х.Незара). В политической элите начала 90-х годов появились новые имена, вышедшие из Национальной народной армии: Х.Незар, М.Туати, А.Генаизия, Л.Зеруаль, М.Ламари. До восхождения этих офицеров на высший уровень военной иерархии их имена не были известны специалистам, наблюдавшим за алжирской политикой. Движение по карьерной лестнице Министерства национальной обороны привело их в большую политику.

В январе 1994 г. при проведении Конференции национального согласия А.Бутефлика уже являлся кандидатом на пост президента страны. Однако он отказался от предложенной должности[20]. В ходе конференции президентом АНДР был назначен генерал в отставке Л.Зеруаль. Приход к власти А.Бутефлики в 1999 г. также связан с активностью групп поддержки в военно-политических кругах, для которых он стал компромиссным кандидатом.

Сохранение значительной роли армии в алжирской политике в конце 90-х и начале 2000-х годов связано с «мистическим» влиянием, которое оказывал начальник Штаба ННА корпусной генерал М.Ламари на политический процесс. Будучи кадровым военным, он превратился в сверхмедиатизированную фигуру политической жизни страны, которой приписывалось решающее слово в таких вопросах, как стабильность президентской власти или право на победу на очередных президентских выборах кандидатов от умеренных исламистских партий[21].

В чем состоит объяснение устойчивости авторитарной политической системы в Алжире при отсутствии институциональной (демократической) легитимации? Несмотря на не оправдавшую себя политику социально-экономического развития и значительное количество проблем, с которыми сталкивается страна (терроризм, берберская проблема, безработица, ост-

рый жилищный кризис, коррупция), алжирский режим не лишен легитимности в глазах населения.

Тесное переплетение факторов политического, социального, экономического и культурно-психологического характера позволяет понять причины стабильности алжирской политической системы, которая, проходя через этапы кризисов (1988, 1992, 1990–2000-е годы), смогла восстанавливаться и воспроизводить свои основные внутренние черты.

Среди этих факторов стабильности можно выделить два, которые оказывают определяющее влияние на сохранение существующего порядка вещей. Первый фактор связан с характерной структурой алжирской экономики (специализация на производстве и экспорте нефтегазового сырья при распределении дохода по каналам государственного аппарата), тогда как второй фактор обусловлен социо-психологическими особенностями алжирского общества.

С точки зрения геосоциологии[22], наличие на алжирской территории высокодоходного, невозобновляемого сырья (нефть и газ) создало благоприятные условия для формирования централизованной и авторитарной власти, которая осуществляла и продолжает осуществлять управление страной за счет контроля над этим ресурсом посредством административного аппарата. Легитимация этой власти осуществляется через распределение в стране доходов, получаемых от экспорта высокодоходного ресурса на мировой рынок. Эта модель обусловила формирование государства-распределителя (или рентного государства) вместо государства-организатора и регулятора (либеральный капитализм) или государства-производителя (плановый социализм без богатой ресурсной базы).

Государственная компания СОНАТРАК является основным инструментом использования алжирским режимом углеводородного сырья, находящегося на территории страны. СОНАТРАК является не просто компанией, а играет роль механизма, благодаря которому государство может позволить себе получить все, что не в состоянии произвести. В среднем 97% валютных доходов Алжир получает от экспорта углеводородного сырья. Импорт оборудования, вооружений, продуктов питания, создание инфраструктуры обеспечивается благодаря доходам от нефтегазового экспорта. Основные доходы бюджета поступают из нефтегазовой сферы (около 60%), государство способно выплачивать трансферты и зарплаты бюджетникам благодаря

нефтегазовым доходам. В свете острой зависимости алжирского государства от конъюнктуры на мировом рынке углеводородного сырья значение компании СОНАТРАК для поддержания социального равновесия и, как следствие, внутриполитической стабильности сложно переоценить.

Значительное увеличение цен на мировом нефтегазовом рынке в 2000-е годы привело к улучшению валютно-финансового и социально-экономического положения Алжира. В 2000 г. Алжир получил от экспорта углеводородов 21,1 млрд. долл. США[23]. Этот год стал рекордным по указанному показателю с начала добычи и экспорта сырья. В 2001 году экспорт нефтегазового сырья составил 18,5 млрд. долларов США[24] (второй по счету рекордный год). Этот показатель продолжил рост вслед за увеличением мировых цен на нефть: 24 млрд. долл. США в 2003 году и 31,5 млрд. долл. США в 2004 году[25]. Улучшение экономической ситуации находит подтверждение при рассмотрении положительной динамики алжирских золотовалютных резервов – 4,4 млрд. долл. США в 1999 г., 11,9 в 2000 г., 18 в 2001 г., 23 в 2002 г., 33 в 2003 г.[26] и 42,3 млрд. долларов США в 2004 году[27] (данные МВФ). Рост доходов алжирского государства приводит к росту доходов граждан вследствие распределения части экспортной выручки через государственные механизмы. Финансовые потоки распределяются не только по таким традиционным каналам, как зарплаты государственным служащим и трансферты, но и через финансирование дефицита нерентабельных государственных предприятий, строительство объектов инфраструктуры, что ведет к сохранению существующих и созданию новых рабочих мест.

Вследствие действия этой системы распределения растет благосостояние населения. По официальным данным, за период с 1999 г. по 2002 год располагаемый доход алжирцев увеличился с 1815 до 2322 млрд. динаров. Доход на душу населения в реальном выражении вырос на 5% с 1997 г. по 2002 год. С 1995 г. по 2004 год минимальная национальная гарантированная зарплата (МНГЗ) выросла с 4 тыс. динаров до 10 тыс. динаров, что составило в реальном выражении увеличение на 55%. Личные потребительские расходы выросли за период с 1999 г. по 2002 год с 1661 до 2020 млрд. динаров[28].

Представленный основной механизм функционирования национальной экономики свидетельствует о зависимости алжирских хозяйствующих субъектов от государства, а не наобо-

рот. Эта зависимость обуславливает легитимацию алжирской нерепрезентативной политической системы исходя из базового принципа, который состоит в контроле государства над добычей и продажей на мировом рынке высокодоходного сырья, а также в последующем распределении экспортного дохода внутри страны.

Ряд авторов[29] справедливо отмечает своеобразные аспекты легитимации политической власти в арабских странах (в частности, в Алжире), вытекающие из традиционности арабского социума. Приверженность патриархальной традиции обуславливает строгое соблюдение принципов социальной иерархии, подразумевающее долг практически абсолютного послушания младшего – старшему, подчиненного – начальнику, женщины – мужчине.

В свою очередь авторитарная социальная структура обуславливает в качестве одного из факторов устойчивость авторитарной политической системы страны. Государственная власть неразрывно связана с личной властью, а не с властью закона, которая характеризует современное государство. Эта система черпает свою легитимность в незыблемости и преемственности патриархальной традиции, которая подразумевает покорность социальному порядку и смирение перед ним. Безусловно, это смирение имеет свои пределы. Традиционность и социальная инерция не дают режиму абсолютных гарантий от возникновения кризисных ситуаций (события октября 1988 г.), которые могут быть спровоцированы очевидной несправедливостью социального порядка и/или действием других факторов (например, резкое и существенное ухудшение материального положения). Однако, несмотря на это, сила традиции в обществе является одним из важных источников легитимности власти в Алжире.

В качестве примеров, подтверждающих традиционную легитимацию власти в Алжире, можно привести стремление групп, участвующих в управлении страной, придать законность формируемым институтам и этапам политического развития (создание ВГК, воссоздание поста президента в 1994 г., поддержка компромиссного кандидата на выборах в 1999 г.) за счет выдвижения на первый план исторических личностей, пользующихся традиционным авторитетом. Такие личности, как М.Будиаф (приглашен к управлению страной во главе ВГК в начале 1992 г.) и А.Бутефлика (вероятный кандидат на пост президента в 1994 г. и компромиссный кандидат на тот же пост в 1999 г.), пользуются уважением в народе и обладают особой

властью ввиду героического прошлого в годы войны за независимость. Популярность А.Бутефлики подкрепляется также громкими успехами на международном поприще в 70-е годы. Этот харизматический руководитель автоматически снимает вопросы легитимности с возглавляемого им института, реальная суть которого остается в тени.

Проведенный анализ свидетельствует об условности демократических процедур, используемых для формирования представительных органов власти, ограничения президентских полномочий и создания гражданского общества в Алжире. Реальную власть по-прежнему делят за пределами конституционной системы. Кланы и группы, сформировавшиеся на основе родственных связей, землячества, отношений, сложившихся в ходе долгих лет совместной службы (в некоторых случаях еще с войны за независимость), находятся в постоянном соперничестве за власть и дивиденды, связанные с ее обладанием. По-прежнему институциональная нестабильность компенсируется значимой ролью армии в политическом процессе, которая выступает гарантом государства и его светского характера (при понимании всей условности светскости алжирского государства лучше говорить о его не-исламистском характере, защищаемом армией).

Политический мир современного Алжира в полной мере соответствует точной и емкой оценке ближневосточных режимов, данной Б.Льюисом: «Средневековая Европа взяла свою религию с Ближнего Востока, в то время как Ближний Восток взял из Европы свою политику. И так же как некоторые европейцы сумели создать христианство без сострадания, некоторые жители Ближнего Востока создают демократии без свободы»[30].

[1] Ghozali Nasser-Eddine. L'Algérie dans tous ses états. De la crise à la démocratie orpheline // Où va l'Agérie? Sous la direction de Ahmed Mahiou et Jean-Robert Henry. Editions Karthala, Paris et IREMAM, Aix-en-Provence, 2001, с. 49.

[2] По итогам первого тура парламентских выборов, состоявшегося 26 декабря 1991 г., победили исламисты, представленные Исламским фронтом спасения, который получил 188 мест, тогда как ФНО получил лишь 16 мест, а Фронт социалистических сил – 25 мест (Benyoub Rachid. L'Annuaire politique de l'Algérie 1999. Edition ANEP, Rouiba, 1999, с. 73.) С целью недопущения прихода исламистов к власти ре-

жим прервал 11 января 1992 г. избирательный процесс, что явилось формальной причиной начала гражданской войны в Алжире.

[3] Ghozali Nasser-Eddine. Op. cit., c. 49.

[4] Le Quotidien d'Oran, Oran, 10.06.2000. Процитировано по Ghozali Nasser-Eddine. Op. cit., c. 50.

[5] El Watan, Alger, 16.04.2000. Процитировано по Ghozali Nasser-Eddine. Op. cit., c. 50.

[6] El Watan, Alger, 22.05.2002.

[7] Benyoub Rachid. Op. cit., c. 98–100.

[8] El Moudjahid, Alger, 31.05.-01.06.2002; Le Matin, Alger, 10.06.2002.

[9] Liberté, Alger, 31.05.-01.06.2002.

[10] Официальные результаты президентских выборов, опубликованные газетой El Watan, Alger, 10.04.2004: А.Бутефлика (83,49%), А.Бенфлис (7,93%), А.Джабаллах (4,84%), С.Саади (1,93%), Л.Ханун (1,16%), Ф.Ребаин (0,64%).

[11] Официальные результаты президентских выборов (Benyoub Rachid. Op. cit., c. 73.): Л.Зеруаль (7088618 голосов «за» – 61%), М.Нахнах (2971914), С.Саади (1115796), Н.Букрух (443144).

[12] В мае 2003 г. премьер-министр А.Бенфлис был отправлен в отставку президентом А.Бутефликой без объяснения причин. По информации алжирской прессы, основной причиной отставки А.Бенфлиса стали его президентские амбиции, которые могли привести его к победе на выборах 2004 г., учитывая то обстоятельство, что он являлся генеральным секретарем ФНО. По заявлению самого А.Бенфлиса, за несколько дней до объявления отставки к нему обратился один чиновник из президентской администрации с предложением отказаться от планов выдвижения кандидатуры на президентские выборы в обмен на сохранение за ним поста премьер-министра после переизбрания А.Бутефлики на пост президента АНДР. Немаловажен тот факт, что правительство А.Уяхьи (преемника А.Бенфлиса) сохранило программу и общий курс, не предложив каких-либо серьезных изменений. Кадровый состав правительства также не претерпел существенных изменений. Основные изменения, произошедшие в мае и сентябре-октябре 2003 г., связаны с заменами министров, поддержавших А.Бенфлиса в его конфликте с президентом А.Бутефликой.

[13] Другие претенденты на президентский пост, допущенные к выборам (шесть кандидатов: Х.Аит Ахмед, А.Джабаллах, Ю.Хатиб, М.Хамруш, А.Талеб Ибрагими, М.Сифи), сняли свои кандидатуры накануне президентских выборов. Основным аргументом для принятия подобного решения послужили сведения об организационной

фальсификации результатов выборов, нацеленной на неминуемую победу А.Бутефлики.

[14] Официальные результаты президентских выборов (Benyoub Rachid. Op. cit., с. 74.): А.Бутефлика (73,79%), А.Талеб Ибрагими (12,53%), А.Джабаллах (3,96%), Х.Аит Ахмед (3,17%), М.Хамруш (3,09%), М.Сифи (2,24%), Ю.Хатиб (1,22%). В связи с тем, что шесть претендентов на пост президента сняли свои кандидатуры 14 апреля 1999 года, а выборы состоялись 15 апреля 1999 года, их фамилии фигурировали в избирательных бюллетенях, и алжирцы имели возможность за них голосовать.

[15] Мамлюки – специально подготовленные рабы, из которых была сформирована армия в Арабском халифате. Как правило, мамлюки были турками, выходцами из Центральной Азии. Со второй трети IX в. постепенно происходит перераспределение реальной власти от халифов в пользу мамлюкской армии, которая могла по своему усмотрению назначать и смещать халифов. Будучи изначально рабами, используемыми арабами для военных и административных целей, они продвигались по военной лестнице и в итоге в связи с увеличением роли армии в обществе выдвигались на главные позиции в государстве. Апогеем этой системы власти является появившийся в середине XIII века мамлюкский султанат, распространивший свою власть на Египет и Сирию вплоть до 1517 года. После укрепления своей власти мамлюки пригласили одного из представителей рода Аббассидов принять титул халифа и обосноваться в Каире. Халиф стал впоследствии высокопоставленным чиновником при дворе султана. Однако он не обладал никакой властью (Lewis Bernard. Les arabes dans l'histoire. Flammarion, Paris, 1993, с. 108, 123, 130, 180, 190).

[16] Charnay Jean-Paul. Frustrations arabes. Tome II. Al-Bouraq, Beyrouth, 1993, с. 96.

[17] Tlemçani Rachid. Etat, bazar et globalisation. Les éditions El Hikma, Alger, 1999, с. 133–143, 170–174; Tlemçani Rachid. Elections et élites en Algérie. Paroles de candidats. Chihab éditions, Alger, 2003, с. 34, 222–237; Mahiou Ahmed. Les contraintes et incertitudes du système politique // Où va l'Agérie? Op. cit., с. 18–22; Ghozali Nasser-Eddine. Op. cit., с. 35–51; Moussaoui Abderrahmane. La concorde civile en Algérie // Où va l'Agérie? Op. cit., ср. 72; Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Институт востоковедения Российской Академии Наук. – М., 1999, с. 128–129.

[18] Вследствие создания французскими властями электрифицированной защитной линии на границах Алжира с Тунисом и Марокко,

получившей название «линия Мориса» в честь французского министра обороны, существенно осложнился переход боевых отрядов Армии национального освобождения (АНО) и поставки оружия и припасов из соседних дружественных стран в Алжир. Одним из результатов создания «линии Мориса» стало формирование относительно мощных и подготовленных подразделений АНО на алжиро-тунисской и алжиро-марокканской границах, которые не могли беспрепятственно проникать на алжирскую территорию. К концу войны численность этих формирований, получивших название «приграничная армия», составила 21 тыс. в Тунисе и 15 тыс. в Марокко. В декабре 1959 г. создан Генеральный штаб АНО, управление которым было поручено полковнику Хуари Бумедьену. В течение войны «приграничная армия» превратилась в организованную, дисциплинированную и хорошо вооруженную силу.

[19] Stora Benjamin. Algérie. Histoire contemporaine 1830–1988. Casbah Editions, Alger, 2004, c. 296.

[20] Tlemçani Rachid. Elections et élites en Algérie. Paroles de candidats. Chihab éditions, Alger, 2003 c. 46.

[21] Интервью начальника Штаба ННА корпусного генерала М.Ламари французскому журналу Le Point, воспроизведенное газетой Liberté, Alger, 17–18.01.2003.

[22] Подход, обуславливающий географическими особенностями формирование на определенной территории социальной структуры, выработку социальными группами стратегий, создание общественных альянсов. Например, в богатых природными ресурсами арабских странах режимы не имеют склонности создавать и соблюдать законодательство, стимулирующее производственную деятельность, а обеспечивают сохранение власти за счет контроля над высокодоходным сырьем. Этим обстоятельством в значительной мере (хотя и не только) обуславливаются характерные особенности режима, а также проводимая им политика и господствующая идеология.

[23] El Watan, Alger, 13.08.2002.

[24] Ibid.

[25] El Watan, Alger, 24.01.2005.

[26] Jeune Afrique, No 2258, Paris, 18–24.04.2004.

[27] El Watan, Alger, 30.01.2005.

[28] El Watan, Alger, 21.10.2003.

[29] Среди которых Х.Шараби, С.Амин, Б.Льюис, М.Аркун, Х. Баракат, Б.Корани.

[30] Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. – М.: Олимп бизнес, 2003, с. 170.

А.Шелест, П.Синовец

ПОЗИЦИИ США И ЕС ОТНОСИТЕЛЬНО РЕШЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗНОГЛАСИЯ

Ближний Восток всегда был зоной конкуренции больших государств. Богатый на природные ресурсы и геостратегически важный, этот регион неизменно притягивал разные силы. А принимая во внимание конфликтогенность Ближнего Востока, конкуренция государств нуждалась в дополнительных усилиях и специфических подходах, ведь в определенное время выигрывал именно тот, кто мог предложить лучший вариант решения той или иной кризисной ситуации. После окончания «холодной войны», а также потому, что Россия уже не могла играть ту же роль, которую играл СССР, в регион возвращается традиционный влиятельный актор – Европейский Союз, уже не в качестве разрозненных колониальных государств, а как единая сила, способная конкурировать с США.

В конце XX – начале XXI вв. в регионе Ближнего Востока насчитывалось большое количество кризисных ситуаций и конфликтов, многие из которых дестабилизировали ситуацию не только в одной стране, но и во всем регионе, и даже мире. США и Европейский Союз не остались в стороне от этих процессов, стараясь влиять на кризисные ситуации и быть посредниками в решении конфликтов. В этой статье мы рассмотрим лишь некоторые из них, те, которые имеют наибольшее значение и продолжают дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке, а также отношения между Соединенными Штатами и Европейским Союзом.

Реакция в Америке и Европе на события 11 сентября 2001 года наглядно иллюстрирует парадокс, характеризующий трансатлантические отношения в начале XXI в. Расхождения, которые были ранее, вдруг оказались незначительными; возникло ощущение общности ценностей и идентичности. Однако всего несколько месяцев спустя период эйфории в отношениях между

США и Европой закончился. Расхождение в позициях, а именно в вопросе о том, как быть с регионом Ближнего Востока, – слишком большое, чтобы его спрятать. Как следствие этого, перспективы общей стратегии по предотвращению конфликтов на Ближнем Востоке, решение других кризисных ситуаций выглядят довольно противоречивыми.

Разногласие в ближневосточной политике не является чем-то новым для трансатлантического партнерства. Палестино-израильский конфликт, перспективы членства Турции в ЕС, санкции против Ирака и Сирии, Иранская ядерная программа – все это известные примеры. Кроме расхождений в установках относительно необходимости войны и каким образом возможно достичь мира, существуют расхождения и в интересах этих двух акторов на Ближнем Востоке. В США события 11 сентября 2001 года привели к тому, что борьба с терроризмом оказалась занесенной в четко сформулированный список интересов, где, в частности, значится неограниченный доступ к источникам энергоснабжения и обеспечение своих стратегических позиций в регионе. Сугубо реалистичная политика, основанная на непосредственных интересах, общественной мысли и военной силе, привела к внешней политике, сосредоточенной на «твердых вопросах безопасности». Содействие правам человека, демократии и экономическому развитию находятся на втором месте, значительно отставая от приоритетов первой позиции. И в основном положения этого списка относились именно к региону так называемого «Большого Ближнего Востока».

В то же время спектр европейских интересов более широк. Географическая близость повышает значение «мягких вопросов безопасности», таких как экономическая нестабильность, торговля наркотиками, международная преступность и ухудшения экологии. Европейский Союз тесно связан с Ближним Востоком посредством государственных и частных инвестиций, международной торговли и европейско-средиземноморского партнерства. По мнению издателя *Oxford Business Group* в Румынии Джозефа Н.Йекли, такая широкая перспектива добавляет полутона в картину, которую президент Буш предпочел бы рисовать черно-белыми красками. Во всяком случае, в этом русле выдержана его речь от 20 сентября 2001 года перед Конгрессом, в которой он предоставил миру две возможности: «Или вы за нас, или за террористов»[1].

Великобритания, Франция, Италия и Германия сегодня проявляют большой интерес к региону Ближнего Востока. Однако их активность далека от активности США. В наше время Вашингтон последовательно осуществляет планы реализации американских политических, экономических и военно-стратегических целей. По мнению российского исследователя В.П.Юрченко, США уделяют первоочередное внимание обеспечению гарантированного доступа к финансовым и энергетическим ресурсам ближневосточных и североафриканских стран, и именно с этих позиций, на его взгляд, необходимо рассматривать войну в Ираке против режима С.Хусейна и последующие шаги американской администрации по закреплению своих позиций в Ираке, а также позицию США по ближневосточному урегулированию[2].

Как подчеркивается в документе «Стратегия безопасности США на Ближнем Востоке» (1995), представленном Пентагоном, «центральным компонентом стратегии США на Ближнем Востоке является сохранение и расширение возможностей для защиты наших интересов при использовании военной силы. Одним из аспектов деятельности в этом направлении и основным подтверждением нашей готовности к выполнению обязательств относительно сдерживания региональных агрессоров является присутствие здесь в мирное время морских, военно-воздушных и сухопутных сил США». Такая позиция четко очерчивает методы, которыми США готовы защищать свои национальные интересы в регионе.

Позиция Европейского Союза менее конкретна. С одной стороны, все еще крепки постколониальные связи Европы со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Ближневосточный регион географически и исторически довольно близок к Европе. Однако создается впечатление, как будто европейцы не знают, надо ли им вообще и каким образом влиять на происходящее в этом регионе. Продолжительный ближневосточный конфликт настолько многопланов, что при желании влиять на него или, тем более, достичь умиротворения сторон, необходимо в полной мере использовать все свое влияние и возможности. Взрывоопасные этнические и религиозные разногласия, борьба за природные ресурсы, а также нестабильные политические системы являются тем опасным потенциалом, который может угрожать, в том числе, именно европейским соседям[3].

Одной из основных и наиболее продолжительных зон разногласий и конкуренции США и ЕС на Ближнем Востоке стал

арабо-израильский конфликт. Европа и Америка редко выступали на Ближнем Востоке единым фронтом. Начиная с 1990 года трансатлантическая трещина в ближневосточной политике только увеличивалась. Коренным образом изменились и комплексные, тесно переплетенные отношения между США, Европой, Израилем и палестинцами. Особенно это касается американо-израильских отношений: после завершения конфликта между Востоком и Западом Израиль перестал быть незаменимым партнером США в борьбе против «экспансионистских намерений Советского Союза на Ближнем Востоке». В результате распада Советского Союза США получили большую свободу действий в регионе. Американская ближневосточная политика всегда представляла собой своего рода «шпагат». Существовал фундаментальный конфликт целей: с одной стороны, «союз» с Израилем, с другой, необходимость проявлять заботу об отношениях с арабскими странами для поддержания западных нефтяных интересов. Этот конфликт целей обуславливал большую заинтересованность США в надежном урегулировании арабо-израильского конфликта. При этом мирный процесс был не только предметом, но и главным инструментом американского влияния на Ближнем Востоке. Сегодня значение Израиля как обязательной опоры американской ближневосточной политики уменьшилось. Хотя Вашингтон традиционно рассматривал себя как «честного маклера» в мирном процессе на Ближнем Востоке, симпатии американцев явным образом принадлежали Израилю. Но, по мнению старшего научного сотрудника Центра прикладных политических исследований в Мюнхене Томаса Полсена, положение изменилось. Учитывая цели Вашингтона в регионе, эта страна временами становилась для США даже бременем[4].

Если атмосфера между США и Израилем в свое время ухудшилась из-за твердой позиции премьер-министра Нетаньяху, то это тем более справедливо для отношений между Европейским Союзом и Израилем. Их важнейший структурный признак – асимметрия между экономикой и политикой. С одной стороны, существуют хорошо развитые экономические связи: Европа – важнейший торговый партнер Израиля. Кроме того, Израиль имеет облегченный доступ к внутреннему рынку Европейского Союза. С другой стороны, Европейский Союз постоянно занимал в конфликте Израиля с палестинцами позицию, в корне отличную от израильской, – члены Европейского Союза

постоянно заявляли, что не готовы рассматривать Иерусалим как столицу Израиля. Уже 1 мая 2005 года США отклонили предложение Евросоюза предоставить палестинскому лидеру Махмуду Аббасу гарантии, согласно которым в рамках палестино-израильских переговоров Иерусалим должен рассматриваться как столица двух государств – Израиля и Палестины[5]. ЕС признает израильскую потребность в безопасности, но независимо от этого высказывается за создание палестинского государства и резко подвергает критике израильскую политику строительства поселений на оккупированных территориях. Из-за этих принципиальных расхождений Израиль не признает ЕС в качестве объективного и беспристрастного партнера в переговорах по мирному процессу. Но и здесь действует то же самое правило, что и с арабскими странами: ухудшение политического климата не оказало фактически никакого влияния на экономические отношения.

В то время, как баланс американо-израильских и европейско-израильских отношений, по меньшей мере, амбивалентен, отношения палестинцев с США и Европой в конце 90-х гг. XX в. улучшались. Арафат продемонстрировал Западу свою надежность как партнер по сотрудничеству. С американской точки зрения, палестинская сторона выполнила свою часть соглашения, достигнутого в Уай Ривер в 1998 г., Арафат уступил ради Америки и Европы, в частности, по вопросу создания государства и отказался после 4 мая 1999 г. от одностороннего провозглашения независимой Палестины. Тогда палестинцы получили гарантии как от Европы, так и от США. Президент Билл Клинтон заверил в письме, что они могут «как свободные нации определять свое будущее в собственной стране». В марте 1999 года на саммите Европейского Совета в Берлине было подтверждено «твердое и неограниченное право палестинцев на самоопределение, включая возможность создания государства»[6].

Необходимо констатировать, что после авантюры с Суэцким каналом в 1956 году европейцы не играли доминирующей роли ни на одном из этапов конфликта между Израилем, палестинцами и соседними арабскими государствами. На сегодня Европа очень заинтересована в мирном урегулировании конфликта на Ближнем Востоке. Это уже не постколониальная политика, как когда-то в 1956 году. И вдобавок сегодняшние европейские интересы сильно связаны между собой. Тем не менее необходимо принимать во внимание наличие разных пози-

ций внутри самого ЕС для определения сферы действия европейцев, которая возникает в результате объединения этих интересов. Европейский Союз имел ряд возможностей для собственного позиционирования накануне, во время и после войны в Персидском заливе 1991 года. Однако довольно энергичная позиция американцев, представлявших коалиционные военные действия против Саддама Хусейна, в политическом плане была почти исключительной заслугой США, отсутствие решительности относительно форм и методов участия европейцев в послевоенном развитии уже в самом начале свело европейское влияние на нет. Новой возможностью для Европейского Союза стали план «Дорожная карта» и активная работа в рамках «четверки» (США, ЕС, Россия и ООН). «Дорожная карта» представляет собой поэтапный план с четко обозначенными целями и сроками, который бы позволил достичь мира в течение двух лет. Она также предусматривает определенные мероприятия по установлению взаимного доверия. План был совместно разработан Соединенными Штатами, Россией, Евросоюзом и ООН в 2002 году. После консультаций с Израилем и Палестинской Национальной Администрацией в него были внесены правки. Одним из условий успешного выполнения «Дорожной карты» был вывод израильских поселений и войск из сектора Газа. Соединенные Штаты считают, что Израиль не обязан оставлять всех оккупированных территорий. Противоположную позицию занимает Европейский союз. Со своей стороны представители ЕС неоднократно подчеркивали, что выход Израиля из сектора Газа недостаточен и должен стать частью реализации плана «Дорожная карта».

В зависимости от занятой позиции различные европейские государства склонны к разным интерпретациям: Франция, традиционно поддерживающая тесные контакты с арабским миром, занимает скорее дружескую позицию по отношению к палестинцам, связывая это с реально существующими экономическими интересами в соседних с Израилем арабских государствах. Германия относит к своим государственным интересам готовность в любое время выступить для защиты права Израиля на существование (комплекс исторической вины). Поэтому для Германии немыслимо излишне критически относиться к оперативной политике Израиля относительно палестинцев. В свою очередь британцы, обладавшие мандатом на управление Палестиной, имеют в распоряжении собственное видение

ситуации, которое вытекает из исторического опыта. Италия неоднократно демонстрировала готовность уступить палестинскому террору и скорректировать свою позицию. Таким образом, у европейцев сформировались разные позиции относительно данного конфликта. И эти расхождения, по мнению эксперта по вопросам обороны, депутата Немецкого Бундестага Кристиана Шмидта, делают их «миротворцами второго сорта». Европейская позиция колеблется между чрезвычайно дружеским относительно палестинцев заявлением Европейского Совета в Венеции в 1980 году и решением Европейского Совета в Ессене в 1994 году, согласно которому Израилю предоставлялся «привилегированный статус» в отношениях с Европейским Союзом. Кроме того, на нее дополнительно влияют (преимущественно французские) заявления о необходимости занять позиции, способные воспрепятствовать или хотя бы снизить доминирование американцев в процессе урегулирования конфликта. В своей работе европейцы должны стремиться к тому, чтобы им доверяли наблюдать за конфликтом и комментировать события с учетом позиций не одной, а всех сторон, которые принимают участие в нем.

Во всяком случае, постановка вопроса о том, какую роль могут играть европейцы на Ближнем Востоке в будущем, должна ориентироваться на другое качество участия, чем просто предложение добрых услуг и посредничества. При этом здесь принимаются во внимание не такие акции, которые именно благодаря отсутствию собственных интересов являются элементами конструктивной альтруистской внешней политики. Норвежская инициатива, которая привела к процессу мирного урегулирования в Осло, оказалась для конфликтующих сторон настолько интересной потому, что Норвегия самая по себе не могла занять относительно них доминирующей позиции. Осло 1993 года является, так сказать, противоположностью Кэмп-Дэвиду 2000 года, где расхождения старался уладить сильный «хозяин дома»[7]. Европейский Союз воспринимается как более нейтральная сторона в конфликте, в частности, такая, что не имеет откровенных экспансионистских намерений. Тем более, что именно арабские страны имеют более положительные отношения с ЕС, чем США, и находятся в постоянном диалоге с европейскими столицами. Некоторое недоверие из-за этого вызывают действия ЕС у Израиля, который неоднократно предъявлял обвинения Брюсселю в потакании арабским стра-

нам. Но, как показала практика, действия ЕС более прогнозируемы и менее радикальны, чем США, что повышает уровень доверия к его политике. Поэтому более активная и решительная позиция Европейского Союза на Ближнем Востоке имела бы шансы на значительный успех и высокий уровень доверия среди стран региона. В 1995 г. израильский премьер-министр Ицхак Рабин даже дал понять, что целиком может себе вообразить присутствие на Голанских высотах европейских и даже немецких миротворческих сил. Однако сам Европейский Союз оказался не готовым к такому приглашению. Даже среди миротворцев ООН, которые присутствуют на Ближнем Востоке, из стран ЕС представлены лишь Австрия, Польша и Словацкая Республика.

Интересным примером расхождения взглядов США и ЕС стала ситуация вокруг иранской проблемы. Впервые Европейский Союз четко заявил о своей позиции в июле 2002 года, когда Глава Комитета по иностранным делам и правам человека Европейского парламента Э.Брок сказал: «Хотя ЕС и США являются союзниками, их позиции относительно Ирана существенным образом расходятся»[8]. Собственно, в 2002 году иранский вопрос еще не отличался высоким уровнем напряжения, впрочем, ровно через год он остро встал на повестку дня, и тогда «особая позиция ЕС» превратилась в дополнительный камень преткновения в американо-европейских отношениях. Основной причиной стала ядерная программа Исламской Республики Иран, которая до конца 2002 года хотя и была предметом определенной обеспокоенности США, однако не стояла среди первоочередных вопросов безопасности для Вашингтона.

Ситуация начала изменяться в 2003 году, когда в ходе дополнительных проверок МАГАТЭ на иранских ядерных объектах выяснилось, что Исламская Республика начала интенсивный процесс создания инфраструктуры полного ядерного цикла, о чем МАГАТЭ не было проинформировано. 10 ноября 2003 г. генеральный директор МАГАТЭ М.Эльбарадей выступил с докладом, в котором привел определенные факты ядерной деятельности Ирана, что вызвало озабоченность у членов организации[9]. Речь, в частности, шла о создании возможностей для развития военной ядерной программы Ирана. С этого момента можно говорить о появлении в евроатлантическом сообществе двух линий относительно «иранского вопроса».

Позиция США всегда определялась критериями максимальной твердости. Впрочем, американская политическая элита, вероятно, и не могла бы предложить другого подхода, учитывая исторически сформированную конфронтацию между государствами. Так, если до 1979 года Вашингтон и Тегеран считались стратегическими партнерами, то Исламская революция превратила их в отчаянных врагов. Даже с учетом определенной либерализации исламского режима, которую аналитики отмечали с приходом к власти в 1995 г. президента М.Хатами, риторика американо-иранских отношений оставалась неизменной. В 1998 году министр обороны ИРИ А.Шамхани заявил: «Оборонная стратегия Ирана направлена на сохранение иранского территориального единства, защиту иранских интересов… а также сдерживание угроз… Основная угроза исходит от США и Израиля…»[10].

Со своей стороны США последовательно проводили антииранскую линию. В 1980-е годы ИРИ вместе с Сирией и Ливией были включены Государственным департаментом США в список государств-спонсоров терроризма. В 1990-е американская политика «двойного сдерживания» в Персидском заливе, фактически ставила целью свержение авторитарных режимов в Иране и Ираке[11]. Последовательность этой политики была продемонстрирована США в 2003 г. в Ираке, тогда как ее важной концептуально-юридической основой стала «Стратегия национальной безопасности США» от 2002 г. Согласно ее положениям, «маловероятно, что сдерживание, основанное лишь на угрозе отплаты, сработает против более предрасположенных к риску лидеров «государств-изгоев», которые способны поставить на карту жизни своих соотечественников и благосостояние народов», а потому, исходя из положения «о неминуемой угрозе», США, в случае необходимости, обратятся к превентивным действиям». Список «государств-изгоев» к тому времени возглавляли Иран и Ирак, которые, согласно документу, становились основным объектом «активного сдерживания США»[12].

Эскалация напряжения вокруг ядерной программы Ирана дала новое дыхание американским внешнеполитическим инициативам относительно этого государства. Так, в 2004 году Конгресс США принял резолюцию № 398, призывающую правительство США «использовать все соответствующие средства для сдерживания и предотвращения Ирана от получения ядерного оружия».

Откровенно о возможности решения вопроса военными средствами Вашингтон заявил 24 января 2005 года, когда президент США Дж.Буш в своей инаугурационной речи сказал, что не исключает возможности применения силы против Исламской Республики, если та не прекратит развитие ядерной программы[13]. Это заявление вызвало широкий общественный и международный резонанс, что заставило США немного смягчить свою позицию: Госсекретарь К.Райс назвала военный вариант «чрезвычайной мерой». Что же касается настоящих требований США, то они настаивают на передаче «иранского дела» в Совет Безопасности ООН, чему до определенного времени препятствовали европейские страны.

Государства Европейского Союза, а именно Франция, Великобритания, Германия и Италия длительное время относились довольно пассивно к существованию ядерной программы Ирана, отдавая преимущество сотрудничеству в отдельных сферах открытой конфронтации. Это в значительной мере было обусловлено реальной экономической заинтересованностью этих государств в сотрудничестве с Исламской Республикой, ведь известно, что часть Франции, Германии и Италии составляет 77% всего объема торговли ЕС с Ираном, Великобритания же никогда не скрывала своего стремления опередить американские компании на энергетическом рынке Каспия за счет иранского рынка. В целом же руководство ЕС намного больше, чем администрация Буша, склонно было к диалогу с Ираном в рамках МАГАТЭ. До этого года ЕС выступал против передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН и применения международных санкций против этого государства. Такая позиция позволила ЕС играть ключевую роль посредника в отношениях между Ираном и Соединенными Штатами и даже нередко сопровождалась заявлениями иранского руководства о внесении раскола в атлантическую солидарность.

В американской политической мысли, однако, в противоположность этой точке зрения, звучала альтернативная – и ЕС, и США преследуют общую цель путем старой доброй игры «хороший полицейский – плохой полицейский», где США досталась роль последнего. Но те же самые исследователи с горечью отмечали, что в таком случае Европа не придерживается правил игры, где оба полицейских должны иметь общие интересы. Так, если для США лучшим вариантом было бы свержение политического режима и полнейшее лишение

Ирана ядерных технологий, то ЕС всегда обнаруживал готовность к сотрудничеству с нынешним режимом, «забыв о правах человека в обмен на нефтяное соглашение или прибыльное соглашение по лицензиям»[14]. Единственным условием ЕС стало ограничение доступа Тегерана ко всем компонентам ядерного топливного цикла. В противоположность американской позиции «европейская тройка» (Великобритания, Франция и Германия) решительно отказывалась от передачи «иранского дела» в Совет Безопасности ООН и применения международных санкций против государства. Таким очевидным компромиссом можно считать Парижские соглашения, подписанные 14 ноября 2004 года между ИРИ и «европейской тройкой». Согласно им, ЕС давал обязательство предоставить Исламской Республике Иран ряд торгово-экономических преференций в обмен на прекращение процедуры обогащения урана. При этом Иран оставлял за собой право на исследовательскую деятельность в рамках ядерной программы, под которой имелось в виду сооружение тяжеловодного завода в Араке, а также заявлял о том, что мораторий на обогащение урана будет зависеть от «состояния переговоров» с «европейской тройкой»[15].

Время, однако, подтвердило, что позиция ЕС, несмотря на всю свою гибкость, довольно четкая. Сообщение о возобновлении процедуры обогащения урана, которое Иран сделал 23 августа 2005 г. завело переговоры в глухой угол, что способствовало переходу европейцев к более радикальным действиям. С этого времени началось прогрессирующее ухудшение отношений между европейцами, традиционными посредниками в иранском вопросе, и Исламской Республикой Иран – угроза передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН стала для Тегерана реальной как некогда.

Известно, что предложение президента Ахмадинеджада, сделанное в Нью-Йорке на сентябрьском саммите ООН о возможности передачи иранской атомной энергетики под контроль международного сообщества при участии ЕС, России, Китая и ЮАР не встретило поддержки ЕС. «Предложение стало большим разочарованием», – заявил министр иностранных дел Великобритании Джек Стро. «Это было всем, чем угодно, только не полезным шагом», – поддержал его немецкий коллега Йошка Фишер[16]. Вопреки ожиданиям Тегерана, 20 сентября Совет управляющих МАГАТЭ разработал резолюцию по «иран-

скому вопросу», в которой предъявил жесткие требования к Ирану. Среди ее главных пунктов фигурирует необходимость окончательного прекращения процедуры обогащения урана и отказ от сооружения тяжеловодного реактора в Араке. Главнейшим пунктом, который заставил Тегеран говорить о предательстве Парижских соглашений со стороны ЕС, стала рекомендация передать «иранское досье» на рассмотрение СБ ООН[17]. Одновременно трансатлантическая солидарность, возникшая вновь, лишний раз продемонстрировала исключительно тактический характер расхождений между Америкой и Европой, которые предпочитают совместно решать проблемы стратегической важности. Сегодня перспектива появления нового ядерного государства представляется для НАТО именно такой проблемой, несмотря на разный уровень гибкости партнеров.

Очередной проблемой Ближнего Востока, в которой США и ЕС продемонстрировали собственные позиции, стал сирийско-ливанский кризис, причем здесь, как и в «иранском кризисе», политика Европейского Союза со временем подверглась определенной трансформации, как под давлением непосредственных обстоятельств, так и вследствие дипломатической игры трансатлантического партнера.

Значительное ухудшение американо-сирийских отношений произошло сразу же после начала американской военной операции против Ирака, которую сурово осудил сирийский президент Б.Асад. 11 декабря 2003 года Конгресс США принял «Закон об ответственности Сирии», согласно которому на эту страну были наложены экономические санкции. В комментариях Дж.Буша относительно причин принятия этого закона Сирия была обвинена в «поддержке терроризма, продолжении оккупации Ливана, разработке ОМУ и ракетных программ, а также подрыве международных усилий США по стабилизации и реконструкции Ирака…». 11 мая 2004 г. против Сирии были введены экономические санкции, а со временем начата кампания, направленная против присутствия сирийского контингента в Ливане и вмешательства Дамаска во внутриполитическую ситуацию этого государства.

Так, комментируя назначение О.Караме на должность премьер-министра Ливана вместо Р.Харири, заместитель Госсекретаря США Р.Армитадж заявил: «Новое ливанское правительство сформировано в Дамаске, что является нарушением резолюции СБ ООН 1559».

8 марта 2005 г. подкомитет по делам Ближнего Востока Палаты представителей Конгресса США предложил проект «Закона об освобождении Ливана и Сирии», который обязывает Соединенные Штаты воспрепятствовать Сирии «финансировать или предоставлять любую помощь… террористическим организациям, разрабатывать ОМУ, продолжать оккупацию Ливана и вмешиваться в деятельность ливанского правительства, что противоречит резолюциям СБ ООН 425 и 426 (1978), 520 (1982), 1559 (2004)».

Главным инструментом деятельности США стали экономические рычаги, такие как запрет экспортно-импортных операций, ограничение кредитов Сирии со стороны влиятельных международных финансовых организаций. Сирия итак не имела большой прибыли от отношений с Соединенными Штатами, она мало что потеряла от экономических санкций Соединенных Штатов, так как годовой товарооборот между Сирией и США составлял в 2003 году лишь 300 млн. долл. США. Согласно данным американского бюро статистики, экспорт США в Сирию составил в 2002 году всего 274 млн. долл. США, а импорт только 169 млн. долл. США. Для сравнения торговля с Иорданией составила: экспорт – 404 млн. долл. США и 412 млн. долл. – импорт. Приблизительно половину товарооборота составляют продукты питания, которые не подпадают под санкции. Согласно анализу Американской торгово-промышленной палаты, от санкций пострадали лишь некоторые американские компании, работающие в Сирии в нефтяной области. Ведь американские санкции касаются лишь контактов с американскими предприятиями. В том же самом декабре 2003 года Бразилия заявила о своем желании активизировать сотрудничество с Сирией в нефтяной сфере, а Европейский Союз провозгласил о новом соглашении по развитию сотрудничества с Сирией.

Фактически сделав Сирию страной-изгоем, Буш помог осуществить одну из целей внешней политики Израиля: обезопасить американскую помощь путем ослабления своих недружеских соседей. В дополнение к этому путем обвинения Сирии в незаконной разработке оружия Израиль переключил внимание от своих собственных ядерных арсеналов. Действительно, Сирия неоднократно старалась представить израильское ядерное оружие как угрозу стабильности в регионе. 29 декабря 2003 года в резолюции Совета Безопасности ООН Сирия призвала создать зону, свободную от ядерного оружия в реги-

оне Ближнего Востока. При этом в Акте ответственности Сирии чрезмерно много ссылок на сирийскую разработку оружия. Кроме того, парадоксальным является факт, что в тексте «Акта об ответственности Сирии и суверенитете Ливана» есть такой пункт: «Правительства Ливана и Сирии должны начать серьезные безоговорочные двусторонние переговоры с Правительством Израиля для реализации полного и постоянного мира». Этот пункт никак не вписывается в основную концепцию Акта, но четко подтверждает мотивы принятия Акта и его авторов. Кроме того, существовала угроза, что это вызовет раздражение в арабском мире, который и так отрицательно относится к США после вмешательства в Ирак.

Вместо того, чтобы поблагодарить Сирию за помощь в борьбе с терроризмом после 11 сентября, США приняли Акт ответственности, обозначив его как инструмент усиления внешней политики США. Кроме того, наложив на Сирию санкции, США теряли очень ценную информацию, которую предоставляли сирийские спецслужбы для борьбы с терроризмом, притом, что в 2001 году Сирия заняла проамериканскую позицию. Проект закона также предусматривал готовность США «прилагать усилия для восстановления суверенитета Ливана, включая немедленный вывод сирийских войск из Ливана, укрепление ливанского гражданского общества…» Также президент Буш во многих своих выступлениях относительно ситуации в Ливане требовал разоружения «Хизбаллы» и ее преобразования в политическую партию. Впрочем, учитывая то, что практически все ливанцы не одобряют этого, в последнее время заявления американского президента стали значительно более умеренными.

Что касается европейских стран, то их позиция по сирийско-ливанскому кризису на протяжении последних лет подверглась значительной эволюции – от поддержки Дамаска до дистанционирования от него. Так, в середине 2003 года комиссар ЕС по вопросам внешней политики К.Патен, находясь в Дамаске, утверждал, что американские санкции против Сирии не касаются отношений европейских государств с Дамаском, и отмечал наличие расхождений между трансатлантическими партнерами относительно американских законов, которые действуют вне границ США.

В декабре 2003 г. вопреки закону Соединенных Штатов о санкциях против Дамаска, Еврокомиссия подготовила проект

соглашения о партнерстве с Сирией, который был парафирован в Брюсселе 19 октября 2004 года. Однако после решения о продлении полномочий президента Ливана Э.Лихуда и, в частности, после убийства Р.Харири ситуация существенно изменилась. Во время встречи, состоявшейся в начале марта в г. Блюмберг на севере Германии, Ж.Ширак и Г.Шредер обсудили «сирийскую проблему» и выдвинули требование скорейшего вывода сирийских войск из Ливана и проведения международного расследования обстоятельств убийства Р. Харири. 16 марта 2005 г. министры иностранных дел ЕС во время встречи в Брюсселе обнародовали общее заявление по сирийско-ливанскому кризису, в котором также призвали Сирию как можно скорее вывести свои войска и подразделения разведки из Ливана согласно резолюции СБ ООН 1559. Министры ЕС высказали надежду, что О. Караме в ближайшее время сформирует правительство, которое «будет действовать в интересах всех ливанцев». Комиссар ЕС по внешним связям Б.Ферреро-Вальднер подчеркнула готовность Европейского Союза помогать Ливану в процессе подготовки к честным и прозрачным выборам, что исключит внешнее вмешательство. Кроме того, 10 марта Европарламент принял резолюцию, классифицирующую ливанскую партию «Хизбалла» как террористическую организацию.

Позиция ЕС существенно эволюционировала на протяжении последних лет, так как европейцы проявили определенную солидарность с американскими инициативами в регионе. Последним событием, расставившим все точки над «i», стало заседание СБ ООН, во время которого сирийские спецслужбы были обвинены в подготовке убийства Р.Харири, а Дамаск обязали передать виновных для допросов независимому расследованию.

Иракский кризис 2002–2003 гг. еще раз продемонстрировал концептуальные расхождения двух акторов по вопросу политики по отношению к ближневосточным странам. Если большинство европейских стран поддержало США в 1991 году, то в 2002 лишь Великобритания безоговорочно поддержала американские действия. Решение об устранении режима С.Хусейна было принято администрацией Дж.Буша-младшего практически в первые дни после его инаугурации. Довольно спорный вопрос, почему именно Ирак стал главной мишенью американской «превентивной войны», высказываются даже идеи, что

«сын решил закончить дело отца», т.е. санкции начала 90-х гг. Практически за год до начала боевых действий в Ираке США начали проводить на международной арене активную политику против Ирака, в первую очередь через ООН и ее учреждения, такие как МАГАТЭ. Благодаря усилиям США в мае 2002 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1409, где говорилось об «умных санкциях», предусматривающих усиление запрета на поставку в Ирак товаров двойного назначения, кроме того, постоянно звучали обвинения в разработке оружия массового уничтожения и призывы допустить на свою территорию международных инспекторов под эгидой МАГАТЭ. После решения Багдада в августе 2002 года безоговорочно согласиться на возвращение международных инспекторов и согласие активно сотрудничать с ООН фактически улучшилось отношение к правительству Ирака европейских государств, которые видели в этих действиях возможность решения кризиса исключительно политическими средствами. Однако США настаивали на принятии новой резолюции СБ ООН, которая бы включала положение об автоматическом применении вооруженной силы, если Багдад будет препятствовать работе международных инспекторов. Потребовались усилия трех постоянных членов Совета Безопасности ООН – Франции, России и Китая – чтобы это положение было исключено из американского проекта резолюции, принятой в ноябре 2002 года. Несмотря на выводы международных инспекторов, ровно за три дня до запланированного объявления результатов их работы в Ираке, где речь должна была идти об отсутствии доказательств разработки оружия массового уничтожения, США начали боевые действия против Ирака. Такая скорость начала боевых действий подтверждает тот факт, что Соединенные Штаты готовились к этой войне, несмотря на результаты инспекции и отсутствие доказательств, а это означает, что разработка ОМУ не была настоящей причиной войны, и инспекция МАГАТЭ фактически стала «разведкой перед боем».

Против американских планов активно выступили многие страны мира. Одними из главных противников начала иракской компании были Франция и Германия, призвавшие придерживаться международного права, предоставлять преимущество мирным, дипломатическим средствам урегулирования конфликта. Международное сообщество волновала не только судьба самого Ирака, а еще больше перспектива неограниченной ге-

гемонии США и дестабилизации региона. США старались, после неудачной попытки провести иракскую компанию под эгидой ООН, провести ее как операцию НАТО, но сопротивление европейских союзников свело на нет эту инициативу. Однако много причин, в частности, экономические, не позволили европейским государствам, а также России и Китаю занять единодушную позицию и не допустить, заблокировать или осудить американские действия. Фактически Ираком было пожертвовано ради сохранения стабильности мирового порядка.

Идея иракской войны крайне отрицательно воспринималась населением европейских государств, как в преддверии, так и после начала войны. Во многих столицах, в том числе и Лондоне, проходили многотысячные демонстрации. Отношение к положению на Ближнем Востоке в Европе и Америке значительно отличается. Вот лишь некоторые данные, которые приводит испанский Elcano Royal Institute on International Relations Studies. Первые расхождения касаются Ирака. Большинство европейцев твердо уверено, что им врали относительно наличия в Ираке оружия массового поражения, в то время как лишь 31% американцев уверен в этом[18]. Больше 80% европейцев считают, что иракскую войну не следовало начинать[19]. Для большинства европейцев настоящая причина войны против терроризма – это установление контроля над ближневосточной нефтью, смена мусульманских правительств и защита Израиля. Кроме того, 73% европейцев и лишь 49% американцев считают, что война в Ираке увеличила угрозу терроризма[20].

Террористические акты против стран-участниц иракской компании, отсутствие доказательств, что эта война была необходима и правомерна, ряд скандалов, связанных с «иракским досье», привели к постепенному принятию решений о выводе военных контингентов Испании, Польши, Нидерландов и др. Кроме того, эти страны так и не получили обещанных дивидендов от иракской компании, на которые надеялись.

Случай с Ираком может стать для многих европейцев зловещим признаком. Дальнейшая дестабилизация одного из наиболее кризисных регионов и дальнейшие террористические акты – вот возможные последствия, которые многие в Европе будут приписывать не столько самим преступникам, сколько – в большей мере – правительству Буша, который норовит спровоцировать террористов. Если подобное восприятие станет в будущем доминировать в европейской политике, то может про-

изойти – и вероятность этого высока, – что европейские страны сделают вывод о том, что открытое дистанционированное отношение к американской политике не только желательно, но даже необходимо[21].

В начале 2004 года США выступили с инициативой, которая получила название «Большой Ближний Восток». Она предусматривает проведение широкомасштабных политических, демократических и экономических реформ в странах ближневосточного региона, в том числе и Северной Африки, в обмен на значительную финансовую помощь Запада. США, в частности, настаивали на проведении свободных выборов, установлении демократических режимов в странах региона, экономических реформах. При этом географически план США включал не только арабские страны, а также Пакистан, Афганистан, Иран, Турцию и Израиль. Правительственная и интеллектуальная элита региона отрицательно оценила эту инициативу. План США не получил поддержки даже в Египте и Иордании – арабских странах, являющихся близкими партнерами Вашингтона. Резкой критике подверг инициативу США и генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Муса, заявив, что США стараются навязать Ближнему Востоку демократию для реализации собственных интересов в регионе. Эта идея не получила надлежащей поддержки и со стороны европейских стран. Во время саммита «Большой восьмерки», который проходил 8–10 июня 2004 года в США, вопрос реформ на Ближнем Востоке обсуждался лидерами государств, что подтверждает важность этой темы. Одобрив в целом идею проведения реформ в регионе, участники подчеркнули, что реформы – это внутреннее право самих стран. Участники встречи подчеркивали, что реформы не должны навязываться. Как заявил президент Франции Жак Ширак после обсуждения американского плана, страны Ближнего Востока и Северной Африки «не нуждаются в миссионерской демократии. Не существует формулы демократии, которую можно было бы экспортировать в другие страны. Если желаешь достичь укоренения демократии, идеалов свободы, прав человека, необходимо прежде всего уважать волю и независимость этой страны»[22].

В противоположность идее «Большого Ближнего Востока», Европейский Союз еще в 1995 году утвердил свою программу, получившую название Барселонского процесса. Начало европейско-средиземноморскому сотрудничеству было положено

на конференции министров иностранных дел, которая состоялась в ноябре 1995 года в Барселоне. Ее заключительная декларация определила долгосрочные цели сотрудничества 27 стран, среди которых средиземноморские партнеры: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Палестинская автономия, Сирия, Тунис и Турция. Эта инициатива останется в современной истории как первая попытка создать продолжительные и крепкие связи с обеих сторон Средиземноморья, инициатива, которая объединила арабские страны и Израиль, Турцию и Грецию. Целью европейско-средиземноморского сотрудничества является создание зоны мира, стабильности и экономического процветания в регионе, стратегически важном для Европы. Евро-средиземноморское сотрудничество, известное также как Барселонский процесс, базируется на трех главных задачах:

1. Создание пространства мира и стабильности, основанного на принципах демократии и уважении прав человека (сотрудничество в политической области и сфере безопасности).

2. Создание общей зоны процветания путем постепенного введения свободной торговли между ЕС и его средиземноморскими партнерами, а также между самими странами Средиземноморья (экономическое и финансовое сотрудничество).

3. Улучшение взаимоотношений между людьми в регионе и развитие гражданского общества (сотрудничество в социальной сфере, культуре и сфере общения).

Если рассматривать все три составные части как единое целое, как всеобъемлющую политику ЕС, то необходимо сделать вывод, что ни экономические, ни финансовые, ни культурные аспекты, взятые отдельно, не могут обеспечить полноценное эффективное партнерство. Двусторонний аспект Барселонского процесса предусматривал подписание соглашений об Ассоциации между ЕС и каждой из средиземноморских стран-партнеров. Такое соглашение было подписано даже с Сирией, что стало одной из причин не поддержания со стороны ЕС санкций США против этого государства.

Еще в 1995 году в сфере укрепления региональной безопасности началась подготовка предложений по принятию хартии мира и стабильности в евро-средиземноморском регионе, документов по «превентивной дипломатии», созданию Центра по вопросам средиземноморской ситуации, евро-средиземноморского колледжа развития и безопасности, другим средствам

сотрудничества в военно-политической сфере. Вместе с тем евро-средиземноморское сотрудничество столкнулось с реальными трудностями. Так, разработке Хартии мира препятствовали конфронтационные отношения между государствами-участниками (Турция-Греция, Израиль-Палестина, арабские страны – Израиль). Известный российский исследователь Н.А.Кузнечный считает, что стратегия ЕС не учла в достаточной мере роли внешнеполитических компонентов в Барселонском процессе. При разработке общерегиональных принципов безопасности и стабильности в рамках соответствующей Хартии не было уделено внимания конкретным конфликтам и конфронтации: ситуации на Ближнем Востоке, проблеме Кипра и др.[23] Хотя, если бы план удался, это могло бы означать серьезную победу политики ЕС над США на Ближнем Востоке.

Итак, делая выводы, мы можем отметить наличие определенных тенденций в ближневосточной политике Запада:

1. Политика США и ЕС в регионе идет отдельными путями, и хотя чаще всего и Брюссель, и Вашингтон имеют общую цель, пути к ней по разные стороны Атлантики существенно отличаются, более того, нередко имеют конкурентный характер.

В отличие от ЕС США открыто демонстрируют, что они против создания на Ближнем Востоке альянса не по американской инициативе. Так, возвращение Ирака к тесному сотрудничеству с арабскими странами отрицательно воспринялось неприятелями межарабской интеграции. Постепенное возобновление позиций Ирака в регионе и налаживание сотрудничества Дамаск-Багдад-Тегеран вызвало отрицательную реакцию Вашингтона. События последних лет продемонстрировали, что именно на эти три страны, которые могли стать объединяющим ядром на Ближнем Востоке, были направлены действия и заявления американского правительства. Со стороны Сирии США встретили серьезное сопротивление. Дамаск долго оставался единственным оплотом панарабизма.

Пример Европы, не поддержавшей американские санкции против Сирии и развивающей связи с Ираном, Ливией и Ливаном, демонстрирует, что сотрудничество между странами Ближнего Востока и Запада будет продолжаться, поскольку экономические интересы Европы всегда будут преобладать по сравнению с несоответствием внутриполитических реалий арабских стран европейским стандартам. Впрочем, здесь следует отметить, что несмотря на зачастую сильно отличное отношение к

сотрудничеству с «проблемными» странами Ближнего Востока, в случае решения стратегически важных вопросов США и ЕС демонстрируют принципиальную солидарность, что заметно на примерах иранского и ливанского кризисов.

2. Одной из очевидных проблем американо-европейского диалога по Ближнему Востоку является вопрос военных возможностей. В регионе, где все большее значение играют вопросы безопасности, военная некомпетентность Европы привела к дипломатическому бессилию, которое подрывает доверие к ней и ее способности играть на Ближнем Востоке ту роль, к которой она стремится. Дефицит военных возможностей Европы вызывает в Соединенных Штатах сомнение в том, является ли ЕС надежным партнером и может ли, если будет необходимость, употребить свой вес. Это подрывает также способность Европы направить усилия по достижению мира на Ближнем Востоке в такое русло, где ее более влиятельные «активы» могли бы сыграть конструктивную роль. Сейчас ЕС возлагает свои надежды на инициативу Общей внешней политики и политики безопасности, однако представляется маловероятным, что ее результатом станет сильная военная роль Европы на Ближнем Востоке.

3. Важным аргументом против активизации участия ЕС была до сих пор ссылка на большие расхождения в основных предпосылках американской и европейской ближневосточной политики. Так, в оперативной внешней политике США все еще доминирует традиционная, военно-политическая концепция безопасности, в то время как Европейский Союз ориентируется на более широкое понятие безопасности, в котором военная безопасность не ставится больше во главу угла[24]. Вашингтону тяжело дается осознание значения «мягких» тем, таких как борьба за природные ресурсы, например, воду, экономическое развитие и интеграция или социальная справедливость. В таких вопросах значительную роль играет Европейский Союз с его финансовой и экономической мощью. Подписывая соглашения о торговле и ассоциации, создавая региональные объединения, такие как Барселонский процесс, он вносит важный вклад в долгосрочную политическую и экономическую стабильность всего региона. Это относится и к важной финансовой помощи, которую предоставляет ЕС Палестинской автономии.

Исторические, культурные, экономические и политические связи между Европой и государствами Ближнего Востока могут

ускорить необходимые политические и хозяйственные реформы. Много государств региона находятся в сильной зависимости от иностранных инвестиций, от экономических и политических займов; чтобы привлечь потоки иностранного капитала, они готовы согласовывать процессы урегулирования. Настойчивость инвесторов в отношении ненасильственного урегулирования конфликта, действующих судов, политической прозрачности и вытеснении бюрократии могла бы оказывать содействие началу настоящих реформ[25].

4. Приоритеты Европы и Америки в сфере внешней политики чрезвычайно различаются, и эти расхождения все увеличиваются, ложась трудным бременем на трансатлантические отношения. В то время как некоторые из этих отягчающих моментов имеют предметный характер (противоракетная оборона, изменения климата, Ирак и т.п.), многое тем не менее свидетельствует, что глубочайшие расхождения – во взглядах на природу международной политики как таковой. Правительство Буша отличается гегемониальным взглядом на мир, а для большинства европейцев, напротив, характерен глобалистский подход.

Америка стремится к меньшим ограничениям, чтобы иметь возможность быстрее реагировать на опасность, которую видит. Европа хочет, чтобы Вашингтон больше делал для признания возможности конкуренции со стороны европейских интересов и для удовлетворения этих законных требований. Способность Вашингтона и Европы признать легитимные расхождения и найти пути для их баланса будет определять будущее атлантического альянса.

Принципы, объединившие США и Европу после 11 сентября – вера в демократию, правовое государство, политическую ответственность и причастность, – являются именно теми принципами, которые обе стороны хотели бы видеть в качестве основных для более стабильного ближневосточного региона. Проблема заключается в том, чтобы сформулировать политику, которая оказывала бы содействие этим общим идеалам и одновременно учитывала бы соответствующие интересы, идеологии и возможности обеих сторон. До сих пор США и ЕС боялись этого вызова, согласившись на контрпродуктивное разделение труда на Ближнем Востоке, при котором США сосредотачиваются на проблемах безопасности, а Европа отвечает за экономические и социальные вопросы. Настоящее соглашение оказалось несостоятельным при попытке оказывать содействие установ-

лению мира на Ближнем Востоке и решении кризисных ситуаций, ведь в конце XX в., вопросы экономики и безопасности стали слишком переплетены, а интересы европейских стран и США не стали ограничиваться лишь одной сферой.

[1] Джозеф Н. Йекли. Координация политики на Ближнем Востоке. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2002-11/article10.html

[2] Юрченко В.П. Военно-политическая составляющая отношений государств Ближнего Востока и Северной Африки с США и Западной Европой // Современный исламский восток и страны Запада. – М., 2004, с. 49–62.

[3] Шмидт К. Миротворцы второго сорта? Роль европейцев на Ближнем Востоке. // Международная политика. Выпуск 8, август 2001. http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2001-08/article10.html

[4] Полсен Т. Сложные отношения. // Международная политика. Выпуск 7, июль 1999. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1999-07/article03.html

[5] http://www.obozrevatel.com/news/2005/5/1/10621.htm

[6] Поклен Т. Сложные отношения. // Международная политика. Выпуск 7, июль 1999. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1999-07/article03.html

[7] Шмидт К. Миротворцы второго сорта? Роль европейцев на Ближнем Востоке. // Международная политика. Выпуск 8, август 2001. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2001-08/article10.html

[8] EU Official: EU differs with US on Iran ties – http://www.payvand.com/news/02/jul/1045.html

[9] Тимербаев Р. Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2004, № 1, с. 79.

[10] Schake K., Yape S.J. The Strategic Implications of a Nuclear-Armed Iran // McNair Paper. – 2001, № 64, с. 61–62.

[11] Byman D., Pollack K., Rose G. The Rollback Fantasy // Foreign Affairs. – Jan/Feb. 1999. Vol. 78, № 1, с. 25.

[12] National Security Strategy of the United States. September 2002 // http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.htm

[13] Коргун В.Г. США и Иран: конфликт вокруг иранской ядерной программы. www.iimes.ru/rus/stst/2005/25_02_05.htm

[14] Milani A. U.S. Foreign Policy and the Future of Democracy in Iran // The Washington Quarterly. – 2005. Vol. 28, № 3, с. 48.

[15] http://www.irna.ir/ru/news/view/line-64/0508242414124120.htm

[16] Ядерный Иран: нефть или уран? http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/september/oiluran.htm

[17] Консенсус против Ирана провалился – http://www.iranatom.ru/news/iri/year05/september/fail.htm

[18] Pew Research Center // Trends. – 2005, с. 110.

[19] Там же, с. 112.

[20] Espinosa E.L. A difference that makes a difference? The US and Europe on values and culture // Working Paper. 2005, № 16, с. 112.

[21] Даальдер И., Линдсей М. Развод или новое начало. http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-03/article03.html

[22] ИТАР-ТАСС, 09.06.2004.

[23] Ковальский Н.А. Средиземноморская политика Европейского Союза: эволюция и перспективы. Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kovalsky.html

[24] Полсен Т. Сложные отношения. // Международная политика. Выпуск 7, июль 1999. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1999-07/article03.html

[25] Йекли Д.Н. Координация политики на ближнем востоке. – http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2002-11/article10.html

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. **"**Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

161. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

2006 г.

162. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

163. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

164. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)

17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**

In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays).

100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis".

124. Analytical records. "Terrorism".

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".

130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".

132. Analytical records. "Problems of the Middle East".

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".

137. Analytical records. "Iran".

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein.**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century"

158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)

160. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.M.Mokhova**

161. "“Leftists” in the Middle East: Libyan experience" by **A.V.Rjasov**

2006 г.

162. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

163. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

164. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Подписано в печать 23.04.2006 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 30,75 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 98

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»